

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
Минский государственный лингвистический университет

А. В. Сытько

Деонтическое высказывание:
семантические характеристики
и прагматический потенциал
(на материале русского и немецкого языков)

Минск 2023
МГЛУ

УДК 811.112.2'37
ББК 81.432.4–32
С95

Рекомендована Редакционным советом Минского государственного лингвистического университета. Протокол № 2(68) от 27.04.2023 г.

Рецензенты: доктор филологических наук, доцент *И. А. Гусейнова* (ФГБОУ ВО МГЛУ); доктор филологических наук, профессор *З. А. Харитончик* (МГЛУ)

Сытько, А. В.

С95 Деонтическое высказывание : семантические характеристики и прагматический потенциал (на материале русского и немецкого языков) / А. В. Сытько. – Минск : МГЛУ, 2023. – 248 с.

ISBN 978-985-28-0214-7

В монографии рассматриваются структурные, семантические и прагматические характеристики деонтического высказывания на материале русского и немецкого языков. Показывается взаимодействие деонтической модальности с такими модальными установками, как аксиология, алетика, волитивность и эпистемика. Устанавливаются факторы формирования различных коммуникативных смыслов, реализуемых деонтическим высказыванием. Описывается многообразие языкового воплощения структурных компонентов деонтической конструкции, определяется их роль в формировании семантических и иллокутивных характеристик деонтического высказывания.

Адресовано преподавателям, научным руководителям, аспирантам широкого гуманитарного профиля, интересующимся проблемами семантики и прагматики.

УДК 811.112.2'37
ББК 81.432.4–32

ISBN 978-985-28-0214-7

© УО «Минский государственный
лингвистический университет», 2023

ВВЕДЕНИЕ

Человек есть **долженствование**, а не бытие.
Н. А. Бердяев. О назначении человека

Язык представляет собой инструмент для осуществления определенных целей – как в сфере познания действительности и ее описания, так и в актах коммуникативного взаимодействия.

Окружающий мир репрезентирован в сознании человека множеством категорий, которые составляют определенные рубрики опыта освоения этого мира и различного взаимодействия с ним [Болдырев 2011]. Как отмечает С. Д. Кацнельсон, категории знаменуют «стратиграфию мира» и «только овладев категориями, можно понять мир и присущие ему отношения» [Кацнельсон 2001, с. 450].

«Центральным организующим принципом в языке», непосредственно отражающим антропоцентрический и функциональный характер языка, выступает категория модальности [Stubbs 1986, р. 2], «позволяющая человеку видеть мир и осмыслять его в различных ипостасях и проявлениях» [Кубрякова 2004, с. 17].

Традиционно к категории языковой модальности относят различного рода выражения отношения, которые могут быть сгруппированы вокруг семантических центров, образующих семейство родственных понятий и дифференцирующих основные виды модальности: алетическую, эпистемическую, аксиологическую и деонтическую, соответственно имеющих отношение к возможностям субъекта, ценностям, знаниям субъекта и области долга, обязанности и морали.

Современная, «гуманизированная» лингвистика, в центре внимания которой стоит человек, действующий, регулирующий и понимающий, активно интересуется модальными категориями, социально значимыми и социально обусловленными. Одной из базовых модальностей выступает *деонтическая* модальность, или модальность *долженствования*.

Долженствование выполняет исключительно важную функцию в жизни людей и является необходимым условием нормального функционирования и развития общественного целого. В отличие от правил существования, которые выражают причинную связь явлений, правила *долженствования* определяют соответствие определенным стандартам, ожиданиям говорящего и социальной группы, пронизывая всю сложную иерархию человеческой деятельности сверху донизу. Любое действие человека (за исключением естественных действий, не отличающихся от тех, которые совершают животные) «предполагает наличие цели, человек представляет ее наперед, и его действия оцениваются по тому, насколько они ведут к этой цели» [Агацци 1989, с. 26].

Деонтика позволяет субъекту упорядочивать реальность вокруг себя. Данное модальное отношение «формируется под влиянием стремления организма к самосохранению» [Руднев 2007, с. 350–351], поскольку, формулируя

законы и устанавливая разнообразные правила о том, каким должен быть сам субъект и этот мир, индивид стремится достичь определенности, равновесия и согласованности между собой и окружающим миром.

Признание важности долженствования в человеческом бытии требует изучения этого феномена в разных областях знания, в том числе и в лингвистике.

Как «квалификация состояний дел» модальность в целом и деонтическая модальность в частности остается одной из основных проблемных областей в лингвистической семантике [Nuyts 2005, p. 6]. Природа деонтической модальности – предмет постоянной лингвистической полемики в работах исследователей различных школ и направлений с 70-х гг. XX в. Она гораздо менее описана, чем ее, по выражению Дж. Найтса, «более популярная сестра» – категория эпистемической модальности. Так, Дж. Найтс отмечает: в англоязычном научном дискурсе фактически нет лингвистической литературы, посвященной именно деонтической модальности, а все, что написано о ней, почти всегда исключительно «побочный продукт» в контексте исследований формальной категории модальных вспомогательных глаголов [Nuyts et al. 2010, p. 16].

Взгляды исследователей расходятся по таким ключевым вопросам деонтической модальности, как ее объем и внутренняя структура, соотношение с другими категориями. Разногласия в понимании семантического наполнения деонтической модальности отражаются в понятиях, которые используются для ее именования. В англоязычной литературе существует единственный термин *deontic* ‘деонтическая’, а в ряду ее значений выделяются *обязательства и разрешения* (obligation, permission), а также *необходимость* (necessity, needs) (Й. ван дер Аувера, Дж. Байби, Ф. Кифер, Дж. Лайонс, У. Паглиука, Ф. Палмер, Р. Перкинс, М. Халлидей, К. Хенгевельд). В русско-язычной лингвистической традиции при описании данного вида модальности используются термины: *деонтическая* (нормоустанавливающая), *предписывающая*, *нормативная*, а также модальность *долженствования*, модальность *необходимости*. При этом в результате формального подхода к семантическому объему деонтической модальности (от средств к семантике) долженствование рассматривают или как гипероним к понятиям «долг, обязанность, объективная необходимость, вынужденность, принуждение» [Шведова 1974; Булыгина 1991; Апресян 1995, с. 21; Булыгина 1997, с. 233], или как гипоним по отношению к гиперониму «объективная необходимость», частным проявлением которой выступает деонтическое значение ([Ваулина 1988; Цейтлин 1990; Кобозева, Лауфер 1991; Шаутновский 1996] и многие др.).

Наиболее очевидным выражением деонтического отношения выступают *деонтические высказывания*, которые в конструктивно-синтаксическом плане представляют собой модальные модификации ядерных синтаксических структур, описывающих динамические ситуации [Адамец 1973, с. 68–85; Золотова 1973; Шведова 1974], и включают в себя следующие обязательные структурно-семантические компоненты: деонтический предикат, деонтический субъект, смысловой глагол.

Речевая практика заставляет лингвистов искать ответы на вопросы о том, как взаимодействуют основные модальные категории в рамках деонтического высказывания и каков семантико-прагматический эффект этих взаимоотношений, какую роль выполняют структурно-семантические компоненты деонтического высказывания в формировании различных деонтических смыслов, каков механизм образования этих смыслов при использовании одной и той же языковой конструкции для достижения многообразных целей, возникающих в ходе коммуникативного взаимодействия.

Признание главенствующей роли значения (см. о роли значения [Кубрякова 1995, с. 206–227]) ведет к тому, что исследование такого сложного лингвистического феномена, как деонтическое высказывание ориентировано на анализ его семантики и прагматики.

О семантике деонтического высказывания лингвисты рассуждают с точки зрения различных подходов к анализу исключительно деонтического предиката, или деонтического оператора, который модифицирует высказывание из реального в модальное (*он пишет – ему нужно писать*). Логический, или логико-семантический, подход ограничивается анализом высказываний с точки зрения операторов «обязательно», «разрешено», «запрещено», которые выражают то или иное свойство действия в соответствии с некой применяемой в данной ситуации нормой (см. [Ивин 1970; Вригт 1986; Weidner 1986, p. 27]. Структурно-грамматическое рассмотрение учитывает взаимодействие грамматических характеристик деонтического предиката и смыслового инфинитива в формировании семантики деонтического высказывания, а именно темпоральных и видовых (аспектуальных) особенностей, а также семантические возможности экспликации деонтического субъекта или его элиминации в контексте и т.п. (см. [Бондарко 1978; Kotin 2008; Leiss 2008; Падучева 2013, с. 214–218]). Семантический подход, отталкиваясь от системы употреблений деонтических маркеров, выявляет частные деонтические значения, а также описывает семантическую структуру модального высказывания (см. [Perkins 1983; Туровская 1990; Цейтлин 1990; Кобозева, Лауфер 1991; Шатуновский 1996; Булыгина 1997; Лауфер 2007] и др.). Функциональный подход демонстрирует употребление экспликаторов необходимости в соответствии с соблюдением правил речевого поведения в различных речевых жанрах (см. [Шмелева 1988; Формановская 2002]).

Логический, структурно-грамматический, семантический подходы к исследованию деонтической модальности вполне традиционны. Что касается прагматического подхода, то здесь вопрос описания значения деонтического высказывания решен не до конца. Лингвисты отмечают – модальные предикаты репрезентируют «определенные статичные аспекты коммуникативной ситуации, указывая на действие/состояние, которое должно стать результатом речевого акта» [Diewald 1999, S. 36], они «принадлежат языку и входят в инвентарь языковых средств обозначения побуждения» [Корди 1990, с. 175]. Иными словами, прагматическое значение модальной струк-

туры опирается на семантику деонтического маркера и оценивается исследователями исключительно как выражение директивности (см. [Palmer 1979; Немец 1989; Беляева 1992, с. 77; Ваулина 1993, 2018; Труфанова 2001] и др.).

Можно констатировать: несмотря на разносторонность подходов к исследованию деонтического высказывания ведущая роль в формировании значения приписывается исключительно модальному предикату, который фиксирует деонтическое отношение. Однако конкретные высказывания существуют не для того, чтобы выразить ту или иную модальную категорию, а направлены на передачу речевого смысла. В свою очередь деонтический предикат образует теснейшие связи с другими компонентами модального высказывания, в результате формируя с ними общее семантико-прагматическое целое, поскольку ни одна единица в высказывании не функционирует в отрыве от других единиц.

Исследование языка – не только его внутренних отношений и закономерностей, но и его живого функционирования в коммуникации – требует от лингвистики объяснения значащей стороны всех языковых единиц, формирующих конкретное высказывание, наполненное определенным смыслом. Выражение смыслов регулируется определенными константами высказывания, выступающими в тех или иных вариантах. Наряду с деонтическим предикатом в формировании семантики деонтического высказывания активно участвуют иные компоненты (деонтический субъект, смысловой инфинитив, факультативные компоненты), которые позволяют говорящему представить конкретную модальную ситуацию, конкретные смыслы высказывания, что, однако, и сегодня остается за пределами лингвистических исследований. Семантическое разнообразие компонентов деонтического высказывания диктует необходимость учитывать их специфику и их «инвестиции» в семантику и прагматику высказывания. Комплексный подход к исследованию деонтического высказывания позволит выявить различные его семантические свойства и набор его прагматических значений, которые реализуются в коммуникативном пространстве, что соответствует запросам современной лингвистической парадигмы в ее поиске ответов на вопрос, как и какие смыслы формируются модальным высказыванием, что и обуславливает *актуальность* исследования.

Плодотворным представляется понимание деонтики как категории, объединяющей различные содержательные характеристики высказывания и участвующей в формировании его интегративного коммуникативно-прагматического компонента. Деонтическое высказывание правомерно рассматривать в деятельностной парадигме языкознания в ее узком понимании, а именно с позиции теории речевых актов, представляющих собой частный случай межличностного взаимодействия. Как отмечает В. З. Демьянков, в данной теории наилучшим образом реализованы «права человека» [Демьянков 1995, с. 286], которые необходимо учитывать, если речь идет об антропоцентрически и функционально ориентированном исследовании модальной

категории. Следовательно, рассмотрение пропозиционального содержания деонтического высказывания в единстве с интенцией, которую реализует говорящий с его помощью, представляется актуальным.

Фундаментальные, базовые модальные категории, такие как деонтика, универсальны для всех естественных языков, поскольку их «основания коренятся во внеязыковой действительности, отражаемой в сознании и мышлении людей», т.е. они уходят корнями в общие закономерности отражения объективной действительности в человеческом сознании [Бондарко 2011, с. 31]. Тем не менее естественно предположить, что бытование категории долженствования в высказывании на разных языках, которые обладают своим инвентарем средств формального выражения деонтического значения, может повлечь определенные семантические и прагматические особенности высказывания. Этим фактом обусловлено обращение к двум разнотурным языкам – русскому и немецкому, в которых рядом системно-языковых факторов определяет план выражения деонтических высказываний.

Исследование модальных высказываний ставит перед лингвистом сложный выбор эмпирической основы. Наиболее ценным источником данных, обеспечивающим достоверную информацию об актуальном и реальном использовании того или иного языкового выражения, являются корпуса национальных языков – благодаря репрезентативности и сбалансированности языкового материала. Широкий спектр текстов разных функциональных стилей и жанров, представленный в корпусах, дает возможность получить образцы языкового и речевого узуса и глубже взглянуть на многие языковые проблемы, в частности на проблемы семантики и прагматики. Материалом для исследования послужили контексты из корпусов¹ национальных языков: Национального корпуса русского языка и справочного (охватывающий материал 1900–2010 гг.) подкорпуса в цифровом словаре немецкого языка

¹ НКРЯ Национальный корпус русского языка. Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru>.

DWDS – Das Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache des 20. Jahrhunderts. [Online]. [Electronic resources]. Режим доступа: <http://www.dwds.de>.

В примерах везде сохранена пунктуация, указанная в корпусах.

ГЛАВА 1. ДЕОНТИЧЕСКАЯ МОДАЛЬНОСТЬ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

1.1. Логико-философская интерпретация деонтической модальности

Исследование семантических характеристик деонтического высказывания требует обращения к феномену деонтики в философии и логике, поскольку проблемы любого вида модальности первично претерпевают логико-философскую разработку.

Отправной точкой для рассмотрения модальности в философской традиции является трихотомия значений *действительности* (*существование*) – *возможности* – *необходимости*. Еще Аристотель пишет, что всякое суждение есть или суждение о том, что присуще, или о том, что возможно присуще, или о том, что необходимо присуще [Аристотель, 1976, с. 155, 162, 247]. Согласно Канту, «понятие действительного есть более фундаментальное понятие, чем возможное, которое есть мысленная перекомбинация существующего» [Садовский 1980, с. 26]. Разрабатывая данную трихотомию, И. Кант отмечает, что «при всяком сочетании субъекта с предикатом остается вопрос: представляется ли это сочетание как только возможное, или как действительно существующее или, наконец, как необходимое. Другими словами, означает ли связка (*copula*) данного суждения, что А может быть В, или же что А есть В, или же что А должно быть В, чему соответствуют три категории модальности: Возможность, Действительность, или существование, и Необходимость» [ЭС, с. 325]. Таким образом, важные проблемы бытия основаны на соотношении возможного и необходимого. Именно поэтому ядерные значения любой концепции модальности базируются на философских понятиях *возможность* и *необходимость*, которые метафизически отражают природу вещей. Со времен Демокрита основой всего в мире считается *необходимость*, являющаяся объективным свойством вещей: все в мире подчиняется необходимости, поскольку все имеет причину, из которой следствие вытекает с необходимостью.

Философы утверждают, что необходимость и возможность как диалектически связанные, взаимодействующие противоположности представляют собой звенья одной цепи, определяясь друг через друга и через отрицание. Необходимость одной вещи есть одновременно возможность, по крайней мере для некоторой иной вещи. В свою очередь основой возникновения и существования возможности является ее соответствие какой-либо необходимости. Любая возможность выступает как особая, специфическая форма проявления необходимости: она обусловлена и порождена определенными необходимостями.

Базовой модальностью, на основании которой осуществляются дальнейшие построения в логике, является алетика. В учении об алетической модальности Аристотель понимает необходимость, противопоставленную случайности, следующим образом:

1) «к числу необходимого принадлежит доказательство, так как если что-то безусловно доказано, то иначе уже не может быть; и причина этому – исходные посылки, а именно: если с тем, из чего образуется умозаключение, дело не может обстоять иначе» (следование выводов из посылок: необходимо то, что не может быть иначе);

2а) «необходимым называется то, без чего, как соответствующей причины, нельзя жить» (например, дыхание и пища необходимы для животного);

2б) «то, без чего благо не может существовать или возникнуть, а зло нельзя устранить или от него освободиться» (например, выпить лекарство необходимо, чтобы выздороветь);

3) то, что является принуждением и насилием (принуждающая сила, которой невозможно сопротивляться) [Аристотель 2002, с. 151–154].

Аристотель не вводит понятие «деонтика» и не выделяет деонтическое значение как отдельное и самостоятельное, однако в его учении уже содержится информация о существовании практических суждений о необходимости, цель которых – направлять и контролировать действия людей [Кислов 1999].

Деонтика как термин получает свое рождение в модальной логике. На основе принципов аристотелевской силлогистики Г. В. Лейбниц формулирует основные законы алетической и деонтической модальной логики, которая представляет собой логическую теорию модальных операторов, применяемых к высказываниям или предикатам. Исходя из семантических соображений, философ обнаруживает: логические отношения между алетическими операторами совпадают с соответствующими отношениями между деонтическими (от греч. *deon* – долг, правильность) операторами: *необходимо/обязательно, возможно/разрешено, невозможно/запрещено*. Между самими деонтическими операторами «обязательно», «разрешено» и «запрещено» логические отношения базируются на взаимоопределимости. Деонтические понятия Г. В. Лейбниц определяет через алетические посредством «логической» константы нравственно идеального человека, или «доброго человека», а именно: того, кто строго выполняет все приказы, любит всех ближних, или благосклонно ведет себя по отношению к ним, тот, кто служит всем и не вредит никому. При этом деонтическую модальность он называет юридической, поскольку понятия «добро», «добрый человек» и «нравственный человек» в теории естественного права, приверженцем которых является Г. В. Лейбниц, считаются юридическими, а не моральными. Позднее, например у А. Р. Андерсона, в роли «логической» константы выступает «санкция»: действие запрещено, когда невоздержание от него влечет наказание [Ивин 1997, с. 81; Лобовиков 2007, с. 50; Глинчикова 2014].

Данные корреляции между модальными операторами стали возможны благодаря концепции «возможных миров» Г. В. Лейбница. Возможные миры, как отмечает Ф. Кифер, это своего рода «*notion of background*», а понятия

необходимости и возможности могут быть реконструированы в терминах логического следования и логической совместимости [Kiefer 1987, с. 71]. В случае деонтической модальности набор доступных возможных миров – набор всех миров, в которых каждый действует в соответствии с определенной системой норм. Внешнее, объективное условие, или норма, ограничивает доступные миры подходящим(-ими), реализуя деонтическую силу, которая имеет характер либо *возможности* (разрешения), либо *необходимости*. А. Кратцер поясняет, что конкретная для данных обстоятельств сила, релевантная по крайней мере для одного мира, есть возможность, а универсальная сила, подходящая для всех миров, – необходимость [Kratzer 1981]. В качестве условий, ограничивающих круг «возможных миров», в модальной логике рассматриваются налагающие обязательство *нормативные системы* [Ивин 1997, с. 80].

В системах современной интенциональной логики возможность и необходимость противопоставляются в рамках истинности пропозиции в одном из возможных миров: необходимость *P* определяется как истинность *P* во всех возможных мирах (имеется в виду какая-то нормативная система, налагающая *обязанность*, которая раскрывается как разновидность *необходимости*), возможность *P* определяется как истинность *P* в некоторых (равно, по крайней мере, в одном) (см. [Хинтиikka 1996; Лайонз 2003, с. 345; Фишер 2005]). По утверждению Я. Хинтиikka, «в этом случае сама действительность такова, что допускает или не допускает различные варианты, «направления» развития событий» [Хинтиikka 1980, с. 74].

Наиболее полную разработку деонтики получила в 50-х годах XX века в рамках деонтической логики, или логики норм. Со времени создания первой деонтической системы Г. Х. фон Вригтом деонтическая логика обращается к *нормам*, исследует действия в условиях норм, анализирует структуру нормативных высказываний и определяет способы оперирования ими. При этом Г. Х. фон Вригт в своих работах, где описываются основоположения модальной логики В. Г. Лейбница, не упоминает о константе «доброго человека», поскольку в XX веке господствует юридический позитивизм, отрицающий естественное право. Соответственно такие понятия, как «добро», «добрый человек» и «нравственный человек» являются не юридическими, а моральными (см. [Вригт 1986]).

Переход от существующего к должному делает очевидным, что «за кадром» практического рассуждения о действии *P* стоит регулирующая его система деонтических норм [Юм 1966, с. 618], т.е. знание того, что дозволено, запрещено или предписано. Модальная логика определяет деонтическую модальность как нормативную оценку поведения человека [Кларр 1981, р. 397], как характеристику практического действия *P* с точки зрения определенной системы норм [Ивин 1997, с. 80].

В философии и логике норма выражает то, что существует или должно существовать во всех без исключения случаях. Ее главная цель – быть ясным и точным проводником для действия *P*, указывая, что обязательно, запрещено или разрешено. Норма есть наделенное особым модальным статусом положение дел или действие. Центральным аспектом нормы выступает «некая ситуация или влекущее ее действие, которому приписывается объективный характер по отношению к субъекту нормы, которому она адресована и который призван ее реализовать» [Лисанюк, Ковалевич 2015, с. 127]. Выделяются нормы более близкие к собственно оценкам (целевые нормы, нормы «правила идеала», «моральные правила») и собственно нормы (гипотетические нормы, нормы долга, нормы права) [Ивин 1984]. Основными формами выражения норм считаются правила логики, грамматики, этики и т.п., предписания (законы, приказы, распоряжения и т. д.) и технические нормы [Левин 2001].

Таким образом, необходимость является логической, физической (онтологической, каузативной) или деонтической (нормативной). Логически необходимо все, что вытекает из законов логики или реально существует, это то, чего не может не быть. Онтологически необходимо то, что следует из законов природы. Нормативно необходимо то, что вытекает из законов или норм, действующих в обществе. Деонтическая модальность является указанием на статус ситуации, где отправной точкой выступает система норм и правил. Областью проявления деонтики является установление правил построения умозаключений с использованием морали, права и иных нормативно регулируемых областей социального взаимодействия.

1.2. Рассмотрение деонтической модальности в лингвистике

Оппозиция концептуальных понятий философии и модальной логики – возможности и необходимости – составляет основу лингвистического понимания модальности в целом и деонтической модальности в частности.

Возможность и необходимость – своего рода металингвистические понятия, которые связаны с определенными свойствами утверждений. Лингвисты, переняв из логики данные понятия и ряд методов их семантического анализа, адаптировали их к условиям естественных языков и человеческой речи.

Согласно философской трихотомии, «действительно» имеющее место в реальности (настоящей, прошлой или будущей) положение дел противопоставляется положению дел, возможному или необходимому по отношению к действительности в определенный момент времени, т.е. положения дел, представляемые как возможные и необходимые, не имеют места в действительности, поэтому в лингвистической интерпретации речь идет о семантической оппозиции «реальность/ирреальность», предполагающей «включение либо исключение действительного мира из процесса семантического порождения (и интерпретации) высказывания» [Зеленщиков 1997, с. 78].

Модальные значения возможности и необходимости относятся к сфере ирреальности. Эти типы модальности рассматриваются в рамках общей семантики потенциальности, поскольку они проявляются в возможности/необходимости перехода нефактического действия/состояния в фактическое. При этом, как отмечают исследователи, в ситуации возможности допустимо в равной степени как осуществление, так и неосуществление этого перехода, а в ситуации необходимости требуется обязательное превращение потенциального в актуальное (подробнее см. [Бондарко 1990, с. 60–61; Беляева, Цейтлин 1990, с. 123]). В формальной семантике возможность/необходимость взаимоопределимы и коррелируют со средствами их формального выражения [Bybee, Perkins, Pagliuca 1994, p. 177; Лайонз 2003, с. 350].

Номенклатура и трактовка модальных значений возможности и необходимости значительно варьируются у разных авторов. Основное отличие состоит в точке отсчета: либо основные типы модальных отношений членятся на семантические зоны возможности и необходимости, либо, наоборот, возможность и необходимость рассматриваются в рамках семантической дихотомии «неэпистемическое – эпистемическое».

На основе основных типов модальных отношений, каждый из которых разбивается на возможность и необходимость, с позиции логико-понятийного подхода выделяется модальная триада значений: алетическая, деонтическая, эпистемическая модальность (см. рис. 1.1) [Ломтев 1972; Золотова 1973; Панфилов 1977; Бондаренко 1979; Palmer 1979, 1984]. Базой для подобной классификации выступает типология Г. фон Вригта, который показывает: «модальности образуют семейство родственных понятий, которое, кроме традиционных (алетических) включает также модальности деонтические (характеристики действий и поступков людей в обществе) и эпистемические (характеристика знаний)» [Вригт 1986, с. 30].

Рис. 1.1 Логико-понятийная классификация модальных значений в лингвистике

Дальнейшее развитие и усложнение представлений о категории модальности в логике и лингвистике приводит к ее пониманию как обширной семантической зоны с двумя основными значениями – возможности и необходимости (см. работы [Kiefer 1987, p. 84; Беляева 1990, с.131–133; Bybee, Perkins, Pagliuca 1994; Шатуновский 1996; Зеленщиков 1997, с. 2; Auwera, Plungian 1998; Palmer 2001] и др.), – в каждом из которых выделяется бинарная оппозиция неэпистемической и эпистемической модальностей (см. рис. 1.2). Фактические противопоставляются модальности *de re* (модальность о вещи) и *de dicto* (модальность о высказывании).

Рис. 1.2. Семантические зоны модальных значений возможности и необходимости

Эпистемическая установка отражает степень познанности (достоверности) объективных связей действительности с точки зрения говорящего в плане соответствия высказывания действительности. Данная модальность относится к проблемам знания и убеждения и связана, согласно Дж. Лайонзу, с отношением субъекта к суждению, с мысленными представлениями говорящего о том, как устроен настоящий мир [Lyons 1977? h/ 823; Лайонз 2003, с. 346].

Неэпистемическая модальность обусловлена онтологическими, или внешними, факторами, т.е. находящимися *вне* самого субъекта. Й. ван дер Аувера и В. Плунгян называют данную группу модальных значений «participant-external» ‘внешней по отношению к участнику’ [Auwera, Plungian 1998].

Неэпистемическая модальность, как модальность *de re* (о вещи), представляет собой особый тип связи между субъектом предметной ситуации (субъект действия) и его признаком (действием). Это значения, которые содержатся в пропозиции, и описывают ситуации, где соответствующая пропозиция истинна во всех случаях, релевантных для текущей ситуации (ср. ситуации возможных миров). Неэпистемическая возможность и необходимость оформляются как в модусной форме (*необходимо, что/чтобы он сделает P*), так и в диктумной, когда модус встраивается в пропозицию (*он должен сделать P*). Данная модальная семантика является негомогенной, в ее рамках всеми исследователями выделяется дихотомия значений: *недеонтическое – деонтическое*.

Недеонтическое значение относится к возможности и необходимости, которые заданы исключительно внешними обстоятельствами *несоциального* характера, или объективными характеристиками реального мира (законы природы и мироздания, в том числе физические и психические свойства либо способности, умения и навыки субъекта) [Palmer 1984; Беляева 1990, с. 131–133; Цейтлин 1990, с. 141; Auwera, Plungian 1998; Арутюнова 1987, с. 7; Булыгина, Шмелев 1997, с. 223]. Говоря об одном и том же модальном

содержании, исследователи используют разные наименования для обозначения недеонтической модальности, как, например, ингерентная, корневая, динамическая. Так, М. Халлидей, основываясь на философской феноменологии, вводит понятие «модуляция», обозначающее изменение какого-либо параметра признака предметной ситуации, а именно: состояния, характера состояния (см. [Halliday 1970; Halliday 1976; Halliday 2004, p. 146–150]).

Деонтическая семантика, охватывающая две зоны – необходимости и возможности, – принадлежит к области значений, заданных внешними обстоятельствами *социального* характера. В отличие от законов физической и логической природы, к которым человек не имеет отношения, выводя логические правила из наблюдений и исследований, социальные условия создаются людьми, целенаправленно и осознанно формулирующими нормы поведения (служебные, юридические, социально-нравственные). Так, Дж. Лайонз характеризует деонтические высказывания как указывающие определенную модель поведения, навязывающие или предлагающие некоторый образ действий; они обусловлены социальными нормами, которые распространяются на область субъекта в силу его принадлежности к определенному социуму [Lyons 1977, p. 746, 823]. Некоторые исследователи в качестве социального условия рассматривают только нравственную приемлемость действия, подчеркивая, что истинная деонтическая модальность есть исключительно вопрос оценки «морального» статуса положения дел [Nuyts et al. 2010, p. 30–34; Nuyts 2015, p. 49]. Зависимый характер данной модальности от социальных факторов позволяет исследователям дифференцировать деонтику как абсолютно-относительное модальное значение [Шатуновский 1996, с. 187].

Отметим, что деонтике присущ некий элемент творческого участия говорящего в оценке положения дел, поскольку предписания могут быть не только социоцентрическими, но и внутренними, или персоноцентрическими, продиктованными субъективными установками по отношению к действиям (см. [Lyons 1977, p. 823; Цейтлин 1990, с. 141; Булыгина, Шмелев 1991, с. 17; Шатуновский 1996, с. 173; Золотова и др. 1998, с. 326; Лайонз 2003, с. 347; Nuyts, Byloo 2015, p. 40; Падучева 2016; Падучева 2019, с. 133, 136]). Так, Дж. Коутс, Дж. Байби, Р. Перкинс и В. Пальюка рассматривают деонтическую семантику в рамках двух групп значений: agent-oriented ‘направленная на исполнителя’ модальность, где источником необходимости/возможности действия являются внешние условия, и «speaker-oriented modality» ‘модальность с позиции говорящего’, которая не сообщает о существовании внешних условий для исполнителя, а позволяет говорящему самому навязывать такие условия для совершения действия, т.е. предписать или разрешить [Coates 1983, p. 35, 59, 92, 212; Bybee, Perkins, Pagliuca 1994, p. 177–179].

Противопоставление типов предписаний в лингвистике является схожим с пониманием абсолютного и относительного статуса нормы в логике, который установлен или безусловным образом (в случае законов обеспечения обязательности бескомпромиссно), или относительно какого-либо другого

положения дел, действия или агента (является рациональным и зависит от авторитета создателя норм) [Ивин 2005, с. 126]. Аналогичное разграничение условий возникновения модального отношения, а именно выделение безусловного обязательства и субъектного долга, существует в деонтической системе Э. Малли (см. [Лисанюк 2012]).

Таким образом, деонтика создается при активном взаимодействии субъекта с социальной средой и представляет собой отношение к действиям по изменению текущего положения дел в мире и созданию иного положения дел в мире. Деонтическая модальность, которая находится в семантической плоскости ирреальности, включает две области значений (возможности и необходимости). Диалектический подход предполагает, что противопоставленные в рамках возможности и необходимости семантики, а именно оппозиция «деонтика/недеонтика», описывают разные стороны положения дел и сосуществуют в модальном высказывании. Область ирреальности охватывает и иные значения, например волитивные, которые пересекаются в речи с деонтическими. Все указанное требует рассмотрения взаимоотношений различных модальных установок в деонтическом высказывании.

1.3. Взаимоотношение деонтики с разными типами модальности

Модальное высказывание представляет собой сложное семантическое взаимодействие основных модальных установок, а именно аксиологической, алетической и волитивной, а также эпистемической, поэтому в данном разделе будет рассмотрено, каким образом в рамках деонтического высказывания взаимосвязаны данные модальности и как взаимоотношения модальностей манифестируются в поверхностной структуре высказывания.

1.3.1. Деонтическая модальность и аксиологические смыслы

Все знают,
что *не хорошо* и *чего не должно* делать
и что *хорошо* и *должно* делать
Л. Н. Толстой. Письма

Оценка одним из компонентов значения входит в семантику любой модальности. По справедливому замечанию М.М. Бахтина, «высказывание без оценки не построишь, каждое высказывание есть прежде всего оценивающая ориентация» [Бахтин 2002, с. 303–323].

Как в логико-философских, так и в лингвистических исследованиях подчеркивается органическая связь деонтического и аксиологического значений (см. [Ивин 1970; Ивин 2016; Арутюнова 1988; Вольф 1985; Аверина 2019] и многих др.). Долженствование представляет собой модальность, как отмечает Е. М. Вольф, в которой «аксиологическая оценка составляет необходимую часть» [Вольф 2002, с. 122]. Согласно Н. Д. Арутюновой, общая

оценочная семантика с позиций целеполагающей деятельности представляет собой два плана: аксиологический и деонтологический (норма) [Арутюнова 1988, с. 9].

Причиной тесной семантической взаимосвязи аксиологической и деонтической модальности выступает ценностная основа модальных суждений. Объективный мир членится говорящими сквозь призму ценностных воззрений, чтобы соответствовать целям практической, потенциальной и реальной деятельности людей и их интересам. Именно ценностное отношение к действию позволяет достигать определенных целей субъектов социума в конкретной сфере деятельности или жизнедеятельности.

Ценность и оценка образуют единый феноменологический комплекс: ценность выступает характеристикой оцениваемого объекта, оценка – ментальной процедурой придания этому объекту определенного значения. На основе *ценностей* происходит ментальная операция оценки, т.е. объект «оценивается в плане добра и зла, пользы и вреда, красоты или безобразия, допустимого или запретного, справедливого или несправедливого и т.д.» [ФЭС 1983, с. 765]. Ценность составляет объект, предмет, процесс, ощущение и т.п., значимые для конкретного человека, социальной группы или народа (хорошее/плохое, полезное/вредное и т.п.). Как отмечает Дж. Серль, «ценности так или иначе проистекают от человека, они не лежат во внешнем мире, в противном случае они перестали бы быть ценностями и составили бы часть объективного мира» (перевод наш) [Searle 1970, p. 175]. Оценка, фиксируя принятые стереотипы и нормы, «соотнесена с долженствованием прежде всего в социальном аспекте» [Вольф 1985, с. 122]. Ценностные устремления и ориентации субъекта создают, таким образом, среду долженствования (ср. [Карасик 2000]).

Будучи положительной или отрицательной значимостью какого-либо объекта, ценность выполняет нормативную, предписательно-оценочную функцию. В ценностях отражаются аксиологические концепты, которые Г. фон Вригт распределяет в модальной логике между тремя основными категориями: 1) собственно оценка (value-concepts): хорошее и плохое, добро и зло, 2) нормативные концепты (обязанность, разрешенность, право), 3) концепты, относящиеся к действиям, поступкам: практическое рассуждение, намерение, мотив, воля, желание, цель, необходимость, потребность (см. [Wright 1963, p. 6–7]).

Человек постоянно находится в силовом поле ценностей, которые становятся ориентирами поведения и деятельности людей: система ценностей влияет на содержание норм, а все нормы отражают ценности. Так, с точки зрения этики «ценность есть содержание долженствования, материальное условие должного, а должное является формальным условием ценности» [Гартман 2002, с. 217]. Аксиологическое и деонтическое высказывание, таким образом, представляют собой ценностные суждения, которые базируются на разных ценностных концептах: оценочные – на понятиях

пользы, добра и т.п., деонтические – на понятии нормы, правила или руководящего принципа поведения людей в ситуациях определенного рода (ср. [Арутюнова 1988, с. 9]).

1.3.1.1. Соотношение аксиологического и деонтического суждений

Аксиологическая и деонтическая семантика представляются в рамках субординативных отношений: деонтика рассматривается либо как производное значение, т.е. долженствование обосновывается позитивной оценкой действия, либо, наоборот, как первичное значение, т.е. оценка действия как позитивного определяется ссылкой на норму.

Первый подход отсылает к логико-философской позиции, которая первичным считает понятие добра, а понятие нормы, или обязанности – производным от него: нормы представляют собой особый, частный случай ценностного отношения (см. [Ивин 2012, с. 205–206]). Иными словами, деонтическое суждение выводится из аксиологического, поскольку чтобы иметь возможность высказать нормативное суждение о каком-либо объекте, необходимо иметь некое оценочное представление о нем. Дж. Серль обращает внимание на то, что переход от фактического высказывания к высказыванию долженствования проходит через промежуточный этап высказывания с оценочным значением (см. [Searle 1964]), потому что нельзя вывести «должен» из «есть». Из оценочных утверждений следует логический вывод о долженствовании, при этом знак оценки ($\pm$) указывает на соответствие (+) либо несоответствие (–) норме [Вольф 2002, с. 123]: если какое-либо действие оценивается как *благо* (знак +), то так поступать *нужно, необходимо, следует*, и наоборот, все что *плохо, не следует* делать. Считать хорошим в сущности означает одобрить, поэтому Э. Гуссерль подчеркивает, что каждое нормативное суждение предполагает известного рода одобрительную оценку (признание хорошего (ценного)) [Гуссерль 2011, с. 35]. Так, рассуждая об оценке и долженствовании, М. Блэк приводит пример оценочного высказывания, из которого выводится высказывание о долженствовании: *один и единственный путь, которым можно поставить мат, это ход ферзем* $\rightarrow$ *ваш лучший ход – ход ферзем* $\rightarrow$ *мы выбираем лучшее – вы должны пойти ферзем* [Black 1964].

При втором подходе оценка по отношению к долженствованию рассматривается не как промежуточное суждение, а как конечное в цепочке ценностных суждений. Р. Хэар, в отличие от М. Блэка, предлагает рассматривать деонтические суждения ('я должен совершить *P*') как соединение трех суждений, включая и аксиологическое. Исходным при этом является социальная норма: «1) *P* требуется для того, чтобы привести положение дел в соответствие с общепринятой нормой (утверждение социологического факта); 2) Говорящий ощущает, что он должен поступить надлежащим образом (утверждение психологического факта); 3) Я должен поступить именно так (ценностное суждение)» (Hare, 1967, p. 167) (цит. по [Арутюнова 1988, с. 33]).

Оба подхода демонстрируют логическую взаимосвязь аксиологического и деонтического суждения.

В данном исследовании деонтическое суждение понимается как производное от оценочного. Аксиологическое суждение составляет этический **субстрат** деонтического смысла, т.е. содержание «надо» признается ценностью («хорошим»), ср.: *хорошо, когда/если старших уважают* → *старших надо уважать*. Таким образом, необходимое действие влечет позитивные последствия для адресата, для социума. Именно поэтому возможно акцентирование ценностной базы деонтического высказывания (*надо делать то Р, которое важно, полезно и т.п.*). Норма существует в виде знания, идеи или общего представления о действии *Р*, представления о том, что действие *Р* ведет к *позитивному* изменению положения дел.

Ориентация оценки на норму объясняет тот факт, что деонтические предикаты (*должно, надо, нужно/ nötig, notwendig* и т.п.) причисляют к классу аксиологических [Вольф 2002, с. 123]. При этом ценностная основа деонтического отношения включает такие понятия, как «благо», «польза», «полезность», «важность», «значимость», что обуславливает семантическую близость деонтических предикатов с такими оценочными предикатами, как *полезно/nützlich, выгодно/vorteilhaft, существенно/wesentlich, важно/wichtig* и т.п., которые, однако, не являются семантическими компонентами деонтического высказывания и не входят в структуру деонтического значения.

Аксиологические предикаты не ограничиваются ядерными *хорошо/плохо*, к ним относятся также предикаты *правильно/верно, richtig*, синонимичные деонтическим лексемам (ср. [Падучева 2019, с. 137–139]). В словаре *правильный/верный* дефинируется как ‘такой, как нужно, соответствующий действительным потребностям, приводящий к нужным результатам’ [Ушаков 2017]. Н. Д. Арутюнова в вопросе, каковы семантические различия в нормативных суждениях между предикатами *хорошо* и *правильно (должно)*, отсылает к рассуждениям Г. Сиджиука, который сравнивает употребление *right* и *ought to* – с одной стороны, и *good* и *goodness* – с другой. Основное отличие в значениях этих двух предикатов связано с тем, что употребление *right* и *ought to* сопряжено с диктатом разума, предписывающим как безусловные, так и целенаправленные действия. Целеустремленное действие обычно квалифицируется как *правильное/неправильное*, а поступок есть реализованный акт свободной воли и оценивается как *хороший/дурной*. Понятие правильности предполагает единственность (например, правописание слова, пресуппозиция непреложности нравственных правил). В свою очередь хорошее всегда вариативно: когда говорят о хорошем поведении или поступке, то импликация единственности («избранности») отсутствует [Арутюнова 1988, с. 31–33].

Презумптивность позитивной оценки позволяет в контекстах употребления деонтического высказывания имплицировать аксиологическое суждение: *указание на положение дел, требующее изменений* → [действие *Р* ведет к позитивному эффекту, т.е. действие *Р* хорошо] → [и/поэтому надо делать *Р*, например:

(1) *С призывом в армию связано сегодня много проблем, и нам надо перестроить работу военных кафедр таким образом, чтобы готовить для армии нужных ей специалистов* (Эффект ротации // Поиск, 9 дек. 2003).

Взаимосвязь деонтики и аксиологии характеризуется двойственной природой. Представляется возможным выделить два уровня оценочных суждений: базовое и контекстно-обусловленное (ситуативное), иными словами, суждение первого и второго порядка.

Аксиологическое **суждение первого порядка** является внеситуативным и базируется на позитивной презумпции действия *P*, которая детерминирует формулировку нормы: *чистота/порядок – это хорошо, поэтому надо убирать; хорошо, когда говорят правду, поэтому надо говорить правду*.

Нормативное суждение реализуется в виде деонтического высказывания в конкретной ситуации: *посмотри, как грязно, надо убирать*, становясь в свою очередь фундаментом для **оценочного суждения второго порядка**, которое носит ситуативный характер. Возникающее на базе деонтического высказывания оценочное суждение при условии согласия с нормой является позитивным (*да, согласен (хорошо), я уберу*). В случае несогласия с нормой (*несогласен, что надо убирать*) либо невозможности ее осуществления (*надо убирать, но не могу*) деонтическое высказывание участвует в порождении негативной оценки.

1.3.1.2. Негативно-оценочные смыслы, формируемые деонтическим высказыванием

Исследователи акцентируют внимание именно на позитивно-оценочных характеристиках деонтического суждения. И это справедливо, поскольку у деонтического высказывания отсутствует негативная презумпция. Речевая практика, однако, свидетельствует о том, что деонтическое высказывание активно участвует в формировании негативно-оценочных смыслов. В контексте, включающем деонтическое высказывание, имплицитно либо эксплицитно содержится сопоставление хорошего (должного) и неправильного/нехорошего, т.е. факта нарушения нормы либо предполагаемого невыполнения нормы (рис. 1.3).

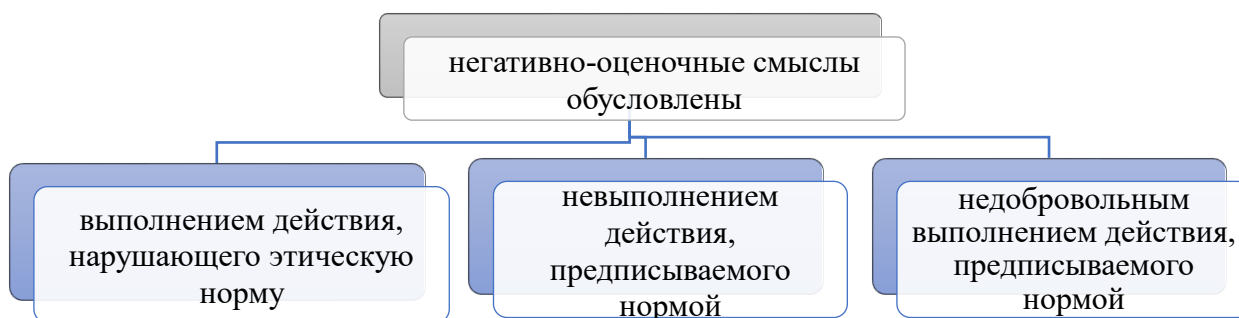

Рис. 1.3. Условия формирования негативно-оценочных смыслов в контексте деонтического высказывания

Отрицательное аксиологическое суждение второго порядка возникает на базе следующих оценок:

- моральной/этической оценки самого действия *P* (*нужно сделать P, но P плохо*);
- фактической оценки реального положения дел (*надо делать P, но P не делается/не сделано*, т.е. плохо, что действие *P* не осуществлено);
- алетической оценки осуществимости субъектом действия *P* (*надо делать P, но не могу*, т.е. плохо, что действие *P* не будет сделано);
- волитивной оценки действия *P*, т.е. несклонности/нежелания субъекта выполнять норму (*надо делать P, но не хочу*, т.е. плохо, что действие *P* будет сделано через преодоление себя).

Негативная оценка как конфликт деонтической и моральной оценки

Несмотря на то, что «к презумпциям ценностных суждений относится положение о том, что доброе предпочитается злему» [Арутюнова 1988, с. 9], некоторые необходимые действия сами по себе негативны, прежде всего с моральной, этической точки зрения: их выполнение ведет к негативным последствиям (например, убийству). Т. В. Булыгина и А. Д. Шмелев отмечают в связи с этим, что «*по обязанности*, как и *по необходимости*, человек может совершить предосудительные поступки; выполняя свой долг, субъект совершает *должное* и становится морально неуязвимым, даже если сам по себе поступок может казаться предосудительным» [Булыгина, Шмелев 1991, с. 20]. И хотя этическая оценка действия имеет знак минус (–), само деонтическое суждение реализует презумпцию полезности действия для исполнителя. Например:

(2) – *Есть шестьдесят лет гауптвахты, – чеканно заявил солдат и улыбнулся.*

– *Но прежде всего ты должен кого-нибудь убить. Нужно ведь кого-то наказать смертью, раз мы не в силах задушить эту гниду...*

– *Ура, так точно! – обрадованно крикнул солдат, доставая арбалет* (Е. Радов. Змеесос (2003)).

(3) *Тогда-то, слабея и задыхаясь уж не от ненависти, а будто б давясь глотками воздуха, которые не в силах была сжигать раз от раза рвущаяся на клочья грудь, Батюшков опомнился и постиг: это совершается побег и он должен стрелять по зеку, чтобы не дать ему уйти* (О. Павлов. Степная книга (1990–1998)).

(4) – *Что я должен сделать?*

– *Ты должен убить своего друга Сергея Русанова. Потому что твой друг Сергей Русанов не верит тебе и хочет тебе навредить. Ты прости меня, Дима, я совершила ошибку, но эта ошибка сегодня позволила мне понять, кто является твоим настоящим врагом* (А. Маринина. Шестерки умирают первыми (1995)).

В случае негативной моральной оценки необходимого действия, в отличие от остальных оценок, речь не идет о том, что оно не осуществится. По справедливому утверждению Р. Хаера, «если человек принимает этическое суждение, он должен также принять и выведенный из него императив» [Hare 1972, S. 171]. При этом оценка субъектом этически неприемлемого необходимого действия может обуславливать выражение сожаления о том, что подобное действие придется совершить:

(5) *Жаль мне вас, ребята, но я должен и буду стрелять; те, которые чувствуют себя невиновными, удалитесь* (А. С. Апраксин. Рапорт Александру II о волнениях крестьян в Спасском у. и о расстреле их в с. Бездне (1861)).

Негативная оценка как результат невыполнения необходимого действия

В случае оценки фактического положения дел речь идет об оппозиции «идеал – неидеал»: деонтическое высказывание (идеал) противопоставлено факту невыполнения (неидеал). Неосуществление необходимого действия *P* относится либо к настоящему (*надо делать P, но не делаем*), либо к прошлому (*должен был сделать P, но не сделал*) (подробно о семантических модификациях и обогащении аксиологическими смыслами при отнесении деонтического высказывания к прошлому см. 2.4.2). Само деонтическое высказывание выступает «триггером» негативной семантики: *надо делать P* отсылает к другой единичной ситуации, подразумевающей, что норма не выполняется, т.е. происходит аксиологическая инференция (ср. долженствовательный императив А. Хольфута и Е. Коницкой [Хольфут, Коницкая 2013, с. 199]), например:

(6) *Получается, что все разглагольствования о диктатуре закона рассчитаны на наивную публику. А в реальности чиновники по-прежнему плюют на законы. Конечно, ради установления мира в Чечне стоит пойти на любые жертвы. Но делать это надо все-таки в соответствии с законами* (М. Ростовский. Кадыров – новый Дудаев? // Московский комсомолец, 1 окт. 2003).

(7) *Он почувствовал себя подонком, что ушел, а должен был остаться* (Г. Щербакова. Мальчик и девочка (2001)).

Деонтическое высказывание, противопоставленное факту невыполнения, реализует речевой акт порицания, упрека. Так, С. Н. Цейтлин отмечает, что если конкретная единичная ситуация не совпадает с абстрактной/обобщенной (т.е. с нормой), то возникает оттенок упрека: «обычно поступают так, а данный субъект так не поступает» [Цейтлин 1990, с. 155]. Поскольку «главное назначение ценностных суждений не сообщать о фактах, а оказывать влияние» [Стивенсон 1985, с. 126], следовательно, подобная отрицательная квалификация выполняет регулятивную функцию, служит для адресата импульсом к размышлению об изменении поведения в соответствующем направлении:

(8) *Und die SPD kümmert sich scheinbar auch nicht drum. Eine moderne Verwaltung muss doch Wirtschaftsförderung aktiv betreiben* (Der Tagesspiegel, 18.04.2004). ‘И, похоже, СДПГ этим тоже не озабочено. Но ведь современная администрация должна активно продвигать бизнес’.

Усилению порицания служит контекстное сопровождение деонтических высказываний в виде экспрессивных высказываний с отрицательными алетическими модальными показателями (*нельзя же так; как так можно / so geht es trotzdem nicht, so geht es aber doch nicht, es geht einfach nicht, das geht doch nicht* ‘так не пойдет’), выражающих недопустимость, неприемлемость названного в контексте действия:

(9) – *А что тут такого?*

– *Нельзя же так!* – укоризненно покачала головой Маша. – *Надо посмотреть* сначала, что за человек на вас подписался, прочитать все его записи. А потом уже подумать, включать его или нет. *А вы сразу включаете, не разобравшись!* (Запись LiveJournal (2004)).

(10) – *Вы всегда такое преподнесёте, Курт, что... Ну как можно так! Надо хоть немножко следить за собой!*

– Извините, можете ударить меня по затылку, – упорно и угрюмо произнёс Курт, – но я никак не могу иначе выразить свои мысли (Ю. О. Домбровский. Обезьяна приходит за своим черепом, ч. 1 (1943–1958)).

В поверхностной структуре высказывания может присутствовать мотивировка, почему действие не выполнится/не выполняется/не выполнено:

(11) *Он пришел и сказал: «Я должен читать вам методику, но не буду, потому что полагаю, что науки методики нет* (М. Л. Гаспаров. Записи и выписки (2001)).

(12) *Я не против Советской власти. Но против гадов, которым на нее наплевать, но которые говорят от ее имени. И в этих строчках – не я. Я должна была позвонить Нателле, но не буду. Она мне все скажет, как надо и я раздумаю. Я ничего не боюсь. Моя жизнь в моей власти* (Е. Шварц. Дневники (1962) // НЛО, 2012).

Негативная оценка как конфликт деонтики и алетики

Негативно-оценочный смысл формируется в результате нарушения нормы, т.е. необходимое действие *P* не выполнится. Из того, что *обязательно*, вовсе не следует, что это возможно [Kiefer 1987, p. 70]. Одной из причин невыполнения выступает «конфликт» необходимости и объективной возможности субъекта реализовать действие, т.е. речь идет о невыполнимости нормы и о формировании негативного алетического суждения: *надо P, но не могу*. Благодаря алетическому компоненту происходит своего рода аксиологический перенос: негативно оценивается невыполнение необходимого действия *P*, при этом само деонтическое высказывание не теряет своей позитивной презумпции, например:

(13) *Я отвечаю на ваш вопрос, Павел Иванович: я знаю, что **надо** делать, но не могу, и что это подлость – тоже знаю* (Д. С. Мережковский. Александр Первый (1922)).

Противительная часть, указывающая на невыполнимость действия *P* (на объективные условия, не позволяющие/не позволившие выполнить действие *P*) выступает в роли оправдательного аргумента, предвосхищающего и аннулирующего «иллокутивную силу обвинения», поскольку «обвинение не может быть предъявлено, если говорящий знает, что предотвратить невыполнение было не во власти обвиняемого» [Арутюнова 1988, с. 32], например:

(14) *Michael hat sehr hart hinter dem Safety Car gebremst. Ich musste nach rechts ausweichen, **aber da war letztlich nicht genug Platz**, so haben wir uns berührt* (Berliner Zeitung, 25.05.2004). ‘Майкл очень резко затормозил за машиной безопасности. Мне пришлось свернуть вправо, но в итоге места не хватило, поэтому мы столкнулись’.

В диалоге адресат подхватывает деонтическое высказывание речевого партнера, реализуя только коммуникативно существенное сообщение о невозможности выполнения действия *P*, а само деонтическое высказывание опускается:

(15) – *Aiden, **du musst** deiner Mutter **sagen**, dass Colleen tot ist.*

– ***Das kann ich nicht*** («Revenge» Blood, 2014 (Filmuntertitel)). ‘– Эйден, ты должен сказать своей матери, что Коллин мертва. – Я не могу этого сделать’.

(16) – ***Я должен был это сделать** гораздо раньше.*

– ***Но ты был болен!** У тебя есть справка от врача.*

– ***Прекрасное объяснение!** У тебя есть справка от врача.*

– ***Прекрасное объяснение!*** (А. Чаковский. Блокада (1968)).

Возникающая в результате неосуществимости действия негативная оценка позволяет, с одной стороны, выражать эмотивные значения сожаления или возмущения, с другой стороны, реализовать прагматику отказа или несогласия, ср.:

(17) – ***Ich habe keine Möglichkeit**, heute mit Kira zu Abend zu essen.*

– ***Nun, du musst aber.***

– ***Ich kann nicht*** («Orphan Black» Effects of External Conditions, 2013 (Filmuntertitel)). ‘– У меня сегодня нет возможности пообедать с Кирой. – Но ты должен. – Я не могу’.

(18) – *Это же что такое? – вопит Текла Павловна. – Я должна и бабушку вести, и за мальчиками смотреть, и вещи сдавать!? **Я не могу.** Я решительно отказываюсь. Это не в моих силах* (З. Н. Гиппиус. Ближе к природе (1896)).

Негативная оценка как конфликт деонтики и волитивности

Фактором возникновения негативных смыслов является также противоречие между необходимостью действия *P* и желанием исполнителя осуществлять данное действие *P*. Исследователи отмечают, что характерной

особенностью деонтической семантики является «существование конфликта между долгом совершить нечто и склонностью не делать этого» [Nowell-Smith 1957, с. 265] (цит. по: [Арутюнова 1988, с. 33]). Это «конфликт с желаниями и непосредственными импульсами человека», когда нет возможности «находиться в соответствии с собственным стремлением» [Sidgwick 1893, с. 37] (цит. по: [Арутюнова 1988, с. 33]). В этой связи Е. М. Вольф обращает внимание на то, что вопрос о позитивности оценочных характеристик долженствования спорный, поскольку деонтическое высказывание может свидетельствовать о вынуждении [Вольф 2002, с. 124].

Если в случае конфликта с алетикой, речь идет об объективной оценке, то в случае противоречия склонности и долженствования – о субъективном отношении. Предписываемое действие в целом имеет знак «+», но знак «–» для исполнителя, оно противоречит его воле: *надо делать P, это хорошо, но мне не нравится/не хочу P, поэтому P для меня плохо*. Отрицательные смыслы возникают в результате нарушения свободы исполнителя. Говорящий и исполнитель по-разному понимают целесообразность связи объекта и признака. Перед субъектом-исполнителем стоит не проблема выбора, а вопрос согласования собственной воли с «волей» объективных обстоятельств, направляющих его деятельность в строго определенное (единственно возможное) русло.

Безусловно, конфликт долженствования и склонности не делать наблюдается далеко не всегда [Булыгина, Шмелев 1991, с. 20]. Так, согласно И. Канту, никакие естественные мотивы не могут вызвать желание поступить должным образом, они лишь могут породить «обусловленное хотение, которому долженствование, провозглашаемое разумом, противопоставляет меру и цель» [Кант 2010, с. 422]. И. Б. Шатуновский объясняет это тем, что «ограничение выбора субъекта, направляющего его волю в сторону одной из альтернатив, вытекает из правил (этических, юридических и т.д.), которые для того и составляются, чтобы обеспечить выбор субъекта в пользу интересов *общих, а не личных*, в тех случаях, когда между этими интересами возможен конфликт» (курсив наш) [Шатуновский 1996, с. 230].

При этом, если в случае конфликта алетики и деонтики норма не выполнится, что вызывает сожаление, то в случае конфликта долженствования и волевости необходимое действие все же осуществится. Так, А. Вежбицка определяет понятие «должен» как: «сделает, даже если не захочет» [Wierzbicka 1972, p. 154–155]:

(19) *Завтра с ускоренн[ым] (билет уже есть) отправляюсь с Славновым в Москву на месяц. Не хочется, а надо ехать* (А. А. Яковлев. Дневник (1925)).

Негативная оценка, формирующаяся в результате ситуативного противопоставления деонтики и волевости, относится к деонтическому компоненту (*плохо, что надо P*) в отличие от относящейся к пропозиции оценки при конфликте деонтики и алетики (*плохо, что не могу нужное P*).

Негативная оценка, возникающая в результате конфликта волевости и деонтики, обогащает деонтическое высказывание эмотивными смыслами

и реализуется эксплицитно, а именно: или благодаря деонтическому предикату, или семантическому инфинитиву, или при помощи различных оценочных показателей и маркеров качественной характеристики действия.

- В системе деонтических маркеров/предикатов в русском языке присутствуют единицы, реализующие семантику принуждения, а именно деонтические лексемы *приходится* (*пришлось, придется*) и *вынужден*. Негативная оценка встроена в их значение и отражена в словарных дефинициях: «выпасть на долю, стать необходимым, неизбежным»; «совершаемый по принуждению или по необходимости; недобровольный», например:

(20) *Но в нашей стране обязательное среднее образование. Поэтому восемь классов тебе **придется** закончить. Хоть чуелом, хоть тушкой* (А. Клепаков. Опекун // Волга, 2016).

(21) *Предприятие Шлотмана шло, однако, так плохо, что он **вынужден** был раздарить сигары для того, чтобы их популяризировать* (Происхождение сигары // Раннее утро, 1916).

- Негативно-оценочный смысл деонтического высказывания формируется также благодаря смысловому инфинитиву, как, например, *терпеть, aushalten/verkräften* ‘выдержать, вытерпеть’ и т.п., который обозначает, что исполнитель действия покоряется, не противодействуя, не жалуясь, безропотно перенесет нечто бедственное, тяжелое, неприятное:

(22) *Если сейчас Нюрочка выйдет и ударит стальным шаром, зажатым в кулак, по широкому сальному темени бандита, то проломит его дурную башку наверняка. А после этого ей останется только сесть в тюрьму. И что тогда будет с Саней? Нет, **надо терпеть, терпеть, терпеть** – и ничего не говорить Ивану...* (В. Г. Галактионова. Спящие от печали (2010)).

- В качестве оценочных показателей выступают также лексемы, маркирующие негативные эмоции (к *сожалению/leider/zu (meinem)/mit (großem) Bedauern, bedauerlicherweise*, к *несчастью/ zu allem Unglück*):

(23) ***К сожалению, должен** срочно уйти и Вас не увижу* (Ю. В. Трифонов. Время и место (1980)).

(24) *Weil sie dann wissen, dass wir alles gehört haben. **Zu allem Unglück muss** ich es auch noch von Gunther erfahren!* («Friends» The One the Morning After, 1997 (Filmuntertitel)). ‘Потому что тогда они узнают, что мы все слышали. К несчастью, я должен узнать об этом от Гюнтера!’

Эмоционально-оценочные маркеры входят в диктумный план деонтического высказывания.

- Наряду с оценочными показателями формированию аксиологического смысла способствуют лексемы, обозначающие специфическую семантическую характеристику действия, а именно: такие адвербиальные показатели многократности, как *все время, постоянно, много раз/mehrmals* и т.п., *снова/wieder*. Речь идет о повторе чего-то неприятного, принудительного, что всегда вызывает сопротивление исполнителя необходимого действия *P*:

(25) *Um einen Kita-Platz zu bekommen, muss man außerdem einen wahnsinnig hohen bürokratischen Aufwand betreiben. **Man muss** gefühlt 1 000 Unterlagen nachweisen, **muss mehrmals** zum zuständigen Amt* (Die Zeit,

28.01.2017 (online)). ‘Чтобы получить место в детском саду, придется пройти сквозь невероятно высокий уровень бюрократии. Надо предоставить тысячи заполненных документов и много раз посетить соответствующую инстанцию’.

(26) *IOC-Chef Bach hätte gerne einen demokratischen Gastgeber, doch im Westen ist Olympia out. Nun siegt Peking oder Almaty und er muss wieder über Menschenrechte reden* (Die Zeit, 31.07.2015 (online)). ‘Руководитель МОК Бах хотел бы, чтобы принимающая сторона была демократичной, но Олимпиада на Западе не состоится. Побеждают Пекин или Алматы, и ему снова придется говорить о правах человека’.

(27) *Кто-то жаловался на детей, что надо их звать с гуляния по сто раз, а они не идут...* (Г. Волчек. «Верю во взаимность во всем, не только в любви» // Огонек, 2013).

Кроме этого, для указания на негативную оценку используются различные метафорические показатели частной оценки:

(28) *С тяжёлым сердцем я должен признаться, что все мои усилия пропали даром и даже, к моему ужасу, дали обратный результат* (М. А. Булгаков. Записки покойника (Театральный роман) (1936–1937)).

•Экспликаторами негативного отношения выступают в деонтическом высказывании показатели общей оценки (модусные предикаты *плохо/schlecht*, что надо *P*) и частной оценки (модусные предикаты *ужасно, отвратительно/schrecklich*, что надо *P*). Частноотрицательные лексемы указывают на интенсификацию и/или аффективность высказывания (*жалко/ (как) жаль, грустно, досадно, что / schade, bedauernd, dass ...*):

(29) *«Как жалко, что надо уходить»*, – сказал, поднимаясь, сосед Ласкина (Л. Дурнов. Жизнь врача. Записки обыкновенного человека (2001)).

В русском языке указанные оценочные и темпоральные показатели реализуются в комбинации с аксиологически маркированными деонтическими предикатами, что усиливает оценочность, например:

(30) *Мне очень жаль, но я вынужден сообщить вам, юная леди, что вы нарушили правила поведения* (С. Брюссоло. Красные джунгли).

(31) *Но к сожалению, тебе придется прекратить занятия* (Я. Ларри. Страна счастливых (1931)).

Таким образом, деонтическое высказывание представляет собой тесное переплетение модальных семантик. Аксиологический компонент создает положительную ценностную презумпцию деонтического высказывания и присущ ему имманентно. Само деонтическое высказывание становится базой для формирования оценочных суждений второго порядка. Порождение оценочных смыслов обусловлено ситуативно, а именно: в случае несогласия с нормой по причине ее невыполнимости (*должен, но не могу*), либо неприемлемости действия (*должен, но P плохо*), а также контрфактивности (*должен P, но не делает P*).

Деонтическое высказывание становится репрезентантом оценочных смыслов только при нежелании осуществлять действие *P* (*должен, но не хочу*), т.е. в его структуре обязательно присутствуют экспликаторы, которые

фиксируют, что действие будет осуществлено под принуждением. Аксиологический вклад вносят негативно-оценочные предикаты как общей, так и частной оценки, инфинитив смыслового глагола с семантикой преодоления, темпоральные маркеры, фиксирующие повторность действия. Языковые различия в немецком и русском языках отмечаются только на уровне формальной реализации отрицательно-оценочного значения при помощи деонтических предикатов, указывающих на конфликт долженствования и желания, которые существуют только в системе русского языка.

Негативно-оценочное суждение второго порядка обуславливает массу прагматических отношений, в результате деонтическое высказывание реализует различные модификации эмотивной (сожаление, недовольство, возмущение) либо валюативной семантики порицания, вариациями которой являются упрек, осуждение, рациональное неодобрение.

1.3.2. Деонтическая vs. алетическая семантика

Debes, ergo potes.

Должен, значит можешь.

И. Кант. «Метафизика нравов»

Как уже было показано в 1.3.1.2 при анализе негативных смыслов, формируемых деонтическим высказыванием, деонтика тесно взаимодействует с алетической семантикой.

Философия различает две основные модальные характеристики бытия – сущее в *действительности* (реальное, объективное) и сущее в *возможности*, реализация которого есть движение, изменение бытия [Аристотель 1976, с. 92, 197, 366]. Являясь основой всех модальных категорий, возможность есть «единственная модальность, соединяющая предикаты мощи и бытия в их положительной форме» [Эпштейн 2001, с. 35].

Деонтическая модальность, в сущности, предполагает алетическую (онтологическую), базируясь на ней [Булыгина, Шмелев 1997, с. 229]. Алетическое значение включает в себя объективные потенции мира, природа объективности коренится в физических свойствах реального мира или логических свойствах мышления [Бондаренко 1979, с. 7]. Тесная органическая взаимосвязь деонтики и алетики проявляется в оценке говорящим осуществимости действия относительно способности потенциального исполнителя его реализовать. Долженствование, согласно рационалистической концепции, характерно только для интеллектуально-разумного существа, и выражается, по И. Канту, через возможный поступок: «необходимо, чтобы поступок, на который направлено долженствование, был возможен при естественных условиях» [Кант 2010, с. 421], т.е. «в мире отсутствуют препятствия, чтобы было действие *P*» [Падучева 2019, с. 134]. Речь идет о физической возможности, интеллектуальной способности, которая свидетельствует о чем-то

фактически допустимом. Именно поэтому И. Б. Шатуновский подчеркивает, что «необходимость имплицитно подразумевает возможность» [Шатуновский 1996, с. 182], например:

(32) *Я думаю, что **ты должен делать то, что ты можешь**, работать на максимуме и не думать ни о каких благодарностях и манне небесной, которая когда-нибудь на тебя падет. Неважно, что будет там, в будущем, – надо жить сейчас* (В. Суриков, А. Меликян. Последний киноромантик // Эксперт, 2014).

(33) *Или в статье о второй части «Мертвых душ» он высказал именно то, что нужно и что можно было высказать о этом кое-как набросанном сборнике нескольких отрывков, высказал просто и от души, не поднимаясь на ходули* (М. И. Семевский. [Встречи с А. Н. Островским в Москве] (1855–1856)).

Необходимое действие *P* должно быть логически и физически возможным, субъект должен быть в состоянии выполнить необходимое действие *P*: высказывания ‘*ты должен написать статью, построить дом, помочь больному, переплыть Волгу, пробежать стометровку за десять секунд*’ предполагают, что субъект по своим интеллектуальным или физическим способностям в конкретных объективных условиях может это сделать. Невозможно сделать то, что противоречит законам логики или природы и то, что субъект не в состоянии или не способен выполнить. Конечно, невозможное в реальном мире возможно в дискурсе сказки или фэнтези, ср.: *ты должен выпить всю воду из реки; должен превратиться в дракона*.

Алетический компонент деонтического высказывания реализуется уже на этапе оценочного суждения первого порядка (действие *P* полезно, поэтому необходимо), которое определяет выбор результата, или позитивного эффекта (полученной пользы), что может фиксироваться в речи:

(34) – *И что же теперь делать?*

– **Выбор** невелик! – усмехнулся Лука. – *Остается последняя возможность – я должен буду уйти в прошлое, кануть в него, как в омут, и, спрятавшись, попробовать повернуть ход истории от Зла к Добру!* (Н. Дежнев. В концертном исполнении (1993)).

Именно выбор свидетельствует об алетической базе деонтического высказывания: не будь возможности и способности выбирать из ряда положений дел, не было бы и способности оценивать. Прогнозируемый положительный результат необходимого действия покоится на знаниях об объективных потенциях этого мира. Согласно Аристотелю, сознательно мы выбираем то, что мы прежде всего знаем как благо [Аристотель 1984, с. 100–101] (цит. по [Арутюнова 1988, с. 14]). Н. Д. Арутюнова обращает внимание на то, что «мы имеем нормативы только для тех классов объектов, относительно которых возникает или в принципе мыслима *ситуация выбора*» (курсив наш) [Арутюнова 1988, с. 52].

И. Б. Шатуновский называет деонтику «модальностью выбора» и отмечает, что «выбор» подразумевает, что говорящий сравнивает ирреальную

ситуацию необходимости *P* (полезно) как средство достижения гипотетического результата и противоположную ей ирреальную или реальную, но неосуществленную (неполезно). В свою очередь ограничения, вызванные соображениями предпочтения выгоды действия, являются «настолько “естественными”, само собой разумеющимися, поэтому чаще всего их наличие просто не замечается, если речь идет не о необходимости под дулом пистолета, то у субъекта есть выбор делать *P* или не делать» [Шатуновский 1996, с. 221–222]. Нарушение нормы есть сознательный выбор субъекта и индивид, прогнозируя развитие ситуации, не будет поступать себе во вред. Так, выбор не совершать действие в случае нормы *улицу надо переходить на зеленый* ведет к риску быть оштрафованным, или, что еще хуже, попасть под машину.

Таким образом, любое деонтическое высказывание имеет алетическую презумпцию: возможность является фундаментом для формирования деонтического суждения, она составляет его **субстрат**. При невозможности осуществления действия формируется негативное алетическое суждение второго порядка, которое становится базой для аксиологического суждения, выражающего сожаление о невыполнении нормы (*должен, но, к сожалению, не могу*) (см. рис. 1.4).

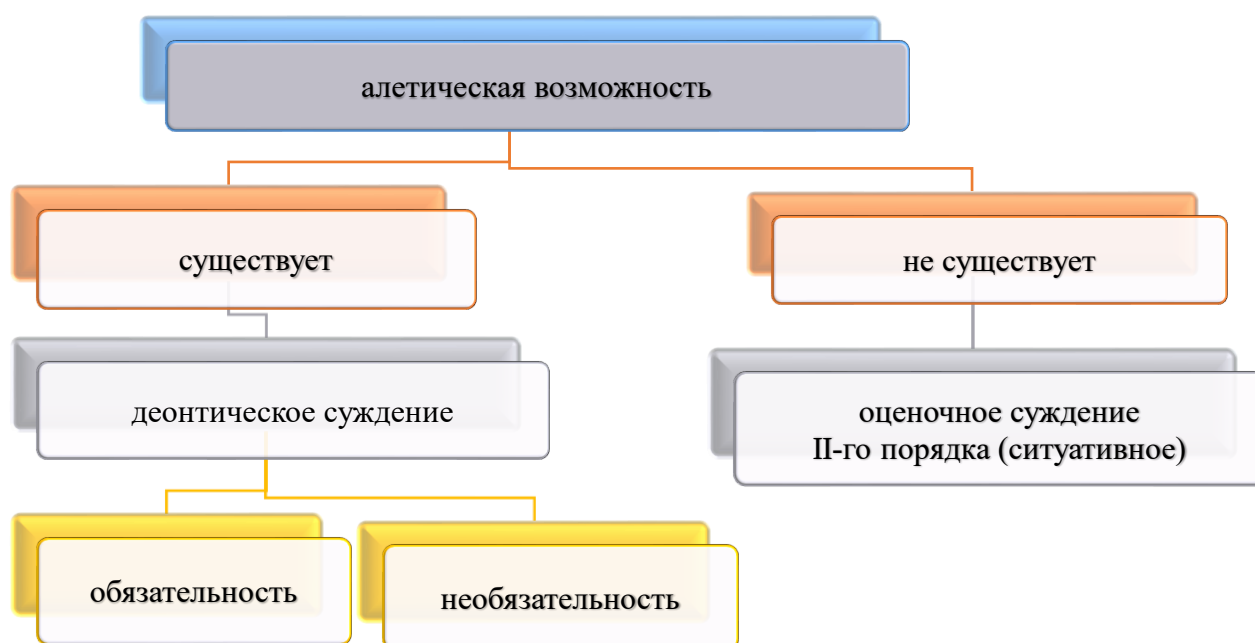

Рис. 1.4 Роль алетического компонента
в формировании деонтических и оценочных смыслов

Алетический компонент, будучи презумптивным, может становиться выраженным в семантике деонтического высказывания. В результате мы получаем два типа высказываний: собственно деонтические, указывающие на обязательность выполнения действия, и несобственно деонтические, фиксирующие необязательность выполнения действия.

С формально-семантической точки зрения собственно и несобственно деонтические высказывания реализуются утвердительными и отрицательными высказываниями.

1.3.2.1. Собственно деонтические высказывания

В собственно деонтических высказываниях алетическая презумпция подразумевает как возможность совершения субъектом действия, соответствующего норме или нарушающего норму, так и возможность невыполнения действия. Ответ на вопрос, какая из возможностей подразумевается, находится в прямой корреляции с употреблением отрицания в деонтическом высказывании.

1. Утвердительные высказывания о необходимости являются прототипическими собственно деонтическими высказываниями, в них предполагается, что потенциальный **исполнитель в состоянии** выполнить действие *P*: *ты должен выучить стих*, т.е. ‘ты в состоянии это сделать’.

2. Утвердительными высказываниями, которые реализуют обязательность, являются также структуры с алетическим маркером и двойным отрицанием (отрицание + алетический маркер с отрицательной семантикой или отрицание + алетическая лексема + отрицание). Поскольку по законам логики необходимость и возможность взаимоопределимы через отрицание, то через двойное отрицание происходят смены модальностей: «может быть» – возможное; «не может не быть» – необходимое. Переключение модальностей возможно только в полинегативных языках и только с полисемичными маркерами (т.е. используемыми как для выражения алетического, так и деонтического значения): *нельзя не, не могу не делать P = обязательно следует/надо, совершенно необходимо/обязан делать P*. Такое языковое оформление позволяет интенсифицировать деонтическую семантику, сделать высказывание более категоричным, например:

(35) *С Иосифом отношения были неважные, он держался вдалеке от своих бедных родственников, но все же мамин брат, **нельзя не** пригласить* (А. Рыбаков. Тяжелый песок (1975–1977)).

(36) *А по нашим обычаям **нельзя не** впустить человека, если он просится к тебе в дом* (Ф. Искандер. Дедушка (1966)).

(37) *И этой женщиной **нельзя не** восхищаться* (Коллективный форум: рецензии на фильм «Служебный роман» (2006–2010)).

(38) *И все же **нельзя не** признать факт существенных перемен во внутренней миграции* (Снижение масштабов внутренней миграции населения в России: опыт оценки динамики по данным текущего учета // Вопросы статистики, 2004).

В высказываниях с двойным отрицанием алетическая презумпция подразумевает **возможность неосуществления** потенциальным исполнителем необходимого действия *P*, ср.: *ты не можешь не сказать правду* подразумевает ‘ты в состоянии не сказать правду либо сказать неправду’.

В случае «чистых» алетических маркеров двойное отрицание не нейтрализует семантику возможности (*невозможно не P* ≠ *обязательно надо P*). Подобные высказывания получают генерализованную онтологическую квантификацию (*невозможно не* = ‘*обязательно происходит*’):

(39) ...к такой красивой женщине **невозможно не** испытывать страсть (А. Слаповский. Жизнь Лагарпова (1999)). ≠ следует испытывать

(40) И в то же время этот день **невозможно не** заметить тем, кто не лишен романтики (С. Ткачева. День влюбленных... // 100% здоровья, 15 янв. 2003). ≠ следует заметить

(41) ... так монотонно читает, что **невозможно не** заснуть! (Переписка в icq между agd-ardin и Колючий друг (2008)) ≠ следует заснуть

3. Отрицательные высказывания с ядерными деонтическими лексемами, где отрицается смысловой глагол, указывают на обязательное неосуществление действия. Алетическая презумпция здесь свидетельствует о предполагаемой **возможности совершения субъектом действия, нарушающего норму**: *ты не должен грубить маме* = *ты должен не грубить маме* (подразумевается возможность грубого общения). Говорящий, используя деонтическое высказывание, фиксирует невозможность действия и делает, таким образом, позитивный шаг в предотвращении действия. Как подчеркивает Е. В. Падучева, здесь отрицается возможность действия и отмечается следующая синонимия: *он не должен принимать подарок* ≈ *он не может принять подарок* [Падучева 2019, с. 133].

Благодаря контекстным синонимическим отношениям между возможностью и необходимостью еще одним вариантом собственно деонтических высказываний с отрицанием выступают структуры с единичным отрицанием и полисемичными маркерами, ядерной семантикой которых является алетическая (*нельзя, не могу/ nicht kann*), ср.: *so kannst du nicht auf die Straße gehen* ‘нельзя так на улицу выходить’; *so etwas kann man nicht machen* ‘ты не можешь делать подобное’. При трансформации в высказывание с деонтическим маркером действие отрицания смещается к смысловому глаголу: *не можешь/ нельзя делать P* = *должен не делать P* (см. подробнее о смещении отрицания [Падучева 2019, с. 133]. Семантическим основанием для деонтической интерпретации высказывания является наличие нормы, ср.:

(42) Пришли газеты за 9, 10 и 11-е, но читать **нельзя**, так как нет света (В. Вишневский, Дневники военных лет, 1943–45). ← читать невозможно, есть объективные препятствия, поскольку не видно (алетическое значение).

(43) А под “кирпич” все же **ездить нельзя**! (С. Волгин. Дело о въезде под «кирпич» // За рулем, 15 мая 2003) ← правила дорожного движения запрещают, не предоставляют возможности ездить под «кирпич» (деонтическое значение).

(44) Правильное решение заключалось в том, что пожизненно **нельзя назначать** руководителей судов (Т. Морщакова. На пути к правосудию // Отечественные записки, 2003). ← система запрещает; неправильно назначать (деонтическое значение).

В русском языке, кроме того, отмечается корреляция грамматического вида подчиненного инфинитива и модальной интерпретации отрицательного высказывания, а именно: с глаголом совершенного вида реализуется алетическая семантика (*ему нельзя помочь* = *невозможно*), с глаголом несовершенного вида – деонтический смысл (*ему нельзя помогать* = *не следует, неправильно*) [Падучева 2013, с. 213]. Е. В. Падучева отмечает, что в контексте запрещения несовершенный вид мотивирован семантически: чтобы запретить действие, достаточно запретить деятельность, которая ведет к этому результату [Падучева 2019, с. 137].

В немецком языке в отрицательных высказываниях, выражающих запрещение различного рода: этическое, моральное, законное, используются либо модальный глагол *dürfen*, который имеет разрешительную семантику (значение деонтической возможности), например: *hier darf nicht geraucht werden* ‘здесь нельзя курить’ или: *so etwas darf man/darfst du nicht sagen* ‘такое нельзя говорить’ (= недопустимо, запрещено), либо деонтические лексемы с отрицанием, реализованным на словообразовательном уровне приставкой *un-* (*unberechtigt sein* ‘быть не вправе, быть неуполномоченным’, *unzulässig sein* ‘быть недозволенным, неразрешенным’).

Подчеркнем, что в отрицательных высказываниях с алетическими маркерами деонтическое отношение выражается только по отношению к поведенческим действиям. В модальных высказываниях о ментальных действиях речь идет исключительно об объективной невозможности, т.е. отрицается алетика, ср.: *нельзя надеяться* (нет причин надеяться) или *нельзя исключать* (нет причин исключать), например:

(45) *Можно пытаться объединить решение этих проблем, но нельзя надеяться, что либерализация сама по себе позволит справиться с валютно-финансовым кризисом* (Е. Гайдар. Гибель империи (2006)).

(46) *Нельзя забывать, что «Вехи» вышли в эпоху слома старой монархической системы, в эпоху либеральных реформ, в эпоху провалившейся революции 1905–1907 годов* (М. Кузин. Красные пути. Об альманахе «Красные холмы» // Октябрь, 2001).

Ментальные действия являются неконтролируемыми и лишь по отношению к некоторым из них возможно применение нормы, источником которой выступает либо внутренний долг, либо социальные требования, ср.: *нельзя забывать подвиг народа* (моральный долг не позволяет); *нельзя верить в темные силы* (не позволяют христианские традиции).

В отрицательных модальных высказываниях о коммуникативной деятельности алетическая лексема маркирует проблематический характер суждений: *нельзя сказать, что ...* = ‘вряд ли верно, можно усомниться в том, что...’.

1.3.2.2. Несобственно деонтические высказывания

Несобственно деонтические высказывания демонстрируют смещение их семантики в зону необязательности, пограничную с алетической модальностью.

Алетическая презумпция здесь указывает одновременно на возможность осуществления действия и на наличие свободы исполнителя в осуществлении действия *P*: *могу делать P, но не должен*. От собственно деонтических они отличаются используемыми в них модальными лексемами: в утвердительных употребляются алетические маркеры или маркеры деонтической возможности, в отрицательных – деонтические маркеры необходимости.

1. Своеобразным «переключателем» модальной семантики в зону необязательности выступает отрицание, которое, формируя алетические смыслы в деонтическом высказывании, относится к деонтическому маркеру. Аксиологической презумпцией, т.е. благом в таких конструкциях выступает не действие *P*, а сама возможность не осуществлять действие *P*: *хорошо, что не надо P (= можно не P)*, само действие *P* воспринимается исполнителем как принудительное:

(47) *Но главное – даже не впечатление, а чувство, которое я испытывал сегодня на людных улицах Москвы – радость, что я дома. Мне не нужно думать, как на меня смотрят, я не ощущаю этой проникающей всюду ненависти, я об этом не думаю, я свободен для того, чтобы думать о другом* (В. А. Рубин. Дневники. Письма (1965)).

(48) *Я поняла, что это как раз та сторона моего лица, которую не нужно скрывать* (М. Варденга. Галина Тюнина. Фрагменты белого стиха // Домовой», 2 апр. 2002). ≈ можно не скрывать.

Семантическое смещение в зону алетики в подобных структурах в результате возникновения альтернативы (*можно делать P, можно не делать P*) обуславливает использование деонтического высказывания в противительных структурах с алетическим высказыванием: *можно, но не нужно*. Несобственно деонтическое высказывание при этом занимает вторую позицию, что свидетельствует о большей коммуникативной важности необязательности:

(49) *Ich kann mit 30 plus, wenn ich will, Abenteuer erleben, verrückt und spontan sein, aber ich muss nicht* (Zeit Magazin, 28.11.2017, № 48). ‘В 30+ я могу, если захочу, быть предприимчивой, сумасшедшей и спонтанной, но не должна.

(50) *Der Gerichtshof kann den Fall dann zur Überprüfung an die 17 Richter der Großen Kammer überweisen, er muss dies aber nicht tun* (Die Zeit, 18.03.2014, № 11). ‘Затем Суд может передать дело на рассмотрение 17 судьям Большой палаты, но не обязан это делать’.

(51) *И не только представление – всякая модель Мира не может быть ему адекватна. Аргументировать это можно, но не нужно* (Л. Н. Бердников. Дневник. 1964–1987 гг. (1968)).

На наличие выбора указывает употребление отрицаемого деонтического маркера в сочинительном ряду с утвердительным алетическим. При этом последний используется с иным смысловым глаголом, маркирующим альтернативное действие: *не надо P₁ (отрицательно оцениваемое) [=можно не делать], можно делать P₂ (положительно оцениваемое)*, например:

(52) Для этого лучше всего подойдет утро выходного дня, когда **не нужно** никуда **спешить** и **можно** от души **поваляться** в постели (Потянемся всласть! // Даша, 2004).

Роль модального «переключателя» выполняют также наречия с отрицанием, сопровождающие деонтический предикат (**необязательно/nicht zwangsläufig, unbedingt** ‘неизбежно, обязательно’ и т.п.), которые в утвердительных структурах усиливают категоричность долженствования:

(53) Ich **muss** den Ball **nicht zwangsläufig** noch einmal weiterspielen (Der Tagesspiegel, 04.08.2002). ‘Мне необязательно снова передавать мяч’.

(54) Ich **muss** mich jetzt **nicht unbedingt** als reich bezeichnen. (Der Tagesspiegel, 16.11.2003). ‘Теперь мне необязательно называть себя богатым’.

(55) В отличие от этого, человек **необязательно должен** всегда обращаться к личному опыту, он может получить его от других людей, используя речь как источник информации (А. Р. Лурия. Язык и сознание (1979)).

Усилению необязательности в деонтических высказываниях способствуют относящиеся к оператору отрицания усилительные наречия, такие как *вовсе, совсем* и т.п. в русском языке (*вовсе не должен, совсем не нужно*) и *gar* в немецком языке (*muss gar nicht*):

(56) – Идеологию **вовсе не обязательно** разделять, – говорил я, – ее либо принимают, либо не принимают (С. Довлатов. Наши (1983)).

(57) Обратите внимание на весьма существенное обстоятельство: истинность сведений должен доказать человек, распространивший их, и **вовсе не должен** доказывать ложность сведений гражданин, обратившийся в суд за защитой (Г. Полозов. Комментарий юриста // Человек и закон, 1978).

(58) *Spätestens am vergangenen Montag, als die früheren Präsidenten Jimmy Carter und Bill Clinton das Parteivolk aufwühlten, wurde die Strategie deutlich: Kerry muss gar nicht für das negative Element im Wahlkampf sorgen. Er muss das Wählervolk gar nicht polarisieren – diesen Job erledigt George Bush nämlich gleich mit* (Berliner Zeitung, 30.07.2004). ‘Не позднее, чем в прошлый понедельник, когда бывшие президенты Джимми Картер и Билл Клинтон расшевелили партийцев, стратегия стала ясной: Керри **вовсе не нужно** беспокоиться о негативном элементе избирательной кампании. Ему **вовсе не обязательно** поляризовать электорат – эту работу выполняет Джордж Буш’.

2. В утвердительных несобственно деонтических высказываниях употребляются алетические лексемы (*могу/можно/может, können*), а также ядерные маркеры деонтической возможности (*иметь право, быть вправе/ das Recht haben; berechtigt sein Berechtigung zu etw. haben*), которые маркируют существующие предварительные условия (ограничения/предоставления свободы) для реализации субъектом действия *P*.

В речи обнаруживается одновременное использование алетической лексемы *могу*, обозначающей физическую возможность, и деонтического предиката *имею право*. Отношение чистой конъюнкции указанных предикатов демонстрирует их семантическую разницу и позволяет эксплицировать алетическую презумпцию в поверхностной структуре высказывания, ср.:

(59) – *Вы, конечно, понимаете, что убийство – это фигурально говоря: он может вас разорить, оклеветать, отставить от службы – все что угодно... Порядочный человек перед подлецом – бессилен: он не может воспользоваться его оружием.*

– Ну, – буркнул Савченко, – мне кажется, это притянуто за уши. Зная, с кем я имею дело, я тоже **могу... и имею право** – из-за угла. Я выстрелю первым (С. Бабаян. Ротмистр Неженцев (1995–1996)).

Презумптивно предполагается, что субъект физически способен осуществить действие. Однако «могу» совсем не обязательно означает «хорошо», иными словами, в реальности существуют определенные ограничения свободы субъекта, моральные или юридические. Так, например, субъект способен обидеть ребенка, сказать неправду, пролезть без очереди, проехать на красный свет, однако он не имеет на данные действия этического, законного права, поэтому необходима санкция на осуществление/неосуществление действия. В результате снятия ограничения и предоставления возможности осуществить действие *P* происходит резкое смещение семантики в зону алетики: *по закону я могу, имею право здесь сидеть*, т.е. речь идет о деонтической возможности, которая базируется на норме, правиле, некоем авторитете.

Контекст позволяет установить, чем детерминирована возможность действовать, иными словами, какой системой правил (законом, моральным основанием, правилами поведения, регулирующими общественные отношения) предоставляется право, или свобода совершать действие *P*, например:

(60) *Er entscheidet, was Sie als Werbungskosten von der Steuer absetzen können und was nicht. Ich darf deswegen als Jurist bestimmte Literatur von meinen Einnahmen absetzen. Jeder Steuerzahler kann Handwerksrechnungen bis zu einem bestimmten Betrag absetzen* (Die Zeit, 12.03.2017, № 09). ‘Он решает, что вы можете вычесть из налога как расходы на рекламу, а что нет. Поэтому как юрист я имею право вычесть из своего дохода затраты на определенную литературу. Каждый налогоплательщик может вычесть до определенной суммы затраты на обслуживание и ремонт’.

(61) *Константин, напоминая, что по условиям договора о найме на работу (а такой договор меж нами был составлен), я имею право вас покинуть в любую минуту* (А. И. Слаповский. 100 лет спустя. Письма нерожденному сыну (окончание) // Волга, 2009).

(62) *Да, но я официальное лицо: представитель газеты, который находится здесь в официальной служебной командировке! Я имею право присутствовать. Это несомненно. Это точно* (Ю. Трифонов. Утоление жажды (1959–1962)).

(63) *Как ты считаешь, могу я теперь позволить себе взять мизерную часть из тех денег, что мог бы потратить на свои бездарные фильмы за все*

эти годы, но не потратил? Я считаю, что **имею право**. Хотя бы в качестве вознаграждения за вот это самое, за **вот такие заслуги** перед отечественным кино... (С. Шикера. Выбор натуры // Волга, 2014).

Маркеры *могу/можно/может, können* многозначные, их первичным, ядерным значением является выражение алетической возможности, поэтому при оформлении деонтики требуется обязательное указание на источник разрешения:

(64) *Дышать свежим воздухом он мог только в определенные часы, разрешаемые тюремным начальством* (А. Солженицын, «В круге первом», 1968).

Маркеры деонтической возможности *вправе/dürfen* могут также использоваться в «чисто» алетических высказываниях, в которые невозможно встроить указание на источник ограничения свободы субъекта, ср.:

теперь я вправе расслабиться = могу, поскольку в настоящий момент ничего мне не мешает, т.е. существует объективная возможность;

du darfst stolz auf ihn sein = du kannst stolz auf ihn zu sei) ‘ты можешь гордиться им’, т.е. есть объективная причина для гордости за него;

das dürfen Sie mir ruhig glauben = Sie können ‘Вы можете мне верить’, т.е. нет объективных оснований не верить.

Рассуждая о деонтических высказываниях разрешительной семантики, следует подчеркнуть, что в «естественных языках деонтическая модальность как модальность отношения к действиям участников ситуации базируется на необходимости [Lyons 1977, p. 840; Лайонз 2003, с. 350]. В свою очередь, И. Б. Шатуновский исходит из того, что «основным, исходным понятием в области абсолютно-относительных модальностей является необходимость (“долженствование”, как она обычно называется в этой сфере)» [Шатуновский 1996, с. 226]. По указанной причине в дальнейшем в данном исследовании все рассуждения о деонтике сводятся к ее пониманию только как значения необходимости, обязательности.

Таким образом, алетическая семантика также составляет фундамент деонтического высказывания. Алетическая презумпция, или возможность осуществления действия, претерпевает в деонтическом высказывании различные модификации: презумпция возможности совершения фактически недопустимого (т.е. нарушающего норму) действия; презумпция возможности неосуществления действия; презумпция свободы исполнителя в осуществлении действия. Все указанные презумпции обуславливают формирование разнообразных деонтических смыслов в двух областях значений: обязательности и необязательности. Двойственность алетической семантики детерминирует выделение двух типов модальных высказываний (собственно и несобственно деонтических) с использованием нетождественных модальных средств. Увеличение роли алетического компонента, смещающего значение деонтического высказывания в зону необязательности, напрямую коррелирует с наличием оператора отрицания.

1.3.3. Деонтика и волитивность

... и никто не видит тех *драм*,
которые терзают душу человека,
стоящего *между «хочу» и «должен»* ...
М. Горький. Мещане

Выбор необходимого действия требует мотивировки: или он обусловлен рационально, социально, или, при отсутствии рациональной мотивировки, он обусловлен желанием говорящего.

В лингвистике широко представлен подход, при котором долженствование включено в общую волитивную семантику, что представляется неправомерным, поэтому далее речь пойдет о семантических сходствах и различиях данных значений.

Деонтика и волитивность имеют некоторые *общие* семантические черты. Во-первых, значения желания и необходимости обладают темпоральной характеристикой «проективности»: ни желаемое, ни необходимое действие еще не реализовано (о темпоральных характеристиках деонтического высказывания см. 2.5).

Во-вторых, оба значения имеют предметную ориентацию [Арутюнова 1992, с. 20]. Предметом выступает действие, следовательно, оба значения характеризуются направленностью на совершение/несовершение действия. Речь идет о ценностной предметности, в которой отражаются значимые для субъекта стороны социального бытия.

В-третьих, основу и должного, и желаемого составляют ценностное понятие пользы, которая выступает объективным основанием для субъективного одобрения/неодобрения. В отношении волитивного и деонтического значения Н. Д. Арутюнова отмечает, что мир ценностей и стандартов составляют мир должного и желаемого, а релевантность аксиологической модальности позволяет ей согласовываться с модусом должного и модусом желанного (см. подробнее [Арутюнова 1988, с. 28, с. 57, с. 59–60], см. об оценочном аспекте волитивности [Зализняк 1984, с. 86]). Хорошее ставится в зависимость от таких понятий модального ряда, как долг, воля, желание, которые соотносят аксиологические концепты с человеком, взятым в разных его аспектах. Основное мыслительное содержание концептов «желание» и «долг, норма, обязанность» объединяет в сознании субъекта реальный предметный мир и его идеальную картину.

Деонтика и волитивность демонстрируют ряд существенных семантических отличий. Неслучайно в речи используются различные прямые и метафорические словосочетания, указывающие на нетождественность данных модальных семантик, ср.:

(65) *Я рос не в бедной семье, но меня воспитывали так, что я понимал разницу между «хочу» и «необходимо»* (М. Магомаев. Любовь моя – мелодия (1999)).

(66) *Легко убедиться, когда человек избавлен от слова «надо», он ничего не желает делать. Велика пропасть между «надо» и «хочу». Надо быть опрятным, а хочется плюнуть куда попало, надо работать, а не привык, надо держать слово, а не умеешь и лжешь, авось поверят* (Ф. Чуев. Ильяшин (1998)).

Необходимое действие, в отличие от желаемого, обеспечено принудительно, выполнение нормы есть преодоление себя. В терминах необходимости говорят «об уступке, о том, с чем приходится мириться» [Арутюнова 1992, с. 20]. Аристотель, полагая, что слово «необходимость» – омоним, одним из его значений считает насилие. Необходимым он называет «причиняющее печаль» и формулирует специфику деонтической модальности следующим образом: «коль вещь необходима, в тягость нам она; необходимость нельзя переубедить, ибо она идет наперекор движению, происходящему по выбору и согласно разумному рассуждению» [Аристотель 2002, с. 153–154]. Желание, в отличие от долженствования, связано с принципом удовольствия [Руднев 2007, с. 350–351].

Необходимое действие является, в отличие от желаемого, обязательным для выполнения, иначе наступит некая санкция. Так, рассуждая об обязывающем характере деонтического высказывания, И. М. Кобозева подчеркивает, что его значение может быть подведено под схему: «*X* должен *P* = существуют независящие от воли *X* обстоятельства *O*, которые вынуждают *X* сделать *P*, и если *X* не сделает *P*, то некоторая сила *P*, входящая в состав обстоятельств *O*, причинит *X* зло» (курсив наш) [Кобозева 2000, с. 247].

Различия деонтики и волитивности определяются системными соображениями. В случае с деонтической модальностью мы имеем дело с ситуацией **сознательного** выбора возможного, что отличает ее от волитивности, поскольку, как справедливо отмечает еще Аристотель, «желать можно и невозможного положения вещей, например, бессмертия» [Аристотель. 1984, с. 100] (цит. по [Арутюнова 1988, с. 14]).

Деонтическое высказывание, следовательно, основано на рациональной оценке ситуации, на оценке позитивности действия, на оценке объективных потенций субъекта-исполнителя. Деонтическое высказывание демонстрирует наличие причинно-следственной связи между ситуациями и может быть оспорено указанием на ее отсутствие (*нет, это не так, я не должен, ты ошибаешься*). В случае с волитивностью основание отсутствует: волитивное высказывание выражает прежде всего субъективную оценку, чувственную оценку ирреального действия, положения вещей (ср. рациональная и эмоциональная оценка в [Зализняк 1984; Зализняк, Падучева 1989, с. 176]). Волитивность служит для выражения состояния (или установки) некоторого индивидуума, т. е. является «личной» модальностью (см. [Хинтиikka 1980, с. 40]). Именно поэтому А. А. Ивин предлагает рассматривать деонтические значения в логике суждения, а модальность, связанную с желанием (желательность), в логике оценки [Ивин 1970].

Деонтическое высказывание относится к числу суждений субъекта (*X* считает, что *P* хорошо, значит надо *P*), а волитивное – к числу ощущений, поскольку смыслы «*X* хочет/не хочет *P*» могут быть представлены как

комбинации элементарного предиката «ощущать» (ср. семантический примитив *feel* А. Вежбицкой [Wierzbicka 1972]) и оценочных значений «хорошо/плохо» [Вольф 1985, с. 97–107].

Деонтика является динамичной семантикой, поскольку цель модального высказывания – изменение некоторого положения дел (ср.: *дело плохо, надо принять меры, чтобы изменить ситуацию*). Семантика желания, как отмечает И. Б. Шатуновский, «статична и не предполагает изменения» [Шатуновский 1989, с. 175].

Характеризуясь предметной ориентацией, оба значения по-разному представляют предмет: желание направлено на предмет-цель, а деонтика – на предмет-средство (ср. противопоставление «добра как цели» и «добра как средства» в [Мур 1984, с. 80]). Иными словами, модальность желания/стремления ориентирована на цель, наличие которой предполагает с необходимостью волю субъекта (см. [Булыгина 1980, с. 338–340; Bybee, Perkins, Pagliuca, 1984, р. 177]). Модальность необходимости маркирует способы, условия и орудия достижения цели [Арутюнова 1992, с. 22]. Отметим, что поскольку, согласно Аристотелю, все стремится к благу [Аристотель 1984, с. 54] (цит. по [Арутюнова 1989, с. 14]), то и нормативное значение может быть детерминировано целью, т.е. обогащаться «телеологическим принципом» [Арутюнова 1988, с. 59]. Деонтическое высказывание «надо сделать *P*, чтобы *Q*» указывает на цель и на способ достижения цели (инфинитив): *для того чтобы сварить суп из топора, повару нужно иметь мясо*. Н. Д. Арутюнова подчеркивает, что суть деонтической модальности в ее целеустремленности: «нужно» может быть только то, что направлено на достижение некоторой цели, которая ставится человеком, определяя его сознательные действия, а он связывает с ней положительные коннотации [Арутюнова 1985, с. 23]. Г. фон Вригт представляет «то, что нужно сделать, чтобы было получено что-то еще», как техническое долженствование [Вригт 1986, с. 319].

Взаимоотношения деонтики и волитивности, понимаемой в широком смысле как «выражение желания говорящего каузировать действие; как обнаружение его воли, согласия на что-нибудь» [Ожегов 2015], носят в деонтическом высказывании **опциональный** характер. Иными словами, выбор действия может определяться как рациональными основаниями, так и желанием (см. рис. 1.5), т.е. если человек заинтересован в действиях, которые ведут к его цели, то деонтика носит характер средств достижения желаемого результата (*не надо шуметь* = *я хочу, чтобы было тихо*).

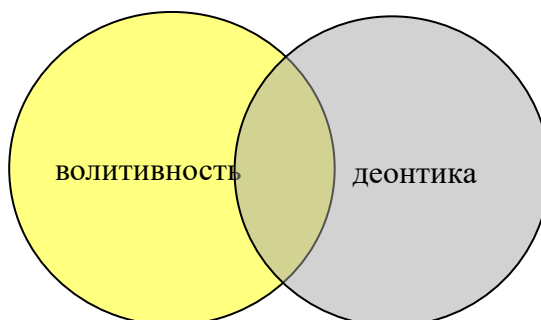

Рис. 1.5. Соотношение деонтики и волитивности

М. А. Шелякин отмечает, что различные семантики «соседствуют» друг с другом, находясь в мотивированных взаимосвязанных отношениях [Шелякин 1990, с. 122]. В таком случае закономерно возникает вопрос «*кому надо?*», т.е. необходимость обусловлена, как подчеркивает А. А. Ивин, оптативной оценкой, «желаемым» («оптативное добро») [Ивин 1970, с. 123]. Речь идет о ситуациях практической необходимости, когда представляемая пропозиция *p* оценивается говорящим как «утилитарное добро» [Арутюнова 1999, с. 191; Шатуновский 1996, с. 221–222].

Наличие концептуальной основы «утилитарное добро» в семантике деонтического высказывания приводит к тому, что исследователи включают компонент волитивности в деонтическую семантику. Так, например, Дж.-Т. Верстрете считает, что желательность (*volitivity*) действий выступает в качестве ядра деонтического значения [Verstraete 2001]. В свою очередь Ф. Кифер осторожно замечает, что деонтические конструкции обладают «*volitional flavour*» ‘волитивным привкусом’ [Kiefer 1997, p. 242]. Дж. Найтс и П. Байло определяют деонтическую квалификацию положения дел «*in terms of its (SoA) desirability*» ‘с позиции желательности положения дел’ [Nuyts, Byloo 2015, p. 40]. Однако, подчеркнем, деонтическая модальность детерминирована не только внутренними условиями субъекта [Narrog 2005, p. 683–685], она обусловлена прежде всего социальными, объективными, факторами.

Таким образом, необходимость действия может определяться желанием исполнителя действия, т.е. модальные установки могут совпадать. Деонтика и волитивность характеризуются потенциальной семантикой, направленностью на выполнение действия, ценностной презумпцией его пользы и выгоды.

Семантические различия данных модальных значений отражаются в следующих оппозициях: необходимость принудительна – желание добровольно и обусловлено волевыми условиями субъекта; разность предметной ориентации (для деонтики действие есть средство, для волитивности – цель); необходимое действие обязательно – волитивное необязательно; необходимость динамична – желание статично; необходимость объективна – желание субъективно; деонтика рациональна и обоснована – волитивность эмоциональна и не требует обоснования.

1.3.3.1. Деонтика и волеизъявление, деонтика и директивность

В научной литературе нередко указывается на содержательную близость деонтики и волеизъявления, или волюнтативности, которая входит в семантическую область волитивности и формирует интенциональные значения. Причиной этого является заинтересованность говорящего в выполнении слушателем необходимого действия (говорящий хочет, чтобы действие *P* осуществилось: *ты должен сделать* = *сделай*). Однако волитивная

и деонтическая установки совпадают далеко не всегда, не всегда деонтическое высказывание предполагает исполнителем действия адресата. Поэтому далее представляется необходимым указать на разницу данных модальных установок.

Объединение долженствования и волеизъявления в одну семантическую область модальности обусловлено объективной близостью понятий воли и желания, одним из важнейших средств выражения которых является глагол *хотеть*, что фиксируется уже в логико-философской традиции. Так, Э. Малли «деонтику» называет агентно-зависимым долженствованием, или логикой воли, которая представляет собой совокупность законов корректного воления. Оно, согласно его идее, есть воление того, что должно быть: *Р должно быть* означает не что иное, как то, что *Р желаемо кем-то* [Centrone 2013, p. 4108].

Элемент потенциальности, присущий деонтической семантике, обуславливает близость модального значения долженствования с другими относящимися к сфере потенциальности модальностями и определяет перспективу их межкатегориального взаимодействия. Долженствование – на основании имеющейся в сфере модальности семантической оппозиции волеизъявление/неволеизъявление (волеизъявление/достоверность) – многие исследователи относят к волюнтаривным значениям, представляющим отношения между объектом действительности и его признаком, наряду с возможностью и желательностью, а также императивностью (см. [Панфилов 1977; Беляева 1985, с. 19; Бондарко 1990, с. 77; Аверина 2013; Паўлоўская 2001]).

Е. И. Беляева подчеркивает, что «значение деонтической необходимости составляет зону пересечения функционально-семантических полей предметной и императивной модальности» [Беляева 1992, с. 77].

Безусловно, описанные выше (в 1.3.3) общность и различия в семантических характеристиках деонтики и волитивности относятся в полной мере к сходствам и расхождениям семантик долженствования и волеизъявления. Оба значения обладают потенциальной природой: принадлежат к семантической области нереальности/ирреальности, поскольку действие еще не реализовано, а только предполагается в будущем. Однако область потенциальных объектов воли, также, как и деонтики, по сравнению с областью потенциальных объектов желания/нежелания гораздо уже (ср. [Арутюнова 1988, с. 254]). Так, Н. Д. Арутюнова отмечает, что в рамках значений эксплицитного волеизъявительного модуса (волитивный модус, обособленный от диктума) модусы желания и волеизъявления (*хотеть, требовать, приказано, велено, чтобы Р*) противопоставлены модусу необходимости (*необходимо, нужно, чтобы Р*) [Арутюнова 1988, с. 109–132; Арутюнова 1998, с. 411–440].

Семантическое родство волюнтаривности и деонтики М. К. Сабанеева объясняет тем, что «социальные и прочие нормы являются выражением коллективной воли социума, закрепленной традицией и превратившейся в общепринятые установления» [Сабанеева 2005, с. 263].

Можно согласиться с тем, что деонтической семантике в какой-то мере присуща волюнтаристическая природа, если рассматривать осознание необходимости изменения ситуации и способов достижения этого как начальный этап волевого акта. Так, чтобы констатировать необходимость какого-либо действия, согласно Дж. Локку, требуется «сила ума» [Локк 1985, с. 287], иными словами, волевое усилие [Цейтлин 1990, с. 142]. Воля рассматривается как «проект действия» [ФЭС 1983, с. 90]. Именно благодаря воле как «внутренней возможности нашего ума» происходит оценка ситуации и выбор из нескольких альтернатив (как минимум из двух) действия, которое приведет к позитивным изменениям (см. [Шатуновский 1989, с. 157; Сабанеева 2005, с. 264]).

Принципиальное отличие между деонтической и волеизъявительной модальностями, как отмечает Й. О. Есперсен, состоит в том, что долженствование **не содержит** элемент воли (см. [Jespersen 1924, p. 329–331] (цит. по [Palmer 2001, p. 10])), это **объективное**, не зависящее от субъекта, отношение к самому действию. В основе деонтики лежат объективные нормы, или естественные условия, которые, согласно И. Канту, не имеют отношения к воле человека, а касаются действий и последствий поступка в явлении [Кант 2010, с. 422]. Иными словами, обязательное положение дел – это интенциональный объект: долг существует априори, независимо от воли его носителя или посторонних лиц, а веление долга – всегда этическая прескрипция, которой подчиняются из внутренних побуждений. Деонтическая модальность является вопросом не выражения воли говорящего, а оценки статуса положения дел и способа (действия) по его изменению, или непременно созданию того или иного положения дел в мире (ср. [Гак 1989, с. 153; Булыгина, Шмелев 1991, с. 17; Булыгина, Шмелев 1997, с. 216; Золотова 2005, с. 140–157; Nuyts 2005]).

В свою очередь волюнтаристическое значение представляет собой воздействие, стимулированное волевым импульсом: оно «заключается в выражении волевой направленности субъекта к совершению действия» [Шелякин 1990, с. 119], в готовности приступить к действию, в попытке его совершить, в согласии на его совершение [Лекант 2007, с. 72], это отношение *производителя* действия к его *реализации* [Грепл 1978, с. 277]. В отличие от деонтического отношения волюнтаристичность выражается в основном инфинитивными сочетаниями со маркерами, не синонимичными деонтическим, а передающими желание, склонность, намерение, стремление, замысел (*хотеть, надеяться, стремиться, стараться, собираться, готов, мечтать, нравиться* и т.п. + инфинитив).

Волюнтаристические высказывания с прагматической точки зрения реализуют речевой акт побуждения, который описывается семантической формулой «Я хочу, чтобы ты сделал Р» [Вежбицкая 1985, с. 251–275; Баранов 2007, с. 412]. Иными словами, они выражают оценочные и интенциональные значения (желание, намерение). В этой связи исследователи отмечают, что значения, связанные с волей субъекта, не являются модальными [Palmer 1990, p. 36–37; Auwera, Plungian 1998; Ziegeler 2003, p. 37], а определяются как иллокутивные [Nuyts, Byloo 2015, с. 42].

Модально-глагольный комплекс с деонтическими лексемами также используется в высказываниях, предназначенных не для сообщения, а для побуждения к действию, для передачи директивного значения, «прямой директивы второму лицу», т.е. совпадение волюнкативной и деонтической установок отмечается только в определенных контекстах, а именно при наличии адресата деонтики и желания. Высказывание *ты должен с ней поговорить* интерпретируется как опосредованное побуждение, т.е. выражение желания ‘я хочу, чтобы ты поговорил с ней = поговори с ней’, при этом в нем сохраняется презумпция полезности ‘тебе будет полезно поговорить с ней’. Способ/форма уточнения адресатом деонтического высказывания в диалогических репликах-переспросах (– *Ты должен сказать. – Что ты хочешь, чтобы я сказал?*), а также функционирующий в эмоциональной речи вопрос о долженствовании адресанта, сопровождающий вопрос о желании адресата, являются свидетельством того, что деонтическое высказывание употребляется для уточнения желания:

(67) *Просто скажи, чего ты хочешь от меня, и я сделаю все. Просто озвучь мне вслух, что я должен сделать* (М. Трауб. Не вся la vie (2008)).

Это позволяет некоторым исследователям, как например Дж. Байби, Р. Перкинс и В. Пальюка, относить деонтическое значение к группе «speaker-oriented modality» ‘модальности с позиции говорящего’ [Bybee et al. 1994, p. 179]. В этой связи М. К. Сабанеева пишет, что «посредством выражения деонтического высказывания говорящий может завуалировать свой волевой призыв к осуществлению действия» [Сабанеева 2005, с. 263]. Ф. Палмер подчеркивает, что деонтика в таких случаях просто отражает социальную условность [Palmer 1990, p. 112–113]. Рассматривая механизм формирования прагматики деонтических высказываний, Дж. Найтс и П. Байло обращают внимание на то, что на основе цепочки метонимических изменений происходит постепенная конвенционализация семантики разговорных имплицатур [Nuyts, Byloo 2015, p. 35–36].

Использование деонтических высказываний для оформления директивности свидетельствует о функциональном аспекте деонтической модальности, а не о ее семантическом содержании.

Директивность и деонтика фундаментально отличаются: директивность представляет иллокутивное значение, которое вовсе не деонтично, а является чем-то отдельным; деонтика есть категория отношения и не должна определяться в терминах прагматики [Nuyts et al. 2010, p. 27, 30–34]. Так, по мнению М. Халлидея, деонтика как «part of the ideational meaning of the clause» ‘часть идейного смысла высказывания’ относится к акту, а не к пропозиции (перевод наш) [Halliday 2004, p. 146–150] (см. также [Diewald 1999, S. 58; Gévaudan 2011, S. 36]).

Таким образом, волюнкативность как волитивное значение имеет с деонтикой ряд сходных семантических характеристик. Основным отличием данных модальностей выступает условие возникновения модального отноше-

ния: деонтическое отношение имеет объективную основу, волюнтаристическое связано с волевой установкой субъекта и является интенциональным значением. На этапе оценочного суждения первого порядка (оценка пользы и возможности осуществления) деонтика характеризуется волюнтаристической природой, поскольку требуется волевое усилие для выбора действия как эффективного средства достижения позитивного результата.

Волеитивная семантика в деонтическом высказывании носит факультативный характер и отмечается в нем только при совпадении адресата высказывания и исполнителя необходимого действия *P*. Деонтические высказывания в директивной функции используются с определенными целями: говорящий таким образом подчеркивает полезность действия для исполнителя или скрывает за долженствованием свое желание, чтобы субъект действовал определенным образом. В иных случаях волеитивность и деонтика могут находиться в отношениях соположения или обусловленности. Рассмотрение деонтического значения как директивного, т.е. включение значения долженствования в волеизъявительную семантику свидетельствует о неразличении семантики высказывания как языкового образования и его актуального, прагматического значения.

1.3.3.2. Деонтическая семантика и прагматические значения разрешения/запрета

Сфера директивности представлена широко, а именно: прескриптивной (*ты обязан выполнить*), реквестивной (*пожалуйста, ты должен мне помочь*) и суггестивной (*советую тебе, ты должен измениться*) иллюкциями. Наиболее сложными отношениями с деонтическим значением в силу своей семантико-прагматической неоднозначности характеризуются иллюкции разрешения и запрета, которые поэтому требуют отдельного рассмотрения.

Поскольку под влиянием модальной логики семантическим ядром той или иной языковой модальности становятся операторы, оформляющие соответствующие суждения, то благодаря прямому переносу логических операторов в сферу лингвистической семантики деонтических высказываний включаются два противопоставленные значения – разрешения и запрета. Суждение с оператором *запрещено* характеризует действие как недопустимое и относится к обязательности, т.е. необходимость не делать что-либо. Суждение с оператором *разрешено* относится к области необязательности действия, которое не противоречит системе норм и поэтому возможно (о смещении в зону алетической семантики см. 1.3.2.2).

В случае алетических операторов «возможно – необходимо» мы имеем дело с обратными противоположностями, или с понятиями, взаимоопределяемыми через отрицание: «необходимо, что *P* = невозможно, что не *P*» [Лайонз 2003, с. 346]. В свою очередь деонтические понятия «разрешено/запрещено» являются не вполне симметричными, поскольку они не взаимоопределяемы через отрицание, ср.: *здесь нельзя переходить улицу*

(‘запрещено = невозможно’) ↔ *здесь можно переходить улицу* (‘разрешается’ = возможно), т.е. *может не P = разрешено не P ≠ необходимо*. Иными словами, не все то, что не запрещено, автоматически разрешено, так же, как и не все то можно, что можно, кое-что из того, что можно, запрещено. Так, высказывание с отрицанием запрета *не запрещено пить воду из лужи* или *я тебе не запрещаю туда ходить* абсолютно не эквивалентно *разрешаю*, потому что легко восстанавливается импликатура (*но это нехорошо, вредно, опасно*). Высказывание-разрешение *пассажиру разрешается провезти с собой бесплатно 20 кг багажа* не является антонимом *не разрешается*, т.е. *запрещается*. В этой связи И. Б. Шатуновский подчеркивает, что *разрешаю* непосредственно противопоставлено не *запрещаю*, а отказу в разрешении (*не разрешаю*) (см. [Шатуновский 1996, с. 182; Шатуновский 2000, с. 322]).

Наряду с логико-семантической несимметричностью разрешения и запрета исследователи указывают также на спорность их модальной семантики. Значения запрещения и разрешения являются директивными и не должны включаться в деонтическую семантику, поскольку, согласно Дж. Найтсу и П. Байло, они «concern illocutionary or other ‘action related’ dimensions and involve interpersonal notions» ‘касаются иллокутивных или других аспектов, связанных с действием, являя собой межличностные понятия’ (перевод наш) [Nuyts, Byloo 2015, p. 49].

Разрешение и запрет являются волюнтаривными значениями: говорящий выражает *свою волю*, обладая полномочиями, авторитетом предоставлять возможность и накладывать обязательство не делать (см. [Coates 1983, p. 32; Palmer 1974; Цейтлин 1990, с. 141; Лайонз 2003, с. 347; Падучева 2019, с. 135]). Примечательно, что уже в деонтической логике запрет, или недопустимое положение дел, в отличие от обязательного положения дел рассматривается как *зависимое от агентов* долженствование [Mally 1971, p. 250, 296–297]. Как отмечает Я. Хинтиikka, «это дело исключительно говорящего: разрешить или нет» [Хинтиikka 1980, с. 74].

Особой характеристикой разрешительных и запретительных высказываний выступает тот факт, что в их семантику включена *воля адресата*. Вопрос предоставления/непредоставления возможности, как отмечает Е. В. Падучева, касается чего-то *желательного для субъекта* [Падучева 2019, с. 134], при этом адресату для того, чтобы реализовать желаемое действие *P*, нужна дополнительная санкция говорящего. Следовательно, конкретные действия *P*, которые выступают объектами разрешений и запрещений, согласно А. Вежбицкой, не являются объектами ценностной квалификации, находясь «по ту сторону добра и зла» (ср. [Wierzbicka 1987, p. 90, 111]). Иными словами, презумпцией запрещения и разрешения выступает желание адресата: *адресат хочет сделать P*, например:

(68) *Мать говорила: «Ты Володю никогда не любил. А мне он родной. И я жалею Полину, ребятшек. Нет, я непременно попрошу Леву, чтобы он поговорил с отцом». – «Я запрещаю это делать!» – однажды крикнул отец (Ю. Трифонов. Дом на набережной (1976)). ← я запрещаю делать то, что ты хочешь (просить Леву).*

Указанные семантические особенности разрешения и запрета накладывают позиционно-когезионные ограничения на функционирование данных актов в структуре диалога. Так, разрешение в своей первичной форме (*разрешаю*), как отмечает И. Б. Шатуновский, «практически всегда является реакцией на предшествующую просьбу *разрешить* и касается действий, которые иногда разрешается совершать, а иногда нет, в этом смысл существования разрешений» [Шатуновский 2000, с. 322]. Прототипическое запрещение, напротив, реализуется превентивно.

Несимметричность директивных значений «разрешено» и «запрещено» проявляется в различных парадигматических отношениях разрешения и запрещения, а именно, как поясняет М. Я. Гловинская: «есть речевой акт, соотносительный с понятием ‘можно’ – это *разрешение*, есть речевой акт, соотносительный с понятием ‘нельзя’ – *запрещение*, но нет речевого акта, соотносительного с ‘должно’ (‘обязан’) – порождающего долженствование, обязанность сделать Р» [Гловинская 1993, с. 189]. Отметим, что в некоторых лингвистических работах можно найти выделение отдельного речевого акта, который представляет собой требование и выражается в принуждении адресата выполнить какое-то действие, а именно облигатива [Тимошенкова, Папкова 1989].

Обратим внимание на то, что если запрещение/разрешение исходят от нормативного источника, иными словами, желание адресата отсутствует, то речь идет о «чисто» деонтической семантике, о ее ценностной презумпции (см. [Kiefer 1987, p. 70; Auwera, Plungian 1998; Palmer 1990, p. 112–113; Palmer 2001, p. 111–112; Падучева 2013, с. 135, 139]). В таком случае возможным или невозможным делают действие Р различные системы правил и норм (моральные, этические или юридические), ср.:

(69) – Можешь сказать, что такое «добрый конь»?

– Добрый? – было слышно, как Квазимодо беззвучно задвигал губами, будто пережевывал слово для того, чтобы понять его смысл. – Это означает, что **ты не должен** ни с кем **драться**, никого толкать и не лгаться, даже если тебя дернули за хвост (В. Севриновский. Сказка о добром коне // Ковчег, 2013). ← драться плохо, неправильно.

(70) – Бог един, – возражал танцовщик.

– **Ты не должен так говорить!**.. – качала головой Соня. – Это **неправильно. Ты не должен ничего такого говорить** (С. И. Шуляк. Квартира номер девять. Роман с чертовщиной // Волга, 2013).

Рассуждения об оценочной презумпции запрета и разрешения, основанных не на воле говорящего, находим у Н. Д. Арутюновой. Исследователь отмечает, что пропозицию в нормативный контекст разрешенности и запрета, свободы и необходимости вводит оценочное отношение к норме, ср.: *плохо, что ты обидел девочку* – оценка, возникающая из-за нарушения нормы, т.е. запретительная норма становится мотивом нормативной оценки *нельзя обижать слабых* [Арутюнова 1988, с. 196]. Как справедливо подчеркивает И. Б. Шатуновский, акты разрешения и запрещения сами по себе *только*

порождают деонтическую возможность или невозможность для *A* делать *P*, что выводит их за пределы собственно побуждений (курсив наш) [Шатуновский 2000, с. 319]:

(71) – *Значит, так, слушай меня, – говорила Регина, – ты имеешь право на половину совместно нажитого имущества* (М. Трауб. Нам выходить на следующей (2011)).

Таким образом, разрешения и запреты составляют сложную семантико-прагматическую область высказываний, представленных двумя классами. С одной стороны, разрешение и запрет являются волюнтаративными актами, указывающими на реализацию воли говорящего в предоставлении адресату возможности совершения действия. С другой стороны, разрешение и запрет представляют собой собственно деонтические суждения о необходимости и возможности, базирующиеся на объективной норме, на правильности и приемлемости поведения.

1.3.4. Деонтическое высказывание и эпистемическая модальность

Я думаю, надо заранее выбрать в жизни:

или полезное, или приятное,

и так уже решиться, раз навсегда.

И. С. Тургенев. Фауст: рассказ в девяти письмах

Эпистемический модус, модус мнения, или субъективной оценки (*я считаю*), как знак связи суждения с его автором, включен в семантическую структуру любого высказывания, в том числе и деонтического. Речь идет о том, что говорящий, утверждая некоторую пропозицию, берет на себя эпистемическое обязательство быть «приверженным» ей (см. [Лайонз 2003, с. 270; Падучева 2011, с. 14]).

Рассуждая об эпистемической семантике в деонтическом высказывании, обратим внимание на то, что деонтические суждения формируются в ментальном акте «восприятия-оценки» действительности, неразрывно связанном с эпистемическими, когнитивными процессами субъекта о предпочтении действия, которое изменит текущее положение дел, т.е. деонтическое отношение возникает в результате мыслительной деятельности по осмыслению ситуации в контексте поиска решения, как действовать. Так, высказывание *надо сделать P* подразумевает следующее: говорящий *считает* действие *P* *полезным* для исполнителя (аксиологическая оценка) и *осуществимым* (алетическая оценка).

Деонтическое суждение представляет собой, таким образом, нефактивное высказывание-мнение. Само мнение принадлежит к классу путативных предикатов (см. [Апресян 2001, с. 7]). Согласно И. Б. Шатуновскому, объекты путативных глаголов субъективны (в нашем случае объектом является необходимость) и «существуют только потому, что субъект “думает” их» [Шатуновский 1996, с. 259, 267, 272], т.е. объекты мнения описывают объективный, внешний по отношению к говорящему мир. Формируя модусную часть высказываний, они представляют собой (потенциальные) мыслен-

ные отражения действительности и «выражают идею ‘существования’, ‘наличия’ в уме субъекта «мысленного объекта» – пропозиции о мире» [Шатуновский 1990, с. 75].

В. И. Карасик отмечает, что деонтическая модальность есть «квалификация чего-либо с позиций противопоставления данного и должного» [Карасик 2012, с. 139]. Данное модальное отношение формируется на базе оценочных суждений в результате операции формально-логического следования (импликации), которая осуществляется по формуле «если p , то q », иными словами, в результате логического умозаключения: *ситуация требует изменения* (посылка p) – для этого хорошо действие P , которое осуществимо $\rightarrow$ на основании этой посылки считаю (поэтому прихожу к выводу q), что надо P (см. рис. 1.6).

Рис. 1.6. Этапы формирования деонтического высказывания

Как всякое мнение, деонтическое высказывание определяется рациональными, логическими основаниями, которые обнаруживаются в предтексте. Обоснованность деонтического суждения фиксируется в поверхностной структуре высказывания в придаточном предложении следствия (*поэтому ты должен*), где выражение мнения опущено (*поэтому считаю, что ты должен*):

(72) *Брат, ты только что обидел скорбящих. Поэтому ты должен сейчас извиниться и уйти отсюда* (С. Шикера. Стень (1998) // Волга, 2009).

Выводной, причинно-следственный характер деонтического суждения маркируется в модальном высказывании такими инференциальными лексемами, как *выходит, получается, таким образом, значит/also, следовательно/folglich*, а также парафразом *то есть/das heißt, иными словами/andersum*, указательным наречием *здесь/hier/da* (в значении «в данных обстоятельствах»), сочинительным союзом *и/und* со значением нормального следования. Данные лексемы являются индикаторами обработки говорящим дискурсивных сведений, интерпретации и извлечения контекстно-связанной информации, например:

(73) – *Вы видели сому?*

– *На картинке.*

– *А я даже в гербарии!*

– *Значит, это мне следует учиться у вас, а не вам у меня.*

– *Что вы, Расул Бободжанович! Я же полнейший профан* (Е. Парнов. Третий глаз Шивы (1985)).

(74) *А так как нет у нас капиталов, значит, надо их из-за границы привлечь* (Ф. М. Достоевский. Крокодил (1865)).

(75) *Так как 73-й ВСО дислоцируется на правом берегу реки, очевидно, рота Пылаева должна расположиться на левом. И, следовательно, мне следует ехать через Варшаву дальше вдоль берега* (С. М. Голицын. Записки беспогонника (1946–1976)).

(76) *Наташа спустилась с горки, подъехала к Данилову с Кармадоном и поинтересовалась, не кончили ли они секретничать. – Кончили, – сказал Кармадон, – и выходит, что мне следует отправляться домой и на вокзал. Иначе опоздаю. Прощайте* (В. Орлов. Альтист Данилов (1980)).

(77) *Also muss ich schnell handeln, wenn ich das Gefühl habe, dass sich etwas ändern muss* (Die Zeit, 16.05.2016 (online)). ‘Значит, я должен действовать быстро, когда чувствую, что что-то должно измениться’.

(78) *Сегодня практически всякое общество становится многонациональным ввиду иммиграционных процессов, глобализации и т.д. Здесь, я думаю, нужно очень спокойно, разумно подойти к оценке рисков, в том числе и в России, и наметить некие правильные пути преодоления этих рисков* (Д. К. Киселев. Интервью Святейшего Патриарха Кирилла телепрограмме «Национальный интерес» (2009) // Журнал Московской Патриархии № 1, 2010).

Однако деонтическое высказывание не всегда является результатом импликации. Так, Е. С. Яковлева подчеркивает, что первоисточником мнения может выступать говорящий, который формирует в уме пропозицию на основе вывода, либо пропозиция может быть непосредственно дана его уму, сознанию (относится к «характерной информации») [Яковлева 1994, с. 218–219], когда речь идет о законах, конвенциональных правилах и т.п.

Путативный «фундамент» деонтического высказывания свидетельствует, что его пропозиция лишена параметра истинности: говорящий имеет пресуппозицию фактивности высказываемой пропозиции и выносит ее истинность, соответствие действительности в коммуникативный фокус. Иными словами, компонент ‘соответствует действительности’ не является данным для деонтического высказывания, а входит в фокус коммуникативного интереса, находясь под вопросом (подробнее о путативном суждении см. [Шатуновский 2016, с. 46]). Это в свою очередь определяет апеллятивные возможности деонтического высказывания, семантическую связность реплик в диалоге и характер ответной реплики на высказывание о долженствовании. Так, реакцией на *ты должен сделать Р*, наряду с согласием или несогласием, также может выступать вопрос, выражающий сомнение в собственно необходимости действия *Р*, а именно: *ты (так) думаешь/считаешь? Ты действительно так считаешь? Действительно? Ты уверен? Почему ты так думаешь?* и т.п. Такая форма только косвенно соотносится с пропозицией и выступает реакцией на имплицированный модус. В этой связи Н. Д. Арутюнова обращает внимание на то, что вопросительная реакция на деонтическое суждение, будучи общей реакцией на модусную часть высказывания и апеллируя к модусу собеседника, «выражает сомнение не

в искренности говорящего, а в истинности пропозиции» [Арутюнова 1999, с. 608], т.е. в правильности умозаключения, например:

(79) – *Лев, ты должен непременно Диме помочь!*

– *Ты считаешь?*

– *Да, считаю! Я Соню хорошо помню, она очень милая* (Ю. Трифонов. Дом на набережной (1976)).

(80) – *Du musst wirklich damit aufhören, das zu fragen.*

– *Meinst du das ernst?* («Arrow» Tremors, 2014 (Filmuntertitel)). ‘– Тебе действительно нужно перестать спрашивать об этом. – Ты серьезно так думаешь?’

Реализация апеллятивности происходит в деонтическом высказывании также благодаря некоторым вводным элементам, содержащим эпистемические глаголы во 2 л. наст. вр. *знаешь (знаете)/weißst du (wissen Sie), понимаешь (понимаете)/verstehst du (verstehen Sie)*:

(81) *Понимаешь, я должен сделать то, что собираюсь сделать...*

(В. Скворцов. Сингапурский квартет (2001)).

Данные вводные элементы используются не для проверки осознания необходимости адресатом, а в фатической и эмфатизирующей функциях, чтобы обратить внимание собеседника на предмет разговора и подчеркнуть необходимость действия:

(82) *Но знаешь, надо все-таки всем рассказать. Пришла пора. Хватит сидеть и трястись, как мышь в норе. Ты сама его распустила* (Г. М. Артемьева. Фата на дереве (2012)).

Вводный элемент *ты знаешь (знаете)* указывает, согласно Ю. Д. Апресяну, на ослабленное значение «доверительности», на сложное значение разделяемого знания [Апресян 2004, с. 399]. В подобных высказываниях ключевую роль играет интонация: безударное *знаешь/weißst du* апеллирует к обобщенному опыту о необходимости. Если вводный элемент *знаешь/weißst du* реализуется с восходящей мелодией, а также в вопросительном деонтическом высказывании, то говорящий сообщает свое мнение о необходимости, исходя из того, что адресат может о ней не знать: ‘если не знаешь, могу сообщить’, например:

(83) – *И знаете, Чайк, что надо вам сделать, когда съедете на берег?*

– *Что, капитан?* (К. М. Станюкович. Похождения одного матроса (1900)).

(84) – *Weißt du, du musst das Überlebenstraining noch einmal machen.*

– *Wirklich?* («The Big Bang Theory» The Table Polarization, 2014 (Filmuntertitel)). ‘– Знаешь, тебе придется заново тренироваться на выживание. – Правда?’

1.3.4.1. Экспликация эпистемической оценки в деонтическом высказывании

Поскольку норма всегда путативна, то экспликация эпистемического модуса в деонтическом высказывании (*я считаю, надо P*) избыточна.

Мнение обладает таким параметром, как степень уверенности, поскольку логическая операция говорящего по осмыслению способа изменения ситуации не всегда свидетельствует о его уверенности в правильности вывода о необходимости. Согласно Аристотелю, мнение мы составляем о том, что толком не знаем [Аристотель 1984, с. 100–101], (цит. по [Арутюнова 1988, с. 14]), что определяет его весьма гетерогенную семантическую структуру: говорящий может соотносить содержание высказывания не только с мнением-оценкой, но и с вероятностной оценкой, т.е. с такими эпистемическими квалификациями, как предположение, уверенность/неуверенность. Именно по этой причине говорящие прибегают к модусному «комментированию» деонтического высказывания, выражая эпистемическую оценку в пределах категорической и проблематической достоверности. Говорящий таким образом демонстрирует, им как субъектом сознания «концептуально-эпистемически переживается пропозиция» [Задворная 2000, с. 23] (см. подробнее о путативности [Задворная 2001, с. 459]). Это повышает субъективность деонтического высказывания, лишая пропозицию презумпции истинности.

Указание на проблематический характер деонтического высказывания реализуется с помощью эпистемических предикатов либо модусных слов различной степени достоверности, эвиденциальными и не всегда связанными с путативностью инференциальными маркерами, а также путем трансформации деонтического высказывания в форму неместоименного вопроса.

1. Эпистемическое «обрамление» деонтического высказывания осуществляется различными глаголами с субъективной валентностью (*думаю, полагаю / ich denke, glaube, vermute, schätze; принято думать, представляется / man denkt, man glaubt; убежден, уверен / ich bin überzeugt, sicher* и т.п.). При этом деонтическое высказывание, подчиненное пропозиции эпистемических предикатов, относится, как отмечает Анна А. Зализняк, «к области максимальной нейтрализации противопоставления смыслов оценки и предположения: *я считаю ≈ думаю*» [Зализняк 1991, с. 192–193], например:

(85) *Думаю, мне надо научиться сдерживать себя, стать чуть менее бескомпромиссным – стремление в каждой партии только к победе изматывает и порой приводит к прямо противоположному результату* (Любимая работа // 64 – Шахматное обозрение, 15 марта 2004).

(86) – *Полагаю, что после этого пламенного спича мне следует удалиться, – догадался Забелин* (С. Данилюк. Рублевая зона (2004)).

(87) *Мне кажется, ему нужно поехать в Париж, ударить кулаком по столу и взять, наконец, в свои руки несчастный русский флаг...* (З. Н. Гиппиус. Он и мы (1943))

(88) *Ich schätze, du musstest also doch nicht zu Lola* («Suits» Know When to Fold ‘Em, 2014 (Filmuntertitel)). ‘Мне кажется, тебе же не надо было к Лоле’.

(89) *Западу, я уверен, надо объяснять такое понятие, как славянская солидарность, что между Россией и Сербией существуют длительные культурно-исторические связи* (С. Огоньков. Свисток иногда оказывается важнее паровоза // Общая газета, 1998).

(90) *Я убежден – надо не так!* (В. Смехов. Театр моей памяти).

Выбор пропозиционального глагола для поверхностной модусной рамки деонтического высказывания определяется каждым субъектом, «исходя из особенности своей натуры» [Дмитровская 1988, с. 178]. Так, кажущееся снижение уверенности за счет модусного предиката не всегда является проблематизацией достоверности высказывания, доказательством служит последующее высказывание категорической достоверности:

(91) *Ich werde die Geschäfte in den nächsten Tagen an meinen Nachfolger übergeben und ich glaube, dass wir die Saison kritisch analysieren müssen. Das ist sicher* (Die Zeit, 24.05.2016 (online). ‘В ближайшие несколько дней я передам бизнес своему преемнику, и я думаю, нам нужно критически проанализировать сезон. Я уверен в этом’.

2. Уточнить статус оценки, уверенная/неуверенная, призваны различные модальные слова (*по идее, наверное, возможно, вероятно/ vielleicht, wohl; конечно, определено, безусловно, разумеется/ sicher, bestimmt*), которые к эпистемической схеме ‘возможность того, что *p* есть’ добавляют новый компонент и «выносят» его в коммуникативный фокус [Шатуновский 1988, с. 18].

Благодаря модальным словам проблематической достоверности (*наверное, вероятно, возможно/ vielleicht, wohl*) происходит снижение категоричности деонтического суждения, которое, сообщая о принуждении к действию, само по себе достаточно интенсивно:

(92) *Страна, по идее, должна гордиться, что у нее есть такие богатые граждане* (А. Скорнякова. Дело ЮКОСа может сорвать России инвестиционный рейтинг // Независимая газета, 11 июня 2003).

(93) *Во всех такого рода загадочных обстоятельствах, вероятно, надо общими силами, коллективным разумом принимать пусть не простые, не бесспорные, но волевые решения* (М. Захаров. Суперпрофессия (1988–2000)).

(94) *Günther Kaufmann muss wohl die Schlussszene in seinem eigenen Krimi noch einmal umschreiben* (Der Tagesspiegel, 23.11.2004). ‘Гюнтеру Кауфманну, вероятно, придется переписать финальную сцену в своем триллере’.

Неуверенность возникает в отношении деонтического высказывания, если говорящий, как уже отмечалось, хочет услышать подтверждение своего вывода, сделанного на основании посылки, в правильности которого он, однако, вовсе не убежден:

(95) – *Дан, скажи, что нам сейчас делать?* – *Тим, улыбаясь, смотрел на брата, который осторожно ощупывал лицо.*

Дан нахмурился и достаточно долго молчал, прежде чем неуверенно сказал: – Наверное, надо принести Знич в город горбунов.

Юный хранитель одобрительно кивнул (И. Краева. Тим и Дан, или Тайна «Разбитой коленки»: сказочная повесть (2007)).

(96) Потом Бэда сказал **неуверенно**: – Им заплатить, **наверное, надо**...
– **Мы их не нанимали**, – возразила Пиф (Е. Хаяцкая. Синие стрекозы Вавилона/ Человек по имени Беда (2004)).

(97) Марик смущенно дернул плечом:
– Ну, в общем, она, конечно, была не очень вредная. Я ведь могу как-нибудь позвонить ей?... **Наверное, надо извиниться**...
– **Да уж не помешало бы**, – проворчала Эва (Д. Сабитова. Цирк в шкапулке (2007)).

Модальные слова высокой степени уверенности (*определенно, безусловно/ bestimmt, sicher*) увеличивают категоричность деонтического высказывания, подчеркивая важность и полезность действия и таким образом усиливая воздействующий потенциал высказывания, например:

(98) Вера понимала, что время главных решений приближается, а она к ним не готова. В итоге сомнения, с которыми Богодухова восприняла предложение о путешествии на Южный Урал – у Аркадия там дела, – повернулись иной стороной. **Конечно, надо соглашаться. Обязательно!** Очень, очень кстати такая поездка (А. Салущий. Немой набат // Москва, 2019).

(99) Начатая административная реформа, **безусловно, должна** быть доведена до полного восстановления строгой государственной дисциплины по выполнению законов и распоряжений властей на федеральном, региональном и местном уровнях (предвыборная программа народной партии РФ).

(100) Man **muss sicher** Konsequenzen ziehen und Strukturen reformieren (Berliner Zeitung, 29.10.2005). ‘Безусловно, необходимо сделать выводы и реформировать структуры’.

3. Кроме этого, на эпистемичность деонтического высказывания также указывают различные эвиденциальные маркеры. С их помощью говорящий не только снижает категоричность высказывания о необходимости, но и снимает с себя ответственность за вывод о правильном способе изменения ситуации, т.е. о необходимом действии *P*, демонстрируя, что деонтическое высказывание не является его мнением, например:

(101) – Почему вас оставляют?
– **Говорят, нужно** натаскивать в бою тех, что приехали, новеньких. Пожалуй, оно и правильно ... (Р. Кармен. Но пасаран! [Ч. 2] (1972))

(102) Хотя, **по мнению Кремля, ничего менять не надо** (С. Сухова. Горизонталь власти // Итоги, 18 февр. 2003).

(103) **Общее мнение большинства** ее членов сводится к тому, что **надо** наводить порядок, но начинать его наводить нужно с тех, которые наверху, памятуя народную мудрость: рыба гниет с головы (Оборотни первой волны // Завтра, 6 авг. 2003).

4. Деонтическое высказывание в форме неместоименного вопроса, маркируя либо предположение о необходимости действия, либо сомнение в необходимости, реализует, наряду с модусной функцией, апеллятивную: говорящий напрямую запрашивает содержание мнения адресата и проверяет, совпадает ли его вывод о необходимости с мнением адресата, снимая с себя таким образом ответственность за конечное принятие решения о необходимом действии *P*:

(104) *Herr Müller-Glissmann, an den wichtigsten Börsen weltweit geht es seit geraumer Zeit nur in eine Richtung: nach oben. **Müssen wir uns allmählich vor einem Crash fürchten?*** (Die Zeit, 07.12.2017 (online)). ‘Господин Мюллер-Глиссманн, самые важные фондовые биржи в мире уже некоторое время движутся только в одном направлении: вверх. Надо ли нам бояться краха?’

(105) *Словом, подавать на паперти не только по церковным праздникам, но и по будням. Этот "сигнал", рассчитанный на признательность, озадачивает и удивляет. Разве об "отступном" или подаянии **надо** говорить?* (Иван-дурак и миллиардер Шахновский // Завтра, 22 авг. 2003).

(106) ***Так что,** избиратель **должен** идти голосовать за проект?* (А. Рыклин. Пусть игра стоит свеч // Еженедельный журнал, 8 апр. 2003).

Отметим, что деонтическое высказывание в форме неместоименного вопроса может включать в себя модусные слова и инференциальные маркеры:

(107) – *Ведь тебе, **наверное, надо** умыться с дороги?* (Ю. О. Домбровский. Обезьяна приходит за своим черепом, ч. 1 (1943–1958))

Апелляция к собеседнику в «деонтическом вопросе» поддерживается глаголами интенциональной установки во 2-м лице (*ты считаешь, что надо P/ meinst du, dass man P muss* либо как *ты считаешь, надо P?*), например:

(108) – *Туповато. **Как думаешь, надо** поточить, Андрон?*

– *Малость надо* (Н. Н. Алексеев. Брат на брата (1904)).

(109) – *Знаете, о чем я думаю, Кириллыч... Нам завтра в дорогу, когда еще здесь будем? А крест не поставили. Утром не до того будет.*

– *Думаешь, надо?*

– *Надо, Кириллыч.*

– *Ну... Так давай ладить* (А. Купер. Истопник // Дальний Восток, 2019).

(110) ***Значит, ты считаешь,** что я **должен** взять у них пять штук зеленых, на все согласиться и помочь им перегрузить пакет?* (В. Кунин. Кыся (1998–2000)).

(111) ***Иными словами,** ты считаешь, что **надо** жить только одним днем?* (Б. Левин. Блуждающие огни (1995))

1.3.4.2. Сдвиг деонтического высказывания по эпистемической шкале

Мнение на эпистемической шкале противопоставлено знанию. В отношении деонтической необходимости можно высказывать только мнение по оценке объективных обстоятельств, в отличие от алетической необходимости, которую можно только *знать* (иметь в уме) [Булыгина, Шмелев 1997, с. 235], поскольку обоснованность, характерная для выражения мнения, невозможна при изложении знания (о мнении и знании см. [Зализняк 1992, с. 53]).

Однако для экспликации модуса деонтического высказывания активно используется предикат *знать/wissen*.

Модусный предикат *знать/wissen* предполагает пресуппозицию истинности вводимой им пропозиции. Компонент ‘истинно’ не входит в семантическую структуру деонтического высказывания. Согласно Ю. Д. Апресяну,

фактивный смысл *знать* тесно связан с путативным смыслом лексики *считать* [Апресян 2004, с. 396]. Следовательно, употребление модуса знания в деонтическом высказывании объясняется широтой лексического значения модусного предиката *знать/wissen*, которое, как отмечает Ю. Д. Апресян, «располагается между полюсами “истинное знание” и “мнение”, покрывая целиком первый полюс, пересекаясь с семантикой таких промежуточных ментальных предикатов, как *понимать*, *верить*, *быть уверенным*, *убежденным*, и доходя до границ второго» [Апресян 1995, с. 52]. Данные промежуточные модусные предикаты также используются для экспликации деонтического высказывания, например:

(112) *Ich weiß, dass ich so nicht weitermachen will. Und ich **weiß**, dass ich zuerst an mir arbeiten **muss**, wenn ich etwas verändern will* (Die Zeit, 12.05.2017 (online)). ‘Я знаю, что не хочу продолжать в том же духе. И я знаю, что, если я хочу что-то изменить, я должен сначала поработать над собой’.

(113) *Я **понимаю**, что надо срочно переключить его мысли на что-то другое* (Л. К. Чуковская. Памяти детства: Мой отец – Корней Чуковский (1971)).

(114) *Я **сознаю**, что надо изгонять из него пороки, пока мал, а после поздно будет* (Ф. К. Сологуб. Мелкий бес (1902)).

(115) – *Вот видишь ли, — укоризненно-радостным тоном говорит Маня, — я отлично **помню**, что надо что-то такое принимать, вот только забыла что, а это капли... вот, вот я теперь сама помню, именно капли* (Ф. Ф. Тютчев. Кто прав? (Из одной биографии) (1892)).

Коммуникативным фактором для выражения модуса знания в высказывании выступает его эмфатический характер: модус *я знаю/ich weiß* несет на себе логический акцент (см. подробнее [Зализняк 1992, с. 53]). Именно поэтому в случае конфликта деонтики и алетики отмечается замена путативного модуса на модус знания, а также на модус понимания (как «освоенного» знания). Говорящий таким образом подчеркивает свое позитивное отношение к необходимости при невозможности выполнения нормы: *я знаю (осознаю), что надо P, но не могу (нет объективной возможности)*:

(116) *Я **знаю**, что надо отдохнуть, но **боюсь** этого. Ведь тогда у меня будет свободное время, и опять на меня обрушится тоска, боль, пустота... Ведь нет больше моего папы!* (Л. Гурченко. Аплодисменты (1994–2003))

(117) – *Юра, ты же все сам понимаешь...*

– *К сожалению, Ната, к сожалению. **Понимаю**, что надо, но не могу смириться.*

– *Мы с тобой смирились со многим.*

– *Правильно, но ради чего? Цель?* (Э. Хруцкий. Осень в Сокольниках (1983))

Изменение модуса деонтического высказывания обуславливает контекст, который является «внутренней характеристикой коммуникации» [Колшанский 1979, с. 54]. Модус знания в деонтическом высказывании отражает концептуальные конфигурации в сознании говорящего (мыслящего) субъекта, которые детерминируются, ситуативно зависимым, эпистемическим отно-

шением к норме, обусловленным или ее известностью, или субъективным ощущением ее истинности (рис. 1.7). В случае известности нормы мнение переживает подъем по эпистемической шкале.

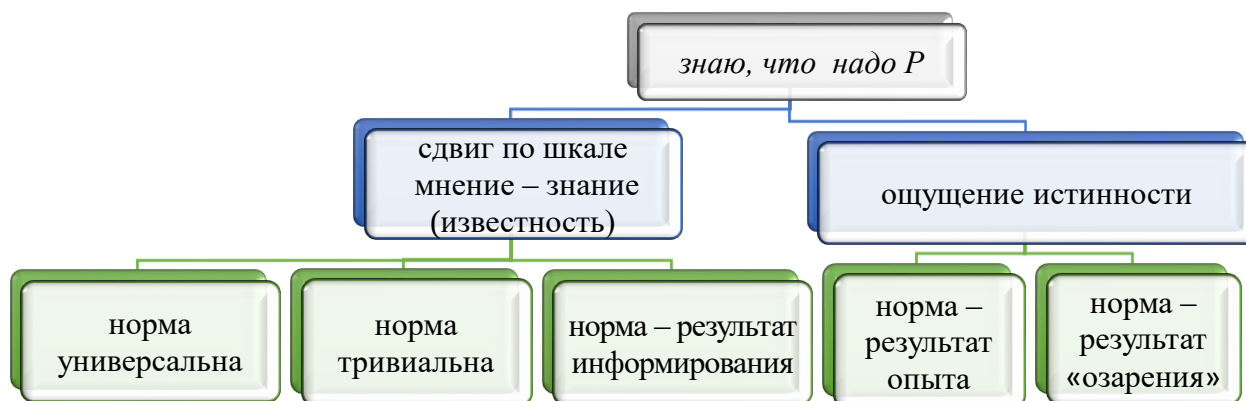

Рис. 1.7. Семантические факторы эпистемических модификаций в деонтическом высказывании

Деонтическое высказывание не всегда является результатом непосредственной импликации. Если речь идет о социоцентрических нормах и моральных предписаниях, о законах, конвенциональных правилах и т.п., то подобные нормы, составляют область знания говорящего и обычно не требуют модусной экспликации.

Так, Е. С. Яковлева подчеркивает, что первоисточником мнения может выступать говорящий, который формирует в уме пропозицию на основе вывода, либо пропозиция может быть *непосредственно* дана его уму, сознанию (относится к «характерной информации») [Яковлева 1994, с. 218–219]. Для фиксации знания используется в том числе генерализация субъекта эпистемической оценки (*все знают/всем известно*):

(118) *Тем не менее сегодня уже мало кто пытается снять деньги в банкомате после того как трижды неправильно был набран PIN, все знают, что нужно* делать, когда банкомат «съедает» карточку, и уж тем более – когда она утеряна или украдена (Новости СБС АГРО // Столица, 18 марта 1997).

Эксплицированная модусная часть *я знаю, что (надо чистить зубы, что дорогу надо переходить на зеленый, что надо говорить правду)* выступает эмфатическим маркером: *я знаю/ich weiß*, который несет на себе логический акцент в высказывании (см. подробнее [Зализняк 1992, с. 53]. Именно поэтому в случае неосуществимости необходимого действия *P* отмечается замена путативного модуса на модус знания, а также на модус понимания (как «освоенного» знания). Говорящий таким образом подчеркивает свое позитивное отношение к необходимости при невозможности выполнения нормы: *я знаю (осознаю), что надо P, но не могу (нет объективной возможности)*.

(119) *Я знаю, что надо отдохнуть, но боюсь этого. Ведь тогда у меня будет свободное время, и опять на меня обрушится тоска, боль, пустота... Ведь нет больше моего папы!* (Л. Гурченко. Аплодисменты (1994–2003))

(120) – Юра, ты же все сам понимаешь...

– К сожалению, Ната, к сожалению. **Понимаю, что надо, но не могу смириться.**

– Мы с тобой смирились со многим.

– Правильно, но ради чего? Цель? (Э. Хруцкий. Осень в Сокольниках (1983))

При этом говорящий может проблематизировать универсальные нормы, решая определенные прагматические задачи, например в ситуации иронии, издевки, совета: *думаю, дорогу надо переходить на зеленый.*

Эпистемический подъем от мнения к знанию происходит, во-первых, при изменении в эпистемическом состоянии говорящего: *до текущего момента я не знал того, что надо делать в ситуации X, теперь знаю*, что обуславливает употребление в модусной части темпорального наречия *теперь/jetzt* демонстрирующего сопоставление настоящего и предшествующего. Модус знания используется как индикатор того, что деонтическое высказывание не является умозаключением субъекта, а результатом информирования, ознакомления субъекта с нормой, т.е. «я знаю» интерпретируется как *мне сообщили, я получил от кого-то информацию о норме*, например:

(121) – Лена, спасибо большое. Я такое узнала... **Теперь я знаю, что надо** пойти к врачу.

– Ну ты же образованный человек! Ты что, не знала, как пойти к врачу? (Е. Ханга. Про все(2000))

(122) Спасибо вам, Эва. **Теперь я знаю, что надо** делать. **Надо** спеть ей эту колыбельную – и она вернется (Д. Сабитова. Цирк в шкатулке (2007)).

В-вторых, модус знания возникает в деонтическом высказывании в случае тривиальности нормативной информации для говорящего, т.е. при нарушении условия успешности репрезентатива (информация для адресата не новая). В таком случае модусная часть высказывания я *""знаю/ich ""weiß*, где предикат получает акцентное выделение, реализует директивные коммуникативные смыслы: либо выражает просьбу не продолжать сообщение об уже хорошо известном (*можешь не рассказывать*) [Апресян 2004, с. 401], либо передает коммуникативный запрет (*не надо об этом говорить, напоминать*). Данная коммуникативная установка поддерживается и интенсифицируется в модусной части такими прономинальными единицами, как *сам(а)*, а также наречиями положительной оценки *хорошо/прекрасно/отлично* (*знаю*) или словосочетанием *без тебя знаю*, указывающим на избыточность сообщения, например:

(123) – Попадет тебе от Мишки, – начал Слава.

– **А что мне Мишка за начальник!**

– Ты своими глупыми шутками все портишь.

– **Я сам знаю, что надо** делать! – отрезал Генка. – У меня своя голова на плечах (А. Рыбаков. Кортик (1946–1948)).

(124) – Я жду рабочих! – вдруг плаксиво закричал начальник ЖЭКа. – **И не надо** давать мне указания! **Я сам знаю, что надо** делать в таких случаях не хуже вашего.

– *Не волнуйся, дорогой, – сказал отец Сурена* (Б. Минаев. Детство Левы (2001))

(125) – *Да, да. Тише, слушай.*

– *Без тебя знаю, что надо слушать.*

– *Молчи!*

– *Сам знаю, что надо молчать* (Е. Л. Шварц. Красная шапочка (1937)).

Экспликации модуса знания происходит в случае **субъективной убежденности** в правильности действия. При этом деонтическое высказывание остается мнением, но говорящий считает его содержание (т.е. должествование) знанием. Анна А. Зализняк обращает внимание на субстанциональное свойство состояния знания, которое, как внутреннее состояние субъекта, «не релятивизировано к истине», его можно охарактеризовать как «ощущение истинности» [Зализняк 1992, с. 51]. Речь идет о значении субъективной фактивности, о соответствии некоторого положения дел ментальному истинностному миру субъекта, что происходит в следующих случаях.

Во-первых, эпистемическая замена «мнение→знание» обусловлена апелляцией «к знанию в опыте» [Арутюнова 1999, с. 432] и указывает на убежденность, которую говорящий приобрел с опытом, поскольку знание представляет собой достижение (achievement) по З. Вендлеру [Вендлер 1987, с. 310–314], например:

(126) *Когда ко мне приходит слесарь чинить водопровод, я знаю, что надо платить ему деньги* (М. С. Харитонов. Стенография конца века. Из дневниковых записей (1977)).

(127) *Но по себе я знаю: надо просто писать и не думать, что пишешь шедевр* (С. Н. Есин. Дневник (2004)).

(128) *В том-то и дело, что я ничего особенного не чувствую. Мне удобно на подмостках, я знаю, что нужно делать* (К. С. Станиславский. Работа актера над собой (1938)).

(129) *Ich weiß einfach, welche Fragen ich gar nicht stellen muss, weil ich sowieso keine Antwort bekomme* (Die Zeit, 28.12.2017 (online)). ‘Я просто знаю, какие вопросы мне не нужно задавать, потому что я все равно не получу ответа’.

Во-вторых, модус знания является маркером своего рода «эврики», т.е. интуитивного внезапного озарения в обнаружении способа изменения проблемной ситуации, кажущегося говорящему единственно верным:

(130) *В городской гостинице «Восток» пожилая хмурая администраторша нам сказала, что мест нет и не будет, да и вообще гостиница эта – для интуристов. «Я знаю, что надо делать, – шепнул мне в ухо Николай Николаевич. – Надо вложить в паспорт два червонца и дать ей». Так я и поступил, и сказал, просовывая в окошечко паспорт* (А. Городницкий. И жить еще надежде (2001)).

В таком случае деонтическое высказывание с модусом знания *я знаю, что надо делать* представляет собой речевое клише, которое выполняет акцентирующую и проспективную функцию, поскольку за клише следует

конкретизация необходимого действия, являющегося способом устранения текущей проблемы:

(131) **Я знаю, что надо сделать! Надо попробовать на Кострикине!** (Б. Сарнов. Юра Красиков творит чудеса // Пионер, 1969)

(132) **Это я нарочно бежать не хочу! Я знаю, что надо сделать! Я стану драться!** (Ю. Дружков (Постников). Приключения Карандаша и Самоделкина (1964))

Данное клише является формальным усечением телеологического компонента *я знаю, что надо делать [чтобы достичь P]*, которое в том числе может быть реализовано:

(133) **Я знаю, что нужно делать, чтобы выжить. Нужно собирать грибы и заготавливать их на зиму, люди сейчас даже ядовитые грибы стали брать. А если вдруг начнется война, надо ехать в деревню, там нас враги не достанут** (Н. Куртинаина, М. Булгакова. Кризис глазами детей // Нижегородские губернские ведомости, 11 сент. 1998).

(134) *Klitschko meinte, er sei besessen von dem Ziel, wieder in den Ring zu steigen und Fury zu besiegen: «Ich weiß, was ich tun muss, um zu gewinnen»* (Die Zeit, 22.06.2016 (online)). 'Кличко сказал, что он одержим возвращением на ринг и победой над Фьюри: «Я знаю, что мне нужно сделать, чтобы победить»'.

Таким образом, путативность является внутренним содержанием деонтического высказывания. Уточнение его эпистемического статуса при помощи различных средств служит увеличению субъективности высказывания, снижению/повышению категоричности. Модусная экспликация путативности в деонтическом высказывании активизирует апелляцию к мнению адресата для подтверждения/опровержения правильности мнения говорящего необходимости.

Эпистемический подъем (мнение→знание) деонтического высказывания обусловлен определенными семантико-прагматическими причинами, а именно: универсальностью (общеизвестностью) нормы, возникновением у нормы информирующего субъекта/источника, тривиальностью нормативной информации. Экспликация модуса знания детерминирована изменением знаниевого статуса субъекта или субъективной убежденностью в правильности действия *P*. Отражая как рациональные, так и эмоциональные состояния говорящего, модус знания обогащает деонтическое высказывание экспрессивными характеристиками и различными коммуникативными смыслами.

1.4. Синтаксическая манифестация взаимоотношений деонтики с другими видами модальности

Взаимоотношения между деонтикой, с одной стороны, и эпистемикой, аксиологией, алетикой, волитивностью, с другой стороны, реализуются на поверхностном уровне высказывания различными отношениями: *изъяснения, каузальности, чистой и противительной конъюнкции*.

1. Взаимосвязь аксиологии, и, прежде всего, эпистемики фиксируется в **сложноподчиненных изъяснительных предложениях**, где в главной части реализована пропозициональная установка (*считаю, что надо P; [считаю] хорошо, что надо P*), т.е. подчеркивается субъективное отношение к необходимости.

1а. Модусная экспликация путативности в деонтическом высказывании связана «с желанием пригласить собеседника к обмену мнениями» [Задворная 2000, с. 33]. Как отмечает Н. Д. Арутюнова, модус становится эксплицитным, когда «мнение может быть оспорено» [Арутюнова 1989, с. 120], поскольку сам концепт мнения, включающий в себя смыслы ‘другой’, согласно Ю. Д. Апресяну, семантически сопряжен с идеей выбора [Апресян 2004, с. 395]. Модус субъективной оценки в поверхностной структуре высказывания используется для акцентирования осознанной субъективности мнения о необходимости, что особенно важно при противопоставлении мнений говорящего и адресата о долженствовании. Эксплицитно выражая субъективное отношение к содержанию деонтического высказывания, говорящий демонстрирует, что могут быть и другие точки зрения относительно долженствования. Таким образом он стремится получить либо согласие речевого партнера с необходимостью действия, т.е. подтвердить правильность умозаключения (да, [я тоже так считаю, надо P]), либо услышать опровержение своего мнения о необходимости (нет, [я считаю], не надо), т.е. показывает свою склонность принять или отвергнуть пропозицию высказывания:

(135) – *По-моему, надо поступать.*

– *Ты так думаешь?*

– *Конечно, ты будешь там целыми днями с людьми, и опять-таки это практика в разговорах и даже печатании на английском* (В. Голяховский. Русский доктор в Америке (1984–2001)).

(136) *Моя точка зрения иная. Мы должны занять ясную, недвусмысленную позицию* (Б. Немцов, Е. Трегубова. «Мы и правда не из разведки!!» // Коммерсантъ-Власть, 2002).

Экспликация путативного модуса происходит при помощи предикатов мнения *считать/meinen/finden* как в персонализированной форме, так и имперсонализированно *считается, принято считать*, например:

(137) – *Но, я считаю, мне надо быть скромной и молчать.*

– *Да, – согласился Иоганн, – скромность – лучшее украшение женщины* (В. Кожевников. Щит и меч. Книга 1 (1968)).

(138) *Но я считаю и думаю, что со мной согласятся все, что во имя нового мы должны научиться приносить жертвы. Новое – это риск. Ну и что?* (В. Аксенов. Звездный билет // Юность, 1961).

(138) *С большим сомнением отношусь к тому, что сын или внук великого художника, врача, физика может быть таким же великим. Поэтому считаю: каждый должен выбирать свою дорогу...* (Л. Якубович, Ал. Политковский, А. Мазепа. Очень мужской диалог о детях // Общая газета, 1998).

(139) Человеку даны какие-то силы, и *считается*, что **надо** их распределить – на работу, на детей, на семью (Н. В. Кожевникова. Гарантия успеха (1980)).

16. Позитивно-оценочный модус в поверхностной структуре деонтического высказывания указывает «не на отношение говорящего к правилу (которое императивно), а на отношение к идеалу (который для него привлекателен)» [Арутюнова 1988, с. 33], поскольку важнейшей особенностью оценки является то, что «в ней всегда присутствует субъективный фактор, взаимодействующий с объективным» [Вольф 2002, с. 22], например:

(140) Так что даже *хорошо*, что **придется** ужинать, хотя это и отзывается на сердце. Все равно спать нельзя (Н. Ф. Олигер. Смертники (1911)).

(141) В корытце, приделанное к автомату, упал билет. Травке это очень понравилось. *Хорошо*, что **нужно** было брать еще один билет, для папы (С. Розанов. Приключения Травки (1938))

(142) ...она с вызовом посмотрела мне в лицо. *Хорошо*, что мне **надо** было смотреть на дорогу. (А. Геласимов. Год обмана (2003)).

Поскольку речь идет о субъективной оценке, то позитивный оценочный модус употребляется говорящим также в случае отсутствия/устранения необходимости осуществления принудительного действия. При этом высказывание получает алетическое прочтение, т.е. положительным считается возможность не делать что-то: *хорошо*, что не **надо** спешить = *можно не спешить* (подробнее об алетическом компоненте в деонтическом высказывании см. 1.3.2):

(143) Как *хорошо*, думал я, что мне **не придется**, объясняясь с израильянами, прикрывать наш позор обтекаемыми дипломатическими формулами (А. Бовин. Пять лет среди евреев и мидовцев, или Израиль из окна российского посольства (1999)).

(144) *Хорошо*, что не **надо** делать уроков, но скучно, что радио не действует (Г. С. Эфрон. Дневники. Т. 1. 1941 (1941)).

(145) И муж действительно **был счастлив**, что **не надо** слушать по ночам вопли и мое нестройное пение (Женщина + мужчина: Брак (форум) (2004)).

(146) Ist auch **besser**, dass ich sie **nicht trennen muss**, dachte Victor, sonst würden sie womöglich noch beide an Einsamkeit eingehen (C. Funke. Herr der Diebe (2002)). ‘Оно и хорошо, что их не надо разлучать, а то еще, чего доброго, помрут обе от тоски’.

Негативно-оценочный модус (как общей, так и частной оценки: *плохо/ужасно*, что **надо** делать *P*), таким образом, фиксирует не эффект от выполнения необходимого действия, а неодобрительное отношение говорящего к норме, т.е. долженствование не согласуется с аксиологической или волитивной установкой исполнителя действия, например:

(147) ... **schlecht**, dass Jörg viermal wöchentlich so früh anfangen **muss** (Berliner Zeitung, 11.04.2005). ‘... плохо, что Йоргу приходится четыре раза в неделю начинать так рано’.

(148) ... мне **досадно**, что **приходится** тебе все это растолковывать (А. С. Эфрон. Письма Б. Л. Пастернаку (1948–1959)).

(149) **Ужасно**, что **все время приходится** прибавлять «если» ... (В. Ф. Кормер. Крот истории или революция в республике S = F (1979))

2. Деонтика и волитивность могут находиться в отношениях **обусловленности**, что реализуется на синтаксическом уровне сложноподчиненными предложениями с придаточными условия и причины (**надо**, **потому что хочу**; **должен**, **если хочу**). Это происходит, когда необходимость каузируется желанием, ср.: *хочу сладкого, дома ничего нет, надо сходить в магазин*, например:

(150) *Ich weiß, ich muss raus aus dieser Branche, wenn ich nicht will, dass es noch schlimmer wird* (Zeit Magazin, 23.10.2014, № 44). ‘Я знаю, что должен уйти из этого бизнеса, если не хочу, чтобы стало еще хуже’.

(151) *Летом надо ездить на велике. Не так чтобы надо и все, а надо – потому что хочется. Ветра весеннего ночного хочется* (коллективный форум: Горный двухподвесочный (2010)).

Отношения обусловленности фиксируются также при отрицании необходимости, что вызвано нежеланием исполнителя осуществлять *P* (**не надо**, **потому что не хочу**):

(152) – *Не надо, не надо, не хочу!* – говорила она (И. А. Гончаров. Обрыв (1869)).

3. В случае соположения алетической и деонтической установок, ценностного и деонтического отношения к действию *P*, а также в случае совпадения желания и необходимости модальные предикаты вступают с деонтическими предикатами в отношения **чистой конъюнкции**.

Безусловно, все три модальные установки (*хочу*, *могу* и *должен*) могут совпадать, что происходит, однако, в коммуникации редко, например:

(153) *Наверное, это тот самый редкий случай, когда хочу, могу и должен сошлись в одной точке* (Г. Копанев. Робот или не робот? // Пятое измерение 2003).

Порядок следования предикатов при соположении алетики и деонтики, а также при совпадении волитивной и деонтической модальных установок оказывается свободным: коммуникативно более важное модальное отношение занимает вторую позицию (*должен и хочу* или *хочу и должен*):

(154) *Она верила, что она должна и может это сказать, что она это непременно скажет и что он защитит ее, как рыцарь* (Н. С. Лесков. Чертвы куклы (1890)).

(155) *Теперь, через много лет, испытав то, что я испытал, я могу и должен восстановить не столько легендарный, сколько объективный образ героя местного времен* (В.Рецептер. Узлов, или Обращение к Казанове (1993)).

Порядок следования предикатов

(166) *«Я должен, я хочу подарить эту картину фонду»* (В. Палагутин. «У птицы есть гнездо, у зверя есть нора...» // Восточно-Сибирская правда (Иркутск), 10 июня 2003).

(167) Здесь ключевые слова – «**мне надо**» и «**я хочу**»: научиться водить машину, освоить компьютер, познать основы бухгалтерского учета, выучить язык (С. Баричев. Учиться, учиться и еще раз? // Бизнес-журнал, 17 авг. 2004).

(168) *Нет, нет, Любаша, я хочу и должен тебя видеть!..* (М. Н. Загоскин. Аскольдова могила (1833))

(169) VW **will und muss** in den kommenden Jahren Milliarden Euro sparen, um wieder einigermaßen profitabel zu werden (Berliner Zeitung, 02.07.2005). 'VW хочет и должен в ближайшие годы сэкономить миллиарды евро, чтобы снова стать прибыльным'.

Конъюнкция деонтики и аксиологии позволяет нюансировать модальное отношение (*нужно и правильно/ das ist notwendig und richtig; нужно и полезно/ das ist nützlich und notwendig; нужно, важно и существенно/ notwendig und wichtig; нужно и целесообразно/ das ist sinnvoll und notwendig* и т.п.):

(170) *Если мы хотим добиться серьезного прорыва в экономической динамике, надо делать именно это, а не успокаивать себя разговорами о необходимости улучшения инвестиционного климата, судебной реформы и так далее. Все это **правильно и нужно**, но это не про ситуацию шока, кризиса и санкций* (А. Ивантер, А. Клепач. Длинные, эмиссионные, меченые // Эксперт, 2015).

(171) *Schon im Juli 1942 verständigte sich das britische War Cabinet darauf, dass die deutschen Minderheiten nach dem Krieg «dort wo es **notwendig und wünschenswert** erscheint», in das verbliebene Restdeutschland zu "transferieren" seien* (Berliner Zeitung, 16.07.2005). 'Еще в июле 1942 года британский военный кабинет согласился с тем, что после войны «везде, где это будет необходимо и желательно», немецкие меньшинства будут «перемещены» в остальную часть Германии'.

(172) **Голосовать** и прочее – это **хорошо, это правильно и нужно**, НО ... (коллективный, форум: Новый Федеральный закон № 83-ФЗ (2013)).

(173) *Если мы вправе толковать о духовном творчестве в эмиграции, то лишь благодаря таким писателям, как он. **Судить и взвешивать**, каково это творчество – **необходимо и важно**. Но самое важное то, чтобы действительно было о чем судить и что взвешивать* (Г. В. Адамович. Борис Зайцев (1955)).

(174) *Космос, элементарные частицы, или новые материалы не могут быть нравственны или безнравственны. **Изучать их нужно и полезно*** (Форум: Освободите науку от этики! (2011)).

Конъюнкция оценочного и деонтического предикатов реализуется в том числе бессоюзно, т.е. выражается только соположением конъюнктов, если во второй, деонтической, части используется модально-глагольный комплекс (спрягаемый модальный глагол и зависимый инфинитив), что типично для немецкого языка: *das ist richtig, das muss man + Inf.* 'это важно, нужно + инфинитив' и т.п.:

(175) *Du hast sie dennoch wieder unter den Mulch und das tote Laub geschoben. Das war **richtig**, das **musste man tun** an diesem dunkelsten Tag des Jahres.* (Die Zeit, 16.11.2006, № 47). ‘Ты все равно затолкал их обратно под мульчу и опавшие листья. Это было правильно, это нужно было сделать в этот самый темный день в году’.

Деонтический и аксиологический предикаты употребляются также в сочинительном ряду в придаточных относительных определительных предложениях, при этом главное предложение не называет конкретное действие *P*, а лишь сам факт действия (*делают **то, что** нужно и полезно / **man macht das, was** notwendig und nützlich ist*). Такое использование позволяет дополнительно подчеркнуть позитивность осуществляемого действия:

(176) *Die SPD **macht das, was notwendig und richtig ist**: Sie zieht aus den Erfahrungen mit ihren Reformvorhaben die Schlussfolgerungen* (Berliner Zeitung, 05.07.2005). ‘СДПГ делает то, что нужно и правильно: она делает выводы из опыта проведения своих реформаторских проектов’.

(177) *Виктор и знал больше, и институт закончил, и спортсмен, и всегда **делает только то, что полезно и нужно**, и твердый он, волевой, как говорят, рациональный, а вот стало Антону вдруг его жалко, как маленького* (В. Гоник. День бабьего лета // Юность, 1972).

(178) *И я, интеллигент, ощущаю ясно, ощущаю всем нутром своим: я **должен делать то, что нужно и что полезно** русскому рабочему и русскому мужику* (И. Л. Солоневич. Россия в концлагере (1935)).

Конъюнкция деонтического и оценочного предикатов также фиксируется в случаях экспликации аксиологического модуса. Деонтический предикат при этом также используется в модусной функции (*полезно и нужно, чтобы P / es ist nötig, dass*):

(179) *Матрице **нужно и выгодно, чтобы вы** были всего лишь машиной и двигались, куда ее кривая вывезет* (А. В. Цветков. После прочтения уничтожить (2009)).

(180) *Es ist **richtig und nötig, dass** mit der Rückverlagerung der Hauptstadtfunktionen nach Berlin ein weithin sichtbares Zeichen gesetzt wird, dass man sich der Verbrechen, die von der deutschen Hauptstadt ausgingen, bewusst ist, dass man sich der NS-Geschichte stellt und ihr nicht verlegen ausweicht. Deshalb ist das Denkmal notwendig* (Die Zeit, 17.08.2000, № 34). ‘Правильно и необходимо, чтобы с переносом столичных функций в Берлин посылался сигнал, видимый издали, о том, что преступления осознаются, о том, что человек сталкивается лицом к лицу с историей нацистов и не стесняется этого избегать. Поэтому памятник необходим’.

В свою очередь предикаты негативной оценки реализуют с деонтическими предикатами отношения не чистой конъюнкции, а конъюнкции с семантикой «нормального следствия», т.е. *делать P плохо, **поэтому** не надо делать P*. В таком случае отрицается не долженствование, а само действие:

(181) *Детям младшего возраста **маски давать плохо и не нужно**, рисков больше* (Педиатр оценил опасность ношения масок малолетними детьми // Парламентская газета, май 2020).

Порядок следования позитивно-оценочного и деонтического предикатов в сочинительном ряду определяется либо коммуникативно, либо семантикой «нормального следствия» (*делать Р хорошо, **поэтому** нужно*).

В случае негативно-оценочного предиката порядок следования конъюнктов жестко задан семантикой «нормального следствия» (*негативная оценка, **поэтому** не нужно*):

(182) *Из опроса следует, что большинство уверено в том, что депутаты сплошь и рядом **совмещают бизнес и политику**, и считает, что это **плохо и не нужно*** (Более 60% россиян поддержали инициативу лишить мандата Гудкова – опрос // РИА Новости, сентябрь 2012).

4. В случае несовпадения модальных установок (алетической, волитивной, реже аксиологической) на поверхностном уровне фиксируются отношения **противительной конъюнкции**:

(183) «Нэпманы», во всяком случае, – не оппозиция, их настроение можно определить словами: «еще потерпеть» или «**плохо, очень плохо, но надо пережить, вытянуть**» (Н. Н. Пунин. Дневник (1925)).

Суждение о невыполнимости необходимого действия *Р* формулируется во второй, коммуникативно выделенной части противительной конструкции:

(184) *А ведь **нужно** относиться к нему как к человеку, **а я не могу** – барьер* (С. А. Самсонов. Аномалия Камлаева (2006–2007)).

(185) *Вроде **нужно** как-то реагировать, что-то сказать, **но не могу*** (Л. Гурченко. Аплодисменты (1994–2003)).

Неосуществимость действия *Р* реализуется не только при помощи отрицаемого модального предиката, но и при помощи описания объективных условий, ср.:

(186) *...и нет только одного: того, кто может верить в Бога. В силу своего гения **он хочет и должен** верить, **но органа, которым верят, ему не дано*** (И. А. Бунин. Освобождение Толстого (1937)).

В случае если суждение о неосуществимости действия носит гипотетический характер, то вторую позицию в противительной конструкции занимает деонтический предикат:

(187) *Теоретически **невозможно** за эти дни обработать такой массив информации, найти в стоге иголку. **Но надо, надо!*** (А. Азольский. Лопушок // Новый Мир, 1998)

Способом смягчения категоричности сообщения о невыполнимости нормы является включение деонтического высказывания в синтаксические структуры уступительного характера (*не могу делать Р, **хотя надо***), поскольку семантическая зона противительности близка зоне уступительности:

(188) *Читать не успеваю, **хотя хочу и надо*** (В. Давыдов. Театр моей мечты (2004)).

Отрицание выполнимости действия *Р* может комбинироваться с нежеланием его осуществлять, либо, наоборот, желание совпадает с долженствованием, но реализация действия невозможна, что на поверхностном уровне

выражается противопоставлением деонтического и алетического предикатов, в том числе с включением волитивного (*надо, но не могу и не хочу* либо *надо и хочу, но не могу*), например:

(189) – *А сын?* – воскликнула она. – *Ты видишь, что он пишет: надо оставить его, а я не могу и не хочу сделать это* (В. В. Вересаев. Да здравствует весь мир! (о Льве Толстом) (1909–1910)).

Конфликт деонтической и волитивной модальных установок реализуется в противительной структуре, где вторую позицию занимает коммуникативно более важный компонент: *не хочу (не хотел, не хотелось, хочешь не хочешь), а надо Р* либо *надо Р, но не хочу*, например:

(190) *Это проклятое слово – надо. Не хочешь, а надо. Кому надо, спрашивается...* (В. Токарева. Своя правда // Новый Мир, 2002).

(191) *Хочешь не хочешь, а надо было с этой бесноватой по душам поговорить* (М. Л. Халфина. Безотцовщина (1967)).

(192) *В моем ранце – мертвая карточка, чумной билет; мне велели передать его дальше, но почему-то я не хочу, но надо, но я не хочу, но они ждут, но я не хочу* (Т. Н. Толстая. Войлочный век (2015)).

(193) *На войне я только и делаю, что спрашиваю – то одного, то другого, то об одном, то о другом. Спрашиваю, когда хочу, и спрашиваю, когда не хочу, но должен. Сам я знаю только сотую часть войны, остается или не знать всего остального, или спрашивать – другого выхода нет* (К. Симонов. Так называемая личная жизнь / Мы не увидимся с тобой ... (1978)).

(194) *Dass auch für den Fall der Wehrpflicht eine Lösung her musste, war allen klar, zahlen aber wollte keiner* (Die Zeit, 18.11.2010, № 47). ‘Всем было ясно, что нужно найти решение для случаев призыва в армию, но никто не хотел платить’.

(195) *Syrien wolle nicht in die inneren Belange der libanesischen Politik eingreifen, müsse aber davor warnen, ein neues Kabinett einzusetzen, solange die konstitutionellen Grundprobleme des Landes nicht gelöst seien* (Archiv der Gegenwart, Bd. 57, 01.06.1987). ‘Сирия не хочет вмешиваться во внутренние дела ливанской политики, но должна предостеречь от назначения нового кабинета до тех пор, пока не будут решены основные конституционные проблемы страны’.

Несовпадение волитивной и деонтической установки реализуется также в противительно-уступительных структурах. Так, В. Ю. Апресян, описывая различные варианты оформления уступительности в русском языке, указывает на типичное употребление деонтических предикатов в уступительной модели как *ни + Adj (Adv)*, где прилагательные и наречия эксплицитно вводят указание на какое-то свойство объекта *X*, которое делает осуществление *P* трудным для ее субъекта. Данная модель является наиболее характерной, как отмечает исследователь, для прилагательных *сильный, тяжкий, сложный*, указывающих на объективную трудность выполнения задачи, а также для *скучный, противный*, указывающих на ее субъективную неприятность для субъекта [Апресян 2015, с. 150], например:

(196) *Как ни **противно** это было, но – **надо** пробиваться к правительственной кормушке, накапливать своих людшек во власти и через них выбивать дешевые бюджетные деньги* (С. Данилюк. Рублевая зона (2004)).

Противопоставлению подвергаются не только модальные отношения, но и сами действия, а именно: необходимое vs. желаемое: *хочу (хотел) делать P, но надо делать P₁*

В синтаксических структурах с противительной-уступительной семантикой, реализуемой различными средствами (противительными союзами, вводными словами и конструкциями в противительном значении, частицами), фиксируется также противопоставление необходимого действия и факта его невыполнения:

(197) *Он **пытается** найти причину в мелочах, когда, **напротив, надо** искать в главном* (Непростое искусство любви: быть счастливыми вдвоем... // «Даша», 2004).

(198) ***Obwohl** er sich auf die Straße konzentrieren **mußte**, **nahm** er für einen Moment die Kamera auf dem Steg wahr* (Glavinic, Th. Die Arbeit der Nacht, 2006, S. 206). 'Хотя ему нужно было сосредоточиться на дороге, он мельком посмотрел на камеру на причале'.

Таким образом, модальные взаимоотношения детерминируют семантико-синтаксические характеристики высказывания, в котором употребляется деонтическое суждение. Вынесение в коммуникативный фокус субъективного отношения обуславливает использование деонтического высказывания в сложноподчиненных изъяснительных предложениях с экспликацией пропозициональной (аксиологической, путативной) установки. Отношения каузальности характерны только для деонтики и волитивности. Совпадение модальных установок подчеркивается использованием деонтического предиката в сочинительном ряду с иным модальным предикатом. Несовпадение ведет к активному использованию деонтического предиката в противительных структурах, где в зависимости от коммуникативной нагрузки и от противопоставляемой модальной оценки (алетика или волитивность) занимает либо первую, либо вторую позицию.

ВЫВОДЫ ПО 1-Й ГЛАВЕ

1. Логико-понятийную основу деонтической модальности составляют понятия возможности и необходимости. В логике деонтики рассматривается на уровне пропозиции: модальные высказывания интерпретируются с точки зрения истинности пропозиции в одном из возможных миров, т. е. соответствия объективным условиям, или нормативным системам. Норма как внешнее, объективное условие деонтического высказывания, имеет безусловный или относительный характер и ограничивает набор доступных миров подходящим, налагая обязанность, разрешая, запрещая. Нормативные ограничения позволяют четко очертить семантическую зону деонтики, исключив потребности как составляющие онтологическую необходимость (то, без чего нельзя существовать), а также волитивность (то, что приносит радость).

2. В основе лингвистического понимания деонтики лежат понятия возможности и необходимости. Деонтическая возможность свидетельствует о предоставлении нормативной системой права на осуществление действия, иными словами, в таких суждениях преобладает алетика. Рассмотрение деонтики в естественных языках обращено к семантике необходимости (долженствования), которая принадлежит к области абсолютно-относительных значений, где необходимость абсолютна относительно объективных, социальных условий (обязательств и других нормативных понятий), ее порождающих. Деонтическое высказывание выражает отношение к способу изменения положения дел, т.е. к действиям, своим или окружающим, по неперемennomу созданию иного положения дел.

3. Деонтическая модальность взаимообусловлена и взаимодействует с иными модальными значениями. Она органически взаимосвязана с аксиологией и алетикой, базируясь на объективных возможностях исполнителя действия и ценностях *польза*, *благо*, которые составляют онтологический и ценностный субстрат, или презумпцию деонтического суждения.

4. Онтологической основой для выражения деонтического отношения необходимости к действию *P* является алетика (т.е. физическая и логическая возможность): субъект-исполнитель необходимого действия должен быть в состоянии его реализовать *P*, само действие *P* должно быть осуществимым.

Алетическая презумпция по-разному воплощается в деонтических высказываниях, формируя две области деонтических смыслов: обязательность и необязательность, реализуемые собственно и несобственно деонтическими высказываниями.

В случае обязательности действия алетический «фундамент» предполагает осуществимость действия *P* исполнителем (*должен и может сделать P*), или потенциальную возможность неосуществления необходимого действия *P* (*может сделать P, но может не сделать P*), или потенциальную возможность совершения субъектом действия, нарушающего норму (действие фактически недопустимо: *может сделать P, но P плохо/ нельзя*). В случае необязательности действия *P* область деонтической возможности является включенной в алетический субстрат, т.е. алетическая презумпция

свидетельствует или о свободе исполнителя в выборе в осуществлении/неосуществлении необходимого действия P , или о предоставлении ему возможности/права реализации действия P .

Указанные деонтические смыслы выражаются на поверхностном уровне при помощи различных модальных маркеров: чисто деонтических, алетических и алетических с отрицанием.

Особую роль в смещении деонтики в зону алетики (необязательности) играет оператор отрицания. В случае собственно деонтических высказываний использование отрицания ограничено типом действия, распространяясь только на поведенческие действия.

5. Ценностное отношение обусловлено практическими потребностями говорящего: необходимое действие *хорошо, правильно, полезно*. Это позволяет интерпретировать деонтическое суждение через аксиологическое, в результате они становятся симметричными: *надо делать P = делать P хорошо*.

Позитивно-оценочные смыслы, которые выражает деонтическое высказывание, детерминируются понятием пользы, что позволяет деонтическим предикатам вступать в отношения конъюнкции с различными оценочными предикатами.

Поскольку позитивная презумпция составляет фундамент деонтического высказывания, то актуализация позитивно-оценочного модуса в поверхностной структуре избыточна. Говорящий прибегает к его экспликации только в случае акцентирования субъективного отношения к необходимости или при устранении необходимости принудительного действия, т.е. позитивно оценивается невыполнение необходимого действия, которое субъект не желает выполнять (*хорошо, что не надо P*).

6. Нормативное суждение всегда позитивно-оценочно. Реализуясь в конкретной ситуации, деонтическое высказывание соотносится с различными оценками (или с этической, моральной, или с волитивной, или с алетической), т.е. оно само образует фундамент для возникновения оценочных смыслов, для формирования оценочного суждения второго порядка (см. рис. 1.8).

Рис. 1.8. Схема образования оценочных смыслов деонтического высказывания

В случае совпадения модально-оценочных установок деонтическое высказывание не дополняется оценочными смыслами. В эмфатических контекстах реализуется конъюнкция деонтического предиката с алетическим или волитивным (*могу и должен; хочу и должен*).

Порождение деонтическим высказыванием негативно-оценочных смыслов обусловлено ситуативно и зависит от различных ситуативных модальных квалификаций, которые выступают рационально-логическим или эмотивным аргументирующим обоснованием неодобрения нормы или ее невыполнения/невыполнимости. Придавая деонтическому высказыванию соответствующее ценностное содержание, говорящий задает ему определенные прагматические параметры: валюативные, порицательные, эмотивные.

Негативно-оценочное осложнение возникает благодаря аксиологической инференции в контексте, где норма не выполняется/не выполнится. Несогласие с нормой в результате конфликта с алетикой ведет к потенциальному неосуществлению действия; в случае контрфактивности норма нарушается. При этом само деонтическое высказывание, участвуя в актуализации аксиологических смыслов, не является их репрезентантом и сохраняет ценностную презумпцию пользы необходимого действия.

Указанные мотивировки невыполнения нормы реализуются на поверхностном уровне высказывания. Различного рода противопоставления (нормы и ее невыполнения/нарушения, нормы и ее невыполнимости, нормы и нежелания) обуславливают синтаксическую структуру высказывания (сложносочиненные предложения противопоставления/сопоставления/уступительности). Порядок следования модальных предикатов в случае контраста деонтики и алетики (*должен, но не могу*) задан коммуникативно: вторую позицию занимает коммуникативно более значимый аспект, а именно причина невыполнения. В случае контрфактивности вторым компонентом противопоставления выступает факт невыполнения, т.е. нарушение нормы (*должен, но не делаю*).

При рассогласованности деонтики и волитивности предполагается, что действие *P* осуществится, но оно не оценивается исполнителем как выгодное. При этом поверхностная структура высказывания характеризуется синтаксической противительностью с разными вариантами следования предикатов в зависимости от их коммуникативной значимости (*не хочу, но должен; должен, но не хочу*). В таком случае деонтическое высказывание само становится репрезентантом оценочного смысла. Выразителем оценки выступает деонтический предикат (*приходится, вынужден*), что характерно только для русского языка, а также аксиологический модус либо иные маркеры негативной оценки, встраиваемые в деонтическое высказывание.

7. Путативный модус, обладающий высоким апеллятивным потенциалом, является имманентным для деонтического высказывания и позволяет деонтическим высказываниям участвовать в связывании реплик в диалогическом взаимодействии.

Экспликацию эпистемического модуса и ее способ (различные модусные предикаты, модальные (модусные) слова, эвиденциальные и инференциальные маркеры, вопросительная форма) обуславливают такие коммуникативно-прагматические факторы, как субъективация эпистемической оценки, проблематизация достоверности деонтического высказывания, модификация категоричности для снижения или усиления его настоятельности. Выражение эпистемического модуса позволяет говорящему выявить позицию адресата по отношению к диктуму/пропозиции деонтического высказывания для снятия с себя ответственности за вывод о необходимости.

Употребление модуса знания в деонтическом высказывании не изменяет его путативного статуса, если оно имплицитно указывает на то, что существует мнение о норме (*есть мнение о том, что надо $P \rightarrow$ я знаю, [что есть мнение о том, что] надо P*). Мнение может переживать эпистемический подъем и при определенных условиях существовать в виде знания о норме (*я знаю, что надо P*), а именно: если речь об универсальной норме, о конвенциональной норме, о норме, о которой проинформировали. Усложнение деонтического высказывания сообщением о мнении в виде модуса знания (*по опыту я пришел к мнению, что надо P и теперь я знаю, что надо P*) приводит к различным семантическим трансформациям, а именно к дополнению высказывания эмоционально-экспрессивными оценками.

8. Долженствование и волитивность как модальные отношения к действию имеют лишь некоторые сходные семантические характеристики, значительно различаясь в существенных содержательных аспектах, а именно: в обязательности осуществления действия, в характере активности, в предметной ориентации, в рациональности и обоснованности (деонтика – это объективное отношение, волитивность относится к сфере субъективного, это отношение исполнителя).

Деонтика не обусловлена волей/желанием говорящего. Деонтическое высказывание намечает программу действий по изменению текущего положения вещей, где воля реализуется лишь на этапе выбора целесообразного действия, однако само модальное отношение не является волевым актом говорящего.

В конкретной ситуации может происходить наложение модальных семантик деонтики и волитивности, когда волевая направленность субъекта в выполнении действия и необходимость действия, ведущего к цели, совпадают или находятся в отношениях обусловленности, что реализуется на синтаксическом уровне отношениями конъюнкции и каузальности между деонтическими и волитивными предикатами.

9. Деонтика и директивность представляют собой феномены разного порядка, реализуя оппозицию «отношение vs. интенция». Отождествление семантического и коммуникативного, или функционального, аспектов

деонтического высказывания (его директивной функции) приводит к рассмотрению деонтики как одной из разновидностей волеизъявительной/волеонкативной модальности.

10. Представление деонтики как тернарной оппозиции «разрешение – обязательность – запрет», которая не коррелирует с прагматической дихотомией «разрешение – запрет», обусловлено прямым перенесением логических операторов в лингвистическую семантику. При этом значения разрешения и запрета являются несимметричными понятиями (разрешено $\neq$ не запрещено).

Разрешение и запрет представляют собой волеонкативные акты и демонстрируют вовлечение воли адресата в семантику разрешения (адресат хочет совершить действие), с одной стороны, а также воли адресанта (говорящий разрешает, запрещает), с другой стороны, что накладывает на данные речевые акты определенные позиционные ограничения в речевой цепи. При этом акты разрешения и запрещения, базирующиеся на объективной норме, на правильности, приемлемости поведения и, таким образом, не связанные с волей говорящего, реализуют деонтические смыслы, выражают суждения о необходимости и возможности.

ГЛАВА 2. СТРУКТУРА И СЕМАНТИКА ДЕОНТИЧЕСКОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ

Исследование в области модальности опираются на обязательное описание компонентов модальной ситуации, поэтому далее будут детально рассмотрены все составляющие деонтической ситуации.

Семантическую «номенклатуру» деонтической ситуации образуют два разных с точки зрения онтологии компонента – языковой и внеязыковой (см. рис. 2.1).

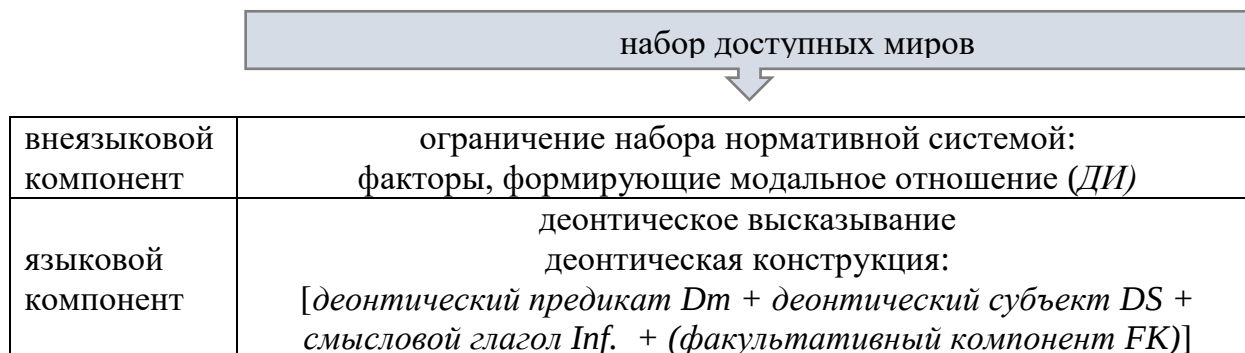

Рис. 2.1. Семантическая структура деонтической ситуации

Внеязыковым компонентом выступает *деонтический источник*, или объективная причина, которая обуславливает изменение текущего положения и, таким образом, модальное отношение к действию.

Языковым компонентом деонтической ситуации является *деонтическое высказывание*, которое представляет собой сложно отображаемое в модальной ситуации *языковое* образование, имеющее вариативную структуру и обязательно включающее в себя деонтический субъект (исполнителя действия) и смысловой глагол (способ изменения ситуации).

Ядерным эквивалентом деонтического высказывания, его каркасом, является *деонтическая конструкция*, которая и представлена в русском и немецком различными типами.

В русском языке, согласно С. Н. Цейтлин, выделяются несколько типов конструкций, а именно: конструкции с независимым инфинитивом (инфинитивные предложения): *хранить в недоступном для детей месте; мне завтра рано встать*; конструкции с формами повелительного наклонения в неимперативном употреблении: *они отдохнули, а я убирай; (мне) вставай тут рано*; предложения, содержащие глагольные формы настоящего времени, употребленные в значении «предписания»: *по уставу он докладывает...* ($\approx$ *должен доложить*); конструкции с деонтическими лексемами, благодаря которым модальное значение эксплицируется в поверхностной структуре (существительными или модальными глаголами: *мой долг помочь ему; я должен ему помочь*) [Цейтлин 1990, с. 146–150].

За исключением модально-глагольных комплексов (*ты обязан сделать Р* и т.п.) во всех иных деонтических конструкциях, как отмечается в Русской грамматике, на значение долженствования накладываются различные субъективно-модальные и эмоционально-оценочные значения (см. [РГ1 1980, с. 118]).

В немецком языке деонтическое значение передают инфинитивные конструкции *haben, sein + zu + Inf.*, конструкции с модальными лексемами и объектным инфинитивом, а также модально-глагольные комплексы.

С помощью модальных инфинитивных конструкций *haben, sein + zu + Inf.* может быть выражена возможность или необходимость. Конструкции с *haben + zu + Inf.* перефразируются в активный залог (*Du hast dich anständig zu benehmen* = *Du musst dich anständig benehmen* 'ты должен вести себя прилично'). Конструкции *sein + zu + Inf.* трансформируются в пассивное предложение и не содержат указания на исполнителя действия, который может быть восстановлен только благодаря контексту (*Die Matheaufgabe ist schnell zu lösen.* = *Die Matheaufgabeschnell muss schnell gelöst werden.* 'задание по математике нужно решить быстро/должно быть решено быстро'). Обе конструкции используются преимущественно в письменной институциональной коммуникации; конструкция *sein + zu + Inf.* в целом крайне неупотребительна [Buscha et al. 1998, S. 246]. Исследователи отмечают, что определить, какое значение, возможность или необходимость, выражается в конкретном предложении с инфинитивными конструкциями, можно только исходя из контекста [Helbig, Buscha 2011, S. 128]. В сочетании с отрицанием данные конструкции реализуют значение необязательности, ср.:

Du hast die Gäste nicht in die Küche hereinzulassen. = *Du darfst die Gäste nicht in die Küche hereinlassen* 'тебе нельзя пускать гостей на кухню'.

Ich habe mich nicht zu verteidigen. = *Ich brauche mich nicht zu verteidigen.* = *Ich muss mich nicht verteidigen* 'мне не нужно защищаться'.

Hier hat er überhaupt nichts zu bestimmen. = *Hier kann er überhaupt nichts bestimmen* 'здесь он вообще ничего не может решить'.

В русском языке конструкции с независимым инфинитивом, с формами повелительного наклонения в неимперативном употреблении и предложения, содержащие глагольные формы настоящего времени составляют сферу имплицитных средств выражения необходимости. В немецком языке к имплицитным средствам реализации долженствования относятся инфинитивные конструкции. Все они в данном исследовании не рассматриваются.

Однозначным выразителем деонтического значения в русском и немецком языках являются конструкции с модальными лексемами в своем составе и зависимым инфинитивом.

Далее детально будут рассмотрены содержательные характеристики внеязыкового компонента деонтической ситуации, структурные типы деонтических конструкций и семантические характеристики каждого компонента деонтической конструкции.

2.1. Модальные источники как онтологическая основа деонтического высказывания

Основу любого модального высказывания составляют модальные источники, которые резко различаются по своей внутренней сущности для разных видов модальности, что делает возможным семантическое разграничение высказываний, реализующих алетические, эпистемические и деонтические отношения.

Так, для алетики источником является имманентное свойство реального мира или объекта, явления, процесса как части этого мира, имеющее место при всех условиях и представляющее основу для посылки к некоторому определенному утверждению о явлении и объекте: *кислород **необходим** для поддержания жизни*. Модальным источником эпистемики выступает уровень знания о ситуации: *он **должен** быть уже там* ‘мы знаем: его работа начинается всегда в одно время, и он всегда приходит вовремя’ [Падучева 2016].

С позиций философии в бытии не существует беспричинных зависимостей: все происходит по «закону причинности» и необходимость есть проявление причинности (если p , то q). В философии деонтическая модальность представляет собой, согласно Г. В. Лейбницу, «отношения de concurs, заключающие в себе некоторую связь причины и следствия, положения и порядка и т.д.» [Лейбниц 1983, с. 141]. В случае с деонтическим отношением речь идет не об идее материального порождения одного другим, а о формально-логическом следовании (см. 1.3.4).

Причинный характер деонтического отношения реализуется в структуре сложноподчиненного предложения (обстоятельственного причины):

(199) *Учится в 10-м классе, в вечерней школе – учиться **надо, потому что** собирается пойти в техникум – на повара, «это выгодная работа»* (С. Н. Есин. Дневник (2004)).

Деонтическая ситуация относится к разряду потенциальных и имеет разные перспективы развития – как реализацию, так и нереализацию действия. Непонимание или незнание причин долженствования приводит в диалогическом взаимодействии к коммуникативной рассогласованности и к реакции на диктум модального высказывания, выраженной в форме вопроса о причине или в форме риторического вопроса, указывающего на несогласие с причиной либо на полное непонимание причины и цели необходимого действия:

(200) – *Тебе следует заниматься словами, – сказала Алена-Либертина. – Почему?* (В. Пелевин. S.N.U.F.F (2011)).

(201) – *Я тебе всегда говорил, что в этом есть какое-то колдовство, сказал он. – Иначе чем объяснить, что она делает с нами все, что хочет? Почему ты **должен** уступать ей свою квартиру, из которой она тебя чуть ли не выгоняет? Почему я **всегда обязан** за нее платить? Мне денег не жалко, это ерунда, но это вопрос принципа* (Г. А. Газданов. Эвелина и ее друзья (1968)).

(202) – Владимир, *ты должен* обязательно защитить диссертацию.

– *А зачем она мне нужна, какая еще диссертация?*

– *Обязательно. Потому что станешь работать, тебя будут принимать как кандидата наук* (А. А. Тахо-Годи. Жизнь и судьба: Воспоминания (2009)).

Причины, обуславливающие выражение модального отношения, именуются исследователями *деонтическими источниками* (deontic source в [Lyons 1977; Kratzer 1981]; deontic ordering source в [Portner 2004, p. 241]). Они движущая сила деонтики, «повелевающий» критерий, условие, обстоятельство, ограничивающее «область квантификации доступных/возможных миров» [Kratzer 1981, p. 51], которые совместимы с ситуациями, допустимыми в контексте тех или иных норм, ценностей, предпочтений. Это своего рода источники упорядочения, представляющие причины предпочтения или присвоения приоритета одной возможности, одному действию по сравнению с другим, поэтому данную модальность относят к группе «prioritizing modality» [Portner 2009, p. 135, 185]. Идея А. Кратцер, лежащая в основе понятия «приоритет», заключается в том, что правила служат для определения, какая-то возможность ограничения имеет более высокий приоритет. Иными словами, деонтические источники обеспечивают ранжирование действий по приоритету *необходимо vs. не-необходимо*.

Деонтические источники отражают экстралингвистические параметры речевого акта. Они являются частью внешнего мира [Auwera, Plungian 1998], поэтому, как отмечает В. А. Плунгян, деонтическая модальность характеризует «статус ситуации по отношению к реальному миру» [Плунгян 2000, с. 309].

В основе деонтического отношения лежат различные эмпирические условия, в соответствии с которыми говорящий субъект «объявляет» поступки необходимыми, прежде не совершавшиеся, даже если они не будут осуществлены. И. Б. Шатуновский поясняет, что обстоятельство, ограничивающее круг «возможных миров», является в некотором смысле, на некотором уровне рассмотрения «фактором» (поскольку должно действовать, действительно ограничивать множество альтернатив) и в некотором смысле, на более глубоком, базовом уровне – «условием» (поскольку может все-таки и не действовать, не выполняться)» [Шатуновский 1996, с. 229].

Деонтическая семантика связана с регламентацией действий, т.е. речь идет о требованиях к поведению участников ситуации. Данные требования обеспечивают устойчивость социального взаимодействия и предъявляются соответствующей системой правил.

Безусловно, исследователи уже обращались к вопросам классификации причин долженствования, на базе которых выделяли различные его оттенки. Однако предлагаемые типологии основываются на абсолютно различных природных сущностях источников, а именно: на происхождении долженствования (*внешнее/внутреннее*), на *степени облигаторности*, на *уровнях* долженствования *по сферам бытия*, на *характере обстоятельств*. Так, например, в логике Э. Малли долженствование делится на агентно-независимое безусловное, выражающее внешнее по отношению к действующему агенту

обязательство, и интенционально интерпретируемый долг, выступающий выражением стратегической цели агента (см. [Лисанюк 2012]). Н. Д. Арутюнова, опираясь на философские традиции И. Канта, говорит о трех определяющих презумпции и импlications факторах, которые «сопутствуют модальности долженствования и ее дифференцируют», а именно: категорический императив (узкое значение), широкое значение (отношение к идеалу) и гипотетическая (рекомендательная) прескрипция; все они выработаны прагматикой употребления, обусловленного психологическими, социальными и коммуникативными факторами [Арутюнова 1988, с. 33]. И. Б. Шатуновский подчеркивает, что «что-то в жизни людей регулируется наиболее общими, относящимися к наиболее высокому деонтическому уровню моральными принципами, что-то – находящимися в целом на более низком уровне юридическими нормами (которые, разумеется, отчасти дублируют, «подкрепляют» этические нормы), наконец, на еще более низком уровне то, что не охватывается моральными и юридическими правилами» [Шатуновский 2016, с. 37]. И. М. Кобозева и Н. И. Лауфер в зависимости от источника обязывания выделяют следующие разновидности долженствования: юридическое обязывающее, морально обязывающее, обязывающее по службе, командно-обязывающее, обязывающее через идеал, физически обязывающее [Кобозева, Лауфер 1991, с. 173]. С. Н. Цейтлин отмечает, что долженствование детерминируется «окружающей его действительностью, социумом: нормативными системами, определенными стандартами, социальными нормами, обстоятельствами, жизненными законами и т.п.» [Цейтлин 1990, с. 142–143]. К обстоятельствам, определяющим долженствование, относятся также различные социальные и моральные установки, конвенции и обычаи [Булыгина, Шмелев 1991, с. 14–15, с. 19; Булыгина, Шмелев 1997, с. 216, с. 223; Падучева 2013, с. 135, с. 139; Шатуновский 2016, с. 38]. Таким образом, очевидно, что причины долженствования охватывают основные сферы бытия человека.

Задача данного исследования состоит не в выявлении деонтических источников, а в их систематизации и обобщении. Причины деонтического отношения к действию можно объединить в две группы: *универсальные* деонтические источники (различные институциональные правила и законы) и *частные, ситуативные* источники, которые в свою очередь порождают два вида норм: ситуативные правила (социоцентрические предписания) vs. персоцентричные нормы (внутренние предписания).

1. Модальные источники универсального характера

Первая группа факторов представляет собой юридически оформленные правила и законы, которые безусловны для выполнения и имеют вневременной характер. Их универсальность в том, что они выступают в качестве обязательных регуляторов должностного и «ролевого» поведения всех членов социума, за их невыполнение наступает юридическая санкция. К источникам универсального порядка относятся следующие два вида:

1) прескриптивные номенклатурные акты (законы, указы, постановления и т.п.), регулирующие подконтрольные государству общественные отношения;

2) правила или предписания, ограниченные более узкой областью общественных отношений (рамками контракта или договора) применительно ко всем участникам, находящимся в сфере их действия.

2. Модальные источники ситуативного характера

Источники ситуативного характера обуславливают частные нормы, которые регулируют общественные отношения и поведение в конкретной ситуации (в семье, в коллективе и т.п.). Они представляют собой негомогенное образование, которое можно разделить на две области: *объективно-ситуативные*, или внешние источники, и *индивидуально-ситуативные*, или субъективные, где в роли модального источника выступают внутренние установки говорящего. В свою очередь в рамках двух видов частных норм можно выделить отдельные группы с различным содержательным наполнением.

2а. Внешние ситуативные источники деонтики

Внешними факторами для выражения деонтического отношения выступают разного рода детерминанты ситуативного плана, представленные тремя содержательно разными подгруппами: ситуативные социальные правила, обстоятельства и условия (см. рис. 2.2):

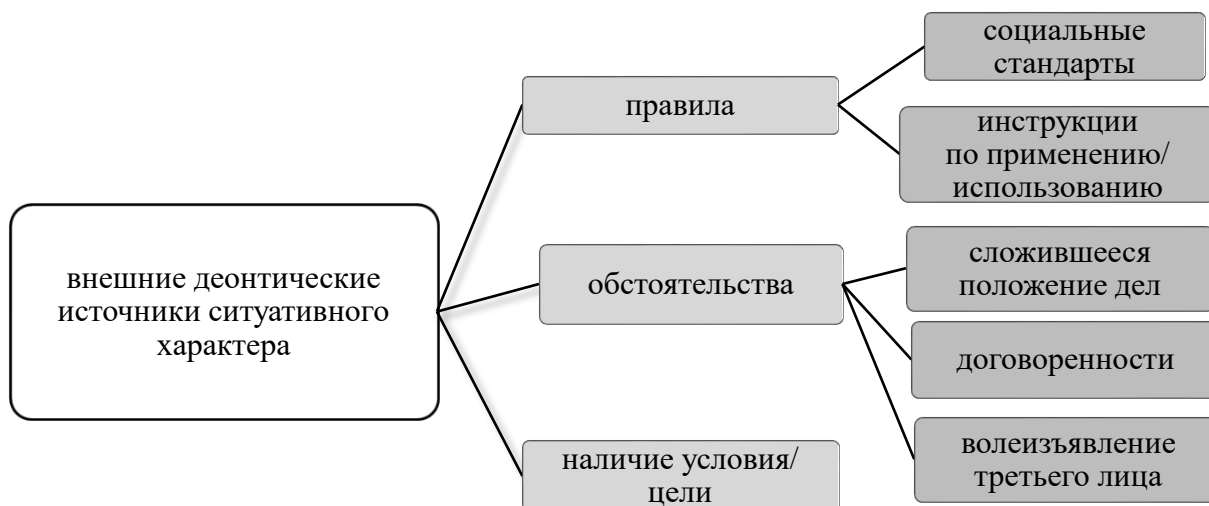

Рис. 2.2. Подгруппы объективно-ситуативных факторов деонтики

1. Объективно-ситуативные правила составляют общественные стандарты: общепринятые в данном коллективе нравственные и этические нормы, традиции, обычаи, т.е. различные социальные конвенции, а также разнообразные инструкции по использованию чего-либо (например, рецепты, пользовательские инструкции и т.п.):

(203) Когда говядина тушится в кастрюле, то **надо** чаще её переворачивать, поднимая, мешать ложкой соус с кореньями и хлебом – для того, чтобы жаркое не подгорело (Перечень разнородных правил при приготовлении кушаний (1875–1900).

(204) Прежде всего **нужно** проверить техническое состояние автомобиля... На пограничном и таможенном осмотре **нужно** вести себя сдержанно (Ф. Беркутов. Куда хочу, туда качу // Туризм и образование, 15 июня 2000).

Подобные источники указывают на привычный, стереотипный способ поведения в определенном обществе или социальной группе в определенных ситуациях:

(205) «Где вы были?» – спросил Ипполит Матвеевич спросонья.

«У вдовы», – глухо ответил Остап.

«Ну?» – Ипполит Матвеевич оперся на локоть. «И вы женитесь на ней?»

Глаза Остапа заискрились. «Теперь я **должен жениться, как честный человек**». Ипполит Матвеевич сконфуженно хрюкнул (И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев).

(206) Бабушка учила меня, что **надо зажимать** кулачки, пока папа на сцене (С. Спивакова. Не все (2002)).

Конвенции и обычаи являются основой поведения для определенной социальной группы, т.е. данные правила могут существовать в одних обществах и не существовать в других, могут изменяться во времени, могут отличаться у представителей разных национальностей и религий и т.п., поэтому они не носят обязательного характера, но универсальны и обязательны для исполнения теми, кто считает себя представителем данной группы. При этом ситуативное вынуждение может быть сильнее институциональных правил: например, все знают, что воровать незаконно, плохо, но если применить конвенциональные нормы воровской среды, то допускается отклонение от универсальных норм. Обусловленность деонтики конвенциями социума дает основание некоторым исследователям называть данную модальность *конвенциональной* [Dietrich 1992, с. 47].

2. Деонтическое отношение детерминируется различного рода ситуативными обстоятельствами, такими как:

- сложившееся негативное положение дел, на которое указывается в ближайшем контексте:

(207) – Ревнует, – сказала Томка. – Видела, как нахмурилась?

– А ты зачем его заманиваешь?

– Просто так. **Дурная привычка. Надо** будет над собой поработать. Дружба, я считаю, выше всего, выше даже любви. А мне майор Скворцов даже не особо как-нибудь нравится, просто симпатичен, и не более (И. Грекова. На испытаниях).

Само положение дел требует от говорящего осмысления и умозаключения об изменении ситуации, именно поэтому подобные модальные высказывания могут вводиться модусом понимания, т.е. с повышением мнения по эпистемической шкале:

(208) – *Девки, гляньте, бруки-то на молнии, как ридикюль... Тут я понял, что надо бежать. Это были явные уголовницы* (С. Довлатов. Виноград (1990)).

(209) *С. Я. Лемешев терпел-терпел, а потом понял, что надо искать замену* (И. К. Архипова. Музыка жизни (1996));

- договоренности любого рода, понимаемые как принятые согласованные решения по совместным действиям:

(210) *Как-то мы с Андрюшей Мироновым договорились, что я должен заехать за ним в театр на машине, ... и мы поедem давать концерт* (Т. Клейман. Л. Оганезов: Когда я вернулся, у меня не было ни квартиры, ни адреса // Вечерняя Москва, 16 мая 2002);

- внесубъективное волеизъявление (см. [Duden 2009, с. 557]), иными словами, требование или предложение одной из договаривающихся сторон, принимаемое или отвергаемое другой стороной, которое становится частной нормой для участников ситуации:

(211) *«Новые русские» и их жены с Ириной не общались. Они говорили, что надо сделать, принимали работу и платили* (В. Токарева Своя правда // Новый Мир, 2002).

Высказывания, основанные на данных источниках, регулируют отношения между участниками коммуникации, например, между говорящим, для создания его зоны комфорта, и другими коммуникантами (*я терпеть не могу беспорядок, поэтому прошу: не надо разбрасывать вещи*).

3. Внешней ситуативной причиной формирования деонтического отношения выступают определенные целевые установки, а именно:

- способ эффективного достижения цели в конкретной деятельности (см. 1.3.3 утилитарная необходимость):

(212) *Мне это необходимо для того, чтобы на первых порах ориентировать начинающих писателей в тематике их творческих опытов, позже сами научатся* (А. Е. Рекемчук. Мамонты (2006));

- условие, которое может осуществиться лишь в случае выполнения определенного действия:

(213) *Например, если выявляется аллергический компонент на яйцо, то надо исключить всё, что содержит яйцо* (А. Разакова. Первый год и вся жизнь // 100 % здоровья, 11 ноября 2002).

26. Модальные источники индивидуально-ситуативного характера

К ситуативным причинам деонтики относятся персоноцентричные источники, т.е. правила, в основе которых лежат субъективные установки самого субъекта (его убеждения и предпочтения), его внутренние обязательства и жизненные принципы. Стремясь изменить реальность, субъект

формулирует подобные правила для своего комфортного существования. Исследователи отмечают, что так называемые субъективные нормы служат «для кодирования предпочтений говорящего о необходимости или допустимости действия», тогда как объективные «преддицируют [...] существование некоторой необходимости без фактической привязки к ней говорящего» (перевод наш) [Verstraete 2001, p. 1525].

Индивидуально-ситуативные источники порождают внутренние морально-этические нормы, ориентированные на самого исполнителя данных частных норм (*я не могу по-другому, я должен сделать так*). Такой вид деонтического источника некоторые исследователи называют «внутренний дискурсивный источник» [Depraetere, Verhulst 2008, p. 7].

Источником нормы может становиться решение субъекта, обусловленное различными психологическими установками (волевыми, интеллектуальными, эмоциональными). В таком случае речь идет о совпадении деонтики и волитивности (см. 1.3.3), например:

(214) *Хотя князю Андрею и нечего было делать в Лысых Горах, он, с свойственным ему желанием растравить свое горе, решил, что он должен заехать в Лысые Горы* (Л. Н. Толстой. Война и мир. Т. 3).

(215) *Это Николай Иванович, по шагам узнаю, – подумала Маргарита, – надо будет сделать на прощание что-то очень смешное и интересное* (М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита).

Безусловно, предложенная классификация модальных источников не является единственно возможной. Однако, на наш взгляд, она позволяет учесть все виды факторов, обуславливающих выражение деонтического отношения к действию в речи.

В деонтических высказываниях следует отграничивать собственно деонтические источники и говорящего как транслятора норм. Так, фраза стюардессы пассажирам: *до входа в самолет необходимо предъявить паспорт и посадочный талон* «раскладывается» на 'Я [говорящий] сообщаю о норме, источником которой являются правила перевозки пассажиров'; при этом сам источник в указанной ситуации относится к пресуппозиции и может быть легко восстановлен. Как транслятор нормы говорящий, если он не обладает знаниями в этой области либо по иным прагматическим причинам, может производить модификацию нормативного высказывания, основанного на любом источнике, по эпистемической шкале, например в разговоре двух пассажиров о правилах перевозки: *мне кажется, до входа в самолет надо показать свой паспорт* (о путативности и эпистемичности см. 1.3.4).

Взаимопроницаемость различных ситуативных источников

Деонтические источники обнаруживают определенную степень взаимопроницаемости, т.е. границы частных норм, обусловленных объективно-и субъективно-ситуативными источниками, не являются жестко дискретными. Исследователи отмечают, что ни одно модальное высказывание не имеет «исключительных прав» на конкретный источник [Depraetere, Verhulst 2008,

р. 4], ср.: в высказывании *она должна ежедневно кормить и поить животных* возможны следующие источники: 1) социальная роль: ‘потому что это ее работа в зоопарке’ или 2) объективное условие: ‘иначе они умрут’.

И. М. Кобозева отмечает, что конвенциональное правило детерминирует абстрактную норму *надо умываться по утрам и вечерам*, а в конкретной ситуации высказывание *тебе надо умыться* выражает конкретную норму [Кобозева, Лауфер 1991, с. 170]. Так, в следующем примере очевидна отсылка деонтического высказывания к социальному правилу «быть опрятным», при этом в конкретной речевой ситуации подчеркивается трепетное отношение третьего лица (Дайаны) к этой норме, поэтому возможна интерпретация источника деонтического высказывания как волеизъявления Дайаны, ср.:

(216) *Подождите, я должен причесаться, моя Дайана не любит, когда я непричесан* (С. Спивакова. Не все).

Деонтическое отношение может быть одновременно детерминировано несколькими причинами, что эксплицируется в поверхностной структуре (в данном примере договоренностью и целью):

(217) *Мы, актеры, собрались перед первой съемкой и договорились, что надо всем играть с юмором и шутя, а не серьезно – иначе получится глупо и пошло* (В. Давыдов. Театр моей мечты).

В случае многократных повторений действия различными людьми телеологичность становится институциональным правилом, установленным в той или иной области жизни, деятельности и обеспечивающим нормальную работу чего-либо: *чтобы получить визу, необходимо предъявить сведения о сбережениях на счете на определенную сумму*. Ситуативный источник «условие» может одновременно коррелировать с инструктивным фактором:

(218) *Для описания каждого локуса необходимо сгенерировать соответствующий текст* (В. Э. Карпов, Т. В. Мещерякова. Об автоматизации нетворческих литературных процессов // Информационные технологии, 2004).

Фильтрация возможных миров происходит не всегда под давлением внешних источников, а в результате искреннего выбора субъекта, что становится возможным благодаря интериоризации частных правил, которые формируют в дальнейшем его жизненные принципы субъекта, внутренний долг и моральное долженствование. Внешнее конвенциональное принуждение превращается в убеждение субъекта, во внутренне осознанную субъектом необходимость, в его внутреннюю потребность, например: *культурно и прилично есть ножом и вилкой, он по-другому и не может, он должен есть только ножом и вилкой*. Традиции трансформируются во внутренние предпочтения говорящего: на этой основе он формулирует, например, свое волеизъявление, касающееся участников ситуации: *свист – это язык нечистой силы, свистеть в доме нехорошо, я в это верю, поэтому запомни: не надо свистеть в моем доме*. Обязательство, взятое на себя в результате обещания выполнить действие *P* или в результате договоренностей, может быть столь сильным, что воспринимается как внутренний долг.

Обратный процесс отмечается, когда субъективные правила авторитетного лица превращаются в конвенциональные, т.е. осуществляется экстериоризация норм, обусловленных субъективным источником: *она не любила фрезии, и все знали, что их **не должно** быть на столах на банкете.*

Любой источник предполагает некую санкцию за невыполнение нормы: штраф, выговор, общественное порицание, насмешку, неудачу, нравственное осуждение, внутреннюю неудовлетворенность или дискомфорт. Интериоризация одних норм и экстериоризация других норм свидетельствует о разной степени значимости источников для субъектов-исполнителей.

Указание на источник в поверхностной структуре деонтических высказываний

Деонтические источники могут составлять общие фоновые знания коммуникантов или входить в пресуппозицию высказывания.

Универсальные нормы и социальные факторы (стандарты, например, правила поведения за столом; одинаковые представления о внутреннем долге) в целом не требуют поверхностной экспликации, поскольку подобные общественные и моральные нормы закрепляются в сознании представителя социума как представлениях об образце, ср.:

(219) *Одни лишь маленькие дети, беспризорные, находятся без призора. Эти цветы улицы, или, как выражаются пролетарии умственного труда, цветы на асфальте, заслуживают лучшей участи. Мы, господа присяжные заседатели, **должны** им помочь. И мы, господа присяжные заседатели, им поможем* (И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев).

(220) *В прошлый раз мой отец отказался от этого пути, и Гриша не хотел больше на этом настаивать, не хотел даже заговаривать об этом. Заговорила мать. – Яков! – сказала мама. – **Ты должен помочь** нашим детям. Если не поможешь ты, никто не поможет. С тяжелым сердцем сказала, знала, что ни о чем не станет просить Гришу. И отец по тому, как дрогнул ее голос, понял: мать говорит искренне* (А. Рыбаков. Тяжелый песок (1975–1977)).

В ряде случаев требуется отсылка к деонтическому источнику и этот внеязыковой по природе компонент деонтической ситуации эксплицируется в поверхностной структуре высказывания.

И. Б. Шатуновский обращает внимание на то, что эксплицитная ссылка на обстоятельство делает необходимость «“менее абсолютной” и “более относительной”, и наоборот, умолчание об этом обстоятельстве придает “долженствованию” более категорический, более абсолютный характер» [Шатуновский 1996, с. 230], ср.:

(221) *У меня **договоренность** с театром, я **должна** спеть здесь еще несколько спектаклей!* (И. К. Архипова. Музыка жизни (1996))

(222) *С договорами на выполнение НИР и ОКТР договор возмездного оказания услуг объединяет, как правило, индивидуализированный характер способа выполнения обязательства исполнителем, в связи с чем законода-*

тель устанавливает **правило**, согласно которому исполнитель, если иное не предусмотрено договором, **должен** выполнить свое обязательство лично (Проблемы заключения рекламного договора (2004) // Арбитражный и гражданский процессы, 26 апр. 2004).

(223) – *А для тебя есть новое задание. Приближается День рационализатора. Ты должен найти современного русского умельца, потомка знаменитого Левши. Того самого, который подковал английскую блоху. И сделать на эту тему материал. – Социально значимый?* (С. Довлатов. Чемодан (1986)).

В деонтическом высказывании, функционирующем в институциональном тексте, универсальный источник не эксплицируется, поскольку нормы в подобных актах имеют абсолютный характер:

(224) *Родители или лица, их заменяющие, имеют право и **обязаны** воспитывать детей, заботиться об их здоровье, развитии и обучении* (Конституция Республики Беларусь).

Указание на универсальную норму реализуется предложными конструкциями с предлогами *по, согласно, в соответствии с* /*laut, entsprechend, gemäß*; косвенной цитацией (*в законе говорится, сказано, правило гласит, устанавливает* /*im Vertrag steht, im Vertrag heißt es, im Vertrag ist festgelegt, im Vertrag ist vorgesehen* ‘в договоре указано, установлено, в договоре предусмотрено’ и т.п.). Необходимость подобной экспликации связана с требованиями точности (подкрепленность ссылкой) в определенных сферах коммуникации (деловой, публицистический или юридический дискурс), например:

(225) *В России государство, **по Конституции, обязано** предоставлять жилье, улучшать условия жизни семьи* (Т. Шишова, И. Медведева. Законное вторжение // Однако, 2010).

(226) *Предложение стать главой администрации поселка Скальный Юрий Гилев встретил в штыки. На кой ляд ему, удачливому предпринимателю, имеющему в поселке пять магазинов, впрягаться в лямку чиновника? При этом **по закону он должен** отойти от всякой коммерческой деятельности* (Три ступени вверх // Сельская новь, 16 дек. 2003).

(227) ***По договору они должны** освободить дома, как только перестают работать* (В. Емельяненко. Хозяин – барин // Русский репортер, 2014).

В поверхностной структуре деонтического высказывания, базирующегося на ситуативных правилах, может присутствовать целый ряд экспликаторов причины необходимости.

Так, если деонтическим источником выступают конвенциональные правила поведения, то высказывания могут содержать сравнительный оборот со значением причины с союзом *как*, который характеризует «идеализированного» субъекта, например:

(228) Когда дело касается личной защиты, жизни близких, в этом случае я **обязан как мужчина** применить любые средства противодействия криминальному посягательству (Бойся бояться! // Мир & Дом. City, 15 марта 2003).

(229) А молчать **обязан, как член партии** (Г. М. Марков. Строговы. Кн. 1).

В случае деонтического высказывания, обусловленного сложившимся положением дел, отмечается прямая номинация причины, а именно лексема *обстоятельство(-а) / Umstände*, в связи со сложившимися обстоятельствами / *durch Umstände*:

(230) Он молчал и, казалось, собирался с духом. – **Обстоятельства требуют... я должен вас оставить**, – сказал он наконец, – вы скоро, может быть, услышите... Но перед разлукой я должен с вами сам **объясниться...** (А. С. Пушкин. Дубровский (1833)).

(231) **Durch unglückselige Umstände** wird Felix von seiner Familie getrennt und **muss** sich von nun an allein nach Hause durchschlagen (Berliner Zeitung, 03.02.2005). 'Из-за неблагоприятных обстоятельств Феликс разлучен со своей семьей и должен возвращаться домой один'.

(232) **Es gibt immer wieder unvorhersehbare Umstände, die erfordern**, dass mehr Geld ausgegeben werden **muss** als erwartet (Die Zeit, 24.02.2016 (online)). 'Снова и снова возникают непредвиденные обстоятельства, требующие потратить больше денег, чем ожидалось'.

Указание на ситуативные договоренности оформляются либо предложной конструкцией с предлогом *по* и с существительным *уговор*, либо глаголом в прошедшем времени (*как*) *договорились*, *уловились* и т.п., который вводит изъяснительную придаточную часть, содержащую собственно деонтическое высказывание:

(233) **По нашему уговору** первым **должен** был ехать я, чтобы заработать деньги и послать вызов девочкам и Вере (Р. Нахапетов. Влюбленный).

(234) **Мы условились**, что они **должны вернуться в 15 часов** (Ф. И. Дубовицкий. Рождение нового научного центра).

Волеизъявление фиксируется различными глаголами речи или существительными, указывающими на требование или предложение: *поручение*, *требование*, *условие/Auftrag, Forderung, Bedingung* и т.п.:

(235) **Отпускают и англичанина, но с условием:** через два месяца он **должен привезти** два миллиона фунтов стерлингов за невесту, не то голову ей отрежут (Е. Барабаш. Это не «Брат-3». Это «Война» // Вечерняя Москва, 14 марта 2002).

(236) **По условию**, оркестр **не обязан** был играть после обеда (Д. Н. Мамин-Сибиряк. Верный раб).

(237) **В соответствии с поручением** Президента субъекты Российской Федерации **должны** завершить разработку собственных планов развития информационного общества до 1 мая этого год (С. Е. Нарышкин // Информационное общество, 2010).

(238) *Da aber der Wirt von schreibenden Gästen allein nicht existieren kann, so hat er zur **Bedingung** gemacht, dass jeder Besucher mindestens einen blanken Kaffee verzehren muss* (Berliner Tageblatt (Morgen-Ausgabe), 05.03.1929). 'Но поскольку домовладелец не может существовать за счет просто пишущих гостей, он поставил условие, что каждый гость должен выпивать хотя бы одну чашку простого кофе'.

Формализация ситуаций целеполагания происходит в определенных синтаксических структурах, а именно обстоятельственных придаточных предложениях цели и условия (*надо P, чтобы Q; если Q, то надо P; надо P, иначе Q*), например:

(239) *Эта типизация **необходима** исключительно для того, **чтобы** определить возможный исход встречи с точки зрения «хорошо / плохо»* (В. Э. Карпов, Т.В. Мещерякова. Об автоматизации нетворческих литературных процессов // Информационные технологии, 2004).

(240) *Мэру сейчас **надо** идти в Хард-банк, падать в ноги хозяевам и умолять вернуть городу его собственность, **иначе** избиратели снимут его с работы* (С. Николаев. Раз взрыв, два задержание // Богатей (Саратов), 16 ноября 2003).

(241) ***Если** запрещено добиваться переиздания романа, мне **надлежит** добиваться хотя бы переиздания рассказов* (Л. К. Чуковская. Процесс исключения).

(242) *Послушай, **если** ты решила ликвидировать, то **надо** сейчас, а то будет поздно, понимаешь?* (И. Грекова. Летом в городе).

Целеполагание при совершении действия маркируется также конструкциями с предлогами *для, с целью, ради/ für, zum Zweck von etw., wegen*.

Кроме этого в русском языке деонтический источник условия выражается при помощи деепричастного оборота:

(243) ***Находясь на природе, не нужно** забывать, что после вас сюда придут другие люди* (Ф. Беркутов. Куда хочу, туда качу // Туризм и образование, 15 июня 2000). (= если находишься на природе).

Таким образом, характерная для деонтической ситуации связь модального высказывания с внеязыковой действительностью определяется наличием причин для изменения текущего положения дел, формирующих деонтическое отношение к действию или состоянию. Деонтические источники представляют собой социально детерминированные условия и факторы разного порядка с разной степенью интенсивности накладываемых обязательств. Одно и то же высказывание может быть обусловлено несколькими разными источниками. Ситуативные источники не являются жестко дискретными с точки зрения своих границ. Интенсивность обязательства усиливает превращение ситуативной нормы во внутреннее убеждение.

Экспликация деонтического источника обусловлена как прагматически, так и коммуникативно, а именно для реализации аргументативно-экспланаторной функции. Отсутствие упоминания об источнике в поверхностной структуре высказывания обусловлено ситуативно (причина составляет

пресуппозицию высказывания, относится к фоновым знаниям). Отсутствие указания на источник позволяет придать высказыванию абсолютный характер.

2.2. Структурные типы деонтических конструкций

Деонтические конструкции в зависимости от используемой деонтической лексемы (модальный предикат либо деонтическое прилагательное или существительное) представлены двумя предикатными структурами: конструкциями с *составным именным* и с *составным глагольным* сказуемым. При этом они характеризуются различными структурными модификациями, которые будут представлены далее для того, чтобы четко очертить объект данного исследования.

1. Наиболее употребительными и инвариантными деонтическими конструкциями являются структуры с **составным глагольным сказуемым** *Dm + DS + Inf*. В настоящей работе мы придерживаемся традиционно принятой точки зрения, считая, что составное глагольное сказуемое состоит из субъектного инфинитива и вспомогательного глагола.

В русском языке в качестве вспомогательных слов, выражающих грамматическое значение в составном глагольном предикате, используются лексемы *должен, вынужден, принужден, обязан* (краткие прилагательные, не имеющие полной формы или имеющие её с другим лексическим значением); слова категории состояния (предикативные наречия) *нужно, надо, необходимо, положено, пора*; безличные глаголы *следует, надлежит*. В немецком языке в роли вспомогательного глагола выступает модальный глагол *müssen* или *sollen*.

В подобных конструкциях модальный субъект эксплицируется в поверхностной структуре грамматическим подлежащим (*он должен это сделать/er muss das machen*). В русском языке предполагаемый исполнитель действия в конструкциях с безличными маркерами может также выражаться субъектом в дательном падеже (*тебе надо уйти*).

Прототипическая деонтическая конструкция может переживать пассивизацию: в качестве грамматического подлежащего, обозначающего исполнителя действия, выступает патиенс, что позволяет вынести в коммуникативный фокус объект действия, например:

(244) *Однако срок долга ЕЦБ и МВФ истекает в течение ближайших пяти лет. Более того, часть этого долга должна быть погашена в самое ближайшее время: 10 млрд евро должно быть выплачено до конца сентября. Как мы упоминали выше, только в июне, до конца которого остались считанные дни, Греция должна погасить 1,7 млрд долларов кредита МВФ. В соответствии с предыдущими соглашениями Греция не может получить рассрочку платежей по долгам МВФ и ЕЦБ, поскольку это нарушит правила и подписанные договоры* (Н. Федотовский. Греция на краю пропасти // Эксперт, 2015).

При этом компонентная структура модального высказывания остается семантически полной, поскольку деонтический субъект легко восстанавливается из контекста. Так, деонтическим субъектом в данном примере выступает государство Греция (метонимический субъект), однако для говорящего в коммуникативном фокусе первых двух деонтических конструкций находится не исполнитель действия, а сумма долга.

Деонтическая конструкция может содержать однородный ряд смысловых глаголов, находящихся в азличных сочинительных отношениях, а именно:

1) в сочинительных однородных рядах с союзом *u/und* (*должен P1 и P2*), а также с описанием последовательности необходимых действий (*сначала должен P1, а потом P2/ zuerst ... , dann ...*);

2) в противительных рядах с союзом *a/sondern* (*должен не P1, а P2*), когда одна пропозиция (действие *P*) признается неверной и ей противопоставляется иная, правильная, т.е. то *P*, которое надо делать;

3) в дизъюнктивных рядах с разделительным союзом *не только, но u/nicht nur, sondern* (*должен не только P1, но и P2*).

Например:

(245) Ты **должен не взыскания накладывать, а воспитывать** людей, чтобы искоренять подобные явления (Д. Гранин. Искатели (1954)).

(246) Мальчик **должен не думать** о своем настроении, а **справляться с ним** (О. Хухлаев. Оставьте мужчину в покое! // Психология на каждый день, 2010).

(247) Klaus Wowereit **muss nicht inszenieren, sondern nur seiner Arbeit nachgehen** (Der Tagesspiegel, 15.08.2001). 'Клаусу Воверайту не нужно режиссировать, он просто должен делать свою работу'.

(248) Мне **надо срочно с тобой встретиться и сообщить кое-что важное**, – продолжала она (А. Мацанов. Бабник // Ковчег, 2012).

(249) ... под давлением чужих людей **он вынужден не только учиться, но и работать** (Н. С. Покровская. Дневник русской женщины. 1945–1966 гг. (1947)).

(250) **Сначала нужно понять, чего мы хотим, а потом рассуждать**, что для этого можно сделать (М. Блант. Система ценностей и ценность системы// Еженедельный журнал, 1 апр. 2003).

(251) **Zuerst muss man die Hände nassen, dann genug Seife auftragen** (Die Zeit, 25.01.2007, № 05). 'Сначала нужно намочить руки, затем нанести достаточно мыла'.

Структурные компоненты деонтической конуструкции могут элиминироваться, т.е. конструкция получает неполную реализацию, которая может быть или конситуативно обусловленной (– *Кто должен выучить?* – **Он.**), или конситуативно необусловленной.

В случае конситуативно необусловленной неполноты, определяемой лексико-семантическим фактором, происходит опущение зависимого глагола. Такие конструкции содержат глаголы движения и свойственны устной речи (*мне надо к ней/ich muss zu ihr* ← я должен попасть, поехать, пойти к ней):

(252) *Ты понимаешь, я должен сегодня к Лоре в Павлиново. Меня ждет мать. Она сейчас у Лоры* (Ю. Трифонов. Обмен (1969)).

Особенностью русского языка является тенденция к безличности, которая позволяет элиминировать деонтический субъект. При этом в контексте имеются указатели, позволяющие восстановить субъект, т.е. речь идет о структурной неполноте конструкции, например:

(253) *Если вашему ребенку от 3 до 12 лет, не нужно бояться подпускать его к компьютеру из-за вредных игр* (Ю. Зубцов. Чем пахнет январь // Домовой, 1 апр. 2002).

(254) – *Да вот не пожелала нам помочь Полина Юрьевна, никак не пожелала*, – вздохнул Нейман.

– *Ну зачем же так, Полина Юрьевна?* – укоризненно покачал головой Гуляев. – *Следствию нужно всемерно помогать. Зачем же что-то скрывать? Чем скорее мы выясним правду, тем всем нам будет лучше.*

– *Всё, что я могла сказать, я сказала*, – ответила посетительница (Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, ч. 4 (1978)).

В случае ситуативной неполноты происходит эллипсис зависимого глагола, что отмечается в устной речи в конструкциях с глаголами движения (*мне надо к ней/ich muss zu ihr* ← я должен попасть, поехать, пойти к ней):

(256) *Ты понимаешь, я должен сегодня к Лоре в Павлиново. Меня ждет мать. Она сейчас у Лоры* (Ю. Трифонов. Обмен (1969)).

Пропозиция деонтической конструкции может сворачиваться путем номинализации смыслового глагола, указывающего на необходимое действие, т.е. происходит изменение процесса (пропозиционального действия) в статическое событие поверхностной структуры.

При этом синтаксически в русском языке конструкция сохраняет глагольный предикат и имеет следующий вид: склоняемый деонтический маркер *нужно(-а/-ен)*; *необходимо(-а/-им)* + девербатив инфинитива смыслового глагола (O_p), который легко трансформируется в конструкцию с зависимым инфинитивом, ср.: *ему нужна помощь* → *ему надо помочь*; *мне надо больше разговорной практики* → *надо больше практиковаться*; *нужен твой совет* → *ты должен посоветовать*.

Такие номинализованные конструкции расширяются имперсонализированным модусным глаголом: O_p *кажется, представляется необходимым*:

(257) *Я пытаюсь понять, есть ли тем трем теньям в длинных юбках за что меня ненавидеть. Понимание мне кажется необходимым* (М. Ахмедова. Понять дракона // Русский репортер, № 3 (181), 27 янв. 2011).

В немецком языке номинализация глагола отмечается только в структурах с составным именным предикатом, о чем см. далее.

Еще одним вариантом сворачивания пропозиции в русском языке является причастный оборот в препозиции к определяемому существительному (*нужны четко прописанные процессы* = *нужно четко прописать процессы*):

(258) *А для этого, считает Коновалов «нужна хорошая упаковка» – четко прописанные процессы, прозрачность для бизнес-руководства, определенные параметры обслуживания, в соответствии с которыми можно назначать цену за услуги* (Н. Дубова. Вокруг ITSM // Computerworld, 2004).

Сворачивание пропозиции происходит также при прономинализации действия анафорическим местоимением *это*:

(259) – *Разумеется, – ответил брат, – только сначала выпьем. Мне это необходимо в порядке дезинфекции* (С. Довлатов. Чемодан (1986)).

От случаев свернутой пропозиции следует отличать контексты, где смысловой глагол подвергается элиминации и представлен только его объект (*нужна школа → нужно создать школу*):

(260) *Что нужно: нужна школа с нормальными отношениями к детям* (Наши дети: Подростки (2004)).

Отметим, что при элиминации зависимого инфинитива иногда только речевая ситуация позволяет определить пропозициональное действие. Например, высказывание *мне нужна книга* может быть интерпретировано различным образом, ср.:

а) *мне нужно купить, прочитать книгу* и т.п.;

б) *мне нужно, чтобы ты дал мне книгу* (при обращении с просьбой к актуальному слушателю);

в) *мне нужна книга*, чтобы подложить, например, под ножку стула и т.п.

В последнем случае речь идет о недеонтической необходимости, а именно о потребности. В немецком языке подобные конструкции оформляются недеонтическим глаголом *brauchen*, обозначающим материальную, физическую или психологическую потребность, что исключает его из числа деонтических предикатов, выражающих социально обусловленную необходимость:

(261) *Ich brauchte eine Pause zum Regenerieren* (Der Tagesspiegel, 18.11.2004). ‘Мне нужен был перерыв, чтобы восстановиться’.

(262) *Ich lasse kaum jemanden so nah an mich ran, dass er mich betrügen könnte. Ich brauche viel Distanz* (Der Tagesspiegel, 20.12.2004). ‘Я редко подпускаю кого-то так близко ко себе, чтобы быть обманутым. Мне нужна большая дистанция’.

2. Деонтическое прилагательное или существительное употребляются в модальных конструкциях, которые являются структурами с именным предикатом. Подобные деонтические конструкции в русском и немецком языках демонстрируют некоторые отличия.

В русском языке коррелятами деонтического оператора «обязательно», используемыми в деонтической конструкции с именным предикатом, согласно С. Н. Цейтлин, являются существительные *долг, обязанность, необходимость, надобность*; некоторые устойчивые обороты типа *имеет смысл, есть необходимость* [Цейтлин 1990, с. 146–147], при этом форма глагола «быть» чаще всего отсутствует (нулевая): *платить налоги – святая обязанность*.

В немецком языке набор деонтических лексем, используемых в составном именном сказуемом, представлен деонтическими прилагательными *notwendig, nötig, erforderlich, unausweichlich, unentbehrlich, unerlässlich, unumgänglich, unvermeidlich, unverzichtbar, vonnöten, zwingend* (на русский язык все они переводятся как 'необходимый, требуемый, неизбежный, необходимый, обязательный'); существительными *Verpflichtung* 'обязанность', *Notwendigkeit* 'необходимость', *Muss* 'обязанность', *Pflicht* 'долг', *Erfordernis* 'требование', *Gebot* 'принцип, повеление', *Zwang* 'принуждение' (в словаре они объясняются друг через друга); причастиями *verpflichtet* 'обязанный', *gezwungen* 'вынужденный'. При этом пропозиция деонтической конструкции с именной предикативной структурой в немецком языке реализуется объектным инфинитивом: *Seine Pflicht ist es, pünktlich zur Arbeit zu erscheinen* 'его обязанность – приходить на работу вовремя'. Иными словами, копулятивный глагол (глагол-связка) выражает грамматическое значение, деонтическая лексема, или именная часть, – модальное значение, а пропозициональное содержание передается инфинитивным оборотом.

В структурах с именным предикатом в роли предикатива, который дополняется инфинитивным объектом, выступают деонтические прилагательные *notwendig, nötig, vonnöten, erforderlich, unentbehrlich, unumgänglich: es ist notwendig + zu + Inf.* 'необходимо + инф.'. Такие конструкции всегда безличные, они позволяют говорящему скрыть или не выносить в коммуникативный фокус исполнителя действия:

(263) *Es ist in solchen Fällen notwendig, über das Selbstverständnis zu diskutieren und klarzumachen, dass das Angebot nur erhalten werden kann, wenn jeder mitmacht und seinen Beitrag leistet* (Die Zeit, 17.04.2016 (online)). 'В таких случаях необходимо обсудить самооценку и дать понять, что предложение может быть сохранено только в том случае, если участвовать и вносить свой вклад будут все'.

Отметим, что в русском языке переводными эквивалентами данных конструкций выступают структуры с составным глагольным сказуемым с лексемами *необходимо, надо, нужно*.

Исполнитель действия находится в коммуникативном фокусе деонтической конструкции, если она выражена стативной структурой с составным именным сказуемым с инфинитивным объектом, где именная часть (предикатив) представлена причастием, образованным от каузативных глаголов *verpflichten* 'обязывать', *zwingen* 'вынуждать' *verpflichtet sein* 'быть обязанным', *gezwungen sein* 'быть обязанным' (т.е. формой результирующего страдательного залога):

(264) *Der Arbeitgeber ist verpflichtet, seine Mitarbeiter zu schützen* (Die Zeit, 04.10.2017 (online)). 'Работодатели обязаны защищать своих сотрудников'.

В конструкциях с деонтическими прилагательными *notwendig, erforderlich* и т.п. в предикативной функции используются в качестве подлежащего номинализированные существительные, обозначающие процесс, а именно: девербативы с суффиксом *-ung* и субстантивированные существительные: *eine*

gründliche Untersuchung ist erforderlich ‘тщательное расследование инцидента необходимо’ = *man muss gründlich Akk. untersuchen* ‘необходимо тщательно расследовать что-то’. Номинализация в принципе характерна для немецкого языка, она позволяет логически уплотнить высказывание, поскольку с ее помощью выражается содержание целых предложений, например:

(265) *Die Verbeamtung ist notwendig, um weiter wettbewerbsfähig zu sein* (Die Zeit, 21.12.2017, № 53). ‘Для того, чтобы оставаться конкурентоспособными необходимо признание чиновником’. → *Es ist notwendig, verbeamtet zu werden, um...* ‘необходимо, чтобы признали чиновником, для ...’

(266) *Provenienzforschung ist notwendig und nützt allen* (Die Zeit, 03.11.2017 (online)). ‘Исследование происхождения необходимо и принесет пользу всем’. → *Es ist notwendig, Proviienz zu forschen, das nützt allen* ‘исследовать происхождение необходимо, это принесет пользу всем’.

В отличие от русского языка, где номинализованная пропозиция конструкции относится к смысловому глаголу, в немецком языке анафорическое местоимение *das* отсылает к номинализованному существительному:

(267) *Parteien leben von Spenden und Sponsoring. Das ist notwendig* (Der Tagesspiegel, 11.02.2004). ‘Партии живут на пожертвования и спонсорство. Это необходимо’. → Для существования партий необходимо, чтобы осуществлялись пожертвования и спонсирование’.

(268) «*Dieses Vorgehen einzustellen*», sagte die Kommissarin zu den Kritikpunkten. «*Das ist notwendig, um europäische Verbraucher zu schützen.*» (Die Zeit, 20.04.2016 (online)). ‘«Прекратить этот подход», – сказала комиссар по поводу критики. «Это необходимо для защиты европейских потребителей»’.

Немецкие номинализованные именные конструкции могут быть эпистемически модализованы при помощи имперсонализованного модусного глагола: *Op scheint (dringend) erforderlich, wird für erforderlich erachtet*, например:

(269) *Ein Aufbrechen dieser Traditionen scheint notwendig, da die Nachfrage seitens der Studentinnen und der Wirtschaft groß ist* (Der Tagesspiegel, 19.11.1999). ‘Представляется необходимым порвать с этими традициями из-за высокого спроса со стороны студентов и бизнеса’.

(270) *Wir dürfen nicht in den Fehler verfallen zu sagen, dass die Sozialversicherung aus dem letzten Loch pfeift und es darum gehe, die Sozialversicherung zu sanieren. Doch genau das scheint notwendig zu sein* (Die Zeit, 25.01.1980, № 5). ‘Мы не должны ошибаться, говоря, что социальное обеспечение находится «на последнем издыхании» и что речь идет о реструктуризации социального обеспечения. Но, похоже, нужно именно это’.

3. Деонтическая конструкция оформляется также структурой с предикативной модусной рамкой с придаточным изъяснительным: *Dm, чтобы/dass + DS + Vf_{in}*. Модус выступает своего рода квалификатором пропозиции, отображающим то, что стремится выразить говорящий относительно положения дел, репрезентированного в пропозиции предложения» [Зеленщиков 1997, с. 70].

В подобных структурах отмечается семантическое расчленение, а именно: в главную часть выносится модальная квалификация, выраженная при помощи безличных предикативов *надо, нужно, необходимо/ es ist notwendig, nötig, erforderlich*, а в подчиненной части (*чтобы/ dass*) со спрягаемой формой глагола указывается исполнитель пропозиционального действия (см. подробнее о расчленении модальных конструкций [Золотова и др. 1998, с. 326]), т.е. *необходимо, чтобы служащие понимали* = *служащие должны понимать*:

(271) **Необходимо, чтобы служащие понимали**: сокрытие конфликта интересов влечет для них неприятные последствия вплоть до увольнения (М. Фишман. Кадры сытые и честные // Еженедельный журнал, 1 апр. 2003).

(272) *Ich glaube, es ist notwendig, dass wir aufwachen und sehen was hier passiert* (What in the World Are They Spraying?, 2010 (Filmuntertitel)). ‘Я думаю, нам необходимо проснуться и посмотреть, что здесь происходит’.

В русском языке в конструкциях с модусной рамкой возможна экспликация лица в дательном падеже, т.е. субъекта, которому выгодно выполнение действия *P*. Подобное расширение конструкции свидетельствует об усложнении семантики деонтических высказываний волитивной составляющей, ср.:

(273) *Тем не менее для федерального центра позиция Кадырова оказалось весомее – Кремлю необходимо, чтобы мятежный субъект федерации как можно скорее обрел легитимную власть* (А. Матвеева. Кадыров избавится от «и.о.» 5 октября // Газета, 7 июня 2003). ← Кремль хочет, чтобы ...

(274) *Но Гинзбург поставил условие: «Мне нужно, чтобы со мной был Борис Пургалин, мой сценарист, я без него не работаю»* (И. Э. Кио. Иллюзии без иллюзий (1995–1999)). ← Я хочу, испытываю потребность, чтобы ...

(275) ... *ему необходимо, чтобы кто-нибудь «стремил» (стерег, наблюдал) в то время, когда он работает* (А. И. Куприн. Киевские типы (1895–1897)). ← Он хочет, чтобы ...

4. Конструкции с предикативной модусной рамкой могут получать в главной части осложнение в виде эпистемического глагола, что подчеркивает путативный характер деонтической конструкции: *считать необходимым/ S_{gr} hält es für notwendig (sieht es für notwendig an), чтобы/ dass + DS + V_{fin}*, = *считаю, что необходимо, чтобы DS + V_{fin}*. Авторы «Коммуникативной грамматики русского языка» называют подобные структуры «двусубъектными», поскольку в модальной части представлен один субъект, а в подчиненной иной, что, по их мнению, позволяет диалогизировать монолог, поскольку «категория модальности функционирует в области взаимодействия минимум двух субъектных сфер» [Золотова и др. 1998, с. 330]. В этой связи И. М. Кобозева отмечает, что в модальных высказываниях, построенных по такой модели, пропозиция, т.е. действие *P*, является «целью лица, не тождественного деонтическому субъекту» [Кобозева, Лауфер 1991, с. 173], например:

(276) *Кроме того, я заявил им, что **считаю необходимым, чтобы** разоружение было произведено именно **русскими**, чтобы оно прошло безболезненно и не вызвало враждебных столкновений между китайскими и русскими солдатами* (Г. М. Семенов. О себе. Ч. I. Революция (1938)).

(277) *Ich halte es für notwendig, dass wir die kleineren und mittleren Unternehmen besonders beachten* (Rede von G. Westerwelle, 11.03.2010). ‘Считаю, что нам необходимо уделить особое внимание малым и средним компаниям’.

В случае совпадения модального субъекта и субъекта мнения конструкция становится односубъектной с зависимым инфинитивом без модусной рамки (*считаю(-em) необходимым/ ich (sie) halte (hält) es für notwendig + Inf*), ср.:

(278) ... *я **считаю необходимым рассматривать** все возможности* (Ю. Нестеренко. Из жизни инопланетян. Завоеватели // Наука и жизнь, 2006).
← Считаю, что необходимо рассматривать...

(279) *Считаю необходимым объединить усилия и разработать технические регламенты Пермской области, которые бы выстроили жесткую, понятную вертикаль между потребителем и производителем строительной продукции* (Е. Колесниченко. «Строители должны объединить свои усилия!» // Пермский строитель, 19 дек. 2003).

(280) *Der Deutsche Bundestag sieht es für notwendig an, die seit Jahren wegen der wirtschaftlichen und finanziellen Rahmenbedingungen zurückgestellten Aufgaben der strukturellen Weiterentwicklung des öffentlichen Dienstrechts Schritt für Schritt zu **lösen*** (Deutscher Bundestag: Plenarprotokoll № 10/174 vom 14.11.1985, S. 13102). ‘Немецкий Бундестаг считает необходимым поэтапно произвести дальнейшую разработку закона о государственной службе, которая откладывалась годами из-за экономических и финансовых рамокных условий’.

Подобные структуры, однако, неупотребительными (см. далее табл. 2.1).

Таким образом, деонтические конструкции представлены различными структурно-синтаксическими типами: составными именными конструкциями с инфинитивным объектом, структурами с предикативной модусной рамкой, которые в том числе могут получать эпистемическую модализацию, а также конструкциями с составным глагольным сказуемым, которые реализуются как полной структурой, в том числе и с пассивизацией, так и эллиптированной, а также структурой со свернутой пропозицией (номинализацией глагола).

В данной работе мы останавливаемся на рассмотрении только прототипических деонтических конструкций *Dm + DS + Inf*, где модальные маркеры выступают синтаксически несамостоятельными и входят в состав **составного глагольного сказуемого**: *ему необходимо сделать/er muss tun*. Такие конструкции характеризуются наибольшей употребительностью и эквивалентностью структуры в немецком и русском языках.

2.3. Компоненты деонтической конструкции

Центральное место в ряду средств выражения необходимости занимают модально-глагольные комплексы, т.е. сочетание модального глагола/предиката и инфинитива смыслового глагола, которые выступают **однозначным экспликатором** деонтической модальности.

Деонтическая конструкция как идеализированный языковой конструкт, или абстрактная модель, структурно состоит из обязательных и факультативных лексико-синтаксических компонентов и представляет собой структурно-семантическое целое.

Обязательными выступают такие компоненты, как:

- *деонтический маркер* (Dm), или предикат, т. е. выразитель модальной семантики, языковой коррелят модального оператора «обязательно»;
- *инфинитив пропозиционального* (смыслового) *глагола* (Inf), обозначающий действие, которое призвано изменить положение вещей;
- *деонтический субъект* (DS), или исполнитель действия: лицо/социальная группа, которые потенциально могут реализовать действие, указанное в пропозиции.

Деонтический маркер в сочетании со смысловым глаголом являются структурным компонентным (синтаксическим) минимумом конструкции.

Деонтический маркер относится к модальному плану высказывания, а инфинитив смыслового глагола и деонтический субъект обозначают пропозицию деонтической ситуации и составляют диктумную часть высказывания – целевое действие или конечное состояние, которое призвано изменить текущее положение вещей.

Любопытно отметить, что функциональную значимость одного из этих компонентов может подчеркнуть просодия. Поскольку модальная конструкция является аналитической, то любой из ее компонентов может получать акцентную выделенность. В случае прогрессивного, неэмфатического порядка слов фразовый акцент может быть реализован в двух позициях – на смысловом глаголе или на деонтическом маркере.

Традиционно в деонтической конструкции коммуникативно новым, т.е. ремой, является пропозициональный глагол, указывающий на способ изменения ситуации. Именно действие выделяется рематически (↘): *ты должен это "сделать" / du musst das "tun"*. Рематический акцент на модальном маркере возможен только в мощном контексте, который создается тем или иным локальным контрастом: *ты "должен" это сделать_ / du "musst" das tun*. В русском языке деонтическим маркером, активно используемым в контрастивных контекстах, является лексема *обязан*.

В сложноподчиненных структурах акцентная структура меняется и деонтический маркер получает либо рематический (↘), либо интродуктивный (↗) акцент. Рематический акцент на модальном показателе сообщает

подчиненной клаузе фразовую безударность и статус данного: *"надо\, чтобы ты это "сделал*. Интродуктивный, тематический (Л) акцент на глаголе обеспечивает подчиненной клаузе главный фразовый акцент и статус нового: *"надоЛ, чтобы ты это "сделал*.

При этом в немецком языке с фиксацией смыслового акцента в конце фразы, оба компонента конструкции получают акцентное выделение, но основной акцент сохраняется на смысловом глаголе: *es ist "notwendig[→]ξ, dass du das "tust*.

В деонтическую конструкцию дополнительно могут включаться факультативные компоненты (ФК), в качестве которых выступают различные вербализаторы дополнительных смыслов (интенсификаторы, оценочные маркеры, показатели уступки и контраста и т.п.), обогащающие модальную информацию разнообразными прагматическими, оценочными, темпоральными и иными значениями, например:

(281) *Это золотые слова, и к ним **очень и очень нужно** прислушиваться* (Б. Я. Каштанова. На другом берегу // Советская Россия, 23 авг. 2003).

(282) ***Тем не менее нужно** упомянуть еще один запрет (из статьи 1), вызвавший, пожалуй, наиболее бурное обсуждение* (М. Кронгауз. Родная речь как юридическая проблема // Отечественные записки, 2003).

(283) ***Обязательно нужно** оставить время для дворцово-паркового ансамбля Лазенки* (Польша — добрая соседка: здесь примут по-домашнему! // Даша, 2004).

(284) ***К сожалению, часто за сцену нужно** бороться не музыкой, а нервами* (С. Ткачева. Тамара Гвердцители: «Не умею учиться на чужих ошибках» // 100 % здоровья, 15 янв. 2003).

Аспекты плана содержания любой конструкции, как отмечает А. Голдберг, «is not strictly predictable from C's component parts» 'не являются строго выводимыми из аспектов значения или формы ее составных частей' [Goldberg 1995, p. 4]. Инфинитив при модальных предикатах принято считать зависимым, однако, по справедливому замечанию Г. А. Золотовой, подобная квалификация «вступает в противоречие с признанием «господствующего» слова модального значения несамостоятельным, [...] а самостоятельное (инфинитив) вряд ли может зависеть от несамостоятельного» [Золотова 1982, с. 257]. Поэтому подчеркнем, что семантика конструкции — это не арифметическая сумма, не простое соположение ее компонентов: семантическая структура деонтического высказывания, его пропозициональное/диктумное и его модальное содержание являются единым целым; устранение модусного компонента меняет характер отражаемой ситуации.

Все компоненты деонтической конструкции получают различное языковое воплощение в речи, о чем пойдет речь далее. Взаимодействие их семантических свойств и структурных характеристик обуславливает формирование разнообразных смыслов деонтического высказывания.

2.3.1. Деонтические маркеры в русском и немецком языках: качественные и количественные характеристики

Из всех глаголов остался
только один: *должен*.
И. Эренбург. «Буря»

Деонтический план, как уже отмечалось, в модально-глагольных комплексах реализуется благодаря деонтическому предикату.

Вопрос о ядерных средствах выражения деонтики в русском языке решается в лингвистической литературе неоднозначно. С. Н. Цейтлин к прототипическим деонтическим лексемам в русском языке, которые стилистически и экспрессивно не маркированы, имеют широкую сферу использования, относит следующие: *должен, вынужден, принужден, обязан, нужно, надо, необходимо, положено, пора*; глаголы *следует, полагается, стоит, не мешает, надлежит, приходится/придется, требоваться, подобает, (не) пристало, (не) годится, надлежать, полагаться, принято* и ряд других [Цейтлин 1990, с. 146–147] (см. также [Шатуновский 1996]).

Ядро предикатов, служащих для выражения значения долженствования в деонтических конструкциях с составным глагольным сказуемым, составляют шесть лексем: *должен, обязан, следует, надо, нужно, необходимо* [Кобозева, Лауфер 1991, с. 169]. Указанные единицы образуют набор эксплицитных индикаторов деонтической модальности. Самыми частотными из них являются модальные предикативы *должен, надо, нужно*. При этом в зависимости от применяемых методик и исследуемого материала первенство той или иной лексемы отличается. Так, согласно словарю Э. А. Штейнфельд, *надо* входит в первую сотню наиболее частотных слов русского (82-е место), *нужно* – во вторую (182-е) [Штейнфельдт 1963, 1973]. Частотный словарь современного русского языка на материалах Национального корпуса русского языка присваивает данным словам в общем частотном списке следующие порядковые номера: *надо* 91-й, *должен* 97-й, *нужно* 277-й, в то время как *необходимо* является 785-м. Сравнивая указанную в словаре частотность маркеров необходимости, обнаруживаем, что показатель частоты на миллион словоформ (ipm) для *должен* является 944,2, для *надо* – 993,2, для *нужно* – 353,7, для *необходимо* – 149 [Ляшевская 2009]. Список 5 000 самых частотных слов русского языка, построенный на основе русского интернет-корпуса I-RU [Sharoff et al. 2013], предлагает схожую картину: *должен* занимает 76-ю позицию, *надо* 110-ю, *нужно* 197-ю, *необходимо* 625-ю.

Обращение к корпусу НКРЯ позволило получить выборку деонтических конструкций¹. Основная доля контекстов, т.е. более 2/3 выборки (см. табл.

¹ Поскольку корпус постоянно обновляется новыми документами, выборка была осуществлена дважды, в 2018 и 2022. Объем первой выборки составил 515119 вхождений, объем второй выборки увеличился почти на треть и составил 747195. В выборки были включены только предложения с модальными предикатами в настоящем времени индикатива.

2.1), включает в себя три деонтических предиката – *должен*, *нужно*, *надо*, которые относятся, как было показано, к наиболее частотным словам в целом. Конструкции с предикативом *надо* существенно употребительнее (приблизительно в два раза), чем с предикативом *нужно*. Конструкции с лексемой *должен* занимают третью позицию, однако отмечается тенденция к увеличению их употребительности: в 2022 г. они занимают вторую позицию.

Таблица 2.1

Количественное распределение деонтических предикатов модальных конструкций в выборке из НКРЯ

На дату	<i>обязан</i> (-а, -ы)	<i>должен</i> (-а, -ы)	<i>нужно</i>	<i>надо</i>	<i>необходимо</i>	<i>вынужден</i> (-а, -ы)	<i>следует</i>	<i>приходится</i>	<i>нельзя не</i>	<i>не мочь не</i>	<i>считаю своим</i> <i>долгом</i>	<i>считать</i> <i>необходимым</i>
20.12.2018	3410	76826	102460	208892	37855	1340	48543	26352	6108	2605	235	493
	0,66 %	14,9 %	19,89 %	40,55 %	7,35 %	0,26 %	9,42 %	5,12 %	1,19 %	0,5 %	0,05 %	0,1 %
20.12.2022	17581	153795	132355	269375	48076	12797	63137	35159	6147	7392	256	1125
	2,31 %	20,22 %	17,59 %	37 %	6,32 %	1,68 %	8,3 %	4,62 %	0,81 %	0,97 %	0,03 %	0,15 %

Несмотря на указываемую в словарях синонимичность деонтических маркеров и объяснение их значения друг через друга, полной синонимии между ними нет. Существуют такие контексты, как отмечают И. М. Кобозева и Н. И. Лауфер, в которых либо эти предикаты не вполне синонимичны, либо употребление одного из них оказывается менее естественным [Кобозева, Лауфер 1991, с. 169].

Особенности языковой реализации деонтических показателей обуславливают различия качественное характера. Так, лексема *должен* объясняется в словаре через *обязан* [Ушаков 2017]. Наиболее ярким и специфическим свойством лексемы *должен* является, согласно Т. В. Булыгиной, «неабсолютность выражаемой необходимости» [Булыгина, Шмелев 1991, с. 15], т.е. она реализует обобщенный деонтический смысл. В свою очередь предикат *обязан* трактуется как «имеющий что-л. своей обязанностью, долгом; то, что подлежит безусловному выполнению кем-н.» [ЭНИ 1999]. Разница данных предикатов состоит в безусловности осуществления необходимого действия *P*. Маркер *обязан* отличается от *должен* более узкой областью определения: как правило, он подразумевает институциональную обязанность [Кобозева, Лауфер 1991, с. 173]. «Нейтральность» лексемы *должен* позволяет использовать ее в одном контексте с маркером *обязан* (*должен и обязан*) для демонстрации нарастания интенсивности модального значения, усиления категоричности:

(285) *Союз проектных организаций – **должен и обязан** обратиться в городские, областные инстанции для улучшения взаимодействия с участниками строительства, чтобы стиль работы, который там принят сегодня, изменить* (А. Терентьев. Говорят участники собрания // Пермский строитель, 22 окт. 2003).

(286) *Я не оправдываю самовольных поступков крестьян, но **должен и обязан** сказать несколько слов в защиту несчастных по чувству ближнего* (Н. А. Добролюбов. Народное дело. Распространение обществ трезвости (1859)).

Лексема *надо* определяется в словаре через «необходимо; следует; нужно», и, наоборот, *нужно* через «необходимо; следует; надо» [ЭНИ 1999]. Деонтический маркер *надо* фиксирует «деонтическую нейтральность» [Лауфер 2007, с. 358]. Анализ типа субъекта, выражаемого именной группой в дательном падеже, в сочетании с данными предикатами приводит Н. И. Лауфер к выводу о том, что в отличие от *надо* лексема *нужно* обозначает субъектно-ориентированную ситуацию необходимости, т. е. в ней мыслится некоторый участник, в интересах которого находится реализация этой необходимости. Поскольку *надо* сочетается преимущественно с субъектами непервого лица, то данный предикатив обозначает ситуацию, с которой говорящий себя не ассоциирует и которую он рассматривает со стороны [Лауфер 2007, с. 358].

В свою очередь, несмотря на то, что маркер *необходимо* входит в дефиниции лексем *надо* и *нужно*, сам он определяется несколько иначе, а именно как «требуется, надлежит» [ЭНИ 1999], «неизбежно» [Ожегов 2015]. Так, И. М. Кобозева отмечает, что *надо* и *нужно* практически синонимичны, а *необходимо* отличается от них большей категоричностью: в высказываниях с ним как импликация выводится серьезность последствий невыполнения действия *P* [Кобозева, Лауфер 1991, с. 174].

Использование в одном контексте личного маркера *должен* и безличных предикативов *надо*, *нужно*, *необходимо* обусловлено стилистически, необходимостью избежать повтора, ср.:

(287) *На каждом шагу встречаю доброжелателей, которые предупреждают: Вам **надо** смотреть в оба, вы **должны** бороться* (В. Войнович. Иванькиада, или рассказ о вселении писателя Войновича в новую квартиру (1976)).

Глагол *следует* указывает на писаное или неписаное правило и определяется как «нужно, должно, необходимо (книжн.)» [Ушаков 2017]; «нужно, должно, полагается» [ЭНИ 1999], на долженствование, диктуемое обычаем, привычным укладом [РГ1 1980, с. 118]. Исследователи отмечают, что, как в случае с лексемой *надо*, в конструкциях с данным предикатом действие направлено на достижение положения дел, которое отвечает интересам субъекта [Кобозева, Лауфер 1991, с. 175].

Указанные безличные предикаты могут использоваться как в бессубъектных, так и субъектных структурах с косвенным субъектом, что ведет к приобретению конструкцией дополнительных семантических оттенков (см. о субъектных структурах с безличными предикатами 2.3.2).

Предикаты *вынужден* и глагол *приходится* (вторичный модальный глагол) фиксируют несоответствие необходимости воле/желанию/планам модального субъекта, обозначая, что внешние по отношению к субъекту обстоятельства, вынуждающие его совершить действие *P*, обладают такой силой, что сопротивляться им невозможно (см. о негативной оценке при конфликте деонтики и волитивности 1.3.1), ср.: *вынужден* – «с инф. Поставленный в необходимость, принужденный обстоятельствами» [Ушаков 2017]; *приходится* – «стать необходимым, неизбежным в связи с какими-л. обстоятельствами, условиями» [ЭНИ 1999].

Обобщение и сравнение словарных дефиниций и лингвистических разъяснений показывает, что модальный маркер *должен* является доминантой в ряду остальных. Высказывания с ним могут передавать все нюансы значения долженствования, заменяя остальные лексемы, обратная замена возможна далеко не всегда.

Отметим также, что синонимом конструкции *ты должен делать* выступают личная форма предиката *мочь* с отрицанием (*не могу не*) и безличное *нельзя не*, которые являются квазиалетическими (*ты не можешь не делать* = *просто обязан делать*). Данные маркеры выступают экспрессивным способом выражения ассертивного смысла, усиливающим категоричность деонтического значения, однако они не являются употребительными, составляя менее 2 % в выборке из корпусов (см. табл. 2.1).

В немецком языке набор деонтических лексем гораздо менее широкий. Модально-глагольные конструкции, реализующие значение обязательности/необходимости, образуются фактически при помощи двух модальных глаголов *müssen* и *sollen*, деонтическое значение для которых является первичным, неграмматикализированным.

Согласно корпусу Duden, данные модальные глаголы характеризуются частотой более 1000 раз на 1 миллион словоформ (ipm) [Duden]. Словарь DWDS определяет лексемы *müssen* частоту 1980,58 на 1 миллион токенов при абсолютном количестве 1 411 478¹ токенов, данный показатель для лексемы *sollen* несколько ниже – 1872,52 при абсолютном количестве в 1 334 634 токенов² [DWDS]. Корпус университета г. Лейпцига, который основывается на публицистических текстах 2021 г., фиксирует 419 463 вхождений³ глагола *müssen*, из которых рассчитывается ранг и класс

¹ По данным за период 2020–2022.

² По данным за период 2020–2022.

³ Количество вхождений слова в корпус является абсолютным числом и, следовательно, линейно зависит от размера корпуса.

Ранг – это позиция слова в списке слов корпуса, отсортированного по частоте в порядке убывания: чем ниже ранг, чем частотнее слово.

частотности (121-й ранг и высокий 5-й класс частоты соответственно) [Leipzig]. Модальный глагол *sollen* имеет 153-й ранг и 6-й класс частоты, будучи зафиксированным корпусом университета г. Лейпцига в 328 684 вхождениях [Leipzig].

Сравнение семантизации данных модальных единиц в словарных статьях делает очевидной отличия в их значении.

Необходимость, обозначаемая глаголом *müssen* в индикативной форме, может заключаться в самом субъекте (внутренний долг), но может иметь и внешние причины разного рода [Buscha et al. 1998, S. 254]. Так, значение данного модального глагола в словаре DWDS раскрывается через причастие каузативного глагола, фиксирующего принуждение, при этом не детализируется, какого оно рода, но указывается на абсолютность необходимости: «**gezwungen sein, etw. zu tun; etw. zu tun ist zwingend notwendig; nicht anders können**» ‘быть вынужденным делать что-л.; сделать что-л. обязательно; быть не в состоянии поступить иначе’ [DWDS]:

(288) *Ich habe keine andere Wahl, ich muss Musik machen* (Die Zeit, 30.09.2016 (online)). ‘У меня нет другого выбора, я должен заниматься музыкой’.

Словарь Duden посредством похожей семантизации указывает на содержащееся в семантике данной единицы принуждение как внешнего, социального, так и внутреннего характера: «**gezwungen sein, aufgrund gesellschaftlicher Normen, einer inneren Verpflichtung nicht umhin können, etwas zu tun; sich verpflichtet fühlen, etwas Bestimmtes zu tun**»; «**einem [von außen kommenden] Zwang unterliegen**» ‘быть принужденным; из-за социальных норм, внутреннего долга; не мочь избежать чего-то; чувствовать себя обязанным сделать что-то конкретное’; ‘быть под [внешним] принуждением’ [Duden]. Иными словами, действие или состояние является необходимым, обязательным условием для чего-либо, ср.: *sie muss um 8 Uhr im Büro sein* ‘она должна быть в офисе к 8 часам’ и *der Brief muss heute noch abgeschickt werden/ der Brief muss zur Post* ‘письмо должно быть отправлено сегодня’; *das musst du doch verstehen* ‘ты должен это понять’; *du musst seine Einladung annehmen* ‘ты должен принять его приглашение’, т.е. в связи с предыдущими событиями необходимо, чтобы произошло что-то определенное.

Модальный глагол *sollen* используется, если долженствование обусловлено законами, нормами, предписаниями, т.е. здесь лексемы *müssen* и *sollen* выступают полностью синонимичными: *Die Hunde sollen/müssen an der Leine geführt werden* ‘собак следует держать на поводке’. В грамматике Duden отмечается, что глаголы *müssen* и *sollen* взаимозаменяемы, однако глагол *müssen*, как правило, демонстрирует наличие более сильного и менее произвольного обязательства [Duden 2009, S. 559].

Слова с одинаковой частотой группируются в классы с целью, чтобы класс частоты слова редко менялся между разными корпусами. Частота наиболее часто встречающегося слова в корпусе делится на частоту рассматриваемого слова, далее логарифм по основанию 2-го результата округляется до следующего целого числа. Самое частотное слово в корпусе всегда имеет частотный класс 0; слово в частотном классе 1-м встречается в корпусе примерно в два раза реже, чем наиболее часто встречающееся слово.

При этом модальная семантика глагола *sollen* сложнее. Семантическая разница между *müssen* и *sollen* заключается в том, что высказывания с глаголом *müssen* выражают именно необходимость, а с глаголом *sollen* подчеркивают обязанность/обязательство, наложенные определенным социальным источником, и не выражают внутреннее обязательство, типичное для *müssen*.

Так, в словарях значение глагола *sollen* определяется или через каузативные причастия обязывания *genötigt*, *verpflichtet*, *schuldig sein* ‘принужденный, упрощенный, обязанный’ [DWDS; Duden], или через деонтическое либо директивное существительное «*die Verpflichtung, den Auftrag haben* (etwas zu tun)» ‘иметь обязанность, поручение (делать что-то)’ [Wahrig 2012]. В грамматиках обращают внимание на тот факт, что, в отличие от глагола *müssen*, необходимость, выраженная при помощи предиката *sollen*, возникает в результате акта обязывания (*Auftrag*), т.е. высказывание *ich soll Ihnen den Brief übergeben* интерпретируется следующим образом: *ich habe den Auftrag, Ihnen den Brief zu übergeben* ‘мне было приказано передать вам письмо’. В индикативе глагол *sollen* является, согласно Й. Буша, конкурирующей формой императива: *Du sollst jetzt deine Hausaufgaben machen. = Mach jetzt deine Hausaufgaben!* ‘ты должен сделать сейчас свою домашнее задание = сделай домашнее задание сейчас!’ [Buscha et al. 1998, S. 251]. В зависимости от инстанции наложения обязанности – человек, общество, нравственный принцип и т.д. – долженствование приобретает разные оттенки: от приказа до рекомендации и простого мнения-утверждения, например: *die Kinder sollen die Hausaufgaben auf einen Zettel schreiben* = *der Lehrer hat angeordnet, dass ...* ‘дети должны написать домашнее задание на листе бумаги’ = учитель наказал, чтобы ... ; *jeder Bürger soll nach seinen Kräften bei der Aktion mittun* = *jeder Bürger ist verpflichtet, ...* ‘каждый гражданин должен сделать все возможное, чтобы помочь на акции’ = каждый гражданин обязан ... ; *das Zeichen Y soll die zu suchende Größe bezeichnen* = *wir legen fest, dass ...* ‘символ Y должен обозначать искомое количество’ = определяем/указываем, что... [Helbig, Buscha 2011, S. 133]. Так, в словаре Duden среди значений, передаваемых глаголом *sollen*, указываются такие директивные оттенки, как просьба, инструкция, предписание, указание сделать что-то [Duden]. Иными словами, он выражает, что определенное поведение требуется или желательно: *man soll eine Kapsel vor den Mahlzeiten einnehmen* ‘одну капсулу следует принимать перед едой’.

Также немецкие лингвисты подчеркивают, что с помощью глагола *sollen* в изъявительном наклонении достигается дополнительный семантический оттенок высказывания: говорящий сообщает, что о необходимости уже говорилось, т.е. реализует речевой акт побуждающего напоминания, тем самым сигнализируя о недовольстве в случае невыполнения исполнителем действия P: *Du sollst dein Zimmer aufräumen* ‘ты должен убрать свою комнату’ [Buscha et al. 1998, S. 254].

Лексема *sollen* – яркий пример переплетения семантики волеизъявления и деонтики. Данный глагол передает необходимость, обусловленную

волеизъявлением того, кто не является грамматическим субъектом, иными словами – непрямым волеизъявлением. Источником модальности является упомянутое/референциальное лицо, а семантика глагола рассматривается как «*extrasubjektiv willensbezogene Variante von sollen*» ‘экстрасубъективный относящийся к волеизъявлению вариант’ [Duden 2009, S. 559]: *sag ihr, sie soll sofort zu mir kommen* ‘скажи ей, она немедленно должна прийти ко мне’; *ich soll dir das ausrichten* ‘я должен тебе это передать’ (кто-то попросил); *der Vater soll davon nichts wissen* ‘отец не должен ничего знать’ (кто-то не хочет, чтобы *p*, и поэтому требует/просит). Волеизъявление может поддерживаться в контексте, в том числе и невербально:

(289) *Da winkt sie, ergreift meine Hand, ich soll ihr folgen.* (Hahn, U. Unscharfe Bilder, 2003, S. 271). ‘Затем она машет рукой, хватает меня за руку, я должен /она велит идти за ней’.

Модальный глагол *sollen* используется для оформления чужой, косвенной речи, которая носит характер пожелания, при этом бенефициаром действия выступает грамматический субъект конструкции, что придает ей псевдосуггестивную семантику, например:

(290) *Sie hat mir ihre Bücher gegeben, kurz vorm Ende, und gesagt, ich soll die studieren und mein Potential nutzen, mein kreatives Potential soll ich nutzen* (Dückers, T. Spielzone, 2002 [1999], S. 67). ‘Незадолго до конца она отдала мне свои книги и сказала, что я должен изучить их и использовать свой потенциал, свой творческий потенциал я должен использовать’.

Словарь Duden указывает на такие волитивные компоненты семантики глагола *sollen*, как желание, намерение, цель субъекта, т.е. действие в модальном комплексе является не средством, как в случае деонтики, а целью, например: *du sollst dich hier wie zu Hause fühlen* ‘ты должен чувствовать себя здесь как дома = хочу, чтобы ты чувствовал себя как дома’ или: *das soll uns nicht stören = davon wollen wir uns nicht stören lassen* ‘это не должно нам мешать = мы не хотим, чтобы это нам мешало’ [Duden]. Исследователи отмечают, например, что очевидное волитивное значение, а именно «намерение, желание сообщить нечто» фиксируется у сочетания лексики *sollen* в 1-м лице с речевым глаголом [Wunderlich 1983, S. 22]. Именно наличие волитивности в семантике глагола *sollen* объясняет его использование в форме сослагательного наклонения в риторических побуждениях: *das sollte mir heute mal einer sagen!* ‘кто-то должен мне это сказать сегодня!’ (= я хочу, чтобы кто-то мне это сказал), в том числе в угрожающих вызовах и проклятиях.

Наряду с указанными нюансами значения модальный глагол *sollen* выражает субъективно осознанную необходимость, основанную на умозаключении говорящего о том, что осуществление действия является правильным, выгодным и принесет благоприятный результат. Такого рода утверждения требуют снижения категоричности, поэтому данный глагол употребляется, как правило, в форме сослагательного наклонения (Konjunktiv Präteritum или

Plusquamperfekt), например: *in Zukunft solltest du vorsichtiger sein* (= *es wäre gut, wenn du in Zukunft vorsichtiger wärest*) ‘в будущем тебе следует быть более осторожным (= было бы хорошо, если бы ты был в будущем более осторожным)’; *jeder Deutschlehrer sollte dieses Buch gelesen haben* ‘желательно, чтобы каждый учитель немецкого языка прочитал эту книгу’; *man soll immer die Wahrheit sagen* ‘следует говорить правду’; *wir sollen/sollten etwas für unsere Gesundheit tun* ‘нам следует что-то сделать для нашего здоровья’ [DWDS].

Лингвисты отмечают, что форма Präteritum Konjunktiv глагола *sollen* используется для обозначения различных оттенков желаемости действия для адресата и одобрения действия, поэтому глагол *sollte* является наиболее распространенной формой оформления совета, рекомендации: *du solltest dir unbedingt den Film ansehen* = *ich empfehle dir, ...* ‘тебе обязательно стоит посмотреть этот фильм = я рекомендую тебе ...’ [Buscha et al. 1998, S. 279]. При этом форма Präteritum Konjunktiv глагола *müssen* не выражает необходимость, а используется в настоящем времени для оформления ирреального желания говорящего: *ich müsste viel Geld haben, dann würde ich ...* ‘если бы у меня было много денег, тогда бы я ...’; *das müsste immer so sein!* ‘если бы так было всегда/пусть так будет всегда!’.

Отметим формальные различия деонтических предикатов в немецком и русском языке. Так, согласно А. Вежбицкой, форму *(Du) musst* можно разложить на корень *muß* и показатель 2-го л. ед.ч. наст. вр. + *st*, тогда как в русском языке *должен* в сочетании с *ты* передает то же грамматическое значение, что и с *я*. Но, как справедливо замечает исследователь, «формальные отличия не «стирают» семантическую эквивалентность конструкций в обоих языках, основанную на эквивалентности самих компонентов» [Вежбицкая 1999, с. 43].

Таким образом, система модальных маркеров в немецком и русском языках обнаруживает определенные расхождения как в количественном плане, так и в качественном отношении. Количественные различия в двух языках обусловлены тем, что в русском языке деонтические лексемы выражают широкий диапазон деонтических смыслов, отличаясь друг от друга: интенсивностью принуждения, ориентацией деонтической ситуации на субъекта первого и непервого лица, выражением принудительного характера действия, эмфатизацией деонтического значения, что, в свою очередь, обуславливает многообразие прагматических оттенков деонтической конструкции. Характерной чертой русского языка является в том числе наличие безличных модальных предикативов. В немецком языке ядерной лексемой, используемой в деонтических конструкциях, выступает модальный глагол *müssen*, однозначно маркирующий значение необходимости внешнего и внутреннего характера. Глагол *sollen* является выразителем необходимости как обязательства, источником которого может быть как внешний источник. Данный предикат ярко демонстрирует волитивную и в том числе волеизъявительную семантику.

2.3.2. Семантические типы деонтического субъекта

Единицей семантической структуры деонтического высказывания выступает субъект деонтики, активный деятель (агенс), представляющий собой некоторое лицо, которое в состоянии и должно превратить потенциальное положение дел в актуальное, иными словами, это потенциальный исполнитель пропозиционального действия, выраженного инфинитивом смыслового глагола.

В прототипической деонтической ситуации роль модального субъекта осуществляет актуальный слушатель (адресат *ты, вы*). Однако очевидно, что «обращенность» деонтики более разнообразна.

Деонтический субъект дифференцируется с точки зрения лица, поскольку категория грамматического лица служит для распределения синтаксических ролей среди участников речевого акта. Лицо выступает типичным шифтером, обеспечивающим переход от языковой системы к речевой реальности (Р. Якобсон): 1-е лицо обозначает говорящего, 2-е лицо – адресата речи, 3-е лицо – человека, не участвующего в акте общения [Jakobson 1957; Норман 1999].

Итак, потенциальным исполнителем действия может быть 1-е, 2-е и 3-е лицо, представляя субъектов с различной референцией (конкретный или обобщенный, в том числе и генерализованный).

1. Если модальным субъектом является сам производитель речи, говорящий, то речь идет о перволичном конкретном субъекте (*я должен сделать*).

2. Деонтическим субъектом выступает также местоимение 1-го лица множественного числа *мы*, в референциальный объем которого всегда включен говорящий.

Демонстрируя наибольшую вариативность денотата, деонтический *мы*-субъект представлен конкретным инклюзивным, обобщенным инклюзивным и эксклюзивным типом. Размышления о составляющих местоимения *мы* приводят Б. Ю. Нормана к выводу о том, что «семантическая сложность *мы* обусловлена как неопределенностью второй составляющей “совокупного субъекта” (‘не-я’), так и возможностью различного долевого участия партнеров в рамках этого субъекта» [Норман 2002, с. 233].

2а. Если говорящий и адресат являются участниками диалога (т.е. субъект семантически равный *я + ты*) и субъект речи отождествляет себя с адресатом(-ами), то имеется в виду конкретный инклюзивный *мы*-субъект:

(291) – *Коля, скоро проснется бабушка. Мы должны успеть вернуться!*
– *Давай я тебя провожу,* – сказал Колюня (А. Варламов. Купавна // Новый Мир, 2000).

2б. Если референтом адресата выступает некоторая совокупность лиц, то *мы*-субъект реализуется с большей степенью отвлеченности, т.е. речь идет об обобщенном инклюзивном *мы* (семантически равном *я + неопределенное вы*):

(292) *Мы должны использовать во имя своего будущего как нации и страны то, что дал нам Бог, что дает нам наша земля* (С. Доренко. Левые силы – переагрузка // Завтра, 13 авг. 2003).

Одним из вариантов экспликации обобщенного субъекта является местоименная форма *мы все/wir alle*:

(293) – *А вы думаете, шучу?* – сказал он невесело. – *Разве этим шутят? Нет, мы все должны здесь погибнуть! Все до одного. На наших костях и возникнет коммунизм. Всем нам единым памятником будет построенный в боях социализм* (Ю. О. Домбровский. Хранитель древностей / Приложение (1964)).

2в. Об эксклюзивном *мы*-субъекте речь идет, если обобщенный субъект включает совокупность лиц, которые не являются участниками коммуникации: *слушай, мне надо сейчас подняться на кафедру, там мы с коллегами должны обсудить кое-что срочное*.

3. Вторичный субъект *ты/вы* представлен также конкретным и обобщенным типом.

3а. В прототипической ситуации диалога деонтический субъект является адресатом сообщения, т.е. конкретный субъект деонтики, например:

(294) *«Что же я должен делать?»* – простонал Ипполит Матвеевич.

«Вы должны молчать. Иногда для важности надувайте щеки» (И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев).

3б. Если референтом деонтического высказывания является совокупность лиц, которым адресуется сообщение, но которые не являются непосредственными участниками коммуникации, то речь идет об обобщенном вторичном *вы*-субъекте с размытым референциальным объемом:

(295) *Однако если устроители лотереи не позаботились об этом, то в конце года вам следует подать в налоговую инспекцию декларацию о доходах и уплатить налог самостоятельно* (Спрашивали? Отвечаем! // Марийская правда (Йошкар-Ола), 14 янв. 2003).

Кроме этого 2-е лицо, используя во вторичном значении генерализации, может подразумевать деонтического субъекта с неопределенной референцией. Обобщенно-личное значение формы 2-го лица в таком случае понимается как «соотнесение ситуации повторяющейся, лишенной конкретной референции, и ее участников с обобщенным классом лиц, включающим говорящего» [Бондарко 1991, с. 10]. Такая формулировка делает высказывание более категоричным, добавляя ему оттенок несомненности, неизбежности [Шелякин 2001, с. 113], например:

(296) *Abseits der Eisfläche ist das anders. Du musst als Trainer immer einen neuen Weg finden, die Spieler anzusprechen* (Der Tagesspiegel, 10.11.2004). 'На льду все по-другому. Как тренер, ты должен всегда находить новые способы общения с игроками'.

(297) *И если ты христианин, ты должен в каждом человеке видеть равного себе, брата своего, а не раба* (А. И. Осипов. Нравственность и духовность. Фрагмент лекции «Искажения христианства» (2012)).

4. Если речь идет о лице, не являющемся участником речевой ситуации, то имеется в виду третьеличный субъект *он/она/они*, который также представлен конкретным и обобщенным типом.

4а. Конкретный третьеличный деонтический субъект подразумевает лицо, отсутствующее в речевой ситуации. Такой субъект отмечается как в актуальной канонической коммуникации, где адресат выполняет роль посредника в передаче информации, так и при отсутствии непосредственной связи между говорящим и адресатом (в монологе), ср.:

(298) – Я передам **отцу** ваши слова.

– **Он должен** знать, что я его самый верный друг и соратник (Ал. Проханов. Господин Гексоген (2001)).

(299) Володя хотел взять с собой Кисина. А замминистра культуры Георгий Александрович Иванов сказал: – Кисин никуда не поедет. Это ребенок не очень здоровый (почему-то считалось, если **Женя** не такой, как все, он нездоров), **он должен** проходить школьную программу, на гастроли ему еще ездить рано. Я как замминистра культуры говорю: он никуда не поедет (С. Спивакова. Не все (2002)).

4б. Обобщенный третьеличный деонтический субъект возникает в результате генерализации. При этом различается: 1) неопределенная генерализация, в таком случае обязательность выполнения действия распространяется на любого и каждого, что делает возможным опускание субъекта в поверхностной структуре: препарат **нельзя** применять после окончания срока его годности; **каждый должен** заниматься своим делом; и 2) определенная генерализация, когда класс субъектов ограничен рамками определенной социальной группы: **пассажир**, уронивший на путь какой-нибудь предмет, **должен** обратиться к дежурному по станции; **тот, кто** хочет стать космонавтом, летчиком, **должен** иметь хорошее зрение, например:

(300) Поиски подходящих **актеров** – это всегда вызов, ведь **они все должны** хорошо двигаться, петь, некоторые и танцевать к тому же (А. Маселла, А. Сабова. «Зрителей трогает романтика» // Огонек, 2014).

В обоих случаях в класс данных субъектов может быть включен как говорящий, так и адресат.

4в. Одним из видов третьеличного обобщенного субъекта выступает неопределенный субъект, подразумевающий наличие альтернативы среди потенциальных исполнителей (за этот хаос **кто-то должен** нести ответственность). Он эксплицируется неопределенными местоимениями (*кто-то/irgendwer, jemand, einer*), при этом в контексте может указываться на конкретное лицо, которое потенциально должно осуществить действие:

(301) Бундовцы могли существовать без РСДРП, и РСДРП могла без них. И «**централистам**», и Бунду выгоднее было объединиться; но **кто-то должен** был уступить (Л. А. Данилкин. Ленин: Пантократор солнечных пылинок (2017)).

(302) Профессора Лейбе Игнатов скрепя сердце также освободил от трудовой повинности: **кто-то должен** был присматривать за лазаретом (Г. Яхина. Зулехха открывает глаза (2015)).

(303) *Рвутся трубы, трещит страна, и из труб, и из страны рвется перегретый пар. В подвале авария, в стране революция. Кто-то должен все это устранять, ремонтировать, чинить. Вот главный герой и пытается* Получается плохо (А. Н. Котюсов. Фотошоп // Волга, 2014).

Отметим, что денотат обобщенного третьеличного субъекта все определяется прежде всего ситуацией высказывания: им может выступать в том числе и перволичный, и второличный деонтический субъект:

(304) *Вопросов становится все больше, но начальник-полковник упорно их игнорирует. – К пятому числу все должны принести медицинские справки. Отсутствие справки – причина отчисления из автошколы. Если в течение месяца справки нет, значит, мы вас к управлению не допустим* (Д. Данилова. Вождение за нос // Русский репортер, 2014). ← все = вы обобщенный

(305) – Ну, батюшка, – сказал он грубовато, – за всё хорошее и плохое. Ура! – За плавающих, путешествующих и пребывающих в темницах, – серьёзно и плавно, совсем по-церковному, не то произнёс, не то пропел отец Андрей. – *Марья Григорьевна, берите-ка стопку! При таком тосте сейчас все должны пить* (Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, ч. 3 (1978)). ← все = мы конкретный обобщенный.

С формально-грамматической точки зрения модальный субъект ко-референтен подлежащему, эксплицируясь в поверхностной структуре высказывания по личной, номинативной (или агентивной) модели, выражаясь местоимениями как универсальным способом вербализации семантики лица, а также существительными (в том числе в генерализированном употреблении или собирательными существительными, обозначающими совокупность лиц), различными метонимическими номинациями (*правительство*).

Личная семантика находит выражение также посредством использования косвенных дополнений, которые представляют одно из субъектных значений в системе синтаксического лица. Лингвисты отмечают, что синтаксическая препозиция местоимения в дательном падеже и его структурно-смысловая роль как носителя предикативного признака позволяют квалифицировать такую форму с «семантической» позиции как субъект [Золотова и др. 1998, с. 329]. Так, в русском языке в конструкциях с безличными маркерами модальный субъект реализуется по пациентивной модели, т.е. выражается в косвенно-падежной форме дативным субъектом (*мне надо, тебе нужно* и т. п.). Доля субъектных структур с безличными предикатами *следует, надо, нужно, необходимо, приходится*, в которых субъект выражен косвенным местоимением, в выборке 2022 г. составляет 5,9 % от общего количества (от 747195 конструкций), половину из которых (3,1 %) представляют структуры с субъектом 1-го лица (см. табл. 2.2).

Т а б л и ц а 2.2

Представленность субъектных структур с безличными предикатами
в выборке 2022 г.

	<i>надо</i>	<i>нужно</i>	<i>необходимо</i>	<i>следует</i>	<i>приходится</i>	<i>нельзя</i> <i>не</i>	всего в выборке
всего	269375	132355	48076	63137	35159	6147	554249
отн. кол-во	36,09 %	17,73 %	6,44 %	8,46 %	4,71 %	0,82 %	74,25 %
субъект- ные	19857	17076	2095	1805	3381	–	44214
отн. кол- во от всей выборки	2,67 %	2,29 %	0,28 %	0,25 %	0,45 %	–	5,94 %

Подобная экспликация субъекта накладывает определенный семантический «отпечаток» на семантику высказывания, обогащая ее специфическим «модусным смыслом» (см. [Бондарко 1978, с. 60; Perkins 1983, с. 33–37; Белошапкова, Шмелева, 1985, с. 37]). Конструкции с личным референтом в форме свободного датива представляют собой «структуры со сниженным статусом субъектности» [Бондарко 1992, с. 47, 48]. Иными словами, они реализуют значение отстраненного субъекта, которое «усиливает грамматическую безличность» [Бабайцева 1968, с. 86].

Употребление дативного субъекта обусловлено в том числе стилистически (необходимостью избегать повтора), если в предшествующем высказывании использована личная структура. Обе конструкции относятся к одной и той же денотативной ситуации, ср.:

(306) *Я должен действовать агрессивнее, да и вообще мне многое нужно улучшать в своей игре. Добавим: чтобы стать лидером мировой таблицы* (Р. Шидловский. Кто хочет стать первой ракеткой // Известия, 14 ноября 2001).

Конструкции с безличными маркерами, однако, чаще всего грамматически бессубъектны.

В немецком языке невозможна грамматическая бессубъектность. Эквивалентом бессубъектных конструкций выступают безличные структуры с местоимением *man* и *es*. При этом *man* предполагает референта субъекта, а безличное *es* является «пустым», имеющим лишь план выражения (например, *es muss sich sagen* 'нужно сказать'; *es muss darauf ankommen* +Inf 'это должно зависеть от' и т.п., а также структуры с двухчленным пассивом, в которых местоимение *es* замещает позицию подлежащего (Platzhalter)):

(307) *Die Zeit ist fast rum, es muss ausgesiebt werden: Zwei Oberbegriffe sollen am Ende über allen stehen, höchstens* (Die Zeit, 18.11.1999, № 47). ‘Время почти истекло, нужно отсеять: два общих понятия должны в результате стоять выше всех’.

Бессубъектность в русском языке и безличность в немецком языке, однако, не отождествляются с семантической бессубъектностью, поскольку при невыраженности субъекта в поверхностной структуре, согласно Г. А. Золотовой, сохраняется одно из трех его значений: определенно-личное/конкретное, неопределенное и обобщенное [Золотова и др. 1998, с. 113]. Установление субъекта в безличных/бессубъектных структурах требует привлечения речевой ситуации.

Отсутствие, или устранение деонтического субъекта в структуре деонтической конструкции наблюдается в следующих случаях:

- при контекстном эллипсисе подлежащего, что характерно только для русского языка (в немецком языке в таких случаях используется безличная форма с местоимением *man* или пассивная форма):

(308) *Таинственный соперник. Его нужно опередить, а морду ему мы всегда успеем пощупать* (И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев (1927)).;

- если говорящий является одновременно модальным субъектом:

(309) *Надо будет ему возразить так, – решил Берлиоз, – да, человек смертен, никто против этого и не спорит. А дело в том, что...* (М. А. Булгаков Мастер и Маргарита).

(310) – *Д-да... Серьезные. Но ты не морочь себе голову ... я разберусь ... как-нибудь. Мне надо подумать ... хорошо подумать. Как следует. Ты меня извини, милый, я пойду к себе. Нужно сосредоточиться и разобраться* (В. Белоусова. Второй выстрел (2000)).

(311) – *Но вы-то верите, что это действительно я? – Приходится верить ...* (М. А. Булгаков Мастер и Маргарита).

(312) – *И батюшка дал мне мудрый совет.*

– *Какой же?*

– *... надо превратиться в идеальную жену! Делать все, что любит муж, все, что попросит ...* (М. Кучерская. Тетя Мотя // Знамя, 2012).

Совпадение субъекта речи и субъекта деонтики происходит в конструкциях с перволичным субъектом и коммуникативным глаголом, указывающих на актуальность речевого действия: *man muss sagen, dass ...*. Условием совпадения является наличие придаточного, ср.: *нужно сказать, что этот год был удачным* → = *я должен сказать, что...* и *нужно сказать правду* → = *нам, тебе, вам, ему, каждому* нужно сообщить об истинности чего-то. В немецком языке отмечается совпадение говорящего и деонтического субъекта в пассивных конструкциях с коммуникативным глаголом:

(313) *Es muss gesagt werden, dass die Führung Chinas den Vertrag negativ bewertete und bewertet* (Archiv der Gegenwart, Bd. 49, 02.07.1979). 'Надо сказать, что китайское руководство оценило и оценивает договор негативно';

• если деонтический субъект совпадает с адресатом высказывания при отсутствии необходимости уточнения (в ситуации непосредственного обращения), например, коллега в офисе обращается к коллеге с просьбой: *надо срочно добавить бумаги в принтер*, ср.:

(314) «*Schorsch*», sagte Paul, als die Tür hinter ihr zu war, «das ist jetzt wie es ist. *Man muss etwas Klügeres aushecken. Diese Nacht musst du eben noch hier schlafen*» (Seghers, A. Das siebte Kreuz, 2002 [1942], S. 306). '«Шорш, – сказал Поль, когда за ней закрылась дверь, – теперь так. Надо выдумать что-то поумнее. Сегодня ты должен спать опять здесь»';

• если субъектное значение заключено в семантике других членов предложения, т.е. субъект выражен синкретически: *ваш кабинет должен стать образцовым* ← вы должны сделать кабинет лучшим;

• если речь идет об обобщенном субъекте, который имеет максимально широкую референцию: *улицу надо переходить на зеленый; при проезде в метро следует соблюдать порядок; маленьких детей необходимо держать на руках*.

В пассивных конструкциях, в которых в качестве грамматического субъекта выступает неодушевленное существительное (*цена должна быть изменена*), речь идет об имплицированном субъекте, который выводится из контекста, ср.:

(315) *Так в той же статистике должно быть сказано, что более 80 процентов мужчин НЕ остается с детьми, то есть они «приходящие» папы* (Женщина + мужчина: Брак (форум) (2004)).

Подчеркнем, что конструкции в зависимости от типа деонтического субъекта, основываясь на данных национальных корпусов русского (НКРЯ) и немецкого (DWDS) языков, представлены неравномерно (см. табл. 2.3). Для демонстрации количественной представленности конструкций с субъектами 1-го, 2-го и 3-го лица были сформированы выборки, в которые вошли структуры только с модальным субъектом, выраженным в формально-грамматической структуре различными местоимениями, а также существительными, указывающими на социальный статус, т.е. при генерализации (*человек, мужчина, художник, ребенок, начальник, врач, люди* и т.п.). Выборки оказались количественно примерно эквивалентными: 113 633 конструкций из корпуса русского языка и 117 429 из корпуса немецкого языка.

Т а б л и ц а 2.3

Употребительность различных типов деонтического субъекта,
эксплицированного в структуре высказывания
(по данным национальных корпусов)¹

перволичный		второличный			третьеличный		
я	мы	ты	вы		он/ она / они/ генерал.	все	каждый / любой
37,97 %	17,8 %	5,46 %	7,93 %		16,7 % / 3,19 % / 5,36 % / 4,26 %	0,52 %	0,8 %
ich	wir	du	Sie (вежливая форма вы)	ihr (мн. ч.)	sie / er/ sie (мн. ч.) / генерал.	alle	jeder
17,3 %	41,4 %	3,1 %	1,6 %	0,7 %	9,2 % / 4,8 % / 14,8 % / 5,8 %	0,4 %	0,9 %

Оценивать валидность количественных расхождений в силу специфики формирования корпусов затруднительно, однако тенденции употребительности конструкций по типам субъекта очевидны.

Более половины каждой языковой выборки составляют **перволичные** конструкции, которые реализованы двумя типами субъекта: 1-м лицом единственного числа *я/ich*, в которых говорящий выступает и деонтическим субъектом, и активным участником ситуации, квалифицирующим ее как модальную, и 1-м лицом множественного числа *мы/wir*, когда говорящий включен в некоторую совокупность лиц.

Я-конструкции с эксплицированным субъектом фиксируются в два раза чаще в корпусе русского языка, который в целом характеризуется предпочтительной употребительностью форм 1-го лица [Гак 2000, с. 40]. В немецком корпусе доминируют *wir*-конструкции, отмеченные в 41 %.

Количественные расхождения в немецком и русском языках объясняются в том числе и грамматическими особенностями немецкого языка. Так, для

¹ Разница в употребительности обусловлена тем, что корпуса сформированы на базе текстов разных типов, представленных разным соотношением.

НКРЯ включает в себя в определенных пропорциях, отражающих их долю в общем массиве современных текстов, различные жанры девяти функциональных сфер (художественные и научные тексты, публицистику, религиозные и технические тексты, частную переписку). При этом НКРЯ является одним из самых «литературоцентричных» корпусов: доля художественных текстов (включая драматургию и мемуары) составляет 42,75%, публицистика 39,03%, учебно-научная 11,07%, официально-деловая 1,47%, производственно-техническая 0,47%, церковно-богословская 1,36%, реклама 0,23%, бытовая 3,46%, электронная коммуникация 1,12% (см. [Савчук С. О. Национальный корпус русского языка в зеркале статистики // Корпусная лингвистика–2021 : Труды международной конференции, Санкт-Петербург, 01–03 июля 2021 года. – Санкт-Петербург: Скифия-принт, 2021. – С. 18–30]).

Основной корпус DWDS (Kernkorpus 1900–1999 и 2000–2010) состоит из четырех типов текстов: художественная литература, справочная литература, научная литература и газетные тексты. Соотношение типов текста версии основного корпуса DWDS является более сбалансированным: художественная литература (26,35%), газетный текст (27,29%), научный (24,59%) и справочная литература (21,77%).

призыва к совместному действию в немецком языке используется инклюзивный субъект *wir*, в то время как в русском языке употребительны перволичные структуры *мне с тобой/я с тобой*:

(316) – *Поднимись на десять минут в учительскую. Мне надо с тобой поговорить* (А. Геласимов. Фокс Малдер похож на свинью (2001)).

(317) *Хорошо, что я вас встретил, – сказал Мостовской. – Мне надо поговорить с вами* (В. Гроссман. Жизнь и судьба, ч. 1 (1960)).

Кроме этого, в немецком языке предпочтительно указание на исполнителя действия в тех случаях, где в русском языке используется безличная форма с опущенным субъектом (о референции нулевых местоимений см. подробнее [Булыгина Шмелев 1997, с. 321]), ср. примеры из параллельного корпуса НКРЯ:

<i>Снегирев, похоже, чокнулся. Надо что-то с ним делать</i> (В. Г. Сорокин. Путь Бро (2004)).		<i>Dieser Snegirjow scheint übergeschnappt zu sein. Wir müssen etwas tun</i> (перевод А. Третнер, 2007).
--	--	--

Описывая семантику модальных маркеров, Ю. С. Степанов обращает внимание на связь их значения с типом субъекта. Так, именно в контексте 1-го лица значение деонтических лексем предстает в наиболее чистом виде, что связано с особенностью *я*-субъекта – отсутствием в нем отдельной функции референции: высказывания с *я*-субъектом выражают модальное состояние субъекта. Ю. С. Степанов отмечает, что в «типичном предложении с *Я* утверждаемое относится не к внешнему миру, а к внутреннему состоянию *Я*, а будучи приписанными любому другому лицу, модальные предикаты выражают нечто иное» [Степанов 1981, с. 166]. Как уже отмечалось в 1-ой главе, 2-е лицо в деонтическом высказывании выступает своеобразным «директивным шифтером», ср.: *ты должен идти* = *иди*. Подобная семантическая корреляция деонтического субъекта с модальными предикатами позволяет сделать вывод о роли деонтического субъекта в детерминации прагматических характеристик модального высказывания, о чем пойдет речь в 3-й главе.

Таким образом, деонтический субъект представляет собой компонент модальной конструкции, который имеет различную референцию и различный семантический объем. Способ экспликации субъекта по агенсной или патиенсной модели способствует формированию дополнительных семантических оттенков у деонтической конструкции. Устранение субъекта в поверхностной структуре высказывания обусловлено контекстными условиями использования деонтической конструкции, а также типом модального источника (универсальные нормы → обобщенный субъект).

2.3.3. Типы смысловых глаголов в деонтических конструкциях

Обязательным компонентом деонтической конструкции выступает смысловой глагол (инфинитив), составляющий пропозицию модального высказывания, иными словами действие или состояние, обязательные для осуществления в будущем потенциальным исполнителем.

Систематизацию глаголов, деление их на группы, классы лингвисты проводят по-разному, поскольку глагол отличается исключительной сложностью содержания, разнообразием грамматических категорий и форм, богатством парадигматических и синтагматических связей. Семантические классификации глаголов базируются на двух основных принципах, хроноструктурном и тематическом.

По хроноструктурному критерию выявляется «способ протекания» глагольного действия, степень сложности семантического состава глагольного значения, количество составных компонентов «состояний» в его семантической структуре и характер соотношений между этими компонентами. На материале разных языков исследователи выделяют глаголы действия, процесса, состояния, при этом сходятся во мнении, что всю глагольную лексику языков можно разделить на два обширных класса – глаголы, обозначающие состояние и отношение (стативные и реляционные глаголы), и глаголы, обозначающие действие (динамические глаголы). Так, З. Вендлер делит английские глаголы на четыре класса: исполнения, деятельности, достижения, состояния [Vendler 1967, p. 107–110]. Н. Д. Арутюнова классифицирует глаголы на: классические, личностные, событийные, «двуличные», каузативные [Арутюнова 1976, с. 85].

На основании тематического критерия исследователи членят глагольные значения на различные лексико-семантические группы¹ по особенностям воплощаемых глаголом объективных процессов. Соответственно выделяются глаголы движения, физических действий, физиологических процессов, речи, сенсорного восприятия, местонахождения, социальных процессов, эмоцио-

¹ Примеры словарей с различным членением на лексико-семантические группы глагольного значения:

Васильев Л. М. Семантика русского глагола : Глаголы речи, звучания и поведения : Учеб. пособие. – Уфа : БГУ, 1981. – 71 с.

Сильницкий Г.Г. Семантические классы глаголов в английском языке : учеб. пособие к спецкурсу / Смол. гос. пед. ин-т им. Карла Маркса. – Смоленск : СГПИ, 1986. – 112 с.

Толковый словарь русских глаголов : идеографическое описание : английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / Л. Г. Бабенко [и др.] ; под ред. проф. Л. Г. Бабенко; пер. на англ. яз. и подбор эквивалентов С. В. Гусева. Москва : АСТ-ПРЕСС, 1999. – 693 с.

Васильев Л. М. Системный семантический словарь русского языка : учеб. пособие для студентов и аспирантов высш. уч. заведений, обучающихся по направлению 520 300 и специальности 021700 «Филология»; Акад. наук Респ. Башкортостан, Отд-ние гуманитар. наук, Башк. гос. ун-т. Уфа: Гилем, 2005. Т. 1: Предикатная лексика. 2005. – 464 с.

Большой толковый словарь русских глаголов : свыше 10 000 глаголов : идеографическое описание. Синонимы. Антонимы. Английские эквиваленты / Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького, пробл. группа «Рус. глагол» ; Л. Г. Бабенко [и др.] ; под общ. ред. проф. Л. Г. Бабенко. Москва: АСТ-Пресс : АСТ Пресс книга, 2007. – 573 с.

Русский семантический словарь. Т. 4 : Глагол / Е. С. Копорская [и др.]. Москва : Азбуковник : Институт русского языка РАН, 2007. – 922 с. // Русский семантический словарь: Толковый слов., систематизир. по классам слов и значений : [В 6 т.].

нальных состояний. Данные тематические классы глагольных значений являются более или менее константными для многих языков, поскольку отображают основные динамические характеристики объективной реальности.

В данной работе мы останавливаемся на тематической классификации, однако исследование не требует дробного семантического членения глагольного значения и все многообразие глаголов, используемых в деонтических конструкциях, может быть объединено в четыре семантические группы, включающие как контролируемые, так и неконтролируемые действия, а также состояния, а именно глаголы, обозначающие:

– любую поведенческую деятельность, к которой относится движение, физические, социальные и физиологические действия, деятельность или занятие (*ты должен пойти, работать, есть, пить; надо накормить ребенка; нужно поднять руку; необходимо улучшить успеваемость, уважать оппонента; не следует мошенничать*);

– ментальные действия или состояния (*он должен знать, подумать, решить, верить*);

– эмоциональные действия или состояния (*он должен веселить, гордиться, любить, обрадоваться*);

– коммуникативные действия (*я должен сказать, рассказать, поговорить* и т.п.).

Самой широкой, семантически неоднородной, коннотативно насыщенной группой являются глаголы поведения, которые описывают либо внешнюю сторону поведения, либо его содержательную сторону. Они характеризуют взаимодействие индивида со средой, его поведение и образ действий. Основным признаком данных действий является активность и целенаправленность.

К конструкциям с поведенческими глаголами относятся также предикативно-атрибутивные структуры (*быть/sein* + предикатив), если они трансформируются в конструкции с лексемами *вести себя, действовать/sich benehmen, handeln*, например:

(318) *Я должен быть спокоен и осторожен и в то же время безгранично решителен, нетруслив* (М. А. Булгаков. Крещение поворотом (1925)).

(319) *Wie auch immer, du musst vorsichtig sein* («Person of Interest» Most Likely to..., 2014 (Filmuntertitel)). ‘Во всяком случае, ты должен быть осторожен’.

(320) *Wir müssen führend in KI sein, in der künstlichen Intelligenz, in den Algorithmen, die mit diesen Daten arbeiten* (Rede von A. Merkel, 27.11.19). ‘Мы должны быть ведущими/лидерами в искусственном интеллекте, в алгоритмах, которые работают с этими данными’.

Предикативные структуры реализуют также значение местонахождения и трансформируются в конструкции с лексемой *находиться, оставаться*:

(321) *После него дежурит какой-то хохол. Я должен быть на месте* (С. Довлатов. Чемодан (1986)).

(322) *Du musst heute Nacht bei Martha sein* («The Americans» Comrades, 2014 (Filmuntertitel)). ‘Ты должна сегодня вечером быть у Марты’.

Семантическое поле ментальных глаголов, или глаголов интеллектуальной деятельности, весьма неоднородно. Их семантические группы формируются благодаря ряду дихотомий, основанных на разных критериях. Наличие/отсутствие в семантике значения направленности на результат дает следующие оппозиции: ментальных действий/состояний, стативности/активности, процесса/состояния (см. [Дмитровская 1988; Ионесян 1989]). Рассмотрение глаголов с позиции разного ментального модуса (знание/полагание) приводит к противопоставлению глаголов по фактивности (*знать/wissen*) и путативности (*думать, считать/glauben, finden, denken, meinen*) (см. [Дмитровская 1988; Ионесян 1993]). Выбор в качестве критерия тип объектов-суждений ментальных глаголов позволяет выделить два типа единиц, которые вводят либо собственно оценочные суждения, либо оценки-предположения (см. [Арутюнова 1989]). Поскольку существует класс ментальных глаголов, «указывающих на ментальное состояние в результате предшествующей деятельности или внезапного озарения (*узнать, догадаться, понять*)» (см. [Дмитровская 1988, с. 31]), то отдельно можно представить оппозицию процесс/результат.

Учитывая тот факт, что оппозиция «процесс (действие) – состояние» охватывает все ментальные глаголы, а не определенный семантический класс, в данной работе мы используем ее.

Обращение к употребительности того или иного типа смыслового глагола в деонтической конструкции показало, что поскольку деонтическое отношение свидетельствует о необходимости изменений текущего положения дел, то доминирующим типом семантического глагола, безусловно, являются единицы, обозначающие различную поведенческую деятельность, которые в целом в любом языке представляют количественную доминанту. Деонтические конструкции с ними зафиксированы в более 2/3 каждой выборки на материале двух языков (см. табл. 2.4). Частоту того или иного глагола из-за широты данной группы инфинитивов выявить затруднительно¹. Глаголы, обозначающие различные эмоциональные действия и состояния, оказываются в деонтических конструкциях неупотребительными, поэтому в дальнейшем их семантические особенности останутся за пределами описания.

При этом употребительность того или иного семантического типа инфинитива коррелирует с типом деонтического субъекта.

¹ Отметим, что наиболее употребительными глаголами русского языка, согласно словарю Э. А. Штейнфельдт [Штейнфельдт 1963, 1973], являются наряду с поведенческими следующие: *сказать, быть, делать, полагать, думать, знать, идти, давать/дать, говорить, жить, помнить, начать/начинать, работать, писать, смотреть, взять, видеть, ходить*.

Т а б л и ц а 2.4

Употребительность различных семантических типов глаголов в
деонтических конструкциях выборки и
ее корреляция с типом субъекта¹, %

язык	субъект деонтики	семантический тип глагола				всего
		коммуни- кативные	поведенче- ские	ментальные	эмоциональные	
русский	перволичный	15,89 %	38,25 %	1,56 %	0,07 %	55,77 %
	второличный	0,33 %	7,03 %	5,94 %	0,09 %	13,39 %
	третьеличный	0,65 %	23,02 %	7,10 %	0,07 %	30,85 %
	<i>всего</i>	16,9 %	68,71 %	14,7 %	0,23 %	100 %
немецкий	перволичный	13,32 %	46,86 %	3,79 %	0,03 %	64 %
	второличный	0,43 %	5,61 %	0,23 %	0,03 %	6,3 %
	третьеличный	0,92 %	28,23 %	0,53 %	0,03 %	29,7 %
	<i>всего</i>	14,66 %	80,70 %	4,55 %	0,09 %	100 %

Так, очевидна существенная разница в частоте коммуникативных глаголов в перволичных конструкциях по сравнению с иными типами субъекта. Кроме этого, в русском языке во второличных и третьеличных конструкциях отмечается более активное, по сравнению с 1-м лицом, использование ментальных глаголов, конструкции с которыми представляют любопытные семантические образования.

Наиболее употребительными оказываются ключевые ментальные глаголы действия (*решить, подумать, понять*) и глаголы состояния (*знать, верить, понимать*), которые И. Б. Шатуновский относит к базовым [Шатуновский 1996, с. 280]. Подчеркнем разное членение семантико-тематического поля ментальных глаголов в рассматриваемых языках: компактность и единообразие немецких единиц vs. многообразие глаголов и наличие видовых пар в русском языке. Три самые частотные лексемы, составившие почти 60 % всех конструкций с ментальными глаголами, совпадают в обоих языках: ими являются базовые ментальные глаголы *знать/wissen*, *думать/denken* и *понимать/verstehen, begreifen*, при этом в русскоязычной выборке 1-е место занимает глагол *знать*, в немецкой выборке *denken*² (см. табл. 2.5).

¹ Для демонстрации количественной представленности различных семантических групп смыслового глагола в корреляции с типом субъекта использовались численные данные корпусов, при этом отбирались высказывания **только** с выраженным в формально-грамматической структуре модальным субъектом.

² Как уже отмечалось, *знать/wissen*, *думать/denken* относятся в целом к самым употребительным глаголам в европейских языках.

Т а б л и ц а 2.5

Употребительность ментальных глаголов
в деонтических конструкциях¹

	общее кол-во,	отн. кол-во, %		общее кол-во,	отн. кол-во, %
знать	6981	27,33	<i>denken</i> 'думать/подумать'	1483	24,47
думать	4640	18,16	<i>wissen</i> 'знать'	1377	22,72
понимать	2837	11,11	<i>verstehen</i> 'понять/понимать'	820	13,53
помнить	2685	10,51	<i>entscheiden</i> 'решить'	577	9,52
понять	1881	7,36	<i>glauben</i> 'верить/поверить'	438	7,23
подумать	1208	4,73	<i>lösen</i> 'выяснить/понять'	305	5,03
верить	887	3,47	<i>berücksichtigen</i> 'учесть/учитывать'	300	4,95
решить/решать	885	3,46	<i>(sich) überlegen</i> 'думать/подумать'	272	4,49
узнать	812	3,18	<i>begreifen</i> 'понимать'	255	4,21
учесть	717	2,81	<i>konzentrieren</i> 'сосредоточиться'	98	1,62
вспомнить	583	2,28	всего	5 925	5 925
выяснить	470	1,84			
разобраться (разбираться)	404	1,58			
всего	24 990	97,82			

Поскольку самыми употребительными являются перволичные структуры, в которых субъект представлен двумя разными семантическими типами – конкретным говорящим *я*-субъектом и обобщенным *мы*-субъектом, то целесообразно проследить частоту использования семантических групп смысловых глаголов в данных конструкциях в корреляции с типом субъекта 1- го лица (см. табл. 2.6).

Т а б л и ц а 2.6

Употребительность различных семантических типов глаголов
в перволичных конструкциях

Семантиче- ский тип глагола	субъект единственного числа <i>я</i>				субъект множественного числа <i>мы</i>			
	русский		немецкий		русский		немецкий	
	общее кол-во вхождений	отн. кол-во, %	общее кол-во вхождений	отн. кол-во, %	общее кол-во вхождений	отн. кол-во, %	общее кол-во вхождений	отн. кол-во, %
поведенчески е	28 373	57,8	5 250	24,9	20 932	91,24	48 527	90,45
коммуника- тивные	19 542	39,87	14 038	66,1	937	4,08	2340	4,36

¹ В таблице представлены только лексемы, демонстрирующие употребительность выше либо равную 1 %.

ментальные	1 013	2,08	1 902	8,9	1 055	4,6	2761	5,15
эмоциональ- ные	92	0,19	48	0,1	17	0,07	21	0,02
<i>всего</i>	<i>49 020</i>	<i>100</i>	<i>21 238</i>	<i>100</i>	<i>22 941</i>	<i>100</i>	<i>53 649</i>	<i>100</i>

Основные отличия по употребительности того или иного смыслового глагола обнаруживаются среди *я*-конструкций. В русском языке частотными оказываются фактически два типа *я*-структур, а именно: конструкции с поведенческими и с коммуникативными глаголами, которые составляют соответственно 58 % и 40 %. В немецком языке доминируют, составляя 2/3 выборки, *ich*-конструкции с коммуникативными глаголами; поведенческие глаголы отмечаются в 1/4 выборки и почти в 10 % фиксируются ментальные глаголы, что выше по сравнению с русским языком.

Мы-конструкции в русском и немецком языках характеризуются практически идентичными относительными количественными показателями используемых смысловых глаголов: преимущественно отмечаются поведенческие глаголы (≈ 91 %). С коммуникативными глаголами употребительность *мы*-конструкций оказывается невысокой (4 %), что обусловлено ограниченной сферой их использования, а именно институциональной коммуникацией (*мы должны сказать, что ...*). С ментальными глаголами *мы*-конструкции в обоих языках фиксируются со схожими численными параметрами (≈ 5 %).

В перволичных конструкциях с коммуникативными глаголами представлены два типа единиц: с одной стороны перформативные и иллокутивные (*я должен сказать, сообщить, признать, поблагодарить, что/ich muss sagen, mitteilen, gestehen* и т.п.), которые обуславливают определенную прагматику высказывания, о чем пойдет речь в 3-й главе; с другой стороны неперформативные глаголы речевого общения (*обсудить, поговорить, побеседовать, рассказать, подискутировать/besprechen, reden, diskutieren, sprechen, erzählen* и т.п.: *мы должны поговорить*), ср.:

(323) *Ganz behutsam muss ich Ihnen nun gestehen: das Billigste am Auto war der Kaufpreis* (Spoerl, A. Mit dem Auto auf Du, 1961 [1953], S. 90). ‘Должен вам очень осторожно признаться: самым дешевым в машине была цена покупки’.

(324) *Пойдемте ко мне в кабинет. Мы должны обсудить условия приобретения тигров. Наконец-то мы остались втроем – директор, ветеринар и я* (В. Запашный. Риск. Борьба. Любовь (1998–2004)).

Отметим, что большинство *я*-структур с коммуникативными глаголами носит перформативный характер. В случае обобщенного *мы*-субъекта картина иная: в русской выборке отмечается 10 % таких конструкций, в немецкой – 25 % (что, как уже отмечалось, обусловлено принципами формирования корпусов). Самым употребительным глаголом является в целом одно из частотных глагольных слов в европейских языках – лексема *сказать/sagen*.

Частота отдельных коммуникативных глаголов в перволичных конструкциях будет рассмотрена при описании иллокутивной специфики соответствующих конструкций в главе 3.

Что касается ментальных глаголов, то наиболее употребительными в перволичных конструкциях оказываются, как уже отмечалось, базовые ментальные глаголы, при этом в зависимости от типа субъекта 1-го лица фиксируются различия в частоте лексем по оппозиции действие/состояние (см. табл. 2.7). Ментальные глаголы с точки зрения оппозиции действие/состояние обуславливают разные иллокутивные характеристики в конструкциях с деонтическим субъектом-говорящим или обобщенным деонтическим субъектом, ср.: *я должен понять* vs. *мы должны понять*, о чем пойдет речь в 3-й главе.

Таблица 2.7

Употребительность различных ментальных глаголов
в перволичных конструкциях¹

Смысловой инфинитив	я, %	Смысловой инфинитив	мы, %	Смысловой инфинитив	ich, %	Смысловой инфинитив	wir, %
<i>знать</i>	39	<i>помнить</i>	19,7	<i>wissen</i>	62	<i>wissen</i>	30,2
<i>подумать</i>	10,2	<i>знать</i>	19,5	<i>(mir) überlegen</i>	6	<i>uns konzentrieren</i>	22,9
<i>верить</i>	9,8	<i>понять</i>	10,2	<i>denken</i>	5	<i>herausfinden</i>	13,5
<i>думать</i>	9,2	<i>думать</i>	8,6	<i>mich konzentrieren</i>	5	<i>(uns) überlegen</i>	12,2
<i>понять</i>	6,3	<i>реши́ть</i>	6,6			<i>verstehen</i>	5,8
<i>узнать</i>	5,5	<i>понимать</i>	6,1			<i>entscheiden</i>	5,7
		<i>учиты- вать/ учесть</i>	5				

Доминирующим для всех перволичных конструкций оказывается глагол *знать/wissen*. При этом в обоих языках в два раза чаще фиксируются сочетания данной лексики с *я*-субъектом. Глагол *знать/wissen* относится к сфере внутренних процессов и состояний человека и является семантическим примитивом, поскольку концепт знания включает семантику понимания, мнения, веры, чувственного восприятия [Апресян, 1995]. В немецком языке употребительность конструкций с *wissen* выше, что объясняется меньшей дробностью ментального поля в немецком языке и использования данного глагола в его других ЛСВ, например в значении «быть уверенным, убедиться».

Для конструкций с *я*-субъектом, совпадающим с говорящим, количественное распределение в русскоязычном корпусе выглядит следующим образом: 2/5 выборки *я*-структур с ментальными глаголами составляют

¹ В таблице представлены лексемы, демонстрирующие употребительность выше либо равную 5 %, как имеющие значимость.

структуры с лексемой состояния *знать*, в 41 % конструкций представлены в практически равном соотношении глаголы действия *подумать*, *понять*, *узнать* и глаголы состояния *верить* и *думать*. В немецком языке, наряду с превосходящими в несколько раз структурами с глаголом *wissen*, чуть менее 1/5 выборки насчитывают конструкции с глаголами ментальных действий (*mir*) *überlegen* 'подумать', *denken* 'подумать', *mich konzentrieren* 'сосредоточиться/сосредоточиваться на чём-либо, направлять свои мысли, интересы на что-либо'.

В конструкциях с *мы*-субъектом, в референциальную совокупность которого включаются иные лица, в русском языке одинаковую употребительность наряду с глаголом *знать* демонстрируют структуры с глаголом состояния *помнить*: они составляют в целом 2/5 выборки перволичных *мы*-структур. Далее по частоте использования отмечаются глаголы ментальных действий (*решить*, *понять*, *учесть*), а также состояний (*думать*, *понимать*). В немецком языке в конструкциях с субъектом *wir*, кроме глагола *wissen*, отмечаются только глаголы ментальных действий, схожие с русским языком (*entscheiden* 'решить', *verstehen* 'понять', *herausfinden* 'выяснить', *uns konzentrieren* 'сосредоточиться', (*uns*) *überlegen* 'подумать') и составляющие в целом 60 %.

Различия перволичных деонтических конструкций в русском и немецком языках касаются в том числе и структурных характеристик, которые также участвуют в формировании дополнительных семантических оттенков высказывания. Речь идет о выборе деонтического предиката, личного или безличного.

В русском языке структуры с субъектами 1-го лица характеризуются широко представленной безличностью деонтических предикатов, которые, однако, значительно чаще фиксируются с субъектом *я*, чем с обобщенным субъектом *мы* (см. табл. 2.8). При этом 71 % конструкций с коммуникативными глаголами составляют безличные структуры с устраненным грамматическим субъектом; в структурах с ментальными и поведенческими глаголами в чуть более 40 % употребляется дативный субъект.

Т а б л и ц а 2.8

Соотношение личных и безличных перволичных деонтических конструкций со смысловыми глаголами разной семантики¹

семантический тип инфинитива	субъект <i>я</i>			субъект <i>мы</i>	
	структура				
	личная, %	безличная дативная, %	безличная, %	личная, %	безличная дативная, %
коммуникативные	22,8	2,2	75	93,8	6,2
ментальные	55,7	44,3	–	73,8	26,2
поведенческие	56,4	42,6	1	69,7	30,3

¹ 100 % составляет выборка конструкций отдельно для *я*-субъекта и *мы*-субъекта с глаголами каждой из указанных семантик, т.е. речь идет о шести выборках.

В немецком языке безличность, оформленная местоимением *man*, отмечается только в 39 % деонтических высказываний с коммуникативными глаголами и *ich*-субъектом. Кроме этого, деонтический перформатив в менее 1 % используется в пассивизированных конструкциях (*es muss dabei betont werden, dass* 'при этом следует подчеркнуть, что'; *es muss aber hervorgehoben werden, dass* 'однако следует подчеркнуть, что'; *noch ein anderer Punkt muss hier erwähnt werden* 'еще один момент должен быть здесь упомянут'; *dazu muss folgendes festgestellt werden* 'здесь необходимо указать следующее':

(325) *Es wurde sozusagen eine Verkaufsstunde abgehalten, und es muss gesagt werden, die Lehrerin, die als Käuferin auftrat, machte ihren jungen Verkaufsschülerinnen das Leben wirklich nicht leicht* (Berliner Tageblatt (Morgen-Ausgabe), 04.02.1933). 'Был проведен, так сказать, урок продаж, и надо сказать, что учитель, выступавший в роли покупателя, действительно не облегчил жизнь своим юным ученикам-продавцам'.

Что касается конструкций с поведенческими и ментальными глаголами, то относительные показатели использования структур с дативным субъектом характеризуются незначительными отличиями.

В безличных конструкциях сохраняется архисема зависимости, что свидетельствует о дополнительном семантическом компоненте конструкции 'не потому, что я это хочу' [Вежбицка 1996, с. 34], т.е. реальный субъект осмысливается как объект внешнего принуждения:

(326) *Я должен проститься с вами. Мне надо выполнить еще несколько поручений тетушки и купить новую куклу для Сюзии* (Е. Ахматова [перевод романа Э. Булвер-Литтона с английского]. Кенелм Чиллинглы, его приключения и взгляды на жизнь (1873)).

Дативные я-конструкции, согласно Г. А. Золотовой, реализуют указание на то, что целевая деятельность прямо взаимодействует со сферой интересов говорящего [Золотова и др. 1998, с. 327], что становится очевидным в перволичных конструкциях с ментальными глаголами типа *мне нужно подумать, нам нужно понять* и т.п., а также в безличных конструкциях с коммуникативными глаголами типа *мне надо с тобой поговорить; нам надо поговорить, обсудить*, по сути призывающих к совместному действию. В этом случае можно говорить о некотором волитивном обогащении семантики деонтической конструкции, например:

(327) *Мне нужно подумать о том, стоит ли раскрывать эту информацию – в нашей стране бизнесмены, по большому счету, ничем не защищены* (Вами кто владеет? // Дело (Самара), 17 июля 2002).

Поскольку система модальных маркеров в русском языке характеризуется разнообразием, необходимо отметить, что в зависимости от типа пропозиционального глагола и типа перволичного субъекта изменяется употребительность того или иного маркера (см. табл. 2. 9).

Т а б л и ц а 2.9

Представленность деонтических маркеров в перволичных конструкциях с различными смысловыми глаголами в русском языке

семанти- ческий тип	<i>должен, %</i>	<i>нужно, %</i>	<i>надо, %</i>	<i>необходимо, %</i>	<i>следует, %</i>	<i>не могу не, %</i>	<i>приходится, %</i>	<i>обязан, %</i>	<i>вынужден, %</i>	<i>нельзя не, %</i>	<i>считаю своим долгом, %</i>	<i>считаю необхо- димым, %</i>
я												
коммуни- кативные	17	10	32,9	7,3	20,3	3,4	2,2	0,5	0,9	4,3	0,5	0,5
Менталь- ные	43,6	18,4	15,1	3,9	1,2	9,4	5,8	2,3	0,4	–	–	–
поведен- ческие	29,9	10,6	19,4	3,6	1,3	11,6	4,1	7,5	5,7	0,1	0,5	1,2
мы												
коммуни- кативные	75,9	1,6	1,3	1,9	1,4	3,2	–	4,7	3,6	–	1,3	5,7
менталь- ные	66,2	8,2	11,7	2,4	2,7	3,3	1,2	3,6	0,5	0,2	–	–
поведен- ческие	58,2	11	11,4	3,6	1,9	1,4	2,4	7,3	2,2	–	0,2	1

Предсказуемо, что самым частотным оказывается маркер *должен*, относительные показатели употребительности которого значительно увеличиваются для *мы*-конструкций и становятся максимальными для структур с коммуникативными глаголами. Наибольшая частота использования маркера *обязан* отмечается в сочетании с поведенческими глаголами. Маркер *приходится*, указывающий на принуждение, а также интенсифицированный маркер *не могу не* характеризуется максимальной частотой в *я*-конструкциях с ментальными глаголами. Детальный анализ их употребительности позволил установить, что такое увеличение происходит за счет двух чаще всего используемых ментальных глаголов *думать* и *верить*, иными словами, для говорящего осуществление данного ментального действия и состояния происходит чаще всего по принуждению.

Частота того или иного деонтического маркера не совпадает для разных групп глаголов и разных перволичных субъектов. Для *я*-конструкций с коммуникативными глаголами ими являются *надо*, *следует*, *должен*, *нужно*, *необходимо* (по степени убывания, но не менее 5 %), с ментальными глаголами *должен*, *нужно*, *надо*, *не могу не*, *приходится*, с поведенческими *должен*, *надо*, *не могу не*, *нужно*, *обязан*, *вынужден*. Для *мы*-структур частотная картина менее разнообразна и отмечается резкое доминирование маркера *должны*. Так, в *мы*-конструкциях с коммуникативными глаголами чаще всего употребляются предикаты *должны*, *считаем необходимым*, *обязаны*, с ментальными и поведенческими глаголами *должны*, *надо*, *нужно* с незначительными отличиями в относительных показателях.

Таким образом, динамический характер деонтической модальности (направленность на изменения) и ведущая роль в ее семантике действия как средства достижения результата детерминирует максимальную употребительность в деонтических конструкциях поведенческих глаголов. Употребительность определенного типа смыслового инфинитива коррелирует с типом деонтического субъекта. Семантическая глагольная оппозиция «действие/состояние» в сочетании с *я*- или *мы*-субъектом обуславливает различные прагматические характеристики деонтической конструкции. Смысловой тип инфинитива определяет выбор грамматического представления конструкции – личная vs. безличная (например, в структурах с коммуникативными глаголами).

2.4. Деонтические конструкции с отрицанием

Деонтическая конструкция реализуется не только утвердительным, но и отрицательным высказыванием. Дихотомия «утверждение/отрицание» является в целом ведущей. Оператор «отрицание» всегда связан с концептами «бытие»/ «наличие». Однако в деонтическом высказывании отрицание не означает не-необходимость (ср. *надо/не надо*). В отличие от отрицания возможности, интерпретируемого как ее отсутствие, или невозможность (ср. *могу/не могу*), в отрицательном деонтическом высказывании необходимость сохраняется, ср.: *ты должен молчать* (обязательность действия) – *ты не должен молчать* (обязательность недействия). Такое словосочетание, как «отрицательная деонтика», требует научной рефлексии, поскольку отрицание способствует определенным семантическим модификациям деонтической конструкции.

В зависимости от того, какой компонент отрицается, исследователи выделяют два типа отрицательных конструкций (см. работы [Шатуновский 1990; Шатуновский 1996, с. 72; Падучева 2013, с. 214]: 1) с отрицанием деонтического предиката, т.е. с контрарным отрицанием; 2) с отрицанием смыслового глагола, т.е. со смещением/подъемом отрицания. В немецком языке в модальных высказываниях говорят о двух видах отрицания в модальном высказывании: о «внешнем», когда отрицается содержание модального глагола, т.е. необходимость, и о «внутреннем», когда отрицается содержание пропозиции (действие/состояние) [Duden 2009, с. 559–560].

1. В первом случае коммуникативный фокус конструкции находится на модальном маркере, что подразумевает наличие альтернативы для деонтического предиката: *не должен P = можешь P, а можешь не P*, что ведет к активному проникновению в семантику деонтического высказывания алетического значения. Подобные конструкции являются деонтическими лишь формально, поскольку высказывание свидетельствует об отсутствии обязательности, т.е. семантически в них происходит сильное смещение в область алетических смыслов, о чем уже шла речь в 1.3.2. И. Б. Шатуновский подчеркивает, что благодаря отрицанию, относящемуся к деонтическому предикату, образуется дизъюнкция альтернатив и «одна из альтерна-

тив должна быть отброшена, т.е. согласуется с альтернативой ‘можешь делать *P*, а можешь не делать’, «бросая» осуществление действия *P* на «произвол» свободной воли адресата» [Шатуновский 1990, с. 78–79].

Отрицание предиката в деонтической конструкции ограничено определенными модальными лексемами. В русском языке «жесткий» деонтический маркер *обязан*, как отмечает Е. В. Падучева, взаимодействует с отрицанием только в контексте предоставления возможности и интерпретируется с отрицанием исключительно как ‘можешь не’, т.е. действие не исключено, утверждается его необязательность [Падучева 2013, с. 214], например:

(328) *Я понимаю, ты командир, ты не обязан отчитываться* (В. В. Лорченков. Копи Царя Соломона // Волга, 2011).

Алетическое прочтение в случае отрицания иных модальных маркеров в русском языке требует специального просодического оформления, а именно: акцентного выделения модальной части: *ты не "должен отвечать = можешь не отвечать* [Падучева 2013, с. 214].

В отрицательных высказываниях с предикатом в форме будущего времени *придется*, характеризующим конфликт деонтического и волитивного плана, ремой высказывания выступает только модальный маркер. Необязательность реализуется исключительно в конструкциях с глаголами поведенческой семантики, например:

(329) *Вместе с тем не придется платить НДС со всей суммы реализации* (Налоговый конфликт разрешится в суде // Аграрный журнал, 15 февр. 2002). = можно не платить.

В свою очередь форма настоящего времени (*приходится*), которая указывает на совпадение времени самого высказывания и модального отношения, используется в сочетании с речевыми глаголами, в так называемых высказываниях самофальсификации, или в комбинации с такими ментальными глаголами, как *ожидать*, *ждать*, *надеяться* и т.п. Подобные темпоральные характеристики типичны для алетических конструкций. Иными словами, отрицательные конструкции с данными инфинитивами реализуют исключительно алетическую семантику. Для данных высказываний не возникает контрарной пары (*не приходится P* $\neq$ *могу P*, *могу не P*), а, напротив, образуется соответствие, свидетельствующее об отсутствии объективных причин что-то утверждать, во что-то верить и т.д.: *не приходится = невозможно*; *вынужден не = не могу*; но не соотносится с $\neq$ *я не должен*; $\neq$ *я должен не*. То же касается и высказываний с лексемой *вынужден*, для которой отрицание в целом нехарактерно. Она фиксируется, как правило, в сочетании с речевыми глаголами (*вынужден не согласиться, не ограничиваться указанием на...*):

(330) *Перевод В. Брун-Цехового изобилует фразами и оборотами, для русского языка лексически и грамматически немыслимыми (о стиле не приходится и говорить)* (Р. Фрумкина. Последние свидетели // Отечественные записки, 2003). = невозможно говорить о хорошем стиле; нет объективных причин утверждать.

(331) ... *ожидать* изменений к лучшему в состоянии здоровья сенатора *не приходится* (О. Поляковский. Неподсуден // Вокруг света, 15 сент. 2003). = можно / нет объективной возможности (причин) ожидать.

(332) *Я вынужден не согласиться с тем, что нас обвиняют в бездеятельности* (Б. Е. Черток. Ракеты и люди (1999)) (= не могу согласиться; нет причин ≠ могу согласиться, могу не согласиться).

Любопытную аномалию в этом плане представляет сочетание отрицаемого деонтического предиката *приходится* с эпистемическим глаголом *сомневаться*, конструкция с которым имеет эпистемическую семантику и выражает высокую степень достоверности:

(333) *Ну то что мужику повезло, сомневаться не приходится* (В. Самодуров. Клоны, которые играют в карты // Вечерняя Москва, 7 февр. 2002) (= можно не сомневаться = нет причин сомневаться, это точно, достоверно).

В немецком языке о «внешнем» отрицании, т.е. о необязательности действия *P*, речь идет только в высказываниях с модальным глаголом *müssen*: *du musst es nicht tun, kein Mensch zwingt dich dazu* ‘ты не обязан это делать, тебя никто не заставляет’, иными словами, предоставляется свобода в выборе осуществления/неосуществления действия (ср. русск. *не обязан*), например:

(334) *Mir wurde kein Ultimatum gesetzt. Ich muss mich in dieser Woche nicht entscheiden* (Der Tagesspiegel, 15.04.2004). ‘Мне не ставили ультиматум. Мне не нужно решать на этой неделе’ (≈ на этой неделе можно не решать, решать необязательно).

Необязательность в некоторых случаях усложняется семантикой желательности для адресата, в результате высказывание приобретает характер рекомендации, совета, поэтому синонимично может использоваться глагол *müssen*: *ihr müsst das nicht so ernst nehmen = ihr sollt das nicht so ernst nehmen* ‘вы не должны воспринимать это так серьезно’ [Duden].

Согласно Г. Гельбих и Й. Буша, отрицание необходимости свидетельствует об устранении внешнего принуждения (ср.: русск. *придется*), поэтому в случае необязательности, при не-необходимости употребляется немодальный глагол *brauchen* ‘нуждаться’ + Infinitiv + *zu* [Helbig, Buscha 2011, S. 133], который в утвердительном высказывании обозначает нужду и потребность: *wir müssen uns nicht noch einmal damit beschäftigen = wir brauchen uns nicht noch einmal damit beschäftigen* ‘нам не нужно/ не придется этим снова заниматься’.

Отрицательные высказывания не так независимы, как утвердительные. Отрицается либо то, что выражено в предшествующем контексте, либо нечто ожидаемое, часто – соответствующее привычному ходу событий и стандартным положениям дел [Григорьян 2009, с. 441]. Поэтому в диалогической речи в обоих языках отрицательные конструкции, будучи контекстно-зависимыми, реактивными репликами, «отзеркаливают» предыдущую модальную реплику, «перечеркивая необходимость»: – *Er muss kommen.* – *Nein, er muss nicht* ‘он должен прийти. – Нет, не должен’ (см. подробнее о «verbal crossing

out» [Palmer 1990, p. 76]). Подобные конструкции реализуют прагматику несогласия (возражения), или так называемые «вердиктивы-валюативы» [Борисова 2009, с. 160], например:

(335) – *Да... но я останусь.*

– *Нет, не нужно. Идите!..* (П. Д. Боборыкин. Василий Теркин (1892))

(336) – *Должно быть, потому, что считаю вас серьёзным человеком, верю вам...*

– *Не надо верить!* – сказал Евсей (М. Горький. Жизнь ненужного человека (1908)).

(337) – *И не пытайтесь переложить на меня вашу работу. Я не обязан оправдываться, это вы должны доказать, что я виновен.*

– *Вы правы, вы не обязаны доказывать, что невиновны. Но вы имеете право получить возможность оправдаться. Вот эту возможность я вам и даю* (А. Маринина. Светлый лик смерти (1996)).

2. Во втором случае, при отрицании смыслового глагола (инфинитива) в коммуникативном фокусе находится пропозиция, т.е. деонтические маркеры переживают так называемый «подъем отрицания» (Neg-Raising) (см. [Horn 1978]). Описывая механизм подъема/перенесения отрицания, И. Б. Шатуновский подчеркивает, что «отрицание воздействует на элемент, входящий в сферу действия “прозрачного” элемента» [Шатуновский 1996, с. 72]. В результате *не должен Р* интерпретируется как ‘*должен не Р*’, поскольку отрицание влияет не на тот компонент, с которым оно непосредственно синтаксически связано, а на находящийся в коммуникативном фокусе подчиненный компонент. Иными словами, происходит смещение отрицания в пропозициональную часть и «объявляется» необходимость не действовать: действие должно не состояться. В немецком языке речь идет о так называемом «внутреннем» отрицании. Аксиологической презумпцией, т.е. благом в таких конструкциях выступает неосуществление нежелательного, вызывающего дискомфорт, и/или опасного действия *Р* (*не делать Р хорошо*):

(338) – *А дочь ты не должен осуждать, – сказал С-ов, – я ее не осуждаю, и ты не должен. Она кормила всю семью, квартиру сохранила, библиотеку. Я благодарен ей, она своей честью пожертвовала* (Д. Гранин. Зубр (1987)).

(339) *Пусть коммунисты кричат «Долой Собчака!» – ты не должен отвечать* (С. Спивакова. Не все (2002)).

В таких контекстах присутствует указание на деонтический источник, требующий неосуществления действия:

(340) *Но при одном условии: он не должен думать о смерти* (И. Ефимов. Суд да дело // Звезда, 2001).

(341) *Ich muss meine Position nicht aufgeben. Mein Vertrag war nur gültig bis zum Ende der EM* (Die Zeit, 17.06.2012 (online)). ‘Я не должен отказываться от своей должности. Мой контракт действовал еще до окончания ЧЕ’.

Отметим некоторые позиционные особенности употребления оператора отрицания в русском языке, для которого типична позиция перед деонтическим маркером (*ты не должен делать*). В конструкциях с категоричным

предикатом *необходимо*, а также с аксиологически маркированным *вынужден* в сочетании с глаголами поведенческой семантики отрицание локализовано в постпозиции от маркера. Такая локализация отрицания обусловлена противительным характером подобных конструкций, а именно противопоставлением отрицаемого действия *P* и подразумеваемого (реже названного) «правильного» действия *P*₁ (*необходимо/вынужден не P [а должен иное P*₁*]*), например:

(342) *Во время бунта необходимо не упустить момент, когда станут опорожнять магазины* (А. Иличевский. Матисс // Новый Мир, 2007). (← надо не упустить, а надо успеть)

(343) *А сорокапятiletний Гена, измученный радикулитом, был вынужден не спать ночами, стеречь дом* (А. Троицкий. Удар из прошлого (2000)).

В немецком языке отрицание смыслового глагола, или «внутреннее» отрицание реализуется, как правило, в конструкциях с модальным глаголом *sollen* (уточняемым в том числе частицами *doch*, *ja*, выражающими настоятельность, категоричность), которые указывают на требование не делать *P*, ср.: *du sollst nicht töten* ‘ты не должен убивать’. Наличие волитивности в семантике данного глагола ведет к тому, что высказывание с отрицанием передает значение нежелательности действия (см. о семантике глагола *sollen* в 2.3.1). В результате конструкция оказывается менее категоричной, чем запрет, оформленный при помощи отрицаемого глагола *dürfen* (запрещено).

Наряду с глаголом *sollen* в высказываниях, выражающих необходимость не делать *P*, употребляется модальный глагол *müssen*. Однако его использование ограничено семантикой лица: согласно словарю Duden, в этом значении он используется только в сочетании с субъектом 2-го лица, реализуя значение побуждения не делать *P*: *du musst nicht weinen!* (= *weine doch nicht!*) ‘не надо плакать! (= не плачь!)’; *das musst du nicht tun!* ‘ты не должен делать это’; *das müssen Sie nicht sagen!* ‘Вы не должны говорить это’ [Duden].

3. Кроме этого в обоих языках деонтическая конструкция может получать экспликацию путативного модуса, в котором отрицается модусный предикат: *я не думаю, не считаю, что надо P*. В таком случае отрицание «переносится» от подчиняющего предиката к придаточному предложению (и, шире, к подчиненной пропозиции) [Шатуновский 1996, с. 72]: *я не думаю, что нужно делать* → *я думаю, что не нужно делать* или → *я думаю, что нужно не делать*. Это происходит, поскольку, как отмечает Т. В. Булыгина, модусные предикаты не бывают в коммуникативном фокусе: в центре внимания находится не само наличие мнения, а его содержание [Булыгина, Шмелев 1997, с. 396].

Ремой в таких конструкциях может выступать как деонтический предикат, что обуславливает алетическое прочтение конструкции, так и смысловой глагол, тогда подъем отрицания происходит дважды, ср.:

(344) *Я не считаю, что мы должны работать с лидерами мнений специально, но их ценность в том, что они честны – в большей или меньшей степени* (Н. Проценко. Очень наглядный бизнес // Эксперт, 2015). = Я считаю, что **не должны** = **можно не** работать.

(345) а) *Я не думаю, что нам нужно касаться этого вопроса с позиций нескольких школ и создавать искусственную границу между исследователями из разных стран* (К. Абдусаламова. Как Кнорозов открыл миру язык майя и что потомки сделали с его памятью (2019)). = Я думаю, что **нужно не касаться**.

б) *Ich denke nicht, dass man den Trainer kritisieren muss, nur weil er jetzt mal eine halbe Saison hatte, wo es nicht so richtig lief. Das ist einfach falsch* (Die Zeit, 25.02.2016 (online)). ‘Я не думаю, что нужно критиковать тренера только за то, что у него полсезона дела шли не так хорошо. Это неправильно’. = Я думаю, что **нужно не критиковать**.

Таким образом, оператор отрицания, относясь к одному из обязательных компонентов деонтического высказывания (предикату или смысловому глаголу), способствует формированию семантически разнопорядковых модальных структур, выражающих либо обязательность, либо необязательность действия. Соответственно в немецком языке «внутреннее» отрицание, или отрицание содержания зависимого инфинитива, указывает на долженствование не действовать, а «внешнее» – на необязательность действия.

Тип взаимодействия с отрицанием коррелирует с используемой деонтической лексемой. Необязательность действия в немецком языке маркируется отрицанием глагола *müssen*, при этом его семантика абсолютной необходимости в утвердительной конструкции приводит к возникновению у отрицательной конструкции значения устранения вынуждения действовать. Сохранение деонтического значения и отрицание действия отмечается только в случае модального глагола *sollen*, а его семантический компонент «желательность» придает конструкциям директивный оттенок (строгой) рекомендации. В русском языке тип взаимодействия с отрицанием, а именно контрарное, т.е. отрицание необходимости, предопределен для лексемы со значением абсолютного долженствования (*обязан*) и для предиката *придется*. Отрицательные конструкции с предикатами *приходится* и *вынужден* ограничены в реализации деонтической семантики типом смыслового глагола (поведенческим), в остальных случаях оператор отрицания выступает модификатором вида модальности (алетическая, эпистемическая, деонтическая).

2.5. Темпоральные характеристики деонтических конструкций

Модальность и время как основные языковые категории характеризуют описываемое положение дел с позиции отношения к тому, что говорящий считает действительностью, и с точки зрения его положения на оси времени относительно некоторого заданного момента.

Деонтической конструкции ингерентно свойственна темпоральная характеристика проективности, т.е. значение, коррелирующее с областью предстоящего, потенциального, еще не осуществленного (см. [Palmer 2001, р. 7–8, 24–39, 86; Abraham 2009, р. 253, 278–280; Auwera, van Olmen 2016; Шмелева 1984, с. 86–87; Цейтлин 1990, с. 141; Сабанеева 2005, с. 268]). Говорящий, констатируя необходимость действия, обозначает возможное

направление развития ситуации, которую он характеризует как имеющую предпосылки и условия для того, чтобы стать фактической, т.е. он связывает область ирреального с областью реального. Деонтическое высказывание фиксирует не сам факт, а предписываемую кому-либо *программу* реализации [Ломов 1977, с. 50–54]. И. Б. Шатуновский подчеркивает, что деонтические высказывания описывают действительность, какой она должна (была) быть согласно *плану, замыслу* [Шатуновский 1996, с. 236]. Согласно Дж. Найтсу, выражение деонтического отношения представляет собой *подготовительный этап плана действий* по реализации некоторого положения дел [Nuyts 2008].

Своеобразной чертой деонтических конструкций является то, что они бытуют одновременно в двух темпоральных планах – настоящем и будущем. Структуру деонтической конструкции невозможно рассматривать по аналогии с алетическими конструкциями как полипредикативную, где предикация, соответствующая инфинитиву, отнесена к плану будущего: из высказывания *я могу говорить медленно* следует, что *‘я сейчас не говорю’*, а алетический маркер указывает на то, что субъект, в том числе и в настоящий момент, в состоянии осуществить действие (о двух предикациях в структуре алетических конструкций см. [Зализняк, Падучева 1989, с. 94–97]).

В рассуждениях об отнесении деонтической конструкции к плану настоящего речь идет о грамматической форме настоящего времени, т.е. о времени, когда высказывается суждение о необходимости (темпоральной референции высказывания). Настоящий план оказывается одинаковым с моментом произнесения высказывания и со временем модальной квалификации действия. Деонтические маркеры традиционно не получают материального выражения настоящего времени в поверхностной структуре, формально реализуясь в русском языке так называемой нулевой связкой (*есть*), чередующейся в других временах и наклонениях с ненулевой (*должен буду, должен был, должен был бы*). Лексема *следует* имеет ограниченную парадигму и употребляется только в форме настоящего и прошедшего времени (*следует, следовало*). В немецком языке деонтический предикат попадает в область действия оператора времени *Präsens*: модальный глагол *müssen* имеет формальные показатели настоящего времени в соответствующей форме спрягаемого глагола (*ich muss + Inf.*).

Ориентация модального высказывания на создание нового положения дел обуславливает отнесение его к плану будущего, т.е. необходимость, актуализируемая деонтическим предикатом, с точки зрения темпоральной семантики детерминирует граммему будущего времени конструкции. Именно поэтому в ответной реплике в русском языке возможен эллипсис смыслового глагола с экспликацией ненулевой связки в форме будущего времени: – *Нужно написать об этом.* – *Не буду*. При этом точка отсчета может находиться в любом из трех временных планов (настоящее, прошлое, будущее).

Проективная семантика деонтической конструкции обуславливает избыточность использования дополнительного грамматического индикатора футуральности. В русском языке формы маркеров *приходится* и *следует*

маркированы темпорально, ср.: *пришлось, придется*. Отметим, что в немецком языке форма *Präsens* реализует в том числе значение будущего и используется в рассуждениях о будущем при условии, когда уже в настоящем есть предпосылки для действия (ср. об алетическом базисе деонтической конструкции 1.3.2).

Граммеме будущего однозначно выражает форма будущего времени, что делает на первый взгляд деонтическую конструкцию и форму будущего времени близкими с точки зрения темпоральной семантики. Однако значение предстояния действия, характерное для деонтической конструкции, и значение будущего действия, свойственное морфологической форме будущего, отличаются. Так, Ф. Палмер трактует деонтическую модальность как отношение говорящего к **возможному** событию в будущем [Palmer 1990, р. 112–113; Palmer 2001, р. 111–112]. М. К. Сабанеева отмечает, что предстоящее действие мыслится только в перспективе, в потенциальности, а действие плана будущего утверждается как реальность [Сабанеева 2005, с. 268] и подчеркивает, что «форма футурума фиксирует в языке мыслительный процесс опережающего отражения, представляя не существующий в действительности процесс в качестве *факта* будущего» (курсив наш) [Сабанеева 1994, с. 51].

Сочетание в одном высказывании нескольких форм выражения проективности действия позволяет нюансировать модальную семантику: указать на потенциальность действия в случае необходимости изменения текущего положения дел и одновременно подчеркнуть уверенность в его осуществлении. Деонтическое высказывание презумптивно обозначает, что деонтический субъект в состоянии осуществить указанное пропозициональное действие, а грамматическая форма будущего на готовность его реализовать

(346) *Вопрос в другом – статус третьего лица все равно **должен и будет** использоваться в дипломатии, но не может быть использован случайно в сложной игре, а уж на Востоке тем более* (Е. Григорьева. В Одессу без шуток // Известия, 15 марта 2002).

(347) *И если Родя вас действительно оскорбил, то он **должен и будет** просить у вас извинения* (Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание (1866)).

Форма будущего времени в случае субъекта 1-го лица является языковой формой выражения прямого комиссива, когда говорящий накладывает на себя обязательство выполнить действие, совершение которого слушающий предпочел бы несовершению. В таком случае конъюнкция форм подразумевает каузальные отношения деонтики и комиссивности: *я должен Р, поэтому буду Р*:

(348) – *Ты ее любишь?! – воскликнула я. Он ничего не ответил. Но я понимаю: разговаривать с ним бесполезно. **Я должна действовать! И я буду*** (А. Алексин. Мой брат играет на кларнете (1967)).

Подчеркнем, что если в речевой ситуации необходимость действия или последовательности действий отнесена к отдаленному будущему, то футуральная форма деонтической конструкции в русском языке является

обязательной, ср. конструкции отдаленного и ближайшего будущего, где демонстрируется постепенное удаление времени осуществления необходимого действия на темпоральной оси:

(349) *Мне скоро надо уезжать на аэродром, а я сижу взаперти* (Т. Шмыга. Счастье мне улыбалось... (2000)).

(350) *Мне нужно сесть на Амальтею, – сказал он. – Потом я должен сходить с планетологами в экзосферу и снова сесть на Амальтею. И потом я должен буду вернуться на Землю. И это снова будет оверсан!...* (А. Стругацкий, Б. Стругацкий. Путь на Амальтею (1959)).

(351) *Только одна мысль омрачала мое ночное путешествие. Скоро надо будет ехать в Москву. И это сейчас, в разгар лета!* (Д. Ульянов. Инопланетяне (2007) // Волга, 2012).

(352) *Она, как говорит в таких случаях Шура Плоткин, «сожгла за собой все мосты». Она приехала сюда навсегда. А я обязательно должен буду вернуться в Россию ...* (В. Кунин. Кыся (1998–2000)).

Для немецкого языка употребление модальных глаголов в форме Futur I нехарактерно. Контексты использования футуральной формы глагола *müssen* свидетельствуют о вынужденности выполнения действия, т.е. деонтические конструкции обогащаются негативной оценкой, указывают на то, что действие сложно, неприятно. Отрицательное отношение к выполнению действию дополнительно поддерживается различными оценочными суждениями в контексте, например:

(353) *Das ist nicht lange, und ich möchte mindestens 1.000 Follower gewinnen. Ich werde mit hoher Intensität vorgehen müssen, jede Chance nutzen, die sich mir bietet. Das könnte schwierig werden, weil ich tagsüber in einer Redaktion arbeite* (Die Zeit, 20.06.2017, № 25). ‘Это ненадолго, и я хочу набрать хотя бы 1000 подписчиков. Мне придется работать с высокой интенсивностью, использовать любой шанс, который у меня будет. Это может быть тяжело, потому что днем я работаю в редакции’.

(354) *Er wird also ständig pendeln müssen, für ihn als vierfachen Familienvater eine zusätzliche starke zeitliche Belastung* (Die Zeit, 09.01.2018 (online)). ‘Ему придется постоянно ездить на работу, что для него как для отца четверых детей станет дополнительным тяжелым бременем’.

Таким образом, деонтическая модальность связана с **проективным** представлением действия.

2.5.1. Виды деонтических конструкций по темпоральной локализации

Проективность реализуется в деонтическом высказывании по-разному. Дифференциальным смысловым компонентом, позволяющим классифицировать деонтические конструкции с точки зрения их темпоральной семантики, выступает локализованность/нелокализованность необходимого действия во времени. Данный критерий был предложен Т. В. Булыгиной для семантической классификации предикатов (см. [Булыгина Шмелев 1997,

с. 49–58]). Речь идет о способности конструкции к той или иной временной отнесенности, ее отвлеченности от конкретного течения времени или наоборот, об употреблении в конкретно-процессном значении. Эти характеристики коррелируют с семантическим потенциалом глагольных лексем, используемых в конструкции.

Анализ реализации деонтическими высказываниями проективной семантики свидетельствует о существовании конструкций двух типов: стандартной проективности, которая подразумевает возможное выполнение необходимого действия в будущем, и нестандартной проективности, которая не предполагает осуществления действия в будущем, а локализована в настоящем (см. рис. 2.3).

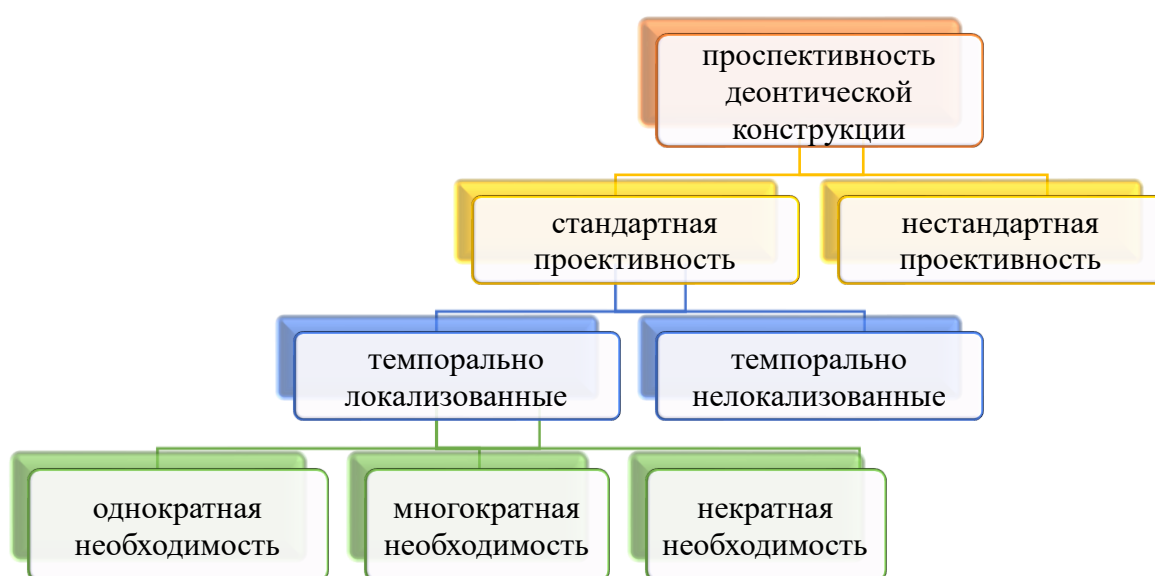

Рис. 2.3. Виды темпоральной локализации деонтических конструкций

1. Деонтические конструкции нестандартной проективности

При общей тенденции к двойственности темпорального плана деонтических конструкций существуют два типа структур, для которых принцип проективности не работает: они не ориентированы в будущее. Таковыми являются конструкции с перволичным субъектом (*я/ich, мы/wir*) и коммуникативными глаголами, а также конструкции с ментальным глаголом *знать/wissen* в его лексико-семантическом варианте «иметь специальные познания в какой-либо области, разбираться в чем-то».

Так, конструкция *я должен сказать, что* реализует по сути сложный перформативный акт: *я должен + я говорю*. Исследователи неоднократно обращали внимание на то, что деонтический предикат образует с некоторыми коммуникативными глаголами такое сочетание, которое способно выступать

в качестве перформативной формулы [Апресян 1986; Зализняк, Падучева 1989, с. 96; Падучева 2008, с. 136]. Подобные конструкции характеризуются совпадением времени говорения и времени действия, автономинативностью (называние самого себя), а также эквитемпоральностью, когда предикация пропозиционального глагола совпадает с предикацией деонтического маркера и относится к плану настоящего (см. характеристики перформативной формулы [Богданов 1990, с. 59–60]).

Отметим, что квазиперформативной формулой являются также самофальсифицирующие речевые клише с коммуникативными глаголами (как, например, *я не должен напоминать, что ...* = я сообщаю), а также вторичные конструкции с ментальным глаголом *знать/wissen* и его, выраженной придаточным, пропозицией (*ты/вы должен знать/wissen, [что/dass] ...* = я сообщаю), реализующие семантику сообщения: субъект делится с адресатом своим знанием. При этом в конструкции самофальсификации предикация пропозиционального глагола совпадает с предикацией деонтического маркера и также относится к плану настоящего. В свою очередь вторичные конструкции, где сообщение реализуется благодаря нетривиальным иллокутивным функциям лексемы *знать* (см. подробнее о семантике и прагматике данного ментального глагола [Апресян 1995, с. 422–424]), характеризуются стандартной проективностью: они ориентированы в будущее, поскольку прийти к эпистемическому состоянию должен не говорящий, а субъект деонтики, выступающий грамматическим субъектом, а само эпистемическое состояние является темпорально неопределенным:

(355) *Sie müssen wissen, dass ich bis dahin noch nie ein Hotel, auch kein viertklassiges, von innen gesehen hatte* (Schulze, I. Neue Leben, 2005, S. 183). ‘Вы должны знать, что я до этого никогда не видел отелей изнутри, даже четвертого класса’.

(356) *Ты должен знать, что это было нелегким решением для меня, Алекс* (В. Аксенов. Новый сладостный стиль (1997)).

Нестандартную проективность, т.е. отнесение необходимого действия к настоящему, реализуют деонтические конструкции с ментальным глаголом *знать/wissen*. Речь идет не о необходимости приобретения субъектом некоего знания в будущем: данные конструкции указывают на обязательное условие осуществления профессиональных или социальных задач: *я/ты/он должен знать P* = ‘я/ты/он должен’ + ‘я/ты/он знаю/-ешь/-ет P’. Именно поэтому они всегда сопровождаются фактическим суждением, т.е. последующим немодализованным высказыванием с ментальным глаголом:

(357) – *Да вы не могли знать моей дочери?*

– *Извините, я жандарм, я обязан знать все и знаю* (Э. И. Стогов. Записки (1870–1880)).

(358) *Да, Диканька должна знать и знает Гоголя, у нас неграмотных, кажется, совсем нет* (В. А. Гиляровский. По следам Гоголя (1899–1935)).

2. Деонтические конструкции стандартной проективности

2.1. Темпорально нелокализованные конструкции

В случае стандартной проективности конструкции речь может идти о темпорально нелокализованной необходимости, т.е. конструкция получает значение временной обобщенности, включаясь в более широкий темпоральный контекст. Данную семантику формирует признак узуальности необходимого действия: оно лишено временной конкретности и включается в темпорально неопределенный ряд его повторений.

Вневременной характер необходимости обуславливает «втягивание» в темпоральную семантику конструкции планов прошлого, настоящего и будущего: *надо уважать старших / ты должен уважать старших* [и вчера, и сегодня, и завтра]. Такие конструкции основаны на универсальном источнике или социальных конвенциях и правилах. Семантический темпоральный компонент «постоянно», который является их презумптивным квантитативным показателем, выступает ключевым признаком для отграничения нелокализованной необходимости от конструкций многократной необходимости, ср.: *всегда, в любое время ↔ снова и снова*.

В узуальных конструкциях темпоральный маркер *всегда/immer* эксплицируется в случае неконвенциональных правил, характеризую смысловые глаголы, способные к временной локализации, определенной или неопределенной:

(359) *Я говорю об этом для того, чтобы объяснить, почему нет смысла спрашивать, каким будет мир через сто, двести или триста лет. **Всегда надо переспрашивать**: для кого именно?* (В. Пелевин. Любовь к трем цукербринам (2014))

(360) ***Man muss immer** die andere Seite hören* (Die Zeit, 01.07.2017, № 27). 'Надо всегда слушать и другую сторону'.

(361) *In der Mittel- und Unterstufe gilt die **Aufsichtspflicht**, da **muss immer** ein Vertretungslehrer in der Klasse sein – und so wird diese Stunde als Unterricht gezählt* (Die Zeit, 05.10.2017 (online)). 'В средних и младших классах есть обязанность по надзору, в классе всегда должен присутствовать замещающий учитель – этот час засчитывается как урок'.

Темпоральный компонент *всегда* указывает не на продолжительность действия, а на характеристику самого необходимого действия, способного к временной локализации в конкретной ситуации. Именно поэтому в узуальных конструкциях квантитативный показатель *всегда/immer* может активировать оценочные смыслы деонтического высказывания: говорящий таким образом напоминает правило, которое не выполняется/не выполнено, ср.: *опять не почистил зубы перед сном, запомни: зубы **всегда** надо чистить перед сном*. Интенсивность порицания определяется иными характеристиками речевой ситуации:

(362) *Василий думает о том же. Но в который раз не решается озвучить грызущую сердце думу ... – Эх, Васёк, – продолжил Иван, – **всегда надо надеяться**. Даже когда надеяться не на что* (А. Кожейкин. Пятое колесо // Менестрель, 2015).

Локализация во времени узуальных конструкций, т.е. соотнесение их с прошлым или будущим, приводит к приобретению ими аксиологической семантики, негативной оценки, ср.: *дорогу надо переходить на зеленый* (правило) – *надо было переходить на зеленый* (упрек или сожаление в зависимости от того, кому адресовано высказывание) – *надо будет на зеленый переходить* [впредь/в следующий раз] (вывод, решение, основанное на негативном опыте от несоблюдения правила).

2.2. Темпорально локализованные конструкции

Конструкции стандартной проективности представлены в зависимости от количественных характеристик действия тремя видами, а именно: необходимость *однократного* действия – необходимость *многократного/повторяемого* действия – необходимость *некратного* действия.

Однократная необходимость

Деонтические конструкции, выражающие однократную необходимость действия, включают в себя смысловые глаголы поведенческой деятельности. Данные структуры характеризуются различной степенью темпоральной определенности, в том числе и темпоральной неопределенностью, ср.:

(363) *Интересно, где мы будем жить. Сегодня должны продлить (или не продлить) нашу прописку здесь до сентября. Я сегодня должен добиться увидеть или узнать, где можно увидеть Верину знакомую учительницу, которая мне, может быть, поможет с этой 110-й школой. Потом я должен (когда, не знаю) достать справку из домоуправления, что я здесь живу* (Г. С. Эфрон. Дневники. Т. 1. 1940).

(364) *Старуха дала какой-то древний черно-белый фильм. Сказала, что я должен посмотреть* (А. Геласимов. Нежный возраст (2001)).

Говорящий при помощи различных темпоральных распространителей время реализации необходимого действия отмечает ближайшую, отдаленную либо неопределенную перспективу осуществления действия или последовательности действий, т.е. указывает конкретную точку на оси временного континуума или протяженный во времени отрезок. В случае ближайшей перспективы осуществления действия, как отмечает С. Н. Цейтлин, «ситуация, планируемая как предстоящий факт, тесно связана с настоящим, т.е. в момент речи предполагаются изменения, связанные с подготовкой к предстоящей ситуации» [Цейтлин 1990, с. 154].

К конструкциям однократного необходимого действия мы относим также возобновляемую необходимость:

(365) *Чтобы ответить на эти вопросы, я снова должен вернуться назад* (А. Ф. Писемский. Боярщина (1858)).

В таком случае речь идет об однократности, при этом конструкции могут характеризоваться как временной неопределенностью, так и определенностью (*я должен сейчас же еще раз сделать Р; я должен через час снова повторить стих*).

Множественная необходимость

В рамках повторяемости действия лингвисты выделяют разные типы итеративных ситуаций: прерванного и возобновленного, повторного, мультипликативного, дистрибутивного действия (ср. [Смирнов 2000, с.355–359]). Однако учет различной семантики неоднократности при рассмотрении деонтических конструкций не является релевантным. К повторяющейся необходимости мы относим конструкции регулярно повторяемой необходимости, в которых количество повторов неограниченно.

Взаимодействие итеративности и потенциальности обуславливает семантику временной нелокализованности: *мне надо несколько раз написать слово, чтобы запомнить; ты должен ежедневно пить таблетки; необходимо каждый раз проверять значение слова в словаре*. За счет возможной воспроизводимости одного и того же действия, его неограниченного повторения временные рамки будущего расширяются, в темпоральную семантику конструкции вовлекается и значение настоящего.

Характерной особенностью деонтических конструкций множественной необходимости выступает их телеологическая обусловленность (*если Q, то надо делать P* или *надо P, чтобы Q*), что детерминирует синтаксис высказываний, в которых употребляются конструкции, а именно использование сложноподчиненных предложений условия и цели. Экспликация цели в поверхностной структуре может опускаться, ср.:

(366) *Чтобы обеспечивать график движения пассажирских поездов и не допускать переотдыхов, необходимо ежедневно от двух до шести членов локомотивных бригад направлять пассажирами на ст. Усть-Катав* (Диктует экономика // Локомотив, 26 июля 2001).

(367) *Особенно ФУНТИКИ, они круглые, как колобки, и у них синие, веселые глаза, и маленькие розовые ушки, и они ничего не понимают, им надо все по сто раз объяснять ...* (Н. Садур. Занебесный мальчик (1992)) (← чтобы они поняли).

Некратная необходимость

В случае, если необходимость касается непрерывно длящегося во времени действия, в лингвистике говорят о ситуации некратности. Так, структуры с глаголами ментальных и эмоциональных действий и состояний следует рассматривать как конструкции некратной необходимости, в семантическую структуру которых входит значение неопределенного интервала. Они не обозначают ни однократную ситуацию, ни серии повторяющихся отдельных случаев: *ich muss mich beruhigen* ‘я должен успокоиться’; *du must wissen, was du willst* ‘ты должен знать/понимать, что ты хочешь; надо понять, что случилось; ты должен в это верить’. Согласно Т. В. Булыгиной, ментальные глаголы, а также эмотивные глаголы (например, *любить, ненавидеть*) описывают положение вещей как некую «данность» и не употребляются в конкретно-процессном значении. Описываемые ими положения вещей по своей природе не ограничены каким-либо определенным периодом времени и являются «положениями с диффузными временными границами»

[Булыгина Шмелев 1997, с. 74, 78]. Подобные конструкции демонстрируют темпоральную отвлеченность от конкретного времени выполнения, указывая на действие, которое описывает ингерентно длящееся положение дел:

(368) – *Благодарю, – сказал Лисс, – **надо подумать**, дело очень серьезное* (В. Гроссман. Жизнь и судьба, ч. 2 (1960)).

(369) *А ведь они тоже боятся, думал он, снова усаживаясь в «пежо». Боятся, боятся, высоколобые... Да так и должно быть. Они **должны бояться** даже больше, чем все мы, простые обыватели, вместе взятые. Ведь мы просто ничего не понимаем, а они по крайней мере понимают, до какой степени ничего не понимают* (А. Стругацкий, Б. Стругацкий. Пикник на обочине (1971)).

Конструкции с ментальными глаголами весьма гетерогенны и включают глаголы, которые обозначают длительность протекания мыслительного процесса и изменения в результате состояния (*подумать, поверить/überlegen, denken, glauben* и т.п.); глаголы ментальных состояний (*знать, считать, верить/wissen, glauben, meinen, denken*) и глаголы, фиксирующие результат интеллектуальной деятельности (*понять/verstehen, begreifen* и т.п.). При этом у указанных групп глаголов, как отмечает З. Вендлер, нет четкого начала и завершения осуществления действия [Vendler 1972, с. 40]. В их семантике соединяется результативное и экзистенциальное значение, содержится информация о сформированном в сознании субъекта знании, суждении, которое не актуализировано постоянно [Булыгина 1982, с. 137].

Перволичные конструкции с ментальным глаголом *знать/wissen* (в его лексико-семантическом варианте ‘иметь информацию, сведения’) реализуют интеррогативную семантику (‘я должен знать, что он сделал’ по сути подразумевает вопрос «я спрашиваю о ...»), однако они не являются однократными. Конструкция подразумевает, что модальный субъект (говорящий) до времени наступления деонтической ситуации находился (- ится) в состоянии незнания, он ожидает изменения своего эпистемического состояния благодаря действиям партнеров по коммуникации, однако срок наступления этого знания незамерим. При этом темпоральный план придаточного (ср.: *я должен знать, когда это **произойдет**, когда это **произошло**, что **происходит***) не связан с семантикой деонтической конструкции, а затрагивает временной аспект знания, которое должно быть сообщено модальному субъекту.

Актуализация темпоральной локализованности в деонтической конструкции

Любой из указанных типов конструкций стандартной проективности может получать конкретизацию футуральности в поверхностной структуре высказывания.

Актуализация темпоральной определенности осуществления необходимого действия реализуется при помощи различных средств выражения временного значения: наречий времени, словосочетаний с предлогами

с временным значением или темпоральных расширений в виде деепричастий, деепричастных оборотов и придаточных. Все они обеспечивают в том числе межфразовые связи деонтического высказывания в тексте, выполняя текстообразующую функцию.

Задачами темпоральных конкретизаторов в зависимости от их тематической отнесенности, или темпорального значения являются следующие: 1) четкая фиксация темпорального отрезка: ближайшее будущее (*сейчас же, немедленно, незамедлительно, срочно, сию минуту* и т.п.; *gleich, sofort, umgehend, ohne Zeitverzug* и т.п.) или отсроченное будущее (детерминативы приблизительного или относительно определенного времени совершения действия: *теперь, скоро, сегодня, завтра, со временем, через+t* (час, год), *потом* и т.п./ *jetzt, bald, morgen, heute, weiter, dann* и т.п.; а также конкретное время суток, календарные даты), 2) обозначение темпоральной неопределенности (*когда-нибудь, как-нибудь/an einem Tag, eines Tages, irgendwann, früher oder später* и т.п.), 3) указание на необходимость повтора действия или на его итеративность; 4) маркирование последовательности необходимых действий либо одновременности необходимого действия с иными действиями. Также в деонтических конструкциях могут употребляться обстоятельства длительности: *чтобы вам открыли, надо долго звонить в дверь; лекарство надо пить пять дней*.

Указание на немедленность действий свидетельствует о точности события, что характерно для конструкций однократной необходимости: *через минуту я должен уйти*:

(370) *Dabei schaut sie immer wieder auf ihre Armbanduhr. «Ich bin etwas in Eile, ich muss gleich weg»* (Die Zeit, 19.04.2007, № 17). ‘Она все время смотрит на часы. «Я немного тороплюсь, мне прямо сейчас нужно убежать»’.

Темпоральная конкретизация, а именно указание на немедленность выполнения действия осуществляется в диалогическом взаимодействии также благодаря дискурсивным показателям: *стой(-те), подожди(-те), секунду / warte, warte mal, Warten Sie mal* и т. п. (*warte, ich muss [dringend] noch was holen; warte, ich muss dir unbedingt noch was zeigen, [hier]*), например:

(371) – **Стойте, надо вернуться**, – сказала Дарья Петровна. – *Что случилось?* (М. Трауб. Не вся la vie (2008))

(372) *Нет, Орест, подожди, ты должен выслушать меня* (Л. Украинка. Голубая роза [автоперевод] (1898))

Темпоральные детерминативы немедленности усиливают категоричность деонтического высказывания, что позволяет им функционировать в том числе и в конструкциях некротной необходимости, характеризующихся темпоральной неопределенностью (*надо сейчас же решить, что делать*):

(373) *Das sind doch alles Fragen, die entschieden werden müssen, dringend entschieden werden müssen* (Deutscher Bundestag: Plenarprotokoll № 08/51 vom 26.10.1977, S. 3934). ‘Все это вопросы, которые нужно решить, срочно нужно решить’.

(374) *Нам это нужно срочно знать, чтобы немедленно начать извлекать пользу из тамошней нехватки людей, она там довольно реальная* (Кто жаловался на нехватку рабочих рук в советское время? // Знание – сила, 2011)

(375) – *Выкиньте прочь эту сумасшедшую бабу! Что она мелет?*

– *Постойте*, – властно вмешался Хотек. – *Я должен знать, кто она.*

– *Эта женщина любила князя*, – сказал Иван Дмитриевич (Л. Юзефович. Костюм Арлекина (2001)).

Темпоральное уточнение узуальной конструкции, нелокализованной темпорально, модифицирует тип конструкций, превращая ее в необходимость однократного действия с разной степенью временной определенности в случае действий, «способных» к временной локализации: *надо сейчас же вымыть руки; завтра перед едой надо вымыть руки; в будущем надо уступить место старшим*. При этом, безусловно, конструкции приобретают дополнительные прагматические характеристики комиссивного характера в случае 1-го лица и поучительного характера в случае 2-го лица.

Обратим внимание на то, что наречия *сейчас* ('в настоящее время; в данный момент; немедленно') / *jetzt* ('in diesem Augenblick; heute, heutzutage') реализуют как значение моментальности, так и ближайшего будущего. В сочетании с глаголами поведенческой семантики только речевая ситуация позволяет определить временные рамки необходимости, ср.: *сейчас ты должен уйти; сейчас ты должен выучить стих* интерпретируются как срочная необходимость в текущий момент. Высказывание *сейчас надо быть внимательным*, произнесенное в момент перехода по нерегулируемому перекрестку, является указанием на моментальную необходимость, однако фраза *сейчас всем надо внимательно отнестись к выполнению обязанностей* не реализует семантику срочности действия. Расширение конструкций с ментальными и эмоциональными глаголами темпоральным наречием *сейчас/jetzt* указывает на отсроченное будущее, т.е. планируемое положение дел не связано с настоящим:

(376) *Сейчас надо подумать о том, как снизить объемы заготовки низкокачественной древесины* (Методика рентной оценки древесных ресурсов леса // Лесное хозяйство, 22 июня 2004).

(377) *Du musst jetzt endlich an deine Rente denken* (Der Tagesspiegel, 23.12.2000). 'Тебе сейчас наконец-то надо/пора подумать о своей пенсии'.

Маркеры темпоральной неопределенности, такие как *когда-нибудь, как-нибудь/an einem Tag, eines Tages, irgendwann, (ein)mal, früher oder später* *когда-нибудь, как-нибудь/irgendwann; иногда, иной раз, время от времени, порой*, снижая степени точности и конкретности времени исполнения, как следствие обуславливают бóльшую степень абстрактности, что способствует снижению категоричности:

(378) *Его звали Федор Кампов, у меня сохранились его письма, надо как-нибудь посмотреть* (М. С. Харитонов. Стенография конца века. Из дневниковых записей (2007)).

(379) *Er kassiert einen wahren Strom von Schmiergeldern. Aber **du musst irgendwann** erklären, woher du es hast!* (Die Verurteilten, 1994 (Filmuntertitel)). ‘Он берет кучу взяток. Но в конце концов/рано или поздно/когда-нибудь тебе придется объяснить, откуда ты это взял!’.

(380) *Сорвусь так сорвусь. **Иногда надо** и рисковать* (Л. А. Данилкин. Юрий Гагарин (2011)).

Однократная необходимость повтора действия всегда уточняется маркерами *снова, еще раз/ wieder, noch einmal*. При этом возобновляемая необходимость может быть темпорально неопределенной, если речь идет об отдаленном будущем, или уточняться темпорально в случае отнесенности необходимости к текущей ситуации, ср.:

(381) *Norbert, **du musst wieder mal** ran, du hast doch so viele Ideen* (Berliner Zeitung, 24.02.2000). ‘Норберт, ты должен сделать это снова, у тебя так много идей’.

(382) – *Не надо, я, проходя, уже распорядился, сейчас принесут закусь и все прочее... а **теперь** нам **надо еще раз** окончательно переговорить между собой, пока не придут Панфилов и Вудберг* (Ф. Ф. Тютчев. По жребию (Из былых времен кавалерийского училища) (1906)).

(383) *Кастрюли стояли на плите. Никич разводил самовар. – Хорошо почистила, – миролюбиво сказал он. – Только ополоснуть **надо еще раз*** (В. Осеева. Динка (1959)).

Использование маркеров темпоральной неопределенности, а также повтора в конструкциях некротной необходимости, т.е. с ментальными глаголами, не приводит к тому, что действие рассматривается как однократное, поскольку денотативная ситуация не квантифицируется: *надо как-нибудь подумать; иногда надо думать, что говорить; иногда надо верить в чудо; порой надо забыть о долге, надо еще раз подумать*.

Деонтические конструкции маркируются темпорально не только с позиции конкретного временного отрезка, но также и с точки зрения последовательности необходимых действий (*сначала, сперва, теперь, потом, позже, затем/ erstmal, zunächst, später, künftig, nachher, danach, dann, da, noch* и т.п.) либо одновременности действий (словосочетания с предлогами *в течение/ während*, темпоральными придаточными):

(384) *У меня еще не записаны сольные сюиты Баха. И это **я обязан** записать, **пока еще** технически чувствую себя крепко на виолончели. Я специально освободил себе три недели в марте, которые и посвящу этому делу. **Затем я должен** закончить весь цикл симфоний Шостаковича...* (Т. Грум-Гржимайло, М. Ростропович. «Пока я жив – играю...» // Огонек, № 13, 1991)

(385) ***Вы должны внимательно** слушать все вопросы и ответы **в течение** всего процесса* (Лед тронулся // Газета, 2 июля 2003).

При этом наречия *сначала, сперва /erst mal, zunächst, vor allem*, обозначающие первоочередность действия, повышают категоричность модального высказывания:

(386) *Наверное, **сперва надо** подумать о плате за медиаархив* (Т. Каминская. Преодолей себя любимого // Новгородские ведомости, 2013).

Актуализация многократной необходимости происходит путем расширения деонтических конструкций факультативными компонентами, характеризующими действие качественно и количественно (*часто, постоянно, обычно, много раз, ежедневно, снова и снова, весь день, каждый раз* и т.п.; *mehrmals, oft, immer wieder, jedes Mal* и т.п.). В конструкциях с ментальными глаголами данные лексемы указывают на дуративные характеристики действия/состояния ($\approx$ постоянно): *я снова и снова должен вспоминать, я постоянно должен думать о случившемся; ты всегда должен помнить, кому обязан*.

Маркеры многократной необходимости интенсифицируют в том числе аксиологическое значение, как и маркеры возобновляющейся однократной необходимости (*снова, еще раз/ wieder, noch einmal*). Негативно-оценочное усложнение семантики деонтического высказывания возникает в результате того, что однократное выполнение указанного действия не привело к ожидаемому результату либо дополнительно необходимо осуществлять нечто неприятное, ср.:

(387) *Заключение не обязательно приносит успех с первого раза. **Нужно снова и снова** разуверять покупателя в его сомнениях и возражениях* (С. Корнев. Продавец в американском магазине (2003) // интернет-альманах «Лебедь», 19 мая 2003).

(388) *Чуть не заревел от досады. Понял, что это дурное предзнаменование. Так оно и оказалось. Сегодня мне объявили, что я **снова должен** становиться к станку* (Ю. Даниэль. Письма из заключения (1966–1970)).

Таким образом, дифференциальным признаком при классификации деонтических конструкций по темпоральной семантике выступает локализованность необходимого действия на временной оси будущего.

Нелокализованные конструкции основаны на презумпции постоянной необходимости, они маркируют узуальное долженствование, детерминированы определенными модальными источниками (универсальными социальными правилами), что обуславливает вовлечение в их семантику всех трех временных планов (прошлого, настоящего и будущего).

Локализованные конструкции реализуют семантику стандартной и нестандартной проективности. В детерминации типа проективности ведущую роль играет семантический тип смыслового глагола (коммуникативный или ментальный глагол *знать/wissen*) в сочетании с 1-м лицом деонтического субъекта. Конструкции стандартной проективности в зависимости от признака кратности необходимого действия делятся на три группы: однократная, в том числе возобновляемая, повторяющаяся/многократная и некрatная необходимость.

При этом необходимое действие в конструкции может быть темпорально детерминированным и недетерминированным. Конструкции с необходимостью однократного действия содержат глаголы различных поведенческих действий и характеризуются отнесенностью к ближайшему или отдаленному

будущему с разной степенью конкретности сроков реализации. Конструкции многократной необходимости обусловлены телеологическим деонтическим источником (целью и условием) и вбирают в свою семантику также план настоящего. Некратная необходимость затрагивает только конструкции с ментальными и эмотивными глаголами и характеризуется темпоральной неопределенностью.

Нестандартная проективность демонстрирует совпадение времени говорения и времени действия и представлена в двух типах высказываний: в перформативных формулах и конструкциях обязательности устойчивого знания.

Расширение конструкции различными темпоральными маркерами, которые имеют определенный и неопределенный характер, позволяет локализовать необходимость в ближайшем или отдаленном будущем. Маркированность различными темпоральными лексемами не зависит от типа деонтической конструкции с точки зрения кратности действия (однократная, многократная, некратная необходимость).

Наряду с временной конкретизацией, а также с функцией текстообразования, факультативные темпоральные компоненты увеличивают/снижают категоричность деонтического высказывания, соответственно модифицируя значимость выполнения необходимого действия, а также поддерживают или интенсифицируют негативную оценку.

2.5.2. Семантические модификации при отнесенности деонтической конструкции к прошлому

Как уже отмечалось, точка отсчета при отнесении деонтического высказывания к будущему может находиться в любом из трех временных планов.

Деонтические конструкции в форме прошедшего времени используются в нарративном режиме интерпретации при повествовании о прошлых событиях, а также при сопоставлении прошлых и нынешних событий (*тогда/раньше vs. сейчас*):

(389) *Молодые же, выждав недолгое время, плюнули на все и подались пахать поля. **Надо было** жить и кормить детей* (В. Быков. Лесное счастье (1985–1995))

(390) *Meine Eltern lebten im Esplanade, **ich musste** ja auf dem Land bleiben. Aber ab und zu bin ich zu ihnen in die Stadt gefahren* (Zeit Magazin, 07.12.2017, № 51). ‘Мои родители жили на площади, мне пришлось остаться в деревне. Но время от времени я ездил к ним в город’.

(391) – ***Раньше мы должны были** согласно нормативным документам давать учащимся знания и умения, – говорит Беляева. – **В новых** федеральных образовательных стандартах речь идет о компетенциях, то есть о том, какими навыками должны обладать школьники* (Л. Данилкина. Беляева из 3 «Б» // Новгородские ведомости, 2013).

(392) *Früher musstest du dir deine Linie selber suchen, da hast du dann die entscheidenden Sekundenbruchteile herausgefahren, **aber heute** fahren die ja praktisch alle die gleiche Linie* (Der Tagesspiegel, 08.02.2004). 'Раньше ты должен был искать свою линию, поэтому и удавалось получать решающие доли секунды, а сегодня практически все идут по одной линии'.

Деонтическое высказывание не является фактуальным: оно выражает только необходимость действия без указания на его фактическое выполнение [Narrog 2005, p. 184]. Однако в речи деонтические конструкции, отнесенные к прошлому, употребляются для фиксации факта достижения/недостижения цели.

Здесь следует упомянуть семантическую разницу в использовании модальных глаголов в Präteritum в немецком языке. Глагол *müssen* выбирается, если действие в прошлом рассматривается как реализованное: *er **musste** vorige Woche nach Hause fahren, weil seine Mutter krank ist* 'на прошлой неделе ему пришлось поехать домой, потому что его мать заболела' (необходимость + реализация, т.е. он поехал). В случае с глаголом *sollen* реализация остается открытой и выражается только необходимостью в прошлом: *er **sollte** nach drei Tagen zurück sein, um an der Prüfung teilzunehmen* 'он должен был вернуться через три дня, чтобы сдать зачет' (реализация или нереализация будет очевидной только из контекста) [Helbig, Buscha 2011, S. 133].

Поскольку необходимое действие рассматривается как некий эталон, то деонтическое высказывание в форме прошедшего времени обогащается аксиологически полярными смыслами, а именно позитивной или негативной оценкой. Для уточнения знака оценки контекст деонтического высказывания, чаще всего правый, расширяется сопоставлением модализованной и немодализованной пропозиции.

В случае позитивной оценки деонтическое высказывание сопровождается фактуальным высказыванием о совершении действия: *должен был сделать P и сделал P*:

(393) *Все, что я **должен был** рассказать о романе Бисмарка с русской княгиней Екатериной Трубецкой, я **рассказал** в этой книге* (Э. Тополь: «Серое небо над нами потому, что мы много материмся!» // Комсомольская правда, 20 февр. 2013)

(394) *«Но помните, я **победил** на выборах 2016 года с помощью интервью, речей и соцсетей. **Я должен был побороть** фейковые новости, и я **это сделал**» – написал Трамп* (Трамп задумался о переименовании CNN в «мошеннические новости» // lenta.ru, 2 июля 2017).

Положительная оценка предполагает использование модальных структур без уточнения действия, т.е. смысловым глаголом в них является лексема *делать/tun*, только называющая действие как таковое (*должен был это сделать*). Данные конструкции имеют презумпцию совершенного действия:

(395) – *Как вы думаете, Ваше Высочество, произвели впечатление ваши слова? – Не знаю ... может быть ... боюсь, что нет ... Но все равно ... Я **сделал** ... я **должен был** это **сделать** ...* (В. В. Шульгин. Последний очевидец (1971))

В немецком языке в таком случае обязательна инверсия дополнения и употребление частицы *einfach*, которая усиливает, подчеркивает утверждение (*das musste man einfach tun*):

(396) *Der Versandhausgründer Werner Otto, gebürtig aus Seelow und mittlerweile 93 Jahre alt, hatte nach der Wende bei einem Spaziergang das verfallene Ensemble entdeckt und spendete im Laufe der Jahre fast sieben Millionen Euro für den Wiederaufbau. «Das musste ich einfach tun», sagte er am Dienstag und kündigte eine weitere Großspende an* (Berliner Zeitung, 25.06.2003). 'Основатель компании почтовой доставки Вернер Отто, родившийся в Зелове, которому сейчас 93 года, после воссоединения на прогулке обнаружил ветхий архитектурный ансамбль и за эти годы пожертвовал почти семь миллионов евро на его реконструкцию. «Я просто должен был это сделать», – сказал он во вторник и объявил о еще одном крупном пожертвовании'.

Несмотря на позитивную оценку выполнения действия, сам контекст может быть негативно-оценочным:

(397) – *Я знаю, что все это **фигня**, – говорит он быстро. – Знаю не хуже вашего. Не маленький. Мне самому **это смешно**, то, что я сейчас сказал, но я должен был это сказать, хоть вы надорвите животы после моего ухода. Я просто прошу вас, имейте это в виду, хорошо? И все* (М. Петросян. Дом, в котором... (2009))

Негативная оценка возникает также при использовании отрицательных деонтических структур с предикатом в прошедшем времени, употребление которых фиксирует не факт несовершения действия, а, наоборот, факт осуществления действия, которое необходимо не выполнять (см. подробнее [Шатуновский 1990, с. 78–79]): *ты не должен был делать P = было необходимо, что ты не делаешь P, поскольку это плохо = ты сделал P*, например:

(398) ***Ты не должен был подходить** к ней вообще. Для тебя она умерла. Так вот, я хочу у тебя спросить: почему **ты нарушил** свое слово, тем более, я тебя предупреждал, что эта женщина мне дорога, и даже больше того* (Е. Сухов. Делу конец – сроку начало (2007)).

(399) *Экое мелкосердечие! Сейчас (в настоящем) я думаю о нём без всякой горечи. Даже с долей жалости. **Не надо было** ему жениться на мне, а мне выходить за него.... Только почему так больно? **Не надо было** пить. **Поделом мне*** (И. Грекова. Перелом (1987)).

(400) *Das ist eine **peinliche** Situation! Das **musstest Du nicht** tun, Lin* (Ip Man, 2008 (Filmuntertitel)). 'Неприятная ситуация. Не надо было тебе этого делать, Лин'.

Использование двух деонтических конструкций с предикацией к прошлому, а именно сочетание утвердительной и отрицательной структур, позволяет одновременно указать на невыполненное позитивное действие и на факт выполнения негативного действия, что еще больше усиливает осуждение. При этом во второй части, указывающей на факт осуществления действия, происходит эллипсис деонтического предиката, а отрицание относится к смысловому глаголу: *ты должен был P, а не P₁*, например:

(401) *Как старший он должен был прикрывать спину брата, а не вонзать в нее нож* (А. Гусев. «Выдающийся футболист, но не мужик» // lenta.ru, 29 ноября 2019).

Конструкции в прошедшем времени трансформируются в негативно-оценочные суждения в неиндикативном наклонении: *хорошо, если бы ты это сделал, но ты не сделал, это плохо*. Е. М. Вольф отмечает в этой связи, что деонтическая модальность соотносится с сослагательностью, и данный оценочный модус можно толковать как содержащий модальный оператор, в сфере действия которого находится неиндикативный диктум [Вольф 2002, с. 81]. Поэтому еще одним способом фиксации факта осуществления/неосуществления действия при помощи деонтической конструкции является сослагательное наклонение модального маркера.

Сослагательность, как одна из форм ирреального наклонения, употребляется при обозначении предположительной возможности действия в неопределенном временном периоде [РГ1 1980, с. 623–624], что способствует снижению категоричности модального высказывания. Кроме этого, поскольку сослагательность употребляется при обозначении различных оттенков желаемости действия в русском языке [РГ2, с. 108], то семантика деонтической конструкции расширяется эмоционально-оценочным значением сожаления, досады:

(402) *Надо было бы крикнуть: «Какой же ты дурак!», но я молчала* (О. Зуева. Скажи, что я тебе нужна... // Даша, 2004).

(403) *Илья Иосифович как опытный человек должен был бы проявить большую сдержанность в общении с капитаном. Но его обуял бес научной болтливости, и он почти без перерыва проговорил два с половиной часа* (Л. Улицкая. Казус Кукоцкого [Путешествие в седьмую сторону света] // Новый Мир, 2000).

В немецком языке для описаний прошлых событий используется форма Konjunktiv Plusquamperfekt, основная функция которой состоит в выражении возможности содержания высказывания:

(404) *Als ich das Licht sah heute nacht, da hätte ich eingreifen müssen* (Venske, R: Marthes Vision, 2006, S. 247). 'Когда я увидел свет прошлой ночью, я должен был бы вмешаться'.

Противопоставление «выполнено-невыполнено» ярко демонстрируется в соседствующих в одном контексте антонимичных высказываниях, а именно: отрицательном высказывании в изъявительном наклонении и утвердительном модальном высказывании в сослагательном наклонении: *Sie haben die Arbeit nicht vorbereitet. Sie hätten aber die Arbeit vorbereiten müssen* 'вы не сделали работу, но должны были бы сделать работу'.

Негативная семантика деонтической конструкции, отнесенной к прошлому, обуславливает ее функционирование в различных противительных структурах, противопоставление в которых осуществляется по одной из следующих моделей:

- необходимое действие, положительно оцениваемое, vs. факт его невыполнения: *должен был сделать P, но не сделал P* (противительные уступительные структуры с союзом *no/aber*);

- необходимое действие, положительно оцениваемое, vs. действие, осуществленное и отрицательно оцениваемое: *должен был сделать P, а сделал P₁ / сделал P₁, а должен был сделать P* (контрастно-сопоставительные структуры с союзом *a/aber*);

- необходимость невыполнения действия (негативно оцениваемого) vs. факт совершения данного действия: *не должен был делать P (а, но сделал P)*;

В случае уступительного противопоставления правая часть синтаксической модели демонстрирует признание говорящим факта невыполнения, т.е. признание нарушения нормы (*должен был сделать P, но не сделал P*). Союз *no/aber* показывает, что «нарушено представление о нормальном развитии ситуации: у субъекта возникает «ожидание» положения дел, соответствующего сценарию, причем сценарный ход событий считается нормальным, а отклонение от сценария – отклонением от нормы» [Санников 1989, с. 162]: *то, что ты должен был сделать, хорошо, а иное нехорошо*. Контрастная пара демонстрирует противопоставление положительно оцениваемого неосуществленного необходимого действия и отрицательно оцениваемого осуществленного (*должен был сделать A, а сделал B*):

(405) *Он получил большой срок, а я не вмешался, я должен был тогда вмешаться, думал об этом, но ничего не сделал* (Р. Медведев. Из воспоминаний об А. Д. Сахарове (2002)).

(406) *Маленький сделал ошибку: хрипя, он бил Марвича по голове, а надо было вывернуть ему руку, последнюю его надежду* (В. Аксенов. Пора, мой друг, пора (1963)).

(407) *Он приходил сюда с хорошим чувством! Ты должен был понять его, а ты был жесток с ним. Беги, мой родной! Войнищев* (А. П. Чехов. Безотцовщина (1878)).

(408) *Теоретически я должен был, сохраняя здравость рассудка, привести ее в чувство и спокойно растолковать ей, что все это чепуха ... Вместо этого я впал в оцепенение ...* (В. Белоусова. Второй выстрел (2000)).

Отметим, что в немецком языке реализуются не все модели. Так, противопоставление «необходимость невыполнения действия *P* vs. факт совершения действия *P*» требует использования отрицательной конструкции с модальным глаголом *durfte nicht* ‘не должен был/не было разрешено’ (дословно: не предоставлено возможности), которая свидетельствует о недопустимости и не является *per se* деонтической, тяготея к зоне алетической семантики, о чем в 1.3.2.

В свою очередь отрицательные конструкции с модальным глаголом *müssen* в форме *Präteritum* (*du musstest nicht*) в противительной конструкции указывают на необязательность действия, т.е. на альтернативность, поэтому негативная оценка не возникает (*было необязательно P, но ты сделал P*):

(409) *Wird ein Sinfonieorchester aber verkleinert, dann muss jeder zweifeln, ob es überhaupt eine Zukunft hat. Ich **musste** das RSB **nicht übernehmen, aber** ich habe doch versucht, ihm in dieser Lage zu helfen* (Berliner Zeitung, 15.10.2001). 'Но если симфонический оркестр уменьшается в размерах, то приходится сомневаться, есть ли у него вообще будущее. Мне не нужно было брать на себя ответственность за РСБ, но я попытался помочь ему в этой ситуации'.

Исключение составляют высказывания, где само действие *P* характеризуется негативно. В таком случае противительная часть может опускаться либо получать другие формы выражения.

В русском языке для интенсификации негативной оценки и подчеркивания позитивности необходимого, но невыполненного действия, используется повтор деонтической конструкции, отнесенной к прошлому, которая имеет обобщающее значение благодаря сочетанию наречия *как* или указательного местоимения *что* с частицей *вот* (*вот как/что надо было [(с-)делать]; вот как надо было вести себя*). Подобная конструкция отвлеченно обозначает образ, способ действия вместо его номинации, называния, являясь при этом негативно маркированной, выражающей недоумение, разочарование:

(410) – *Это смешно, – говорил себе Пальчиков в последнее время. – И ты должен был хохотать над ее упрямством вместе с ней. **Вот как ты должен был себя вести*** (А. Н. Бузулукский. Пальчиков // Волга, 2014).

(411) *Десять раз уж наверно, сбегали. Он должен был крикнуть ему: «Молчи, дурак, если сам лезешь в яму, так другого не тащи». **Вот что он должен был сделать**. Неужели это непонятно? Удивляюсь тогда вам* (Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 1 (1978)).

Кроме этого негативно-оценочный характер деонтической конструкции, реализованной в прошедшем времени, поддерживается различными факультативными компонентами, такими как оценочные маркеры (*к сожалению, жаль; leider*), усилительные частицы (*хоть, же/doch*) и отсылающие к прошлому темпоральные наречия (*раньше, тогда, сперва, сначала, сразу/früher* и т.п.):

(412) *Ты должен был найти меня, чтобы перейти на новый уровень. **К сожалению, у тебя не получилось*** (В. Спектр. Face Control (2002)).

(413) *«**Надо было хоть** адрес записать,» – сказал я раздраженно, – «полные **идиоты**»* (Б. Окуджава. Искусство кройки и житья (1985)).

(414) *Ты же первый хотел его обуть. Теперь соплями исходишь. **Раньше нужно было думать**. Я тебя предупреждал* (А. Савельев. Аркан для букмекера (2000)).

(415) *In ihm tritt das Vermächtnis des Widerstandes gegen Hitler für unsere Zeit besonders eindrucksvoll hervor: «(...) **schuldig** bin ich anders als ihr denkt, **ich musste früher** meine Pflicht **erkennen**, ich musste schärfer Unheil nennen – mein Urteil habe ich zu lang gelenkt»* (Rede von W. Thierse, 20.07.2000). 'В нем для нашего времени особенно впечатляет наследие сопротивления Гитлеру: "(...) я виноват не так, как вы думаете, я должен был понять свой долг раньше, я должен был острее назвать пакость – я слишком долго руководствовался своим мнением'.

Негативные смыслы деонтического высказывания, возникающие в результате факта нарушения нормы, или невыполнения действия, получают определенную иллокутивную «упаковку». Е. М. Вольф подчеркивает, что высказывания долженствования, относящиеся к прошлому, являются типичным видом косвенных речевых актов с оценочным значением: они выражают, как правило, осуждение (оценка со знаком «–») [Вольф 2002, с. 191]. В диалогическом общении такое аксиологическое усложнение, или оценочная импликация позволяет деонтическим конструкциям реализовать коммуникативно-прагматические смыслы порицания, упрека. При этом для 1-го лица характерно самопорицание или выражение сожаления, для 2-го – упрек, порицание или выражение недовольства. Это обуславливает расширение контекста деонтического высказывания различными негативно-оценочными суждениями (*стыдно, виноват (сам виноват), это было неправильно, ты/я сделал ошибку* и т.п.), а также риторическими вопросами, например:

(416) *Ты совершил ошибку. Тебе нужно было жениться на Фене. Ты предал нашу любовь. Видеться мы больше не должны* (М. Л. Халфина. Милочка (1970-1980)).

(417) *Дурак! Дурак! Я виноват во всем! Я не должен был везти вас на озеро Блэд! Такие случаи и раньше бывали с людьми после посещения этого чертова озера!* (Т. Окуневская. Татьянин день (1998))

(418) – *Кажется, я поступил бестактно, – сознался Клим, думая о Дронове, но рассказав о Лидии и Макарове.*

– *Как же иначе?* – *слегка удивилась мать.* – *Ты был обязан предупредить ее отца* (М. Горький. Жизнь Клима Самгина. Ч. 1 (1925)).

(419) *«А почему не знал? Ты должен был знать. Почему я все знаю?» – твердила совесть* (Н. Носов. Незнайка в Солнечном городе (1958)).

Таким образом, использование деонтической конструкции в форме прошедшего времени обусловлено контекстом, раскрывающим факт реализации/нереализации действия. Модификации темпорального плана, в том числе при помощи сослагательного наклонения, детерминируют семантико-прагматическое обогащение деонтической конструкции, в частности за счет аксиологических смыслов. Оценка связана не с семантикой самой конструкции, а с фактом нереализованного действия. Знак оценки уточняется в правом и левом контексте деонтической конструкции фактическим высказыванием о выполнении либо о невыполнении. В случае негативной оценки окружение деонтической конструкции оказывается более вариативным.

ВЫВОДЫ ПО 2-Й ГЛАВЕ

1. Деонтическое отношение к действию строится на основе внеязыкового компонента, который лежит в объективной действительности. Фильтрация возможных миров в деонтической ситуации основывается на деонтических источниках, формирующих нормы разного порядка и охватывающих все сферы социального бытия человека, в том числе субъективные представления о должном.

Деонтические источники представляют собой две группы: источники универсального и частного порядка. Первая группа содержательно является достаточно гомогенной, поскольку координирует общественные отношения, в которых участвуют все субъекты социума. Вторую группу составляют нормы социального взаимодействия, поэтому содержательный объем деонтических источников значительно шире и богаче, включает в себя социоцентрические и персоноцентрические нормы.

Деонтическое высказывание может быть обусловлено одновременно несколькими источниками, поскольку объективная реальность представлена многообразно, границы деонтических источников не являются жестко заданными. Нормы первой группы могут быть интериоризованы субъектом, т.е. превращаться из социальных в персоноцентрические, что усиливает интенсивность обязательства, и, наоборот, нормы второй группы могут быть экстериоризованы.

Частные причины деонтического отношения к действию относятся к пресуппозиции высказывания и выводимы из ситуации. Экспликация деонтического источника как правило, реализует аргументативно-экспланаторную функцию и позволяет модифицировать категоричность высказывания, придавая ему характер относительной нормы.

2. Ядерной языковой единицей выражения деонтического отношения является деонтическая конструкция, которая реализуется в русском и немецком языках разнообразными грамматическими (синтаксическими) структурами. Структурно-синтаксически, в зависимости от типа сказуемого, они представлены: конструкциями с составным глагольным сказуемым (модально-глагольные комплексы) и с составным именным сказуемым с объектным инфинитивом. Отдельно выделяются конструкции с предикативной модусной рамкой, которые усложняют субъектную перспективу и являются семантически расчлененными. Модусные конструкции могут быть осложнены эпистемической оценкой (*считаю необходимым, чтобы P*) и представлять собой семантически нерасчлененную структуру в случае совпадения грамматического субъекта и исполнителя необходимого действия (*считаю необходимым P*), т.е. предложение синтаксически не является сложным.

Прототипической деонтической конструкцией, эквивалентной в немецком и русском языках, выступает модально-глагольный комплекс, который может подвергаться различным структурным модификациям: пассивизации,

эллипсису (структурному, контекстному, в том числе и синтаксическому в русском языке), сворачиванию пропозиции, характерной только для глагольных конструкций в русском языке.

Деонтическая конструкция представляет собой, таким образом, семантическое целое, структурно состоящее из обязательных (деонтического маркера, деонтического субъекта и смыслового глагола) и факультативных компонентов, каждый из которых характеризуется многообразием языкового проявления, обуславливая разнообразие семантических характеристик конструкции.

2а. Деонтический маркер, или деонтический предикат, составляет модальное ядро конструкции. В русском и немецком языках деонтические маркеры отличаются качественно и количественно.

В немецком языке палитра деонтических маркеров небогата и представлена модальными глаголами *müssen* и *sollen*, которые различаются модальным источником (внешнее принуждение и внутренний долг vs. не прямое волеизъявление). Семантика модальных глаголов отличается не только категоричностью, но и важным смысловым оттенком глагола *müssen*, который фиксирует абсолютность долженствования, в то время как глагол *sollen* указывает на то, что долженствование возникло именно в результате акта обязывания. Кроме этого, лексема *sollen* демонстрирует активное вовлечение волитивности в свое значение, что осложняет семантику конструкции и ограничивает ее деонтические потенции.

В русском языке номенклатура деонтических предикатов достаточно широкая. Их семантическое многообразие позволяет говорящему уточнять модальные смыслы с точки зрения абсолютного/неабсолютного долженствования (*обязан* vs. *должен*), категоричности (*необходимо* vs. *надо*, *нужно*), субъектной ориентированности (*надо* vs. *нужно*), экспрессивности (*не могу*, *не, нельзя* *не*), негативной оценки (*приходится*, *вынужден*), и, следовательно, в отличие от немецкого языка нюансировать деонтические смыслы (интенсифицировать деонтику, обогащать ее аксиологическим значением).

2б. Деонтический субъект дифференцируется с точки зрения лица и различного референциального объема, что позволяет выделить конкретный и обобщенный (генерализованный, неопределенный) типы субъекта. Для экспликации деонтического субъекта используются местоимения, существительные в генерализованном употреблении, метонимические номинации. Обобщенный субъект имеет максимально широкую референцию, что дает возможность говорящему решать с помощью деонтических конструкций определенные прагматические и коммуникативные задачи.

Рассмотрение деонтического субъекта с точки зрения лица обусловлено тем, что лицо является не только речевым, но и прагматическим шифтером: употребление того или иного лица зависит от отношений, которые устанавливаются между референтом(-ами) и коммуникативным контекстом, в котором решающее значение имеют установки отправителя и получателя

информации, обуславливающие прагматику конструкции. Наибольшей употребительностью в речи в обоих языках характеризуются перволичные структуры, где субъектом выступает или говорящий, или обобщенный *мы*-субъект.

Широко представленная безличность в русском языке позволяет элиминировать деонтический субъект, что обусловлено стилистическими причинами (контекстный эллипсис), языковой экономией (очевидность субъекта в речевой ситуации), совпадением субъекта речи и говорящего субъекта, генерализацией субъекта в случае конвенциональных норм/узуальных конструкций. В немецком языке для элиминации субъекта используется безличная форма модального глагола или двухчленный пассив, при этом деонтический субъект легко восстанавливается благодаря контексту.

Безличная форма в обоих языках однозначно соотносится с субъектом 1-го лица, или говорящим, только в сочетании с коммуникативными глаголами.

Субъект в форме свободного датива маркирует в деонтической конструкции внешнее принуждение. Наибольшей употребительностью с дативным субъектом характеризуются перволичные структуры, где деонтический субъект совпадает с субъектом речи. Такие структуры указывают на то, что необходимое действие и полученный от него результат соответствуют интересам субъекта речи.

2в. Анализ семантики зависимого инфинитива в конструкции позволяет выделить четыре обобщенных типа смысловых глаголов: поведенческой и речевой деятельности, ментальных и эмоциональных действий и состояний. Глаголы данных типов функционируют в деонтических конструкциях с различной употребительностью. При этом частота использования глаголов определенного семантического типа коррелирует с типом деонтического субъекта: коммуникативные глаголы резко преобладают в конструкциях с деонтическим субъектом-говорящим. Ментальные глаголы фиксируются чаще в конструкциях со 2-м и 3-м лицом.

3. Взаимодействие деонтической модальности с такими категориями, как время и отрицание, ведет к усложнению семантической структуры деонтической конструкции.

3а. Оператор отрицания относится или к деонтическому предикату (контрарное отрицание), или к смысловому глаголу (смещенное отрицание). Конструкции данных типов отличаются друг от друга благодаря отрицанию прежде всего позицией ремы высказывания, которая подразумевает наличие альтернативы; в результате они обнаруживают различную алетическую и аксиологическую презумпцию.

Относясь к модальному предикату, отрицание модифицирует семантику деонтической конструкции и обуславливает ее смещение в зону алетических смыслов, т.е. в сферу необязательности действия. Данный тип взаимодействия с отрицанием коррелирует с деонтической лексемой, используемой в конструкции. Высказывания с маркерами со значением абсолютного долженствования (*обязан*, *müssen*) указывают на отрицание необходимости, при этом в немецком языке подобные конструкции приобретают значение

устраненного вынуждения. В русском языке имеются некоторые ограничения для реализации деонтической семантики отрицательными конструкциями с предикатами, характеризующими вынужденность действия (*вынужден, придется*): выражение необязательности действия, т.е. отрицание модального предиката, ограничено определенным типом смыслового глагола (глаголами поведенческой семантики).

36. Деонтические конструкции с точки зрения их темпоральных характеристик отличаются асимметрией формы и значения, возникающей в результате взаимодействия обязательных компонентов деонтической конструкции: деонтическому предикату и смысловому глаголу. Их отличительной чертой является темпоральная двуплановость, которая обусловлена, с одной стороны, грамматическим временем (формой настоящего времени деонтического предиката), с другой стороны, проспективной семантикой деонтического отношения к действию, направленного на создание нового положения дел в будущем.

С позиции темпоральной семантики деонтические конструкции интерпретируются в рамках дихотомии «узуальные (нелокализованные) vs. локализованные». Семантика проективности реализуется в деонтических высказываниях по-разному. При этом темпоральная локализация конструкции коррелирует с типом смыслового глагола, семантика которого способна модифицировать эти временные отношения. Речь идет о коммуникативных глаголах и ментальном глаголе *знать/wissen*, конструкции с которыми реализуют семантику нестандартной проективности (отнесены к настоящему). Конструкции узального долженствования вбирают в себя семантику всех трех временных планов; их темпоральная локализация в прошлом или будущем дополняет модальную семантику высказывания аксиологическими и прагматическими значениями.

Семантика проективности модифицируется благодаря встроенным в деонтическую конструкцию факультативным компонентам, уточняющим различные темпоральные аспекты высказывания (немедленность, отсроченность, следование, одновременность, длительность, повторяемость, неопределенность, дуративность, квантитативность). Темпоральные маркеры в конструкции способствуют осуществлению текстовых связей, реализуют прагматическую функцию усиления/ослабления категоричности деонтического высказывания, служат обогащению конструкции негативно-оценочной семантикой.

Использование деонтического предиката в форме прошедшего и будущего времени позволяет говорящему локализовать описываемую ситуацию на временной оси. Употребление формы будущего времени обусловлено значительным отдалением необходимого действия в будущем. Форма прошедшего времени используется в повествовательном нарративе. Кроме этого, эксплицитные показатели грамматического прошедшего или будущего времени, а также формы сослагательного наклонения способствуют расширению семантики деонтической конструкции, в частности за счет аксиологических смыслов. Оценочная семантика грамматической формы будущего

времени модального маркера характерна только для немецкого языка. Конструкции, отнесенные к прошлому, получают определенное линейное развертывание в виде противопоставления отрицательного алетического и волитивного высказывания или сопровождения эмоциональной и аксиологической оценкой.

Рассмотрение темпоральных характеристик деонтических конструкций в двух языках позволяет констатировать их идентичность в плане прагматических и семантических свойств при незначительных различиях в формальной реализации.

ГЛАВА 3. ИЛЛОКУТИВНАЯ СПЕЦИФИКА ДЕОНТИЧЕСКИХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ

3.1. Факторы формирования иллокутивного значения деонтической конструкции

Многообразие проявления обязательных компонентов деонтической конструкции, обуславливает не только семантические характеристики деонтического высказывания, но и оказывает существенное влияние на его прагматику, поскольку семантический и прагматический аспекты высказывания неразделимы. Семантика есть означивание всех возможных видов, опирающееся на правила языковой системы в отвлечении от пользователя. Прагматика, согласно Ч. Моррису, есть «образование, использование и воздействие знаков» [Morris 1971, p. 217]. В этом контексте справедливым представляется утверждение Дж. Лича о связи и различии семантики и прагматики, которые заключаются в различном понимании глагола «значить» (to mean): семантика отвечает на вопрос «что означает?», прагматика отвечает на вопрос «что вы хотите сказать, употребив языковую единицу?» [Leech 1983, p. 5–6], т.е. как только есть отсылка к говорящему, который использует языковое выражение для определенной цели, мы находимся в сфере прагматики.

На первый взгляд, деонтическое высказывание локализуется в зоне директивности, которая определяется многими исследователями как его ядерная иллокутивная направленность [Корди 1990; Беляева 1992, с. 77; Diewald 1999, S. 36]. Иными словами, оно выражает иллокуцию, ориентированную на действие, т.е. реализует интенцию волеизъявления, акт побуждения к действию (см. [Цейтлин 1990, с. 155; Gévaudan 2011, S. 58]). Е. В. Падучева, рассуждая о прагматической функции деонтических высказываний, обращает внимание на то, что «значение ‘необходимость’ входит в семантику иллокутивных сил», например в семантику приказа, поскольку приказ должен быть выполнен [Падучева 2019, с. 133]. Т. В. Булыгина описывает деонтические высказывания как «конституирующие соответствующую обязанность», поскольку «человек становится носителем обязанности в результате специального акта *возложения* на него этой обязанности» [Булыгина, Шмелев 1991, с. 19]. При помощи деонтического высказывания говорящий либо возлагает на себя обязательство и тем самым фактически совершает действие (*я должен признать* = *я признаю*), либо просит своего слушателя вести себя определенным образом (*ты должен молчать*). Ф. Палмер обращает внимание на то, что деонтические высказывания, используемые для оформления правил и положений, можно рассматривать как «reports of performative acts by people in authority» ‘сообщение о перформативных действиях со стороны людей, наделенных властью’ (перевод наш) [Palmer 1990, p. 70].

Однако подход к деонтическому высказыванию как реализующему исключительно директивную семантику резко обедняет его прагматические возможности.

Высказывание характеризуется семантической устойчивостью и подвижностью, его семантика и прагматика формируется в результате взаимодействия всех его структурных составляющих. Этот факт требует при прагматическом анализе учета семантических особенностей всех компонентов деонтического высказывания, что в свою очередь ставит задачу установления роли в формировании иллокутивного значения как языковых, структурно-семантических компонентов конструкции, так и внеязыкового компонента деонтической ситуации, т.е. деонтического источника.

К рассмотрению иллокутивных характеристик деонтической конструкции, несмотря на многообразие других типологий, мы подходим с позиции теории речевых актов, изложенной Дж. Р. Серлем¹, которая принимается большинством исследователей. Определить тип иллокуции позволяет прежде всего метод трансформаций, в том числе в рамках методологии перформативной гипотезы, согласно которой любое высказывание содержит в своей глубинной структуре перформативный глагол, т.е. состоит из двух частей: перформативной части (префикса, содержащего перформативный глагол) и пропозициональной части. Конструктивной идеей в перформативной гипотезе представляется мысль о том, что в случае необходимости иллокутивную силу высказывания можно эксплицировать путем восстановления перформатива, указание на который имеется в предтексте или посттексте.

Деонтический источник

Внеязыковой компонент деонтической ситуации локализует деонтическое высказывание в зоне директивности. Нормы и правила к поведению участников ситуации, такие как законы, указы, инструкции и т.п., обуславливают жесткую облигаторность выполнения действия, т.е. предполагают прескриптивность высказывания, например:

(420) *Работодатель **обязан осуществлять** обязательное страхование работающих от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний в соответствии с законодательством* (ст. 17 Закон Республики Беларусь об охране труда 23 июня 2008 г. № 356).

Однако реальные речевые ситуации намного сложнее: набор источников гораздо шире, чем система кодифицированных институциональных норм. Так, если универсальные нормы, а также такой ситуативный источник как внутренние обязательства и моральный долг детерминируют прескриптивность (ср. абилитивное значение в [Золотова и др. 1998, с. 327]): *я **должен***

¹ Согласно Дж. Р. Серлю, речевые акты характеризуются иллокутивной силой — коммуникативным намерением, которое лежит в основе произнесения того или иного высказывания. Характер иллокутивной силы является базой для классификации речевых актов (*репрезентативы, директивы, комиссивы, экспрессивы, декларации*), предложенной в [Серль, 1986].

помочь сиротам, то в случае таких ситуативных источников, как социальные нормы и правила, договоренности, волеизъявление 3-го лица, сложившиеся обстоятельства и цели, возможна как прескриптивная, так и суггестивная прагматика, в зависимости от жесткости ситуативного источника, ср.:

	← профессор сделал замечание
	← в этом месте не разговаривают
надо замолчать	← людям мешаем
	← чтобы услышать
	← иначе неправильно запишем.

Восприятие деонтического источника как предписывающего или рекомендуемого зависит от убеждений и морально-этических, идеологических, ценностных установок субъекта (ср. [Баранов 2007, с. 421]), т.е. оно коррелирует с внутренним отношением исполнителя к норме (степени интериоризации правила и нормы), с его прагматической ориентацией на определенные ценности, с его уровнем ответственности, с важностью необходимого действия для исполнителя. Все указанное позволяет смещать иллокутивную силу конструкции с одним и тем же деонтическим источником в ту или иную зону директивности (прескриптивности или суггестивности).

Таким образом, прагматические возможности деонтического источника ограничиваются иллокутивной модификацией внутри директивности. Вид директивной иллокуции варьируется в зависимости от типа деонтического источника и степени интериоризации правил и норм исполнителем действия.

Кроме этого, тип директивной иллокуции обуславливает также прагматический контекст высказывания, а именно: такие характеристики коммуникативной ситуации, как коммуникативная сфера (институциональная/неинституциональная); социальный статус говорящего или субъекта волеизъявления.

Деонтический маркер

Возможности деонтических лексем как ядра деонтической конструкции крайне ограничены в иллокутивных модификациях модального высказывания. Ведущая роль здесь принадлежит деонтическому источнику, смещающему иллокуцию или в сторону прескриптивности, или суггестивности, ср.:

(421) *Но для каждого вида работ **следует** использовать строго определённые типы лаков* (В. Хорев, Ремонт и реставрация мебели и предметов антиквариата, 2009).

(422) *Кстати, никогда не знаешь, что за страна прилетела, поэтому всегда **следует** быть начеку, а то окажешься в опасности* (Э. Блайтон, Приключения в заоблачной стране, 1943).

Возможности прагматической локализации деонтического высказывания такими лексемами, как *обязан* и модальный глагол *müssen*, в значении

которых присутствует компонент 'не мочь поступить иначе' (о чем в 2.3.1), ограничены директивной областью прескриптивности. Аналогичную прагматическую функцию, как уже отмечалось в 2.3.1, выполняет и глагол *sollen*, синонимичный *müssen*, в случае указания на универсальный источник, ср.: *der Pass soll/muss an der Grenze vorgezeigt werden* 'паспорт должен быть предъявлен на границе'. Наличие в семантике глагола *sollen* компонента желательности действия для адресата позволяет использовать конструкции с данной лексемой для оформления суггестивности, как правило, в форме конъюнктива: *das sollte man nicht tun* 'этого не следует/не желательно делать'.

В русском языке с его широкой системой маркеров их прагматические функции сводятся к интенсификации категоричности высказывания в зависимости от своих семантических особенностей (см. в 2.3.1), ср.: *ты обязан пойти* – *тебе необходимо пойти* – *тебе надо пойти*. – *ты должен пойти* – *тебе следует пойти* – *ты не можешь не пойти* – *тебе придется пойти* (= ты все равно это сделаешь, никуда не денешься).

Темпоральный план конструкции, отнесение ее к будущему ослабляет интенсивность иллокутивной силы, но не нейтрализует директивность (ср.: *ты обязан сделать* – *ты будешь обязан сделать*). Перенесение плана конструкции в прошлое модифицирует ее семантику в репрезентативную (*ты должен сделать* – *ты должен был сделать*), которая в зависимости от ситуации обогащается различными прагматическими осложнениями аксиологического характера (подробнее см. 2.5.2).

Таким образом, деонтический маркер, выразитель модального смысла, обладает также, как и деонтический источник, только внутрикатегориальными модификационными возможностями, а именно потенцией смещения директивности в ту или иную сторону. При этом за определенными лексемами закреплена только прескриптивная прагматика. Внутрикатегориальное смещение деонтическая лексема реализует только в корреляции с деонтическим источником. В русском языке деонтический маркер призван, прежде всего, усиливать/ослаблять категоричность высказывания.

Деонтический субъект

В отличие от деонтического источника и деонтического маркера деонтический субъект обуславливает варьирование зон иллокуции между репрезентативностью и директивностью, ср.: *ты должен сделать* – *мы должны сделать* – *надо сделать* (к генерализованному субъекту) vs. *я должен сделать* – *он должен сделать* (к отсутствующему в речевой ситуации субъекту):

	1 лицо я	1 лицо мы	2 лицо	3 лицо конкретный	3 лицо обобщенный
репрезентатив	+			+	
директив		+	+		+

Высказывания со второлличным субъектом *ты/вы*, конкретным и обобщенным, представляет собой классический директив без особых иллокутивных «обременений»: *ты/вы должен(-ны) сделать P = сделай (-те) P*.

Третьеличный генерализованный субъект, который всегда включает адресата, также обуславливает директивность высказывания, т.е. оно выражает норму, которая требует: *каждый должен следовать законам = следуйте законам; нужно уступать место старшим = уступайте место; следует освободиться от иллюзий = освободитесь от иллюзий*. Можно утверждать, что деонтический источник влияет на выбор типа модального субъекта: институциональные нормы и социальные правила обуславливают третьеличный обобщенный субъект.

Если третьеличный субъект соотносится с представителями определенной группы, то в случае непосредственного обращения к представителям группы высказывание реализует директивность:

(423) *Каждый делегат должен знать цель своего приезда и желательный финал. Демократическое обсуждение не ведет к принятию наиболее эффективного решения – зато ведет к поляризации участников* (Л. А. Данилкин. Ленин: Пантократор солнечных пылинок (2017)). ← делегату рекомендуется ознакомиться = делегаты ознакомьтесь.

Однако в речи адресатом подобных высказываний выступает, как правило, не этот представитель, например в школе директор обращается к классным руководителям или к школьникам со следующим напоминанием: *каждый родитель должен прийти на собрание*, которое вовсе не подразумевает побуждения непосредственно родителя к действию ($\neq$ родители придите). В таком случае речь идет о репрезентативности.

Высказывание «*он* (мой друг) *должен сделать P*» с конкретным субъектом 3-го лица, отсутствующего в речевой ситуации, не трансформируется в побуждение ($\neq$ он *сделай*), а представляет собой сообщение о должновании в отношении лица, не присутствующего в ситуации, т.е. говорящий предполагает, что слушающий не знает, что данное лицо имеет какие-либо обязательства. Адресованное слушателю высказывание *он должен сделать P* может предполагать косвенное побуждение адресата в актуальной коммуникации «я хочу, чтобы он сделал *P*; сделай так, чтобы он сделал *P*», при этом оно сохраняет свою репрезентативную семантику: «я сообщаю, что он должен сделать *P*».

Особенность *мы*-субъекта состоит в его «атипичности», иллокутивная семантика которого зависит от его референциального объема: *я* + адресат (-ы) и *я* + другие/не-адресат.

В случае *эксклюзивного мы*-субъекта, когда в его семантический объем включены неактуальные слушатели, третьи лица (т.е. не-адресат), конструкция имеет характер «чистого» сообщения: (сообщение другу) *я сейчас иду на кафедру, нам* (= мне + преподавателям, находящимся на кафедре) *нужно поговорить об изменениях*.

Включение адресата в семантический объем *мы*-субъекта деонтики, т.е. *инклюзивное мы* (например, *я* + конкретный адресат (*ты* или *вы* (аудитория) или *я* + широкого круга исполнителей), определяет апеллирующий характер конструкции и, следовательно, прагматический сдвиг в сторону директивности. Подобные конструкции легко трансформируются в инклюзивный императив: *нам надо сделать* = *давай(-те) сделаем*. Благодаря включению адресата в референциальный объем *мы*-субъекта деонтические конструкции реализуют в случае актуальности коммуникации побуждение к совместному действию или предложение совместного действия:

(424) – ***Нам с тобой надо серьезно поговорить.***

– *О чем говорить? Ты все знаешь* (С. Есин. Имитатор (1985)).

(425) ***Мы с вами должны разъехаться. Это бесспорно, – сквозь слезы, но уже твердо сказала мама*** (А. Алексин. Раздел имущества (1979)).

Благодаря бенефактивности необходимого действия (и для адресата(-ов), и для говорящего) деонтические конструкции с инклюзивным *мы*-субъектом обогащаются особым директивным оттенком, призывностью. Данные прагматические возможности деонтического *мы*-высказывания активно используются в общественно значимой деятельности, в политической коммуникации:

(426) ***С призывом в армию связано сегодня много проблем, и нам надо перестроить работу военных кафедр таким образом, чтобы готовить для армии нужных ей специалистов*** (Эффект ротации // Поиск, 12 сент. 2003).

(427) ***Если мы увидим, что выигрывает Германия, то нам следует помогать России*** (М. Соколов. Помесь обезьяны с тигром // Эксперт, 2014).

Высказывания с перволичным *я*-субъектом не используются для координации совместных действий между коммуникантами. Зона директивности для *я*-субъекта, совпадающим с субъектом речи, сильно проблематизируется. Акт речевой каузации действия отсутствует: у перволичного высказывания нет цели побудить адресата к действию, поскольку исполнителем действия не является адресат высказывания. Трансформация модальной *я*-конструкции в императив невозможна: *по закону я должен сделать* ≠ *я говорю самому себе: делай; он сказал, чтобы я пришел*, т.е. слушающий побуждает меня идти, ***поэтому я должен идти*** ≠ *иди*. Перволичными высказываниями реализуется прагматика репрезентативности. Говорящий сообщает о действии, требуемом от него модальным источником, который выступает не каузатором действия, а внелингвистическим фактором, обуславливающим его обязательность.

Смысловой глагол (инфинитив)

Влияние на иллокутивные характеристики смысловой глагол оказывает для каждого типа деонтического субъекта весьма по-разному.

Так, в случае **конкретного субъекта 3-го лица** семантический тип инфинитива не воздействует существенно на изменение иллокутивного типа деонтического высказывания. Конструкция с инфинитивом любого семанти-

ческого типа представляет собой сообщение о необходимом действии со стороны лица, отсутствующего в коммуникативной ситуации: *мой друг должен работать, подумать, улыбнуться, сказать* = *я сообщаю об определенных обязанностях моего друга*.

В случае иных субъектов семантический тип инфинитива играет существенную роль в детерминации иллокуции деонтического высказывания.

В высказываниях с субъектом 2-го и 3-го лица (обобщенный тип) взаимодействие с любым семантическим типом зависимого глагола дает прогнозируемую прототипическую прагматику, локализуя иллокуцию деонтических конструкций в зоне однозначной директивности различной степени интенсивности.

1. Прагматика конструкций с **обобщенным, генерализованным субъектом 3-го лица** со смысловым глаголом любой семантики представлена директивными иллокуциями двух типов, а именно прескриптивами и суггестивами, где фактором внутрикатегориальной модификации выступает деонтический источник, ср.:

(428) *Надо, надо умываться по утрам и вечерам, а нечистым трубочистам стыд и срам, стыд и срам* (К. И. Чуковский. Мойдодыр). → Суггестив: правила гигиены рекомендуют умываться= умывайтесь.

(429) *Это не благое пожелание, а требование статьи 58 Конституции: «Каждый обязан сохранять природу и окружающую среду, бережно относиться к природным богатствам»* (С. Транковский. Экологическая обстановка и жизнь в России // Наука и жизнь, 2008). → Прескриптив: Конституция требует, что все и каждый сохраняли природу = сохраняйте природу.

Очевидно, что конструкции с обобщенным субъектом и ментальными и эмотивными глаголами, которые указывают на неконтролируемые действия и состояния, выражают только суггестивную семантику: *надо сначала думать, а потом говорить* = *рекомендуется сначала думать (лучше сначала подумать)* = *сначала думайте*.

2. В зависимости от типа инфинитива утвердительные **второличные** деонтические высказывания реализуют все типы директивной иллокуции. При этом факторами формирования той или иной директивности выступают статус говорящего (статусно нисходящее побуждение) и побуждение к совершению/несовершению действия (утвердительное/отрицательное высказывание).

Обращение к второличным деонтическим высказываниям с отрицанием показывает, что оно не изменяет прототипическую прагматику конструкций с субъектом 2-го лица *ты/вы*.

Аксиологический фундамент деонтического отношения к действию, или ценностная пресуппозиция действия («польза, благо, хорошее»), способствует реализации отрицательными конструкциями со смещением отрицания суггестивной иллокуции. Иными словами, говорящий хочет помешать

осуществлению действия, «угрожающего» адресату, т.е. позитивным, выгодным для модального субъекта является невыполнение действия: *плохо делать P* = *хорошо не делать P* → *не надо делать P* (*надо не делать P*):

(430) *Уверен! Тебе с силами надо собраться. И **видеть** его **сейчас тебе не надо**. Вообще – лучше через адвокатов. Давай собирайся. Пошли* (Г. М. Артемьева. Фата на дереве (2012)).

(431) ***Ты не должен проводить** слишком много ночей вне дома. Я не хочу, чтобы твои дети из-за этого страдали. Да и слухи могут поползти. А это нам ни к чему* (Н. Трофимова. Третье желание // Звезда, 2003).

(432) *Нет, что вы! Напротив, мы очень просим вас остаться ... Нам кажется, после того, что произошло, **вы не должны следовать** за вашим мужем ...* (И. Полянская. Прохождение тени (1996))

Для отрицательных конструкций с субъектом 2-го лица характерна отсылка к уже совершенному действию *P*, которое оценивается негативно. Модальное высказывание с любым семантическим типом зависимого инфинитива является реакцией на совершенное/совершаемое действие, которое воспринимается как неуместное или отклоняющееся от нормы, т. е. когда «наблюдаемое не совпало с ожидаемым» [Григорьян 2009, с. 441], что характерно для отрицания в целом. Проспективность подобных деонтических высказываний заключается в том, что действие *P* рекомендуется не повторять. В результате вторичная конструкция с инфинитивом любой семантики, с одной стороны, реализует суггестив, с другой стороны, обогащается негативно-оценочными смыслами, прагматикой порицания (неодобрения, разочарования, недовольства, осуждения, упрека в совершенном действии). Говорящий таким образом не прямо критикует действия адресата, а предлагает ему в будущем скорректировать поведение и не выполнять неправильное действие:

(433) *Нехорошо, нехорошо, зла **не следует помнить**, его надо забывать, – с **укором** проговорил Александр Николаевич* (И. А. Купчинский. Из воспоминания об Александре Николаевиче Островском (1896-1913)).

(434) *Александр с **недоумением** посмотрел на него: – А при чем тут Геген? Ведь Геген – не Бог. Вы-то – писатель, **вы не должны так думать!*** (М. А. Богатов. [Ко]миссия. [staats]роман (2001) // Волга, 2008)

Подобные деонтические высказывания в директивной функции могут быть аксиологичны: *ты не должен говорить/делать/думать такие гадости* = рекомендуется не делать *P*, например:

(435) – *Мам, а правда, что вы против советской власти? – Чепуха! – яростно говорит Федяева. – **И ты не должен повторять вслух эту чушь!** Эти мерзкие сплетни распространяют злые и глупые люди!* (Л. Филатов, И. Шевцов. Сукины дети (1992))

Любопытно отметить, что использование глаголов эмоциональных состояний (*злиться, сердиться/böse sein, sich ärgern* и т.п.) во вторичных отрицательных конструкциях обуславливает реквестивную семантику, которая в целом нетипична для вторичных конструкций, поскольку необходимое действие согласно аксиологической презумпции деонтического

высказывания выгодно не для адресанта/говорящего, а для исполнителя. Бенефициаром является субъект речи, который обращается к адресату с просьбой о прекращении негативного эмоционального состояния (*ты не должен сердиться* = *не сердись*), возникшее в результате осуществления говорящим действия, оцениваемого адресатом негативно:

(436) *Ты не должен на меня злиться, Виктор, я ведь совсем не знаю, что и как происходило в вашей семье, поэтому могу ненароком сказать или спросить что-нибудь такое, что тебе не понравится* (А. Маринина. Светлый лик смерти (1996)).

(437) *Я совсем не хотел тебя обидеть. И это было уже давно, ты не должен так долго сердиться. А чтобы загладить свою вину ...* (Ю. Рытхэу. Трубка мира (1952))

С одной стороны, подобные высказывания выражают реквестив, просьбу. С другой стороны, если отсылка к совершенному действию отсутствует, то вторичные отрицательные конструкции с эмотивными и ментальными глаголами (*думать, беспокоиться, бояться/ denken, sich aufregen, Angst haben* и т.п.) реализуют акты утешения (см. об утешительных актах [Wagner 2001]). С их помощью говорящий осуществляет социальные акты поддержки адресата «в более позитивном восприятии себя и своего поведения» [Вердербер 2007, с. 98]. Следуя принципам вежливости, он демонстрирует эмпатию к адресату и свои «нравственные позиции, усвоенные как обычаи и нормы обхождения с людьми, продиктованные благорасположением к другим людям» [Формановская 2007, с. 142–144].

«Утешительные» деонтические конструкции эквивалентны особому виду императивам, которые называются состояниями, не подконтрольные воле человека (полностью или частично): *не волнуйся, не думай* и т.п. (см. о семантических ограничениях прохибитива [Храковский, Володин 2001, с. 147–150]). В подобных конструкциях оператор отрицания обуславливает дизъюнкцию альтернатив и, следовательно, необязательность действия. Высказывание *ты не должен бояться* интерпретируется как = *ты можешь не бояться*. При этом рекомендация не пребывать в эмоциональном состоянии, обычно уже имеющем место в момент речи, как правило, сопровождается объяснением причин, в силу которых данное состояние (отклоняющееся от условной нормы) оказывается с точки зрения говорящего неправильным, т.е. в речевом контексте присутствует аргументация, почему есть возможность не осуществлять неприятное эмотивное действие, ср.:

(438) *Мурзик закрыл глаза. – Ты не должен бояться, друг мой. Мы здесь, с тобой, – сказал Бэлиуну* (Е. Хаяцкая. Синие стрекозы Вавилона / Обретение Энкиду (1997)).

(439) *Он все сделает, тебе не надо об этом думать* (Г. М. Артемьева. Фата на дереве (2012)).

(440) *Но тебе не надо себя ни в чем упрекать. Ты лучше и больше любого пистолета из золота! Ты был просто блистателен, просто блистателен!* (С. Носов. Фигурные скобки (2015))

(441) *Sie müssen den Tod nicht fürchten* (Berliner Zeitung, 24.12.2004). 'Вам не нужно бояться смерти.'

(442) *Benni, du bist gut so wie du bist. Du musst nicht alles auf dich beziehen* (Der Tagesspiegel, 19.01.2003). 'Бенни, ты хорош таким, какой ты есть. Ты не должен все принимать на свой счет'.

С поведенческими глаголами отрицательные второличные конструкции с дизъюнкцией альтернатив употребляются в сочетании с отрицательным императивом эмотивных глаголов, который выступает в роли «утешительного» высказывания. Сама же конструкция реализует репрезентативную семантику: *сообщаю об отсутствии необходимости делать Р*. Деонтическое и побудительное высказывания образуют причинно-следственные подчинительные структуры: *не бойся (= успокойся), потому что не надо делать Р*, ср.:

(443) *И не бойся, тебе не придется разъезжать одной по железной дороге* (А. Морозов. Препные слова (1985-2001) // Знамя, 2002).

(444) *Nehmen Sie ruhig das halbvolle, Sie müssen es ja nicht bezahlen!* (Berliner Zeitung, 11.04.1995). 'Не стесняйтесь взять половину, вам не нужно платить за это!'

(445) *Nein, da kann ich Sie beruhigen, Sie müssen Ihre Sammlung nicht vernichten* (Berliner Zeitung, 16.09.2003). 'Нет, могу вас успокоить, вам не придется уничтожать свою коллекцию'.

С ментальным глаголом *знать/wissen* второличные конструкции реализуют семантику ослабленной директивности в связи с содержанием смыслового глагола, который обозначает неконтролируемое состояние. Пользуясь трансформацией для уточнения прагматики, мы получаем императивную форму *знай, знайте/wisse, wisst*, достаточно формальную в контексте прямого дополнения, поскольку данный глагол является стативом. Подобные конструкции утверждают требование социального положения, чтобы адресат обладал определенной информацией, знаниями: *как юрист, вы должны знать понятия римского права/als Jurist müssen Sie die Grundbegriffe des römischen Rechts kennen*, что всегда подразумевает, что адресат должен чему-то научиться, что-то освоить (импликация: выучите понятия римского права), именно в этом и заключается ослабленная директивность подобных высказываний.

Кроме этого, с ментальным глаголом *знать/wissen* второличные конструкции реализуют реквестивную семантику, при этом позиционно они используются после прямого вопроса: *скажи/sag mir + прямой вопрос + ты должен знать/du musst es wissen*, реализуя скрытую, косвенную просьбу к адресату сообщить положение дел, которое с точки зрения говорящего ему неизвестно. В деонтическом высказывании тесно переплетаются две модальные семантики: эпистемическая (ты должен знать = я уверен, ты знаешь) и деонтическая (т.е. обстоятельства и т.п. обязывают тебя иметь эти сведения), например:

(446) *Стефанов спросил о своем заветном: – Они заплатят? Ну говори! Ты должен знать. – Заплатят постепенно...* (И. Сахновский. Человек, который знал все (2007)).

Ментальный глагол *знать/wissen* в сочетании со второлличным субъектом и пропозицией смыслового глагола в форме придаточного изъяснительного *что/dass*-предложения (*ты должен знать, что ...*) передает сложное значение разделяемого знания (о грамматических формах глагола *знать* см. [Апресян 1995, с. 422–423]). Такие конструкции выражают «чистую» репрезентативность, являясь по сути скрытыми перформативами. Деонтическое высказывание имеет следующую интерпретацию: «Я знаю, что Р; Я не думаю, что ты знаешь, что Р; Я убежден, что следующая информация полезна и важна для тебя; поэтому я сообщаю, чтобы ты знал». Аксиологическая презумпция деонтических конструкций проявляется в том, что сведения, которые заключены в придаточном, выгодны для адресата. Говорящий сообщает информацию, которую он считает важной/значимой для адресата, на что указывается в контексте:

(447) *Du musst wissen, lieber Matthias, das war nicht immer so* (Rede von A. Van der Bellen, 01.01.2019). ‘Ты должен знать, дорогой Матиас, так было не всегда.’

(448) *Тебе нужно знать, Евсей, – честный, спокойный человек не смотрит по сторонам, люди его не интересуют, время он знает* (М. Горький. Жизнь ненужного человека (1908)).

(449) *Ты должен знать, что он ни в чем не виноват! я не могу, не хочу больше скрывать. Ты должен знать* (Д. Каралис. Катер (2002–2003)).

В немецком языке в зависимости от того, что хочет подчеркнуть говорящий используется или модальный глагол *müssen*, или *sollen*. Если акцентируется убежденность в полезности сообщения, которое составляет пропозицию ментального глагола, то употребляется модальный глагол *müssen* (*du musst wissen* = уверен, ты должен знать). Если внимание заостряется на желание донести это содержание до адресата, или *sollen* (*du sollst wissen* = я хочу, чтобы ты знал), ср.:

(450) *Sie müssen wissen, dass ich bis dahin noch nie ein Hotel, auch kein viertklassiges, von innen gesehen hatte* (Schulze, I.: Neue Leben, Berlin: Berlin Verlag 2005, S. 183). ‘Вы должны знать, что до сих пор я никогда не видел гостиницу внутри, даже четвертого разряда’.

(451) *Und ich denke, ich werde Dir bald nachfolgen. Du sollst wissen, dass ich so nah hinter Dir bin, dass Du, wenn Du deine Hand ausstreckst, die meine erreichen kannst* (Die Zeit, 11.11.2016 (online)). ‘И я думаю, что скоро пойду за тобой. Я хочу, чтобы ты знал, что я так близко, если ты протянешь свою руку, ты сможешь дотянуться до моей’.

С отрицанием второлличные конструкции с глаголом *знать/wissen* реализуют семантику коммуникативного запрета, указывая на нежелание говорящего предоставлять информацию: *ты не должен знать* → *я не буду об этом говорить*, что демонстрирует сложное семантическое переплетение

деонтики и волиитивности. Нежелание обусловлено аксиологической презумпцией деонтического высказывания, которая свидетельствует о выгоде незнания *p* для модального субъекта: *ты не должен знать* → *тебе лучше не знать, поэтому не спрашивай*, например:

(452) *Но объяснять я ничего не стану. Ты не должен знать. Это тебя не касается* (С. Лукьяненко. Ночной дозор (1998)).

Поскольку имплицатурой данного высказывания является выраженный или невыраженный запрос адресата, который предполагает, что он должен нечто узнать, то деонтическое высказывание является (квази)реагирующим (– *Я должен знать Р.* – *Нет, ты не должен.*), что обуславливает употребление в немецком языке в отрицательных структурах с ментальным глаголом *wissen* модального глагола *müssen*:

(453) – *Ist es das, was dir passiert ist?* – ***Du musst nicht wissen, was mir widerfahren ist*** («Navy CIS» Recoil, 2008 (Filmuntertitel)). ‘– Это то, что случилось с тобой? – Тебе необязательно знать, что со мной случилось.’

3. Различные семантические типы смыслового глагола в случае с **инклюдивным мы-субъектом** демонстрируют иную иллокутивную картину. Поведенческие глаголы и глаголы ментальных действий в конструкции формируют директивность: *мы должны идти* = *пойдем*; *мы должны решить* = *давайте решим*. Такие глаголы ментального состояния, как *верить/glauben* и *думать/denken* в конструкциях с *мы-субъектом* указывают на необходимость совместных усилий для достижения определенного ментального состояния, значимого для социума, группы (*надо помнить наше прошлое, мы должны верить в чудеса, в светлое будущее*), на поиск совместного решения (*мы должны думать* = *давайте думать*). Фактически они подразумевают некое действие, которое надо осуществить, чтобы прийти к этому ментальному состоянию, т.е. реализуют директивную семантику:

(454) – *Проблема есть – будет ли она рассматриваться на заседании Совбеза?* – *Мы обязательно должны говорить о демографической угрозе и думать, как ее решить* (О. Жунусов. Константин Пуликовский, полпред Президента: «На Дальнем Востоке существуют все угрозы» // Известия, 23 июля 2002).

(455) *Мы должны помнить наше прошлое, поскольку оно связано с другими людьми* (С. Л. Рубинштейн. Основы общей психологии. Ч. 3 (1940)).

Замена смыслового глагола на коммуникативный ведет к модификации иллокуции, ср.: *мы должны сказать* = *мы говорим* (репрезентатив), *мы должны принести извинения* = *мы извиняемся* (экспрессив).

Высказывания с ментальным глаголом состояния *знать* реализуют с *мы-субъектом* либо интеррогативную иллокуцию (*мы должны знать о случившемся; мы должны знать, кто виноват*), либо директивную, ср.: *мы должны знать историю*. Подобные конструкции активно используются в речи для указания общественной важности знания, которое надо приобрести, сохранить и передать далее. Трансформация в императивную форму демонстри-

рует семантическую неадекватность таких высказываний, ср.: *давайте знать*. Директивность реализуется благодаря имплицатуре того, что знание требует определенных действий, т.е. чтобы знать историю, ее надо выучить, ей интересоваться и т.п.

4. Замена семантического типа пропозиционального глагола в конструкции с **перволичным я-субъектом** ведет к расширению иллокутивных зон деонтического высказывания. В случае коммуникативного иллокутивного глагола *я должен поблагодарить* конструкция реализует классический экспрессив, в случае речевого глагола – репрезентатив или комиссив: *я должен сказать ему правду*, при этом в случае актуальности действия данные конструкции являются перформативами. Конструкция с ментальным глаголом состояния *знать* дает возможность говорящему сформулировать либо реквестив в случае обращения высказывания к конкретному слушающему: *я должен знать об этом* = скажи мне), либо сообщение об обязательности некоего знания (*как художник я должен знать пропорции*). В случае с ментальным и эмоциональным глаголом действия высказывание реализует репрезентативную семантику, а именно сообщение о необходимости: *я должен подумать*, *я должен гордиться*. Сочетание с поведенческим глаголом также является репрезентативом, который может дополняться различными прагматическими оттенками.

Факультативные компоненты

Факультативные компоненты, как и деонтический маркер, не оказывают влияния на модификацию иллокутивных зон. Таких лексемы, как эпистемические показатели, маркеры эмоциональных и истинностных оценок, различные интенсификаторы, темпоральные маркеры усиливают или ослабляют категоричность высказывания, ср.: *наверное, ты должен уже идти* – *ты сейчас же должен идти*.

Вопросительная форма деонтического высказывания

При рассмотрении иллокутивных характеристик деонтического высказывания отдельного упоминания требуют деонтические конструкции, оформленные вопросительной структурой (специальным и общим вопросом). Они представляют собой *классические интеррогативы*, в которые активно вплетается семантика неуверенности. Так, «кто должен это сделать?» фактически означает, что ‘я предполагаю, что это должно быть сделано и спрашиваю о субъекте действия’. На специальный, частный, вопрос адресат получает ответ немодального характера:

(456) – *Когда он должен звонить?*

– *Через неделю* (А. Салуцкий. Немой набат // Москва, 2019).

(457) – *Что я должен сказать?*

– *Говори что попало. Слова не имеют значения. Главное – мимика, жесты* (С. Довлатов. Чемодан (1986)).

В случае общего вопроса деонтическое высказывание реализует предположение о необходимости, говорящий не уверен в своем выводе и обращается к адресату за подтверждением или опровержением. Подобные вопросы могут включать в себя в том числе модусные слова и предикаты (см. об эпистемическом характере деонтических высказываний 1.3.4):

(458) – *А, понимаю! – заговорищцки воскликнул Юрка. – Я должен его отравить?*

– *Совершенно правильно, господин бой! Я всегда любил догадливых мальчиков!* (В. Губарев. Трое на острове (1950–1960)).

Такие вопросы употребляются не только в диалогическом общении, говорящий может использовать их во внутренней речи при размышлении о том, что им не было осуществлено, о том, что надо сделать:

(459) «*Может, мне надо бы было с нею грех принять?*» – оглушенный происшедшим, растерянно думал он в этот миг (М. А. Шолохов. Тихий Дон. Книга вторая (1928–1940)).

Также деонтические высказывания активно употребляются в риторических *почему*-вопросах, подразумевающих отрицание необходимости (*почему я должен Р?* = *я не должен Р*), вопросах-повторах и *разве*-вопросах, которые выражают сомнение в необходимости действия, или несогласие говорящего:

(460) – *Поднимайся, дружок, поднимайся. Первый час. Надо вставать.*

– *Надо? А зачем? Зачем, собственно, мне это надо?* (А. Мариенгоф. Мой век, мои друзья и подруги (1956–1960))

(461) *Если они пять дней не ели, разве он должен об этом говорить?* (П. Л. Проскурин. Исход. Части I–II (1967))

(462) *Он ходит и понукает... Почему я должен крутить эту ручку?.. Дышать этой пылью?* (Б. Окуджава. Новенький как с иголки (1962))

(463) *Ты взял его не ради меня. Если ради меня, то я тебя об этом не прошу – пользы не будет. А если ради Всевышнего, то почему я тебя должен благодарить за это? Тысячи ребят, как и ты...»* (М. Ахмедова, Рамзан Кадыров. Если что, я – Рамзан // Русский репортер, № 43 (122), 12–19 ноября 2009)

(464) *Schon wieder äussert sie ihr Missfallen, diesmal nicht über mich, sondern über den Beamten hinter dem Schalter: «Warum muss man denn hier ewig anstehen? Schliesslich ist ja jeder in Eile und Zeit ist Geld»* (Giesder, G.: Gutes Benehmen, Düsseldorf: Econ-Taschenbuch-Verl. 1991, S. 200). ‘Она снова выражает свое недовольство, на этот раз не мне, а сотруднику за стойкой: «Почему мы должны так долго стоять в очереди? Ведь все спешат, а время – деньги»’.

Таким образом, общностью иллюкутивных характеристик деонтических высказываний выступает директивность, обусловленная нелингвистическим компонентом модальной ситуации – деонтическим источником.

Внеязыковой компонент деонтической ситуации и ядро модальной конструкции, т.е. деонтический источник и деонтический предикат, локализуют деонтическое высказывание в зоне *директивности*, осуществляя внутрикатегориальную модификацию или директивное смещение в зависимости от типа источника (*суггестив* – *прескриптив*):

Модальный маркер оказывает минимальное влияние на формирование результирующей иллокуции: лишь определенные лексемы закреплены за выражением *прескриптивной* прагматики. Внутрикатегориальную модификацию (*суггестив – прескриптив*) он осуществляет благодаря деонтическому источнику. Основная роль деонтического маркера в русском языке состоит в модификации категоричности.

Деонтический субъект, в зависимости от включения или невключения в его референциальный объем адресата, располагает деонтические конструкции в различных иллокутивных зонах: *репрезентатив – директив (суггестив, прескриптив, реквестив)*. Ядерными с точки зрения директивной иллокуции являются суждения с субъектом 2-го лица. Директивность реализуется конструкциями с тремя видами субъектов: 2-го лица, перволичным *мы* и обобщенным 3-го лица.

Семантический тип инфинитива определяет результирующую иллокуцию в тесной корреляции с деонтическим субъектом: *репрезентатив, директив (суггестив, прескриптив, реквестив), экспрессив, интеррогатив*. В этом плане наибольшие возможности демонстрируют конструкции с ментальными глаголам. Широкими возможностями в варьировании иллокуций деонтических конструкций с любым типом деонтического субъекта ментальный глагол *знать/wissen*: он обуславливает, с одной стороны, неспецифическую директивность деонтических конструкций с субъектом 2-го лица, с другой стороны, позволяет реализовать сообщение об определяемой социальной конвенцией обязательности знания или владения определенными сведениями. Ментальные и эмоциональные глаголы в сочетании с отрицанием детерминируют реквестивную семантику второличных конструкций, а также их функционирование в сложных речевых актах (комбинация реквестива и акта социальной поддержки).

Сравнивая иллокутивные характеристики (см. табл. 3.1), формируемые благодаря смысловому глаголу для деонтических субъектов 1-, 2- и 3-го лица, можно констатировать, что наибольшей иллокутивной вариативностью характеризуются перволичные конструкции: в зависимости от типа инфинитива для *я*-субъекта модифицируется не только иллокутивная семантика деонтического высказывания, но и его иллокутивная структура. В изменении иллокуции участвует также оператор отрицания, что особенно существенно для второличных конструкций.

Т а б л и ц а 3.1

Палитра прагматических значений деонтических конструкций

Тип субъекта	семантический тип инфинитива			
	коммуника- тивные	поведенческие	ментальные	эмоцио- нальные
<i>я</i>	репрезентатив экспрессив	репрезентатив	репрезентатив; директив (реквестив)/ интеррогатив	репре- зентатив

Мы инклюзивный	директив репрезентатив экспрессив	директив	директив; интеррогатив	квазидиректив
Мы эксклюзивный	репрезентатив	репрезентатив	репрезентатив	репрезентатив
Субъект 3-го л.	репрезентатив	репрезентатив	репрезентатив	репрезентатив
Субъект 3-го л. генерализованный, обобщенный	директив (прескриптив, суггестив)	директив (прескриптив, суггестив)	директив (прескриптив, суггестив)	директив (прескриптив, суггестив)
Субъект 2-го лица	директив (прескриптив, реквестив, суггестив)	директив (прескриптив, реквестив, суггестив)	акт утешения, директив (прескриптив, реквестив, суггестив), репрезентатив (псевдодиректив), коммуникативный отказ	директив (прескриптив, реквестив, суггестив)

Семантическое взаимодействие структурных компонентов деонтической конструкции с субъектом 1-го лица обуславливает определенное количество иллокуций деонтического высказывания, которые реализуются в рамках двух возможностей употребления: *дескриптивного* и *перформативного*.

Такие факторы, как количественный (употребительность) и качественный (специфичность), а также своеобразие использования первоначальных конструкций обуславливают необходимость их детального рассмотрения с точки зрения иллокутивной специфики, которая далее будет описана с позиции указанной дихотомии употребления.

3.2. Иллокутивные характеристики дескриптивных деонтических высказываний

Деонтическое высказывание реализуется, как правило, в форме повествования и представляет собой дескриптивное нефактивное высказывание о необходимости (об эпистемической природе деонтического высказывания см. 1.3.4). Подобная природа высказывания-мнения, согласно И. Б. Шатуновскому, позволяет использовать его в 1-м лице чрезвычайно широко: не просто как средство описания мнения, но как утверждения, касающиеся объективного мира, «находящегося за пределами ума субъекта» [Шатуновский 2016, с. 15].

Иллокутивные типы, предполагающие наличие у говорящего соответствующего *мнения* и ориентированные от действительности к высказыванию, понимаются в классификации Дж. Серля как репрезентативы, в которых говорящий принимает на себя ответственность за «сообщение о некотором положении дел, за истинность выражаемого суждения» [Серль 1986, с. 181]. Их цель – отражение положения дел в мире, их пропозициональное содержание ничем не ограничено.

Сообщение, оформленное деонтическим высказыванием, характеризуется меньшей интенсивностью способа достижения иллокутивной цели по сравнению, например, с иллокутивной силой немодальных высказываний-констатаций об определенном положении дел в прошлом и настоящем. Это обусловлено тем, что деонтические маркеры создают контекст со снятой утвердительностью (см. о снятой утвердительности [Падучева 2015, с. 130]). Данные сообщения могут обогащаться негативной оценкой в результате взаимодействия с другой модальной семантикой, их категоричность может ослабляться или усиливаться благодаря различным факультативным компонентам. Все это не является специфичным для перволичных конструкций, а выступает в целом характеристикой деонтического высказывания, семантические особенности и прагматические осложнения которого подробно описаны в 1-й и 2-й главе.

Особенностью перволичного высказывания является тот факт, что волиитивность в нем нейтрализована, в отличие от деонтического высказывания, в котором адресат включен в референциальный объем деонтического субъекта (ср.: *я должен делать P* $\neq$ *я хочу, чтобы я делал P*; *ты должен делать P* = *я хочу, чтобы ты делал P* = *делай P*; *надо делать P* = *я хочу, чтобы все делали P* = *делайте P*). Волиитивный компонент может обуславливать необходимость либо модальные установки могут совпадать (см. подробно 1.3.3). Таким образом, коммуникативная цель перволичных *я*-конструкций – **сообщение** об обязательности осуществления говорящим поведенческого, ментального, речевого действия (*я должен сделать/ich muss erledigen*; *я должен рассказать, поговорить, пообщаться/ich muss reden, sprechen, erzählen*; *я должен подумать/ich muss es mir überlegen*), о необходимости достижения им ментального или эмоционального состояния (*я должен [ему, в это] верить/ich muss [ihm, daran] glauben*).

Деонтическое высказывание не связано с намерением говорящего побудить кого-либо к действию, говорящий сообщает адресату информацию, возможно новую, о своих обязанностях, о взятых на себя обязательствах, о своем обязательном участии в действиях, связанных с улучшением/изменением ситуации:

(465) [...] *Необходимо провести реформу социальной сферы, завершить работу над Трудовым кодексом, в общем, я должен закончить ту работу, из-за которой пришел в Минтруд* (О. Карпова. Александр Починок: Концепция льготного государства бессмысленна // Время МН, 31 июля 2003).

При помощи перволичной конструкции говорящий может сообщать в том числе о своем намерении, при этом в коммуникативной ситуации наличествует бенефициар действия, ср.:

(466) – **Я должен купить ему рояль.**

– *Почему ты?*

– **Если не я – никто не купит** (С. Спивакова. Не все (2002)).

Введение оператора отрицания не изменяет иллокутивный характер перволичных конструкций. Они локализуются в зоне «чистой» репрезентативности: говорящий сообщает об отсутствии необходимости выполнения

действия (при помощи контрарного отрицания) или о необходимости не выполнять действие (при помощи смещенного отрицания):

(467) *Кроме того, я министр правительства Российской Федерации. Я не должен* ночевать в хрущевках и жарить антрекоты. *Это не по правилам* (Т. Устинова. Большое зло и мелкие пакости (2003)).

(468) *Ich muss aber nicht jedes Mal ins Labor, um am Rosenöl zu schnuppern, ich kennen die Düfte und weiß, welche Wirkung ich damit erziele* (Die Zeit, 14.05.2013, № 20). 'Но мне не нужно каждый раз ходить в лабораторию, чтобы понюхать розовое масло, я знаю ароматы и знаю, какого эффекта можно добиться'.

Для отрицательных я-конструкций с такими некротными действиями, как *думать*, *беспокоиться* и т.п., репрезентативная семантика расширяется дополнительной позитивной оценкой (см. о презумпции несобственно деонтических высказываний 1.3.2.2): они сообщают об эмоциональном состоянии говорящего, который испытывает чувство успокоения, освобождения от тревоги. При этом отрицание относится к деонтическому предикату (*я не должен думать* = *хорошо, что могу не думать*):

(469) *Теперь я бросил службу, мне не надо думать о будущем, и я наконец начну жить так, как хотел жить всегда* (Г. А. Газданов. Эвелина и ее друзья (1968)).

Перволичные структуры с ментальными глаголами состояния иллюктивно ведут себя весьма по-разному. Они сообщают в том числе и об обязательности знания чего-то, о необходимости веры во что-то/кому-то:

(470) *Я только медицинская сестра – образование невысокое... И мне надо верить своему Алеше... А то я наговорю тут ерунды, он потом не простит* (Г. Полонский. Ключ без права передачи (1975)).

Если речь идет об обязательности владения некоей информацией, то модальным источником деонтического отношения выступает социальная роль:

(471) *Wie denn ein Mensch über den Verlust eines Tieres oft mehr trauert als über den eines Menschen. Ich bin Arzt, ich muss es wissen, ich weiß es* (Schuder, R. Agrippa und Das Schiff der Zufriedenen, 1987 [1977], S. 146). 'Человек часто оплакивает потерю животного больше, чем потерю человека. Я врач, я должен это знать, я знаю'.

В таком случае в речи фиксируется своего рода редупликация, частичная по расположению (*я + ментальный глагол в наст. вр. + я должен + ментальный глагол в инфинитиве*), цель которой – подчеркнуть обязательность знания, веры и одновременно фактическое ментальное состояние, что положительно характеризует говорящего, например:

(472) *«Ich glaube daran», sagte der Trainer. «Ich muss daran glauben»* (Berliner Zeitung, 20.03.2004). '«Я верю в это», сказал тренер. «Я должен в это верить».

(473) *Ах, сами срывали? С дерева? (Пауза.) А не агитируете, нет? (Пауза, вздох.) Ну, что ж, я верю. Раз вы говорите, я должен верить. Я всем верю. Я такой человек!* (Ю. О. Домбровский. Хранитель древностей/ Приложение (1964))

Аналогично ведут себя отрицательные я-конструкции. Редупликация отрицания, характерная для контекстов их употребления, позволяет говорящему усилить волитивный компонент, присущий деонтическим структурам с контрарным отрицанием, поскольку выбор альтернативы (*могу Р, могу не Р*) «отдается на откуп» свободной воли субъекта:

(474) – *По коридору? Не знаю. Мало ли тут ходят. Я не должен знать, кто мимо пройдет* (З. Н. Гиппиус. Мисс Май (1896)).

Поскольку перволичные высказывания передают информацию о говорящем, то в пресуппозиции у адресата могут отсутствовать сведения о том, почему действие необходимо, поэтому модальный источник, как правило, эксплицируется, например:

(475) *Нравственный закон говорит мне, что я обязан поступать определенным образом – но кто вправе налагать на меня обязательства?* (С. Л. Худиев. Наука и происхождение морального закона // 2010)

(476) *Но я обязан предвидеть все. Такова моя должность, а пуще всего я обязан верить своему предчувствию, ибо никогда оно еще меня не обманывало* (М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита).

(477) *Видите ли, – внушительно заговорил Поплавский, – я являюсь единственным наследником покойного Берлиоза, моего племянника, погибшего, как известно, на Патриарших, и я обязан, согласно закону, принять наследство, заключающееся в нашей квартире номер пятьдесят ...* (М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита).

(478) *Они сочли, что я должен заняться техникой речи, привыкнуть разговаривать с публикой [...] Дальше Арнольд с отцом решили, что мне надо больше разговорной практики* (И. Э. Кио. Иллюзии без иллюзий (1995–1999)).

В логической схеме деонтическое высказывание является тезисом, истинность которого доказывается аргументом, в роли которого выступает модальный источник. Таким образом говорящий снимает возможные вопросы о причинах долженствования и деонтическое высказывание «лишается» характера абсолютной нормы:

(479) *Мне надо еще Стасову учебник отвезти, Кузьмич попросил, ему самому не с руки ...* (А. Маринина. Последний рассвет (2013)).

(480) *Aber ich muss das als Bürger ja mitfinanzieren* (Die Zeit, 18.09.2017 (online)). 'Но как гражданин я обязан помочь профинансировать это'.

(481) *Я на ответственной работе_нахожусь. Я обязан быть остроумным!...* (Г. Горин. Почему повязка на ноге? (1960–1985))

(482) – *Вы сегодня никуда уж не торопитесь?* – спросил Михаил Степанович бегло, но значительно.

Она слегка пожала одним плечом. – Особенно нет, но к восьми **мне надо** быть уже в городе, **хочу пойти в кино** (Ю. О. Домбровский. Хранитель древностей, Ч. 2 (1964)).

Аргументативный характер деонтического высказывания и прагматические комбинации

Говорящий использует деонтическую я-конструкцию, объясняя, почему он не может осуществить определенное действие в настоящий момент или в будущем. В таком случае указание на аргумент, т.е. модальный источник, может отсутствовать:

(483) *Через полчаса мне придется уйти, я не могу опаздывать* (А. Маринина. Последний рассвет (2013)).

(484) – *Куда?* – *спросил он, тоскливо трезвея.*

– *Мне надо идти,* – *ответил я, продолжая заправлять кашне* (Ф. Искандер. Путь из варяг в греки (1990)).

(485) *Das Schulgebäude verlassen, um uns selbst etwas Nahrhaftes zu kaufen, dürfen wir Schüler aber nicht. So muss ich mit knurrendem Magen die vier Stunden bis Schulschluss ausharren* (Berliner Zeitung, 29.03.2004). ‘Однако нам, ученикам, не разрешается покидать здание школы, чтобы купить себе что-нибудь съестное. Вот мне и приходится терпеть четыре часа до окончания школы с урчащим желудком’.

Для придания большей убеждающей силы высказыванию его категоричность может интенсифицироваться (например, при помощи темпоральных маркеров):

(486) *Мне надо срочно сбегать в книгохранилище – там посетитель требует «Молот ведьм»* (Т. Тренина. Русалка для интимных встреч (2004)).

Иллокутивная, или прагматическая, самостоятельность речевых актов относительна: репрезентативы, реализованные деонтическим я-высказыванием, функционируют как самостоятельно, так и, сохраняя свое иллокутивное назначение, используются в различных прагматических комбинациях, в которых перволичная конструкция выступает или тезисом, или аргументом. Из всего многообразия речевых актов в сочетании с я-конструкциями употребляются упрек, извинение и директив. Подобные речеактовые комбинации оформляются в виде целостной, хотя и сложной синтаксической структуры. Как правило, в таких прагматических конструкциях используются поведенческие глаголы, а также глаголы, обозначающие речевое общение.

Тезисный характер деонтического высказывания позволяет ему сочетаться с негативно-оценочным актом упрека. При этом оценочное суждение о действии иного лица, в том числе адресата, выступает аргументом модального высказывания: *я должен Р, потому что ты делаешь плохо*. Деонтическая я-конструкция подчеркивает принудительный характер действия, которое из-за/ в результате неправильного поведения других лиц должен

выполнить говорящий. Иными словами, в высказывании сопоставляются два действия, что обуславливает его синтаксис, а именно противительную структуру, например:

(487) *Но было бы еще приятнее, если бы ты не пачкала так свои вещи. Стирать-то мне приходится. Между прочим, кто уважает других людей, тот ценит их труд* (Н. Ермильченко. Колыбельная // Мурзилка, 2000).

(488) – *Кому подождать?*

– Тебе.

– *Мне?.. Ты, значит, проводишь опыты, а я должен ждать. Как подопытный кролик. Сильно. Крепко* (М. Гиголашвили. Экобаба и дикарь (1998–2007) // Зарубежные записки, 2009).

(489) *Предки. Прадеды, прабабки, внучатные дяди, тети разные, праотцы и праматери. Они вели себя при жизни как свиньи, а мне приходится отвечать. Паразиты они, вот что я вам скажу, простите невольную резкость выражения. Я по натуре добряк, умница, люблю музыку, рыбную ловлю, кошек. И вдруг такого натворю, что хоть плачь* (Е. Л. Шварц. Обыкновенное чудо (1956)).

(490) – *Вы любите Бунина?* – спросил я, думая совершенно о другом.

– *У вас странная манера разговаривать, – перебил меня Инокентьев. – Вы постоянно думаете о чем-то своем, а я должен отвечать на ваши вопросы, с какой стати, сударь вы мой?* (Ю. Азаров. Подозреваемый (2002))

Аргументом деонтическое я-высказывание выступает в комбинации с директивами, а именно речевыми актами просьбы и побуждения. Деонтика в подобных структурах коррелирует с волитивностью, с заинтересованностью говорящего, для которого необходимое действие выгодно:

(491) – *Откройте, пожалуйста, откройте! Мне надо домой!* (А. Геласимов. Фокс Малдер похож на свинью (2001))

(492) – *Но это неважно. Пойдём, мне нужно тебя спросить ... Я потянул её за руку* (В. Белоусова. Второй выстрел (2000)).

Перволичные конструкции комбинируются также с актами предложения. Говорящий с помощью деонтического высказывания указывает на необходимость смещения времени действия:

(493) *Если у вас есть такая возможность, я об этом охотно поговорю в другой раз, а теперь я должен ехать...* (И. Грекова. На испытаниях (1967))

Перволичные структуры в роли аргумента активно употребляются в сочетании с экспрессивным актом извинения, указывающим на сожаление говорящего от предполагаемого дискомфорта, причиняемого адресату необходимым действием. Это обусловлено тем, что, как отмечает А. Н. Баранов, произнося речевой акт как свой, говорящий берет на себя ответственность за то, какие изменения высказывание «произведет в реальности и, конечно, в сознании адресата» [Баранов 1994, с. 115–116]. Экспрессив смягчает сообщение о необходимости действия, а деонтическое высказывание выступает в речеактовой последовательности аргументом: *извинение, потому что я должен Р:*

(494) – *Я повторяю, сударыня, что если вы не дадите мне сегодня свидания, то сегодня же я сделаю скандал.*

– *Отпустите меня сегодня, – сказала Надежда Федоровна и не узнала своего голоса, до такой степени он был жалобен и тонок.*

– *Я должен проучить вас... Извините за грубый тон, но мне необходимо проучить вас. Да-с, к сожалению, я должен проучить вас. Я требую два свидания: сегодня и завтра* (А. П. Чехов. Дуэль (1891)).

При этом извинение может быть оформлено не прямо, а косвенно:

(495) *Ich bin es! Ich weiß, ich soll dich nicht stören, aber ich muss unbedingt ...* (Boie, K. Skogland, 2005, S. 134). ‘Это я! Я знаю, что не должен беспокоить тебя, но я обязательно должен ...’.

Кроме этого, речевые экспрессивы комбинируются с перволичными структурами в форме прошедшего времени, семантика которых фиксирует факт неосуществления говорящим действия, в результате чего они выражают аксиологические смыслы (см. 2.5.2). Данная прагматическая комбинация разворачивается следующим образом: *извинение, потому что я не сделал Р*:

(496) *Простите, Володя, – виновато пробормотал он. – Я должен был сперва спросить вас, готовы ли вы в этом участвовать* (В. Белоусова. Второй выстрел (2000)).

Таким образом, логическую роль деонтического высказывания, тезис или аргумент, определяет вид прагматического акта, с которым сочетается перволичная конструкция.

Обогащение перволичной конструкции аксиологическими смыслами

Аргументативный потенциал деонтического высказывания позволяет перволичным конструкциям функционировать как акт негативной реакции.

Говорящий ссылается на необходимость осуществления действия P_1 , что является причиной отказа выполнить действие P . Деонтическое высказывание, таким образом, является вежливой реакцией, а именно косвенным отказом, представляющим собой речевую импликацию, которая следует из вербально выраженной причины. При этом указание на невозможность выполнения эксплицируется не всегда (*не могу Р, потому что должен Р₁*), ср.:

(497) – *Вовочка, давай погуляем вдвоем, смотри – на улицах огни, тепло.*

– *Я должен позаниматься, у меня через два дня концерт* (С. Спивакова. Не все (2002)).

(498) –... *Не могу, графиня; я должен сейчас же ехать, – лошадей даже запрягают. А вы уже распорядились... приказали...*

– *Что ж, поезжайте!.. у вас такие обязанности, такие широкие чувства... вы любите всю Россию!.. Где же бедной женщине спорить со всею Россией!* (В. А. Соллогуб. Чиновник (1856))

Невозможность выполнить действие P может вызвать сожаление у говорящего (о негативной оценке и алетической оценке см. 1.3.1), что обуславливает клишированное сочетание деонтической конструкции с экс-

прессивным актом, а также использование маркеров негативной оценки в самом деонтическом высказывании: *сожалею/извините, [что я не могу P], потому что я должен* $P_1 \rightarrow$ *жаль, я должен* P_1 . Аргументом негативной оценки выступает, таким образом, деонтическое высказывание, ср.:

(499) – *Und? Kommst du mit zum Spiel?*

– *Ich muss leider arbeiten* (Satree lek, 2000 (Filmuntertitel)). ‘И? Ты идешь на игру? – К сожалению, я должен работать’.

(500) – *Я хотел еще о стольком порасспросить вас.*

– *К сожалению, я должен идти, – с трудом поднялся Мелик. – Я приду как-нибудь специально, чтобы поговорить с вами* (В Ф. Кормер. Наследство (1987)).

(501) – *Приходите к обеду; мистер М. – очень приятный человек и знает множество любопытных историй.*

– *Очень сожалею, но не могу. Мне необходимо немедленно возвратиться домой; я уезжаю на несколько дней* (Е. Ахматова [перевод романа Э. Булвер-Литтона с англ.]. Кенелм Чиллингли, его приключения и взгляды на жизнь (1873)).

(502) *Извините, я должен уйти. Много дел. Нам с вами предстоит вечером трудная работа* (М. Сергеев. Волшебная галоша, или Необыкновенные приключения Вадима Смирнова, его лучшего друга Паши Кашкина и 33 невидимок из 117-й школы (1971)).

(503) *Entschuldigung, ich kann leider nicht reinkommen... Ich hab noch zu tun, also mein Chef hat angerufen, ich muss noch wohin... leider* (Krausser, H.: Eros, Köln: DuMont 2006, S. 136). ‘Извините, к сожалению, я не могу войти... У меня еще есть работа, поэтому звонил мой босс, мне нужно куда-то идти... к сожалению’.

Прагматику несогласия/отказа перволичные конструкции реализуют также в контекстах, где отрицание взаимодействует с деонтикой контрарно, маркируя наличие альтернатив, что и становится аргументом для невыполнения действия: *я не должен/обязан делать = могу делать, могу не делать*. Данные высказывания используются говорящим для указания на определенное действие, как находящееся вне зоны его обязанности/ответственности, например:

(504) *Получил доход 100 тысяч, отдаю в казну 15 процентов – и до свидания. Отстаньте от меня. Я не должен вам нести никаких справок. Если вы не верите, что мой доход именно таков, если думаете, что я заработал больше, – доказывайте! Это ваша проблема. А у меня вместо проблемы – презумпция невиновности* (Б. Немцов. Провинциал в Москве (1999)).

(505) – *Dann können Sie doch die Sekunde warten.*

– *Ich muss aber nicht* (Berliner Zeitung, 24.04.2004). ‘– Вы же можете подождать секунду. – Но я не должен’.

Интересными в аспекте негативной реакции представляются перволичные конструкции с ментальными глаголами действия, которые являются сообщением о том, что говорящему требуется время для осознания, для принятия решения:

(506) – *У вас не будет никакого рейтинга и никакой доли. Я понятно объяснил?*

– *Нам надо подумать*, – директор был серьезен. – *Сколько у нас времени?*

– *До пяти* (А. А. Голицын. Ящик. История одного шоу // Волга, 2009).

(507) «*Ich glaube, ich muss erst mal nachdenken*», sagte sie leise. «*Das muss ich alles erst – ich muss das alles erst richtig begreifen*» (Boie, K.: Skogland, 2005, S. 280). ‘– Я думаю, мне нужно сначала подумать, тихо сказала она. – Сначала я должна все это ... сначала я должна все это хорошенько осознать’.

В диалоге, выступая реактивной репликой, подобные конструкции реализуют прагматику отказа от моментального действия (*я должен подумать* = *я сообщаю, что не могу сейчас ответить*) и указывают на имплицатуру реквестивности (т.е. *мне надо подумать* = *прошу, дайте мне время*), возможность восстановления которой определяется ответной репликой:

(508) – *Для кого весь этот спектакль?*

– *Мне нужно подумать*, – сказала Настя очень серьезно. – *Я не готова отвечать вам сразу.*

– *Думайте*, – согласился Заточный (А. Маринина. Не мешайте палачу (1996)).

(509) – *Поступая таким образом, вы сами выказали себя настоящим galant uoto. Но я должен обдумать ваше предложение.*

– *Время не терпит*, любезный господин Чи...чиппа... (И. С. Тургенев. Вешние воды (1872))

Отрицательные перволичные структуры с ментальным глаголом *знать/wissen* в случае подъема отрицания (*мне не надо знать*=*мне надо не знать*) являются выражением нежелания получать информацию: *я не должен знать* = *у меня нет желания /мне не важно, не интересно знать, поэтому не говори*. В диалоге при обращении к адресату данные конструкции реализуют своеобразный коммуникативный отказ или запрет коммуникативного типа. Они тематически придерживают речевую активность собеседника, которая представляет собой зону коммуникативной напряженности:

(510) – *Да, но ведь я же отказался тогда...* – *начал было он, однако Лесток перебил его: – Мне не надо знать, почему вы отказались, но факт налицо... и в этом все* (М. Н. Волконский. Кольцо императрицы (1896)).

(511) *Мне не нужно знать, какие у вас отношения; я в дела фамильные не мешаюсь, это ваше дело* (Н. В. Гоголь. Мертвые души (1842)).

Такой тип речевого реагирования И. Н. Борисова называет «сравнительно щадящим способом снижения активности собеседника», поскольку его личная сфера не затрагивается напрямую [Борисова 2009, с.179, 198, 201, 203].

Иллокутивные осложнения перволичных конструкций

Репрезентативный характер перволичных высказываний позволяет говорящему использовать их для решения многообразных коммуникативных задач, в результате чего они получают различные иллокутивные осложнения.

Презумпцией деонтического высказывания в целом выступает выгодность необходимого действия. Если говорящий воспринимает выполнение необходимого действия, требуемого источником, как выгодное для себя, как совпадающее со сферой своих интересов, а не как принудительное и неизбежное, то модальное высказывание приобретает *квазисуггестивный* оттенок. Бенефактивность для говорящего обусловлена прежде всего целеполаганием: *я должен (с)делать Р, чтобы произошло или не произошло какое-то положение дел*, например:

(512) *С моими ужасными гландами мне надо поменьше разговаривать на морозе* (А. Битов. Рассеянный свет (1981)). → Чтобы не заболеть, мне надо *Р*.

(513) *Теперь, чтобы его простить, мне нужно его понять* (Запись LiveJournal (2004)). → Чтобы не ощущать дискофорт, мне надо его простить, а для этого мне надо *Р*.

В немецком языке маркером квазисуггестивности является модальный глагол *sollen*:

(514) *Und in einem Monat haben sie vor die Erde zu erobern. Und ich soll ihnen dabei helfen. Dafür werden sie mich dann nicht eliminieren* (Bach, T. Marsmädchen, 2003, S. 115). ‘А через месяц они планируют покорить Землю. И я должен помочь им в этом. За это меня не исключат.’

В монологической речи, а также в контексте автодиалога перволичные конструкции с ментальными глаголами реализуют репрезентативность с оттенком *интеррогативности*. Конструкции с реализованной в форме придаточного изъяснительного валентностью таких ментальных глаголов, как *знать/wissen/kennen, убедиться, решить/entscheiden, понять/понимать/begreifen/verstehen, обдумать/überlegen, разобраться* (*я должен понять, решить, подумать, знать, что, как, почему*) указывают на эпистемическое состояние говорящего: некоторое незнание; вопрос, заданный самому себе; сомнение, требующее устранения; предположение, ищущее подтверждения. Вводимая ментальным глаголом пропозиция имеет соответственно характер косвенного вопроса, на который необходимо найти ответ, например:

(515) *Wie gesagt, ich bin Tierpfleger mit Leib und Seele, aber mir gefällt das nicht [...] Also ich muss wirklich noch mal gründlich darüber nachdenken, ob ich da mitmache* (Berliner Zeitung, 30.12.2005). ‘Как я уже сказал, я ветеринар телом и душой, но мне не нравится это [...] Поэтому я действительно должен еще раз хорошенько подумать, собираюсь ли я принять участие’.

(516) *Das ist ein wichtiger Moment, ich muss begreifen, was das Beste für mich und meinen Klub AC Florenz ist. Ich habe noch nichts beschlossen* (Die Zeit, 22.07.2015 (online)). ‘Это важный момент, я должен понять, что лучше для меня и моего клуба AC Florence. Я еще ничего не решил’.

(517) *Ich muss denken, wie ich es sage. Von keinem Herrn rede ich nicht* (Fleißer, M. Pioniere in Ingolstadt, 1976 [1926], S. 93). ‘Я должен подумать, как я это скажу. Я говорю не о каком-то неизвестном человеке’.

(518) *Ich muss überlegen, welche Fehler mir passiert sind. Und dementsprechend werde ich verschiedene Techniken ausprobieren* (Berliner Zeitung, 07.08.1998). ‘Я должен обдумать, какие ошибки я сделал. И в зависимости от того, какие, я попробую различные техники’.

(519) *Я должен предположить, что* или письмо мое к вам было прочтено на почте, которая, сделав извлечение, сообщила его Протасову, или же, что кто-нибудь из харьковского общества, слышав мой рассказ (потому что мне случалось довольно громко излагать общую характеристику Харькова и Харьковской губернии), счел себя вправе написать Протасов (И. С. Аксаков. Письма родным (1849–1856)).

(520) *Мне нужно подумать о том, стоит ли* раскрывать эту информацию – в нашей стране бизнесмены, по большому счету, ничем не защищены (Вами кто владеет? // Дело (Самара), 17 июля 2002).

Бенефициаром в этой ситуации является говорящий: знание становится не только необходимым, но и желаемым, поэтому деонтические конструкции с ментальными глаголами могут сопровождаться в том числе волитивными конструкциями:

(521) *Я хочу одного – мне надо знать, что он хочет. Я хочу знать, кого я вырастил. Я на это имею право* (К. Шахназаров. Курьер (1986)).

Интеррогативный характер деонтической конструкции подчеркивается при использовании перволичной конструкции в вопросительной форме:

(522) *Тут я хватаюсь за карандаш. Мне необходимо понять, в чем же, собственно, опять неудача? Да, опять неудача* (Л. К. Чуковская. Прочерк (1980–1994)).

(523) *Но я не могу осознать всего случившегося. Я должен знать – за что? Я должен знать – когда это случилось? Был ли суд над сыном, или не было суда?* (И. С. Шмелев. Письма А. В. Луначарскому (1920–1921))

Наличие адресата и реализованной валентности ментальных глаголов позволяет говорящему использовать подобные я-конструкции в функции «чистого» интеррогатива, побуждающего устранить информационную лакуну говорящего: *я должен/мы должны знать = скажи(-те)/ответь(-те)*. Условие успешности вопроса соблюдается: говорящий не знает ответа и нуждается в получении сведений. Условия искренности (говорящий хочет знать) и предварительные условия вопроса также выполняются. Информирование является релевантным и бенефактивным для адресанта. Говорящий считает, что адресат должен сказать и в состоянии ответить, но при отсутствии директива он не будет этого делать.

Структурно конструкция с интеррогативной иллокуцией распространяется либо придаточным, реализующим вопрос, либо номинализацией подчиненной пропозиции глагола. Кроме этого деонтическая конструкция поддерживается сформулированным в отдельном высказывании вопросом:

(524) – *Мы же с тобой беседуем просто по-дружески, верно? И всего-то нам надо знать, с кем и когда твой приятель Скок ушел с твоей вечеринки.*

– *А я помню? – грубовато буркнул Гайворонский (А. Макеев, Н. Леонов. Гроссмейстер сыска (2003)).*

(525) – *Поговори, и как можно быстрее. Через два часа я должен знать результаты разговора.*

– *Хорошо, – сказала она крайне недовольно и вышла из комнаты (Ю. Азаров. Подозреваемый (2002)).*

(526) – *Каким образом вы думаете это осуществить? Я должен знать!*

– *Пожалуйста. От вас у меня нет и не может быть никаких секретов (Г. Николаев. Вещие сны тихого психа // Звезда, 2002).*

(527) *Очевидно, Витя дошел до ручки, потому что стал шантажировать и прямо угрожать: «Если не ответишь, не объяснишь, почему переменилась, я убегу! Буду дезертиром, пойду под суд! Но я должен знать!!! (Н. В. Нестерова. Конфликт хорошего с лучшим (2013))*

Интеррогативность деонтического высказывания может обогащаться настоятельностью различной степени благодаря:

а) включению в состав деонтического высказывания наречий положительной оценки *твердо, точно, достоверно/gerade* (*я должен/мне нужно точно знать, что случилось*), таких темпоральных наречий, как *сегодня, срочно/dringend, через час* и т.п., а также модальных наречий категорической достоверности *действительно/wirklich, unbedingt*, частицы *же/doch*;

б) синтаксическому повтору деонтической конструкции и ее эмпатизации (перевод в восклицание) (*мне надо знать, что Р! Мне надо это знать!*);

в) императиву речевого глагола, сопровождающему деонтическое высказывание, либо иллокутивному глаголу (*Скажи! Я должен знать или я требую! Я должен знать! / Ich muss P wissen. Sag, was P.*).

Отметим, что для интерпретации перволичной конструкции как интеррогативной необходимо учитывать ее позицию в структуре диалога. В случае использования модальной конструкции в качестве ответной реплики интеррогативность полностью исчезает и реализуется сообщение, ср.:

а) *Зачем ты туда полез? Скажи. Я должен знать правду* (интеррогатив).

б) – *Зачем ты туда полез? – Я должен знать правду* (репрезентатив: высказывание интерпретируется как аргументативное, указывающее на причину деятельности говорящего).

При обращении к адресату интеррогативный характер перволичных конструкций позволяет говорящему использовать их не только для выражения запроса об устранении информационной лакуны, но и в качестве требования гарантии от адресата, заверений в каком-то вопросе для своего психологического комфорта. Так, конструкции с ментальными глаголами

знать, понимать, убедиться, быть уверенным/ *wissen, verstehen, sicher sein* и т.п., в которых придаточное реализует не косвенный вопрос, а дополнение, сообщают о необходимости говорящего приобрести уверенность в чем-то на основании каких-то действий:

(528) *Wenn ich wechsele, muss ich davon zu 100 Prozent überzeugt sein. Ich muss wissen: Das passt auf allen Ebenen* (Die Zeit, 27.07.2015 (online)). ‘Если я меняю, я должен быть уверен в этом на 100 процентов. Мне нужно точно знать, что это работает на всех уровнях’.

(529) *Ich muss wissen, dass ich Herr im eigenen Haus bin* (Die Zeit, 06.12.2013 (online)). ‘Я должен быть уверен, что я хозяин в своем доме’.

(530) *Мне надо убедиться, что они измеряют именно температуру и делают это вне зависимости от уровня влажности и величины давления* (Г. В. Тарасевич. Градусник для школьных мозгов // Кот Шрёдингера, 2017).

Таким образом, представляя один из видов дескриптивных высказываний, путативные я-высказывания о долженствовании описывают внешний по отношению к говорящему субъекту мир, т.е. состояния и действия, которые говорящий должен осуществлять в этом мире, чтобы изменить текущее состояние вещей.

Перволичные конструкции, реализуя репрезентативную семантику, активно используются в экспланаторной функции, что обуславливает их употребление в качестве речевого акта негативной реакции, а именно отказа: необходимость одного действия обуславливает невозможность выполнения предлагаемого/предложенного действия *P*.

Перволичные конструкции благодаря своим аргументативным возможностям демонстрируют наличие прагматических отношений между такими речевыми актами, как экспрессивы (извинение, упрек) и директивы, для которых перволичная конструкция является или тезисом, или аргументом.

Иллокутивные осложнения перволичных конструкций сводятся к квазипрескриптивности, квазисуггестивности и интеррогативности. Их *квазипрескриптивность* определяется деонтическими источниками, диктующими обязательность выполнения действия, *квазисуггестивность* детерминирована наличием/отсутствием волитивного компонента, т. е. фактора заинтересованности говорящего, а также формой речи. *Интеррогативность* я-конструкции выражают только в сочетании с ментальными глаголами при наличии их реализованной валентности, при этом благодаря различным факультативным компонентам и контекстному окружению настоятельность интеррогативного я-высказывания может усиливаться.

3.3. Перформативное употребление деонтических высказываний

3.3.1. К понятию деонтический перформатив

Перформативное употребление перволичных конструкций говорит о том, что высказывание не описывает действительность и действие, а равносильно самому осуществлению этого действия: *я должен сказать, что/ ich*

muss sagen, dass ... = я говорю. Способность перволичного высказывания к перформативности обеспечивается специфическим свойством зависимых глаголов, ярким примером которых выступают **коммуникативные** глаголы.

Сама фраза *должен сказать, что ...* буквально заявляет о намерении говорящего сделать *P*, фактически говорящий уже делает *P* → *говорю, что*. Данные клишированные формы воплощают специфическую разновидность перформативов, «модализованные речевые акты» [Wunderlich 1983, с. 233], или «композиционные», «сложные», «составные» речевые акты [Fraser 1975; Fraser 2010; Gloning 1997]. Дж. Лич объясняет действие подобных высказываний как переход при их произнесении на метаязыковой уровень, когда говорящий, «символически указывая на необходимость речевого действия, тем самым совершает его» [Leech 1983, р. 140]. При этом, как отмечают исследователи, наличие в высказывании коммуникативных глаголов свидетельствует о том, что говорящий «определяет меру своей ответственности за содержание и достоверность сообщения» [Арутюнова и др. 1992, с. 10].

Так, Ю. Д. Апресян отмечает, что подобные конструкции обладают всеми первичными свойствами перформативных высказываний: недлительностью, равносильностью действию, интенциональностью, уникальностью и т.д. (о свойствах перформативных высказываний (см. [Апресян 1986; Апресян 1995])). Условие перформативности реализуется наряду с автореферентностью (благодаря именно 1-му лицу как в ед. ч., так и во мн. ч.) и эквitemпоральностью (конструкции реализуют семантику нестандартной проективности (см. 2.4.1), фиксируя план настоящего) также благодаря присоединению пропозиции коммуникативного глагола в виде придаточного изъяснительного с союзной и бессоюзной связью, ср.: *я должен сказать, что P* <> *я должен сказать правду*.

Модализованный перформатив отличается от «чистого» тем, что его формула конструктивно осложнена, в ней перформативная лексема выступает в необычной для нее роли – в роли инфинитива, а модальный предикат представляет «дополнительный строевой элемент» [Романов 1988, с. 120], функция которого в таких высказываниях сводится к оформлению перформативности [Добровольский, Падучева 2010, с. 105]. В глубинной структуре любого высказывания содержится перформативная формула «я говорю тебе, что...», следовательно, в глубинной сфере перформативный глагол является составной частью любого высказывания, поэтому употребление речевого глагола в перформативной формуле «в чистом виде» является избыточным и создает ощущение некоторого смыслового обогащения, которое не предполагается говорящим. Иными словами, как отмечает Е. В. Падучева, использование модального предиката служит снятию коммуникативного выделения с речевого глагола, у которого изначально тематизирован компонент ‘говорение’ [Падучева 2008, с. 94, 138], ср.: *я говорю, что ...* <> *должен сказать, что...*. Модальные глаголы создают контекст снятой утвердительности, поэтому Б. Фрейзером был введен термин «смягченные перформативы» (hedged performatives) [Fraser 1975]. Такая форма сообщения «страхует»

ответственность говорящего за неверность пропозиции, поэтому исследователь считает перформативы, которые употребляются с модальными глаголами, «сильными».

Поскольку в качестве перформативной заставки используется не «чистый» глагол, а соответствующие перифрастические эквиваленты, Е. В. Падучева и Д. О. Добровольский именуют подобные структуры «скрытыми перформативами» [Добровольский, Падучева 2010, с. 105]. Мы предлагаем понятие **деонтический перформатив**, поскольку деонтизация перформатива при помощи модальных предикатов преследует определенные цели.

Деонтический перформатив оформляется в том числе и обобщенным *мы*-субъектом, где говорящий включен в совокупность лиц. Использование в перформативной конструкции обобщенного перволичного субъекта, выполняющего определенные прагматические функции, ограничивается рамками институциональной коммуникации. Так, Э. Бенвенист подчеркивает, что употребление «мы» в качестве размытого «я», раздвинутое за пределы лица и одновременно потерявшее четкие контуры, затушевывает слишком резкое «я» [Бенвенист 1974, с. 269]. Такой способ «растворения» личной ответственности за последующее сообщение активно используется: либо в целях придания высказыванию свойства объективности и беспристрастности [Кожина 1983, с. 169], либо с целью солидаризации.

Модализацию перформатива обуславливают определенные деонтические источники, а именно ситуативные обстоятельства, наряду с конвенциональными правилами и внутренним долгом; два последних, как правило, эксплицируются, например:

(531) *Как честный человек, я должен предупредить вас, Анна Андреевна, что ожидания ваши... насчет меня... могут оказаться в высшей степени напрасными...* (Ф. М. Достоевский. Подросток (1875))

(532) *«Wir können die Sowjetzeit nicht aus unserer Geschichte tilgen», sagt sie mit Nachdruck. «Als Politikerin muss ich sagen: Wir waren okkupiert»* (Die Zeit, 10.05.14, № 20). «Мы не можем стереть советскую эпоху из нашей истории», – решительно говорит она. «Как политик, я должна сказать: мы были оккупированы».

Деонтические маркеры в перформативной формуле призваны решать определенные коммуникативные задачи.

Семантический компонент модального маркера «не могу иначе» (иными словами, «здесь и сейчас я не могу промолчать»), а также аксиологическая презумпция деонтического высказывания (польза действия) обуславливают основную прагматическую задачу деонтического перформатива, а именно актуализацию фактуальной или оценочной информации, которая для данной ситуации характеризуется содержательной/информационной **значимостью**. Речевое действие в результате становится выгодно для говорящего, который, опираясь на сообщаемое, строит свою текстовую аргументацию.

Деонтические конструкции отличаются от других модализованных перформативов тем, что благодаря семантике модальных маркеров они могут вводить пропозицию с отрицательным знаком оценки, т.е. сообщать о том/то,

что субъект считает неприятным для адресата. Е. М. Вольф отмечает, что по знаку оценки такие высказывания противостоят высказываниям с модальностью возможности, которые нейтральны или имеют знак «+»: *я могу сообщить Вам, что p* [Вольф 2002, с. 124]. Путативный характер деонтического высказывания (*считаю, что должен сказать*) сигнализирует о предположении адресанта о том, что содержание сообщения может не совпадать с мнением слушающего, с его ожиданиями. Такой способ оформления сообщения, предвосхищающий возможное несогласие, хеджирует риски, которые могут возникнуть в результате негативно-оценочной информации, вводимой деонтическим перформативом:

(533) *Но, возвращаясь к вашей статье, я должен сказать, что вы совершенно неправомерно представили дело так, как будто вами цитируется текст какого-то опубликованного фельетона* (Ю. О. Домбровский. Обезьяна приходит за своим черепом. Пролог (1943–1958)).

Именно существенность сообщения, которое вводят деонтические перформативы, определяет тот факт, что они активно используются в противительных структурах, т.е. говорящий считает необходимым сообщить важную информацию, противоречащую названной: по его мнению, сообщение будет полезно адресату и приведет к изменению его мнения:

(534) *Mit einem Satz bin ich auf allen Vieren und schüttle mich. Mein Kopf brummt, mein Bauch sticht, **aber ich muss trotz allem sagen**, die Behandlung hat angeschlagen. Ich fühle mich jedenfalls besser als eben* (Berliner Zeitung, 22.02.2003). ‘Голова гудит, живот болит, но, несмотря ни на что, я должен сказать, что лечение подействовало. В любом случае, я чувствую себя лучше, чем раньше’.

Снижение категоричности деонтического перформатива реализуется благодаря пассивизации конструкции (что ограничено сферой употребления), включению в деонтический перформатив модальных слов проблематической достоверности (о чем шла речь в 1.3.4.1), а также таким факультативным компонентам, как эмоциональные маркеры (*к сожалению, с сожалением, с прискорбием, с грустью, как ни грустно/leider, zu meinem Bedauern* и т.п.), в русском языке также благодаря деонтическим предикатам *вынужден, приходится*. При этом аксиологически маркированные модальные конструкции не снижают значимости вводимого сообщения. Их использование связано с желанием говорящего скрыто извиниться за возможный неприятный эффект от своих слов (*не хочу, но должен*), что способствует коммуникативному сотрудничеству:

(534) *К сожалению, должен сообщить вам неприятное известие: несколько лет тому назад говорящий кот скончался во время очередного выступления, будучи не в состоянии произнести слово «неоколониализм»* (В. П. Катаев. Святой колодец (1962–1965)).

(535) *Теперь придется перейти к персоналиям, и я вынужден сказать, что наш координатор, работавший не покладая рук и вызывавший наше общее восхищение, Валерий Карлович Гибельштраф оказался внедренным к нам работником налоговой инспекции* (С. Юрский. Осенний бал (1993)).

(536) *С грустью приходится констатировать, что даже такой бесспорно выдающийся ум, как у Дэниела Ергина, не застрахован от соблазна сенсационных предсказаний* (Н. Симония. Момент истины для сланцевой революции // Эксперт, 2015).

(537) *Viele Menschen haben völlig falsche Vorstellungen vom Reinigungsberuf, und ich muss leider sagen, dass der Film diese Vorurteile eher bestätigt als abbaut* (Berliner Zeitung, 13.02.2002). 'Многие люди имеют совершенно неправильные представления о профессии уборщика, и, к сожалению, должен сказать, что фильм скорее подтверждает этот стереотип, чем опровергает'.

Деонтические перформативы активно расширяются относящимися к коммуникативному глаголу оценочными лексемами, выражающими искренность и правдивость высказывания (*честно, справедливости ради, объективно, правда, честно, прямо, открыто, объективно/ (ganz) ehrlich, ehrlicherweise, offen und ehrlich*). Данные факультативные компоненты являются хеджами, которые указывают на отношение говорящего к пропозиции, способствуя поддержанию его коммуникативного престижа: *должен честно сказать, что p = скажу честно, что p / если честно, то p*. Они участвуют также в увеличении категоричности конструкции, поскольку подчеркивают уверенность говорящего в том, что говорится:

(538) *Ich muss ehrlich sagen, dass so eine Helmpflicht vermessen wäre. Die Zuschauer würde das vielleicht beruhigen, weil es für sie sicherer aussieht, weil man es mit dem Rad oder Motorradfahren vergleicht* (Die Zeit, 18.08.2015 (online)). 'Должен честно сказать, что требовать такой шлем было самонадеянным. Возможно, это успокоит аудиторию, потому что для них это выглядит безопасно, и сравнивается с ездой на велосипеде или мотоцикле'.

(539) *Вспоминая сегодня, 1 июня 1971 года, те дни, вынужден честно заявить, что мы получили после смерти Сталина тяжелое наследство* (Н. Хрущев. Воспоминания (1971)).

(540) *Надо честно сказать, что обычаи в наших краях с ибн-фадлановских времен сильно усовершенствовались и в последние века многим удалось избежать такого жертвоприношения* (С. Эйгенсон. Дима и Василий Алексеевич // интернет-альманах «Лебедь», 7 июля 2003).

С точки зрения структуры выделяются три типа деонтических перформативов: перформатив в составе сложноподчиненного предложения, парентический перформатив и перформатив со свернутой пропозицией.

1. Прототипической является деонтическая конструкция в главной части сложноподчиненной структуры (союзной или бессоюзной): *должен сказать, что p / ich muss sagen, dass p*. Она выступает коммуникативным сигналом актуализации пропозиции речевого глагола и находится в ее препозиции.

2. Деонтические перформативы вводного, парентического характера, помещенные в медиальную или финальную позицию, являются неупотребительными:

(541) *Вездесущая лиса Леопольд, **надо отметить**, в эти дни вновь оказался в Париже и с удовольствием отобедал со своим давним приятелем адвокатом Набилем Азари, когда-то очень пособившим ему в одном щекотливом и дорогостоящем конфликте* (Д. Рубина. Русская канарейка. Блудный сын (2014)).

(542) *Хотя, **должен сказать**, претензии ее были совершенно обоснованы, ибо если ты мужчина – изволь соответствовать! – добавил семидесятилетний академик, горделиво расправив плечи. Должна сказать, дай бог вам всем в его годы так выглядеть!* (Т. Соломатина. Акушер-ХА! Байки (2009))

(543) *Ich habe selten so eine gute Stimmung in der Nationalmannschaft erlebt, **muss ich sagen*** (Berliner Zeitung, 05.12.2003). ‘Но настроение в команде очень хорошее, мы все прекрасно ладим. Я редко видал такую хорошую атмосферу в сборной, должен сказать’.

В конечной позиции речевой глагол расширяется относящимся к уже названной пропозиции анафорическим местоимением *это/das*: ***р**, я должен **это** сказать*. В таком случае деонтическая конструкция является вводной и маркирует субъективно-оценочное суждение. Это, однако, не оказывает влияния на перформативный характер таких высказываний, поскольку их основу составляет сочетание высказываний, объединенных смысловой общностью. Расширяясь факультативными маркерами оценочного отношения, деонтическая конструкция помещается в коммуникативный фокус; без подобного расширения она не получает коммуникативного выделения:

(544) ***Ты ошалел в Германии, дорогой Платоша, и это я должен тебе сказать совершенно откровенно!*** (Ю. Бондарев. Берег (1975) → Я должен тебе сказать совершенно откровенно, ты ошалел в Германии.

(545) *Mein Vater hat dort gespielt, ich habe dort gespielt [...]. **Wir hatten damals eine sehr, sehr gute Mannschaft, das muss ich sagen*** (Der Tagesspiegel, 08.05.2000). ‘Там играл мой отец, я играл там [...]. У нас была очень, очень хорошая команда в то время, должен сказать’.

3. Конструкции с объектными группами, которые сжато вводят предмет говорения, получающий в дальнейшем содержательное расширение: *должен сказать о .../ ich muss von ... sprechen*:

(546) *Мы хоть и говорим о квартирах социалистического быта, но я **должен сказать о подвале** в доме шесть по улице Огарева. **Этот подвал не сегодня-завтра обрушится**. Будут жертвы. Людей надо немедленно переселять* (Л. К. Чуковская. Памяти Фриды (1966-1967, 1989)). → Должен сказать, что подвал в доме шесть по улице Огарева не сегодня-завтра обрушится.

(547) *Прежде всего, я **должен сказать о своем глубоком уважении** к А. И. Солженицыну, к его художественному таланту и великим, поистине историческим заслугам в раскрытии преступлений строя, к его подвижническому, многолетнему труду* (А. Д. Сахаров. Воспоминания (1983-1989)). → Должен сказать, что я глубоко уважаю А. И. Солженицына.

Отметим, что для каждого коммуникативного глагола возможно и описательное, дескриптивное употребление в конструкции. Так, в случае неактуальности действия конструкции не являются перформативами, ср.: *сейчас мы должны заявить, что ... ↔ завтра на занятиях/в следующий раз мы должны сообщить, что ...*. Неактуальностью характеризуются конструкции, выражающие семантику обязательности по информированию о чем-то, когда говорящий заявляет о необходимости ответить на вопрос: *я должен сказать, когда и что произошло, кто виноват*. Кроме этого, высказывание утрачивает перформативность и превращается в чисто дескриптивное, если вместо непосредственного собеседника в позиции адресата появляется третье лицо, ср.:

(548) – *Я жив, друзья мои, – спокойно ответил генеральный прокурор, протягивая руку сыну. – Но прежде чем рассказать вам мою историю, я должен заверить Вивиан, что смерть ее матери была для меня не меньшим горем, чем для нее* (М. С. Шагинян. Месс-Менд, или Янки в Петрограде (1923–1924, 1954)).

Перенесение конструкций в план прошлого автоматически делает конструкцию неперформативной.

Деонтический перформатив утрачивает перформативную функцию также под действием отрицания [Апресян 1995, с. 207]. Отрицание в деонтической конструкции, относящееся к модальному предикату, переводит ее в зону аномальной констативности. Это так называемые «самофальсифицируемые высказывания, превратившиеся в речевые клише» (см. о парадоксе самофальсификации [Булыгина Шмелев 1997, с. 456]), когда говорящий утверждает, что что-то не будет сказано, но при этом сообщает об этом. Они являются квазиперформативами, поскольку нарушена формула “я говорю, что”: реализуется “я не говорю, что *p*”. Субъект речи отрицает необходимость сообщения информации, общеизвестной, само собой разумеющейся, не требующей дополнительного упоминания. Отметим, что в подобных высказываниях употребляется ограниченный набор коммуникативных глаголов, а именно: *напоминать, подчеркивать, утверждать, повторять, говорить*, например:

(549) *Думаю, мне не надо подчеркивать, что твоя (или твоих ребят) работа, как и все расходы по этому делу, будут немедленно оплачены* (Д. Рубина. Белая голубка Кордовы (2008–2009)).

(550) *Ich muss nicht betonen, dass ich als Bundesminister der Verteidigung meinen Soldatinnen und Soldaten danke, die im Ausland eingesetzt sind* (Deutscher Bundestag: Plenarprotokoll № 15/34 vom 19.03.2003, S. 2800). ‘Мне не надо подчеркивать/излишне говорить, что как федеральный министр обороны я благодарю своих солдат, дислоцированных за границей’.

(551) *Man muss nicht gleich behaupten, das Netz schaffe perfekte Märkte* (Der Tagesspiegel, 23.05.2000). ‘Не нужно сразу заявлять, что Интернет создает идеальные рынки’.

(552) *Es muss ja nicht behauptet werden, dass der ökonomische Einigungsprozess optimal gelaufen ist* (Der Tagesspiegel, 09.11.2002). 'Нельзя сказать, что процесс объединения экономики прошел идеально'.

Таким образом, перволичные деонтические конструкции с коммуникативными глаголами представляют собой особого рода перформативы. Они позволяют индивидуализировать вводимое сообщение, которое является позицией коммуникативного глагола, снятая утвердительность дает возможность адресату не согласиться с мнением говорящего о важности и достоверности сообщения. Деонтическая модализация перформатива указывает на то, что вводимая информация релевантна для ситуации и позволяет говорящему влиять на мнение адресата при принятии решения. Ослабление/увеличение категоричности осуществляется в результате включения в модальный план различных оценок за счет факультативных компонентов, расширяющих семантику модальной конструкции и насыщающих ее дополнительными коммуникативными смыслами.

3.3.2. Прагмасемантические характеристики деонтических перформативов

Перформативный глагол, хотя и употребляется в несвойственной для него позиции и грамматической форме инфинитива, сохраняет свои семантические признаки. Широкая палитра коммуникативных глаголов, используемых в деонтическом я-высказывании, охватывает большое число лексических единиц, в план содержания которых входит сема (семантический примитив) 'говорить', т.е. всегда возможна трансформация в высказывание с глаголом *сказать* (например, *указать* = 'сказать, обратить внимание'; *напомнить* = 'сказать еще раз'; *сомневаться* = 'высказать сомнение' и т. п.). Это обуславливает функциональную многоплановость модели «деонтический маркер + инфинитив».

Используемые в перволичных конструкциях коммуникативные глаголы можно объединить в следующие группы:

- иллокутивно неспециализированный глагол *сказать/sagen/aussprechen*;
- собственно иллокутивы для маркирования различного коммуникативно-интенционального содержания, а именно: а) глаголы, обозначающие речэтикетные акты (*поблагодарить, принести извинения/mich bedanken*); б) глаголы согласия/ возражения (*согласиться/zustimmen/zusagen, признать/zugeben/gestehen, возразить/widersprechen*); в) глаголы извещения (*сообщить/mitteilen, заявить/erklären, утверждать/behaupten, заверить/versichern; констатировать/feststellen, подтвердить/bestätigen*); г) глаголы, выражающие акт воздействия на адресата (*предостеречь, предупредить/warnen*);
- ментальные иллокутивы для акцентирования логики изложения, для указания на изменение ментального состояния, на текущую интеллектуальную операцию, такие как *подчеркивать/betonen, повторить/wiederholen, добавить/hinzufügen, напомнить/erinnern, обратить внимание на что-л./aufmerksam machen auf etw., заметить/erwähnen/hinweisen* и другие.

Очевидно, что деонтические перформативы благодаря коммуникативным глаголам реализуют различные разновидности иллокутивной цели (*должен сказать, поблагодарить, предупредить*) с различной репрезентативной иллокутивной силой (*должен сообщить, объявить, заявить, заверить, констатировать, признать* и т.п.):

Поле речевых глаголов в двух языках несколько отличается, поэтому набор используемых речевых глаголов в деонтических конструкциях не совпадает¹.

Т а б л и ц а 3.2

Наиболее употребительные речевые глаголы
в деонтических перформативах²

коммуникативный глагол	Относительная доля в выборке, %	коммуникативный глагол	Относительная доля в выборке, %
<i>сказать</i>	38,55	<i>sagen/aussprechen</i>	58,89
<i>отметить</i>	16,62	<i>gestehen/ zugeben/ zugestehen</i> ‘признать, соглашаться, сознаться’	21,3
<i>заметить/ сделать замечание</i>	10,98	<i>hinzufügen/ ergänzen</i> ‘добавить’	3,32
<i>признать</i>	11,74	<i>bemerken</i> ‘заметить’	3,2
<i>упомянуть</i>	3,8	<i>feststellen</i> ‘констатировать’	2,84
<i>подчеркнуть</i>	2,49		

Самым употребительным¹ оказывается глагол *сказать/sagen/aussprechen*, который позволяет не уточнять интенциональное содержание речевого акта

¹ Весь список речевых глаголов, используемых в деонтических перформативах, выглядит следующим образом:

в немецком языке: *sagen, betonen, aufmerksam machen, bemerken, hinzufügen, ergänzen, erwähnen, meine Vermutung/ Überzeugung / Meinung äußern, vermuten, zweifeln/ bezweifeln, feststellen, bestätigen, wiederholen, weitersagen, nennen, zitieren, erinnern, zugeben/ gestehen, warnen, widersprechen, zustimmen/ zusagen, mitteilen, äußern, erklären, klären, vorschlagen, versichern*;

в русском языке: *сказать, подчеркнуть, отметить, обратить внимание, заметить/ сделать замечание, уточнить, добавить, дополнить, остановиться на ... (теме/ вопросе), затронуть тему, коснуться вопроса, выразить сомнение/ уверенность/ убеждение/ мнение/ идею/ мысль, высказать сомнение/ уверенность/ убеждение/ мнение/ мысль/ соображения, предположить, усомниться, констатировать, подтвердить, сделать вывод, заключить, повторить, подытожить, продолжить, привести ... (пример, цитату), назвать ... (имена, цифры), процитировать, напомнить, признать, предупредить, возразить, согласиться, сообщить, заявить, объяснить (прояснить), обосновать, предположить, заверить*.

² В таблице представлены только единицы, частотность которых выше 2 %, остальные используемые в деонтических перформативах глаголы коммуникативные имеют частоту употребительности в выборке от 1,8 % до $\geq 0,1$ %.

(см. табл. 3.2). Отметим, что бóльшая частота данного глагола обусловлена в немецком языке его предпочтительностью по сравнению с синонимичной лексемой *bemerken* (= [kurz] *sagen* 'кратко упомянуть'), которая является эквивалентом русскоязычного глагола *заметить*, относящегося к ментальным иллокутивам и зафиксированного почти в 11 % материала.

Нейтральные деонтические перформативы с гиперонимом *сказать/sagen*, воплощающим в общем виде идею говорения, актуализируют сообщение без определенной иллокутивно-прагматической специализации: для говорящего существенно выделить пропозицию коммуникативно, которая важна в данной ситуации, например:

(553) *А я должен сказать тебе, что найти настоящего друга не так-то легко, даже на дне морском. Особенно если ты не знаешь, как он выглядит...* (Б. Заходер. Сказки для людей (1960–1980))

(554) «*Wir haben vereinbart, dass wir uns zeitnah austauschen. Ich muss sagen, FILA hat sehr gut auf diese schwere Entscheidung reagiert*», sagte Rogge weiter (Die Zeit, 13.02.13 (online)). '«Мы договорились, что будем оперативно обмениваться информацией. Должен сказать, что в FILA очень хорошо отреагировали на это трудное решение», – сказал Рогге'.

Деонтические перформативы с такими глаголами, как *сообщить/mitteilen*, *заявить/erklären*, *поставить в известность/bekanntgeben* и т.п., отличаются от перформативов с глаголом *сказать* сферой функционирования. Подобные конструкции употребляются в институциональной коммуникации и свидетельствуют о том, что «говорящий облечен полномочиями, специальным статусом, чтобы сообщать о чем-то, создавая при этом впечатление некоторой дистанции между субъектом и адресатом» [Гловинская 2010, с. 144–147]:

(555) *Leider muss ich Euch mitteilen, dass noch die letzten Tage arge Überraschungen gebracht haben* (Das Andere Deutschland, 01.01.1939). 'К сожалению, я должен вам сообщить, что еще и последние несколько дней преподнесли несколько неприятных сюрпризов'.

Как правило, они актуализуют негативное сообщение, что обуславливает использование с данными речевыми глаголами в русском языке деонтического маркера, выражающего принудительный характер действия:

(556) *После вступления Латвии в ЕС и НАТО многие ожидали улучшения отношений между нашими странами. Однако сегодня приходится констатировать, что этого не произошло* (И. И. Студенников. Интервью латвийской газете «Телеграф» // Дипломатический вестник, 2004).

Деонтические перформативы с некоторыми иллокутивами извещения (*заверить/versichern*, *констатировать/feststellen*, *подтвердить/bestätigen*), а также с различными иллокутивами согласия используются для указания на достоверность вводимой информации, для подчеркивания ее истинности, для выражения признания говорящим ее несомненности:

¹ Выборка деонтических перформативов составляет для русского языка 19542 я-структур и 937 мы-структур, для немецкого языка 14 038 *ich*-структур и 2340 *wir*-структур (см табл. 2.6 во 2 главе).

(557) *Вы посчитали даже количество посещений Федеральным канцлером Москвы, но **должен вас заверить, что** время, проведенное мною в Германии, все-таки гораздо больше, чем время, проведенное Федеральным канцлером в России* (В. В. Путин. Выступление на пресс-конференции по итогам встречи с Г. Шредером // Дипломатический вестник, 25 мая 2004).

(558) ***Не принадлежа** к числу единомышленников Солженицына и **не разделяя** его политических взглядов, я **должен подтвердить**, что все основные факты, касающиеся «Архипелага ГУЛАГа», которые приводятся в третьем томе этой книги, соответствуют истине* (Р. Медведев. О третьем томе книги А. И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ» (1976)).

(559) *И **должен признать**, в формировании моего мировоззрения вы (журнал) приняли непосредственное участие, за что я безмерно благодарен* (Р. Н. Аджубей. О науке, о жизни и о себе // Наука и жизнь, 2009).

(560) *«**Ich muss bestätigen, dass wir viel zu sehr auf Profilierung aus sind und zu wenig auf Problemlösung,**» Minister Alwin Ziel (Berliner Zeitung, 29.04.1998). ‘«Я должен подтвердить, что мы слишком сосредоточены на профилировании и недостаточно на решении проблем», – сказал министр Алвин Циль’.*

Достоверность пропозиции деонтического перформатива поддерживается в речевой ситуации суждениями категорической достоверности (*это несомненно, истинно, действительно*).

Деонтические перформативы с иллокутивными глаголами *согласиться/zugeben/zustimmen*, способствующими гармонизации общения, наряду с маркированием правильности, достоверности пропозиции фиксируют одобрительное отношение к ней:

(561) ***Не могу не согласиться** с заключением автора книги, что именно на этой базе и произошла приватизация власти номенклатурой. **Тема действительно сложная** ...* (А. Яковлев. «Страна, прочитанная заново». Предисловие к кн.: Л. Левитин. Узбекистан на историческом повороте (2001)).

Деонтические перформативы с иллокутивами *признать/gestehen* подчеркивают изменение отношения говорящего к предмету речи (прекращение его сомнений в отношении пропозиции) и его согласие с каким-либо фактом или суждением. Неоспоримость пропозиции перформатива в русском языке маркируется деонтическими лексемами с двойным отрицанием:

(562) ***Нет, будучи, как всегда, кристально объективным, я не могу не признать**, что и мужчина тоже порой, случается, приврет. Однако мужчина и женщина лгут совершенно по-разному. Мужчина врет скучно и прямолинейно, используя убого-примитивный набор вариаций* (А. Инин. Женщина и ложь (1999)).

(563) ***Можно не соглашаться** с автором, как делают некоторые социологи, в том, что люди, объединенные указанными признаками, являются классом, но **нельзя не признать**, что таких людей становится все больше, в том числе в России* (А. Механик. Униженные и оскорбленные // «Эксперт», 2015).

Кроме этого деонтические перформативы с глаголами *признать/gestehen*, сообщают информацию, касающуюся говорящего, который под воздействием обстоятельств приходит к выводу, что его действия нарушали правило или условие. В таком случае перформатив реализуется личной формой *я должен/ich muss*. Подобное признание ошибочности своего поведения способствует положительному имиджу говорящего:

(564) *Как ни стыдно, но я должен признать: я продолжал ходить с ним на сходку, потому что он был парнем крупным и до известной степени служил защитой от хулиганов* (В. А. Ярмолинец. Свинцовый дирижабль «Иерихон 86-89» // Волга, 2008).

(565) **Ich muss zugeben**, dass ich wegen des damit verbundenen hohen Risikos in den letzten Tagen und Nächten vor dem Wochenende auch ein bisschen unruhig geschlafen habe (Der Spiegel, 29.05.2000). ‘Должен признаться, что из-за высокого риска, связанного с этим, последние несколько дней и ночей перед выходными я спал немного беспокойно’.

(566) *Ich muss gestehen, bis gestern kannte ich den womöglich meistgesehenen YouTuber der Welt nicht* (Die Zeit, 02.03.2017 (online)). ‘Должен признать, что до вчерашнего дня я не знал, кто является, возможно, самым популярным ютубером в мире’.

Перформативные *мы*-конструкции с собственно иллокутивными глаголами согласия и признания приобретают оттенок побуждения к совместному действию, призывают поддержать говорящего в его утверждении, что должно повлечь определенные социальные последствия для группы, к которой говорящий себя причисляет:

(567) *Если это политическое убийство, мы должны признать, что у нас политика осуществляется криминальными средствами* (И. Преображенский. Выбор пал на Юшенкова // ПОЛИТКОМ. РУ, 18 апр. 2003).

Деонтические конструкции с глаголами *возразить/widersprechen*, антонимичные перформативам согласия, не вводят пропозицию, а осуществляют акт возражения/несогласия. Имеющиеся у говорящего представления не согласуются с информацией, содержащейся в предыдущем контексте, поэтому в деонтическом высказывании фиксируются такие когезионные указательные лексемы, как *тут, здесь/da* ('в отношении этого, в этом месте, с этой точки зрения, в связи с этим'). За деонтическим высказыванием следует аргументация, почему возникло возражение, например:

(568) *Тут я вам, Светозар Алексеевич, должен возразить. До-олжен, ничего не поделаешь. В вейсманизме-морганизме есть, друзья, одна такая частность: это лжеучение использует несущественные факты, чтобы отвлечь внимание прогрессивной науки от решения задач, диктуемых современностью* (В. Дудинцев. Белые одежды / Вторая часть (1987)).

(569) *Da muss ich widersprechen, die Bedingungen waren für alle gleich* (Der Tagesspiegel, 07.01.2004). 'Тут я должен возразить, условия были одинаковыми для всех'.

Деонтические конструкции с такими коммуникативными глаголами, как *поблагодарить, высказать благодарность, просить прощения, принести*

извинения, *mich bedanken, Dank sagen, danken* 'благодарить', позволяют реализовать перволичным конструкциям экспрессивную иллокуцию: *я должен (мы должны) поблагодарить, извиниться/ich muss mich (wir müssen uns) bedanken, entschuldigen*:

(570) – **Я должен извиниться перед собравшимися**, – закончил Ларри Камбакорта, – за то, что моя история не имеет конца (И. Ефимов. Суд да дело // Звезда, 2001).

(571) – **Я еще не поблагодарил вас за драгоценный подарок**, – сказал он, показывая на СДФ.

– У нас не благодарят за подарки. Самая большая радость человека Земли – отдавать. **Мы должны сказать вам спасибо**, – сказала Родис. Таэль почему-то смутился (И. А. Ефремов. Час быка (1968–1969)).

Сочетание деонтического показателя с побудительными иллокутивами предупреждения (*предупредить/warnen*) вводит только негативно-оценочное суждение, связанного с будущим:

(572) **Должен предупредить**, что мне придется сегодня излагать много такое, что для лингвистов давно стало прописной истиной, азами профессии (А. Зализняк. О профессиональной и любительской лингвистике // Наука и жизнь, 2009).

(573) **Однако должен предупредить**, что вам действительно **грозят серьезные неприятности**, если вы не перестанете валять дурака (Е. Парнов. Александрийская гемма (1990)).

Деонтические перформативы с ментальными иллокутивами позволяют говорящему идентифицировать и квалифицировать мыслительные операции в ходе произнесения высказывания. Подобные перформативы, таким образом, не только эксплицируют иллокутивную силу высказывания, но и квалифицируют его как рассуждение. Структуры с ментальными иллокутивами в целом, безотносительно к их употреблению в составе деонтического перформатива, являются, как отмечает Н. К. Рябцева, средством «снятия "случайной"/возможной неопределенности текста, неопределенности рассуждений для адресата, позволяя говорящему продемонстрировать его коммуникативную компетенцию как организатора сообщения»; «они вписываются не в социальное поведение, а в «когнитивное», то есть в рассуждение, в эпистемический контекст» [Рябцева 1992, с. 12, 19].

Ментальные иллокутивы, входящие в состав деонтических конструкций, выражают либо разнообразные мыслительные операции, или познавательные действия говорящего в ходе рассуждений, либо его отношение к последующей пропозиции, позволяя деонтическому перформативу или усилить важность сообщения, или указать на второстепенность информации.

Деонтические перформативы первой группы оказываются наиболее употребительными. Они включают в себя такие лексемы (Н. К. Рябцева называет их «семиотическими»), как в русском языке: *отметить, заметить/сделать замечание, упомянуть, подчеркнуть, обратить внимание, добавить/дополнить, остановиться на теме/вопросе, коснуться, напомнить*,

заклучить, сделать вывод, подытожить, уточнить, повторить, затронуть тему, коснуться вопроса, объяснить, прояснить, разъяснить, указать, привести пример; в немецком языке: *hinzufügen/ergänzen* 'добавить/дополнить', *bemerken* 'заметить', *betonen* 'подчеркнуть', *erwähnen* 'упомануть', *wiederholen* 'повторить', *hinweisen* 'обратить внимание, указывать', *erinnern* 'напомнить', *nennen* 'назвать', *erklären* 'объяснить, прояснить'. Все они используются в целях управления вниманием адресата и одновременного членения и структурирования содержания речевого произведения. Деонтические перформативы вводят необходимую для понимания дополнительную информацию; маркируют то, что уже было сказано; выделяют ключевые моменты; акцентируют логику изложения; осуществляют переход от одной темы к другой, от текущего фрагмента к следующему.

Ментальные иллокутивы либо являются нейтральными с точки зрения важности сообщения (*отметить/bemerken*), либо ослабляют значимость информации (*добавить/hinzufügen*), либо усиливают ее (*подчеркивать/betonen*, *повторить/wiederholen*, *обратить внимание/aufmerksam machen*). Частота использования деонтических перформативов с ментальными иллокутивами в рассматриваемых языках оказывается различной. Самыми употребительными в русском языке (см. табл. 3.1) являются перформативы с такими лексемами, как *отметить* и *заметить*, в немецком языке глагол *hinzufügen* 'добавить', указывающий на второстепенность информации:

(574) *Следует отметить, что в некоторых вариантах теории гравитации отвергается существование черных дыр. Это делает проблему их поиска особенно интригующей* (А. М. Черепашук. Поиски черных дыр // Вестник РАН, 2004).

(575) *Не могу не отметить, что в редакционной коллегии, отвечавшей за выпуск книги, значительную работу по составлению материалов о А. Я. Березняке проделал журналист «Встречи» Виктор Иванович Жизнев* (Клуб любителей искусств // Встреча (Дубна), 02 дек. 2003).

(576) *Ich muss hinzufügen, er kann sich auch an das Schöne gewöhnen* (Die Zeit, 18.07.2002, № 30). 'Должен добавить, он тоже может привыкнуть к прекрасному'.

Конструкции с глаголами *заметить* и *сделать замечание* (11 %), которые являются синонимичными лексеме *отметить*, отличаясь, однако, тем, что они позволяют говорящему сосредоточить внимание на второстепенной информации, развивающей и конкретизирующей основную, но при этом важной именно для данного дискурсивного фрагмента:

(577) *Созданный в 1986 году Фонд культуры СССР собрался организовать первый в истории современной России благотворительный концерт. Надо заметить, что понятие «благотворительность» было напроць забыто в советские времена* (С. Спивакова. Не всё (2002)).

(578) *Лодка приближалась. Здесь нужно сделать замечание, что Карповка 1703 года была глубже и шире нынешней* (К. П. Масальский. Быль 1703 года (1848)).

Деонтические перформативы с ментальными иллокутивами *предположить/vermuten*, *предположение/eine Vermutung äußern*, *усомниться/zweifeln*, *высказать сомнение*, выражающими эпистемическое отношение к последующей пропозиции, и в русском, и в немецком языках оказываются крайне неупотребительными:

(579) *В Дубровнике ни я, ни генерал Шатилов никогда не были, что нетрудно проверить, и в день, коим помечен подложный приказ, генерал Шатилов находился в Софии, а я же в Карловцах. Я должен предположить, что подложность этого документа Вам неизвестна ...* (Н. Карпов. Крым – Галлиполи – Балканы (2002)).

При этом перформатив с глаголом *высказать сомнение*, *усомниться/zweifeln* выступает одним из способов выражения несогласия с вводимой им пропозицией:

(580) *Nur daran muss ich zweifeln, dass schon jetzt der Zeitpunkt gekommen sei, um sie für diesen Zweck in ihrem ganzen Umfange zu würdigen und durchgreifend zu benutzen* (Brunn, H. von. Geschichte der griechischen Künstler. Bd. 1, 1853). ‘Единственное, в чем я вынужден усомниться, что уже пришло время для того, чтобы их для этой цели в полной мере оценили и полностью использовали’.

Несмотря на то, что, как отмечают А. А. Зализняк и Е. В. Падучева, «модальные глаголы принадлежат к числу семантических операторов с максимально широкой сочетаемостью» [Зализняк, Падучева 1989, с. 92], в русском языке с его богатой системой деонтических маркеров не все коммуникативные глаголы попадают в зону действия любого деонтического оператора (см. табл. 3.3).

Максимально широкую сочетаемость с речевыми глаголами разных прагмасемантических групп реализует предикат *должен*. Для данного маркера, однако, уменьшается употребительность с глаголом *отметить* и нечастотно соединение с глаголами *заклучить*, *подытожить*.

К деонтическим единицам, «притягивающим» к себе гораздо меньше речевых глаголов, относится лексема *обязан*, низкая комбинаторная способность которой обусловлена ее семантикой: она указывает на определенные институциональные или нравственные нормы. Лексема *обязан* функционирует с побудительными иллокутивами (*предупредить*) и с глаголами извещения (*сообщить*, *поставить в известность*) и нечастотно в конструкциях лишь с некоторыми ментальными иллокутивами, имеющими нейтральный характер с точки зрения важности информации.

Деонтические предикаты *вынужден* и *приходится*, выражающие принудительность действия, характеризуются узкой сочетаемостью и отмечены только в комбинациях с глаголами *констатировать*, *заклучить*, *сделать вывод*, *усомниться*.

Интенсифицированные предикаты *не могу не* и *нельзя не* демонстрируют высокую употребительность с разными смысловыми глаголами: предикат *не могу не* в сочетании с ментальными иллокутивами *проиллюстрировать*, *привести пример*, *процитировать*, маркер *нельзя не* в комбинации с *упомянуть*, а также с собственно иллокутивами *согласиться* и *возразить*.

Таблица 3.3

Номенклатура коммуникативных глаголов в деонтических перформативах и их сочетаемостные возможности с модальными преликатами в русском языке, %%¹

<i>Речевой глагол</i>	<i>обязан, %</i>	<i>считаю своим долгом, %</i>	<i>я должен/ должны, %</i>	<i>считаю необходимым, %</i>	<i>вынужден, %</i>	<i>я не могу не / не могу не, %</i>	<i>нужно, %</i>	<i>надо, %</i>	<i>необходимо, %</i>	<i>следует, %</i>	<i>приходится, %</i>	<i>нельзя не, %</i>
<i>сказать</i>	0,3	1,4	28,5	0,2	0,3	2	11,5	49,3	0,9	4,9	—	0,8
<i>отметить</i>	0,1	—	2,4	0,3	0,1	2,7	5,4	14,9	17,6	51	0,9	4,7
<i>заметить</i>	0,1	—	7	0,1	0,5	2,5	14,3	39,3	4,7	24	0,3	7,4
<i>сделать замечание</i>	1,4	—	18,7	4,7	14,5	4,2	—	—	56,5	—	—	—
<i>упомянуть</i>	0,3	—	8,1	0,5	—	12,6	6,6	11,6	8,5	25	1	25,7
<i>подчеркнуть</i>	—	—	5	1,1	—	0,8	7,1	11	21,5	51,4	0,52	1,6
<i>обратить внимание</i>	—	—	4,9	0,3	0,3	0,6	0,9	0,9	19,9	69	0,6	2,5
<i>добавить /дополнить</i>	—	—	8,5	1	—	1,7	14,6	34,6	9,2	29,2	0,3	1
<i>заявить</i>	1,8	—	73,2	1,8	1,8	7,1	3,6	1,8	1,8	—	1,8	5,4
<i>подтвердить</i>	—	—	57,1	—	—	14,3	—	14,3	14,3	—	—	—
<i>констатировать</i>	—	—	12,6	—	3	0,6	4,2	1,8	6	10,2	60,5	1,2
<i>заклЮчить</i>	—	—	8,8	—	—	2,5	5	11,3	1,3	46,3	20	5
<i>сделать вывод</i>	—	—	—	—	—	—	3,8	19,2	23,1	30,8	23,1	—
<i>напомнить</i>	0,6	—	12,8	3,7	6,1	6,1	1,2	28,7	6,7	32,9	0,6	0,6
<i>повторить</i>	—	—	53,9	—	13,5	19,2	3,9	—	1,9	3,9	—	3,9

¹ Отсутствие в таблице некоторых комбинаций не означает их невозможность, а лишь демонстрирует отсутствие в корпусе либо их единичные вхождения, что также свидетельствует о их неупотребительности (ср. *я вынужден заключить, считаю необходимым повторить, нельзя не затронуть*).

<i>Речевой глагол</i>	<i>обязан, %</i>	<i>считаю своим долгом, %</i>	<i>я должен/ должны, %</i>	<i>считаю необходимым, %</i>	<i>вынужден, %</i>	<i>я не могу не / не могу не, %</i>	<i>нужно, %</i>	<i>надо, %</i>	<i>необходимо, %</i>	<i>следует, %</i>	<i>приходится, %</i>	<i>нельзя не, %</i>
<i>предположить</i>	1,1	–	3,3	–	2,2	1,1	20,7	–	17,4	38	9,8	6,5
<i>сомневаться/ усомниться</i>	–	–	16,7	–	–	–	–	–	–	50	16,7	16,7
<i>выразить/ высказать сомнения/ уверенность/ убеждение/ мнение</i>	–	–	–	33,3	11,1	–	11,1	44,4	–	–	–	–
<i>обосновать</i>	–	–	–	50	–	–	50	–	–	–	–	–
<i>уточнить</i>	–	–	47	–	1,5	1,5	7,6	10,6	6,1	24,2	1,5	–
<i>объяснить, прояснить</i>	1,9	–	48	1,9	–	–	11,1	33,3	1,9	9,3	11,1	–
<i>привести (пример)/ проиллюстрировать примером</i>	3,5	–	3,5	5,8	8,6	79,3	–	–	–	–	–	–
<i>остановиться на теме/ вопросе</i>	–	–	11,2	4	1,8	6,3	0,9	1,35	21,1	42,2	2,7	8,5
<i>затронуть тему, коснуться вопроса</i>	–	–	14,3	–	4,8	33,3	4,8	–	7,1	7,1	–	–
<i>начать с</i>	–	–	82,4	–	5,9	5,9	–	–	–	–	–	–
<i>процитировать</i>	–	–	4,4	4,4	4,4	78,3	–	4,4	–	4,4	–	–
<i>назвать (имена)</i>	–	–	66,7	–	–	33,3	–	–	–	–	–	–
<i>сообщить</i>	5,4	–	73,9	2,7	5,4	1,8	5,4	2,7	0,9	1,8	–	–
<i>заверить</i>	–	–	50	50	–	–	–	–	–	–	–	–
<i>признать</i>	–	–	6,6	0,1	1,2	1,6	12,3	44,4	3,9	12,2	8,4	9,4
<i>поставить в известность</i>	66,7	–	33,3	–	–	–	–	–	–	–	–	–
<i>согласиться</i>	–	–	10,3	–	4,9	18,9	1,1	4,9	–	1,6	17,8	40,5
<i>возразить</i>	–	–	20	–	1,2	40	–	–	–	18,8	20	–
<i>предупредить</i>	10,3	–	65,7	1,29	–	0,9	–	19,31	–	2,6	–	–
<i>извиниться</i>	–	–	93,3	–	6,7	–	–	–	–	–	–	–
<i>принести извинения</i>	–	–	66,7	–	–	–	–	–	–	33,3	–	–
<i>просить прощения</i>	–	–	80	–	–	–	10,0	–	–	10	–	–
<i>поблагодарить</i>	10	–	55	5	–	30	–	–	–	–	–	–
<i>задать вопрос</i>	–	–	–	–	–	50	–	–	50	–	–	–

Безличные предикаты в целом не употребляются с собственно иллокутивами, обозначающими речевые акты. В комбинациях с ними отмечается резкое преобладание конструкций с маркером *должен*.

При этом в сочетании с каждым из коммуникативных глаголов отмечаются предпочтения в выборе маркера (см. табл. 3.3).

Максимально широкой сочетаемостью характеризуется глагол *сказать*, формулируя максимально нейтральный перформатив с точки зрения указания на существенность информации, важность сообщения. Встраиваемый в любой контекст, он может использоваться с любым из деонтических маркеров, при этом наиболее частотно, в половине случаев, фиксируется с безличным предикатом *надо* ($\approx 50\%$) и в 1/3 случаев с маркером *должен*.

Представляется возможным говорить о четкой доминанте в выборе модального маркера в группе деонтических перформативов с такими ментальными иллокутивами, как *отметить*, *подчеркнуть*, *обратить внимание*, *повторить*, и о большой дисперсии употребительности деонтических маркеров для лексем *упомянуть*, *добавить*, *напомнить*, *остановиться* (см. табл. 3.3). Первые маркируют существенность информации, вторые, за исключением *напомнить* и *остановиться*, вводят второстепенную информацию. Самыми употребительными модальными маркерами оказываются здесь два безличных показателя: *следует* и *надо*. Модальный предикат *следует*, указывающий на целесообразность действия в данном контексте, фиксируется в диапазоне 40–70 % в комбинации с глаголами *подчеркнуть*, *обратить внимание*, *указывать*, *остановиться*, а также с глаголом *отметить*, нейтральным с точки зрения важности сообщения. Предикат *надо* отмечается в 30–40 % в сочетании с глаголами *заметить*, *добавить*, *напомнить*.

Ментальные глаголы *усомниться*, *выразить предположение/сомнения* *сделать вывод* фиксируются с ограниченным набором деонтических маркеров, самыми употребительными оказываются *надо* и *следует*. Употребление перформативов с глаголами *заклучить* и *предположить* фиксирует больший набор деонтическим лексем, однако наиболее частотно отмечается маркер *следует* (40–50 %).

Глагол *упомянуть* свидетельствует о второстепенности сообщения, а лексемы *затронуть тему*, *коснуться вопроса* используются для тематической организации речевого произведения, что позволяет им употребляться в 1/3 случаев с эмфатизированными маркерами *нельзя не* и *не могу не*. В деонтических комбинациях с устойчивыми сочетаниями *остановиться на чем-л.* (*вопросе* т. п.), используемых для актуализации темы, введения нового топика, отмечается личный предикат *должен*.

Глаголы *уточнить* ('бегло, вскользь коснуться чего-л., сообщить о чем-л.'), *объяснить* ('сообщить кому-либо суть, подробности смысла чего-либо') комбинируются в более половины случаев с предикатом *должен* ($\approx 50\%$).

Наличие аксиологического «следа» в конструкциях с глаголом *констатировать* обуславливает тот факт, что в них чаще содержится безличный деонтический маркер *приходится* (61 %).

Что касается немецкого языка, то здесь следует говорить о выборе в деонтическом перформативе между личной и безличной формой модального глагола *müssen*. Комбинации с деонтическим маркером *müssen* и глаголом *sagen* фиксируются в выборке в 74 % в личной форме (*ich muss*). Перформативы с ментальными иллокутивами *hinzufügen* 'добавить' (65 %), *erinnern* 'напомнить' (87 %), *vermuten* 'предположить' (76 %) отмечаются чаще в структуре с модальным предикатом в безличной форме, что снижает категоричность высказывания, делая его прагматически нейтральным, ср.:

(581) *Schöner kann man es nicht sagen. Man muss nur eines hinzufügen: Versöhnung muss immer wieder neu gestaltet werden* (Die Zeit, 20.10.2016 (online)). 'Красивее не скажешь. Остается добавить только одно: примирение нужно организовывать снова и снова.

(582) *Dieser Bericht hat im Ostministerium Empörung hervorgerufen, [...] Ich muss bemerken, dass die Polizei ihre eigene Gerichtsbarkeit hatte, in die das Ostministerium nicht eingreifen konnte* (о. А.: Einhundertneunter Tag. Dienstag, 16.04.1946 // Der Nürnberger Prozess, Berlin: Directmedia Publ. 1999 [1946], S. 13923). 'Этот отчет вызвал возмущение в Восточном министерстве, [...] Я должен отметить, что у полиции была своя собственная юрисдикция, в которую Восточное министерство не могло вмешиваться'.

В комбинациях с иллокутивом *wiederholen* 'повторять' (86 %), *bemerken* 'заметить' (77 %), *bestätigen* 'подтвердить' (89 %), *erwähnen* 'упомануть' (74 %), более употребительной оказывается личная форма деонтического предиката, которая сигнализирует об усилении экспрессивности. В случае с речевыми глаголами *betonen* 'подчеркнуть' и *feststellen* 'констатировать' доля личной и безличной формы примерно одинакова.

Таким образом, семантика речевого глагола определяет направление действия иллокутивной силы деонтических перформативов, которые реализуют *репрезентативную* и *экспрессивную*, *суггестивную* (предупреждение) иллокуции. Коммуникативные глаголы переключают перформативное высказывание из одного коммуникативно-прагматического поля репрезентативности в другое, в результате деонтические перформативы осуществляют акты сообщения, утверждения, заверения, констатации, объяснения, признания. Кроме этого перволичная конструкция реализует акт негативной оценки, возражение.

Ментальные иллокутивы управляют восприятием и фокусируют внимание, позволяя деонтическим перформативам нюансировать логическое структурирование речевого произведения.

Деонтические перформативы активно участвуют в маркировании несогласия, коммуникативно выделяя вводимое сообщение, которое выступает аргументом.

Употребительность того или иного маркера в сочетании с тем или иным коммуникативным глаголом в русском языке лежит в какой-то степени в плоскости семантики модального предиката и речевого глагола. Широта сочетаемости деонтического маркера *должен* и речевого глагола *сказать* обусловлена обобщенностью их семантики. Преобладающее использование личной формы модального глагола в конструкциях с иллокутивами в русском языке и с ментальными иллокутивами в немецком языке позволяет авторизовать высказывание и усилить экспрессивность высказывания.

3.3.3. Функциональные характеристики деонтических перформативов

Деонтические перформативы участвуют в организации текста, а также в содержательной и информационной характеристиках последующего сообщения.

Информационные характеристики затрагивают такие аспекты сообщений, которые вводит деонтическое высказывание, как значимость/второстепенность информации и фактитивность/путативность, что позволяет деонтическому перформативу участвовать в решении различных прагматических и коммуникативных задач.

Что касается функциональной оппозиции «фактитивность/путативность», то здесь всем деонтическим перформативам противопоставляются конструкции с эпистемическими глаголами *предполагать/vermuten* и *высказывать сомнение, усомниться/zweifeln*, которые используются говорящим для снижения категоричности последующего сообщения либо для указания на информацию, в которой говорящий не уверен:

(583) *Es muss vermutet werden, dass sie auch schon zu der Zeit, als sie Margarete Steffin im Hospital betreute, unter Beobachtung des Geheimdienstes stand* (Berliner Zeitung, 06.06.2002). ‘Надо полагать, что она уже находилась под наблюдением секретной службы, когда ухаживала за Маргарет Стеффин в больнице’.

(584) *Вы – еврей, гражданин Израиля – ее не знаете? Не верю. Потому вынужден предположить, что вы сознательно умалчиваете ее. Поскольку под полную квалификацию геноцида подпадают не только некоторые действия немцев против граждан СССР, но даже и некоторые ваши с «вполне объективным Алексеем» призывающие к действию высказывания* (коллективный форум: директива по поведению немецких войск в России. Обсуждение (2012)).

Подобные высказывания малоупотребительны, основной же функцией перформатива выступает выражение информационной значимости¹ последующего сообщения.

3.3.3.1. Деонтические перформативы в фиксации информационной релевантности сообщения

Деонтический перформатив служит прежде всего для переключения внимания на содержательные фрагменты текста, наиболее существенные с коммуникативной точки зрения. Деонтическая конструкция, таким образом, реализует регулятивную и организующую функции и, следовательно, служит средством осуществления кооперативных постулатов речевого общения, принципа коммуникативного сотрудничества, что относится, однако, к любому модализованному перформативу. Предвосхищая концептуально и коммуникативно значимые части текста, перформатив создает так называемую ситуацию «внутреннего ожидания» [Пфютце 1978, с. 220].

Важной функциональной характеристикой деонтического перформатива является маркирование значимости информации, представленной пропозицией речевого глагола в придаточном изъяснительном, как важной или второстепенной.

Информационная значимость может базироваться как на важности фактологических данных, так и на оценке, как правило, негативной, ср.:

(585) *Что касается абсолютных показателей, то я должен сказать, что в прошлом году это было 29,7 млрд долларов* (В. В. Путин. Выступление на прессконференции по итогам переговоров с С. Берлускони // Дипломатический вестник, 25 мая 2004).

(586) *Тогда я промолчал, но теперь я обязан сказать, что это было подлостью* (В. Кин. По ту сторону (1928)).

(587) *Ich muss sagen, dass ich eine sehr schwierige Zeit hatte, weil mein Sohn vor zwei Monaten gestorben ist* (Die Zeit, 20.04.2015 (online)). ‘Я должен сказать, что у меня было очень тяжелое время, потому что два месяца назад умер мой сын’.

¹ Отметим, что в лингвистической литературе, посвященной исследованию текстовой информации, описываются различные ее признаки, которые сложным образом взаимодействуют и по-разному соотносятся друг с другом, как, например, релевантность (порождающая различные контекстуальные эффекты), информационная ценность, семантическая нетривиальность информации, информационная значимость. Категория «информационная значимость» включена в число коммуникативных смыслов и подразумевает ситуативную адекватность информации, ее соответствие ситуации, необходимостью построения речевого произведения.

В данной работе мы используем синонимично понятия «информационная значимость», «важность», «релевантность», которые позволяют определить значимую информацию как основную и менее значимую как второстепенную/дополнительную/сопутствующую.

Вводимая перформативом информация используется в аргументативных целях, почему должно быть принято решение и совершены определенные действия. Деонтическая семантика высказывания подчеркивает пользу от речевого действия, которое позволяет обратить внимание на существенность аргумента. Само содержание пропозиции речевого глагола в деонтических перформативах свидетельствует о том, что текущее положение дел требует изменений. При этом в дальнейшем контексте говорящий сообщает о планируемых или потенциальных действиях, которые изменят ситуацию:

(588) *Вместе с тем, несмотря на всё моё уважение к его теннису, должен сказать, что сам я выглядел как жалкое подобие настоящего Агасси. Я должен действовать агрессивнее, да и вообще мне многое нужно улучшить в своей игре* (Р. Шидловский. Кто хочет стать первой ракеткой. Лейтон Хьюитт проявляет большее рвение, чем Андре Агасси // Известия, 14 ноября 2001).

(589) *Ведь время нынче, к сожалению, совсем другое... Должен констатировать: гранты и контракты сегодня суммарно дают столько же, сколько государство. Это очень мало. Нужно искать новые подходы...* (В. Губарев, Академик Геннадий Месяц: интеллект в России по-прежнему надо защищать! // Наука и жизнь, 2006)

Как показывают наблюдения, деонтические перформативы вводят сообщение, которое выражает согласие/несогласие (как правило, несогласие). Пропозиция речевого глагола, указывая в случае несогласия на неправоту собеседника, на его ошибочное, ложное суждение, не соответствующее реальному положению дел, демонстрирует верную, правильную точку зрения на обсуждаемое явление или факт реальной действительности. Поскольку сообщение отражает либо позицию, противоположную позиции адресата, либо несоответствующую предшествующему высказыванию, то подобные перформативы содержат противительный союз *но/aber*:

(590) *Но все же я должен заявить, что в некоторых важнейших отношениях рассуждения Солженицына кажутся мне неверными, причем как раз в наименее тривиальных вопросах* (А. Д. Сахаров. О письме Александра Солженицына «Вождям Советского Союза» (1974)).

(591) *Они в вас многое теряют, но только я должен сказать: я с вами все-таки никак не согласен* (Ю. О. Домбровский. Обезьяна приходит за своим черепом, часть 2 (1943–1958)).

Деонтические перформативы с семантикой предупреждения вводят оценочное сообщение: информация отрицательного характера является аргументом для неосуществления определенных действий адресатом:

(592) *Да, конечно, вы можете с ним поговорить, но должен предупредить, выбор весьма неудачный!* (Н. Дежнев. В концертном исполнении (1993))

(593) *Das Aushandeln von Löhnen und Arbeitszeiten sei Angelegenheit der Tarifpartner, betonte der Sächsische Staatsminister für Wirtschaft und Arbeit, Martin Gillo (CDU). «Aber ich muss warnen», erklärte er: «Die neuen Bundesländer haben erst die halbe Strecke Aufbau Ost zurückgelegt»* (Berliner Zeitung, 19.05.2003). 'Переговоры о заработной плате и рабочем времени являются делом партнеров по коллективным переговорам, подчеркнул государственный министр экономики и труда Саксонии Мартин Джилло (ХДС). «Но я должен предупредить вас, – объяснил он: – новые федеральные земли осуществили только половину пути строительства к востоку»'.

Деонтический перформатив сам по себе является экспликатом важности последующего сообщения. Отметим, что большинство коммуникативных глаголов являются «нейтральными маркерами» значимости информации (ср. *сказать, сообщить, отметить, заметить, дополнить, добавить, уточнить, объяснить*). Так, наиболее употребительны перформативы с глаголом *сказать/sagen* и *отметить* (см. 3.3.2). В сочетании с деонтическими маркерами *надо, нужно, должен*, нейтральными с точки зрения категоричности деонтического значения, указанные инфинитивы маркируют информационную значимость без ее дополнительного акцентирования:

(594) *«Ich muss sagen, was die französische Staatsanwaltschaft dargestellt hat, ist in der Tat mehr als erschütternd», sagte Bundesverkehrsminister Alexander Dobrindt (CSU) am Donnerstag in Berlin* (Die Zeit, 26.03.15 (online)). '«Я должен сказать, что то, что представила французская прокуратура, действительно, более чем шокирующе», – заявил в четверг в Берлине федеральный министр транспорта Александр Добринд (ХСС)'.

(595) *Еврей-крестьянин – сочетание, надо отметить, довольно редкое* (С. Довлатов. Наши (1983)).

(596) *Ich muss bemerken, dass dieser Angriff der deutschen Luftwaffe bis zum Ostermorgen dauerte* (о. А.: Neunundsechzigster Tag. Mittwoch, 27. Februar 1946. In: Der Nürnberger Prozeß, Berlin: Directmedia Publ. 1999 [1946], S. 9075). 'Должен отметить, что эта атака люфтваффе Германии продолжалась до пасхального утра'.

Исходя из своих прагматических целей и для эффективного воздействия на слушающего, говорящий может изменять усиливать или ослаблять значимость сообщения, вводимого деонтическим перформативом, варьируя наполнение конструкции.

3.3.3.1.1. Интенсификация информационной значимости сообщения

Убежденность в важности сообщения может манифестироваться различным образом. Так, благодаря определенным коммуникативным глаголам, некоторым деонтическим маркерам в русском языке, а также различным факультативным компонентам значимость сообщения может интенсифицироваться.

1. Коммуникативный глагол

Усилению информационной значимости сообщения способствуют следующие коммуникативные глаголы:

– такие ментальные иллокутивы, как *подчеркнуть/betonen*, *обратить внимание на/aufmerksam machen auf*, *повторить/wiederholen*, *напомнить/erinnern* ('специально, особо выделить'), которые в том числе могут усиливаться эмфатическими маркерами *особо/особенно/besonders*;

– собственно иллокутивы предупреждения, согласия, признания;

– категоричные иллокутивы извещения *заявить/erklären*, *констатировать/feststellen* и некоторые другие, например:

(597) *Должен особо подчеркнуть, что выполнению новых, возложенных на меня с 1928 года обязанностей, помог мне полученный опыт работы на Украине – это была серьезная школа работы в масштабе государственном* (Л. М. Каганович. Памятные записки (1991)).

(598) *Но находящееся в ее руках количество полномочий по-прежнему не соответствует качеству власти. Должен подчеркнуть, что такая власть в значительной степени имеет своим источником ни что иное, как избыточные функции госорганов* (В. Лебедев. Апрельско-майские тезисы президента (2003)).

(599) *Ich muss betonen, dass mir jegliche Autorität fehlt, um über den Journalismus objektiv zu berichten, aus einer fernen, kühlen Distanz* (Die Zeit, 12.12.2016, № 51). 'Я должен подчеркнуть, что у меня нет возможности объективно говорить о журналистике на расстоянии'.

(600) *Der Zentralrat der Juden in Deutschland hatte – und hier muss man es ganz besonders betonen: gegen allen Widerstand von innen und außen – erheblich dazu beigetragen, dass die Bundesrepublik wieder in die Völker- und Staatengemeinschaft aufgenommen werden konnte* (Archiv der Gegenwart, 2001 [2000]). 'Центральный совет евреев в Германии – и здесь следует особо подчеркнуть: вопреки всей оппозиции изнутри и извне – внес значительный вклад в то, что Федеративная республика могла быть снова принята в сообщество наций и государств.'

(601) *Должен обратить внимание, что все было сделано с полного согласия командования СИМ, более того, по приказу начальника СИМ, каковым в то время являлся генерал Роатта* (Д. Прохоров. Месть Муссолини// Криминальный отдел, 2012).

(602) *Dabei muss darauf aufmerksam gemacht werden, dass ein zweiter Weg zur Bildbeschreibung über die Bilderzählung führt, wenn diese immer mehr beschreibende Züge annimmt* (Brumme, G.-M. Muttersprache im Kindergarten, 1981 [1966], S. 126). 'При этом следует обратить внимание на то, что второй способ описания картинки – повествование, приобретает все более описательные черты'.

(603) *Товарищи! Я должен заявить следующее. Я действительно не разделяю некоторых научных концепций* (В. Дудинцев. Белые одежды (1987)).

Экспликация заверения/декларации достоверности сообщения, которая свойственная для глагола *констатировать*, усиливает важность пропозиции коммуникативного глагола. Кроме этого, в немецком языке глагол *feststellen* характеризует в том числе настоятельность: «mit Entschiedenheit sagen, nachdrücklich aussprechen» ‘говорить решительно, решительно’:

(604) *В ячейках, находящихся на пересечении строк и столбцов таблицы, указываются методы реализации информационных атак. Необходимо констатировать, что основным преимуществом рассмотренной модели информационной атаки является ее простота и универсальность* (В. А. Сердюк. Анализ современных тенденций построения моделей информационных атак // Информационные технологии, 2004).

(605) *Die Kluft zwischen den Wachstumsregionen und schwach entwickelten Gebieten wird größer. Auch ich muss feststellen, dass Osten schon lange nicht mehr gleich Osten ist* (Berliner Zeitung, 20.07.2004). ‘Разрыв между регионами все увеличивается. И должен констатировать, что Восток уже давно не тот Восток’.

Перформативы с глаголами *напомнить/erinnern* и *повторить/wiederholen* указывают на повторность речевого действия, что подчеркивает значимость сообщения (ср. трансформации у А. Вежбицкой: должен напомнить, что р. = говорю для того, чтобы ты вспомнил: р. (= говорю для того, чтобы ты знал то, что ты забыл = говорю для того, чтобы ты знал то, что ты знал раньше и чего ты не знаешь сейчас [Вежбицкая 1978, с. 415]).

Деонтические конструкции с глаголами *согласия* относятся к иллокутивно зависимым речевым актам, характеризующимся как «речевой акт, иллокутивное назначение которого всецело детерминировано иллокутивным назначением какой-либо предшествующей реплики» [Баранов, Крейдлин 1992, с. 86]. Они возникают в реактивных высказываниях, их задача особо акцентировать, что говорящий признает достоверным:

(606) *Wir müssen gestehen, bei der 200-Euro-Frage wären wir gescheitert* (Die Zeit, 18.11.2011, № 47). ‘Мы должны признать, что мы не смогли бы решить вопрос о 200 евро’.

2. Деонтический маркер

Существенную роль в интенсификации значимости сообщения в русском языке играют такие деонтические предикаты, как модальные единицы с двойным отрицанием, как *не могу не, нельзя не*, лексемы *необходимо, обязан*, а также деонтические авторизованные предикаты, указывающие на субъективно осознанную необходимость последующего сообщения (*считаю необходимым, своим долгом*), например:

(607) *Считаю необходимым сказать, что в настоящее время наши финансовые и планирующие организации, совершенно некомпетентные в творческих вопросах, в погоне за сиюминутной, не очень большой прибылью в перспективе теряют огромные суммы в валюте* (В. Чернов. Талант на экспорт // Огонек, 1990).

(608) *Чтобы для вас не было неожиданностью, я обязан сказать вам, что прибыл маршал со всем генералитетом, они сидят в царском ряду...* (Т. Я. Окуневская. Татьяна день (1998)).

Интенсификация деонтической семантики при помощи двойного отрицания повышает значимость последующей пропозиции. Двойное отрицание в структуре русских маркеров *не могу не, нельзя не* ведет к приобретению деонтической конструкцией эмфатического характера и усилению ее категоричности. Такие конструкции возникают в контекстах, в которых актуализуются причины, указывающие на невозможность умалчивания о некотором положении дел в данной ситуации, поэтому в подобных деонтических высказываниях фиксируются указательные маркеры, а также предложные конструкции и деепричастные обороты, фиксирующие одновременность:

(609) *Здесь нельзя не упомянуть о том, сколь удобно и легко «особое знание» интеллигенции может оборачиваться «прикладным» неведением, снимающим в реальной жизни всякую ответственность* (Р. Черепанова. Интеллигенция и «тайное знание» // Неприкосновенный запас, 2010).

(610) *Затронув тему абстрактно-материальной поэтической машины, нельзя не сказать, что в компьютерную эпоху она оказывается в неожиданной конкуренции с вполне конкретной машиной по производству стихов – компьютерной программой* (О. В. Аронсон. Коммуникативный образ. Кино. Литература. Философия. Ч. I (2007)).

(611) *При всем моем негативном отношении к выходкам современного мирового гегемона не могу не сказать: его уход в тень может произойти в крайне неудачный момент – ведь век ожидается нестабильный* (А. Крушанов. Стартовая динамика века: приговор или повод задумать // Знание – сила, 2009).

3. Факультативные компоненты

а) Повысить значимость сообщения за счет усиления категоричности высказывания, подчеркивания уверенности в необходимости (в формулировке, суждении и т. д.) позволяют модальные слова категорической достоверности *natürlich/с глубоким убеждением, несомненно, конечно, действительно/wirklich* и частица с тем же значением *auch*, например:

(612) *Ich muss wirklich sagen, dass mir diese Unterstützung Kraft gibt* (Berliner Zeitung, 22.05.2004). ‘Я действительно должен сказать, что эта поддержка дает мне силы’.

(613) *Es ist so gewaltig. Ist eine mächtige Pfütze, muss ich auch sagen* (Legenden om vaktuglene, 2010 (Filmuntertitel)). ‘Огромная. Должен сказать, действительно гигантская лужа’.

б) В немецком языке в деонтический перформатив включаются несколько эмфатических единиц, интенсифицирующих значимость сообщения: *unbedingt* ‘непременно’, *nachdrücklich/ausdrücklich* ‘решительно’, усилительно-противительная частица *aber*, усилительная частица *einfach*, при этом в качестве коммуникативного глагола в большинстве случаев используется *sagen* ‘сказать’:

(614) «*Ich muss einfach sagen, dass Lady Gaga eine wunderbare Künstlerin ist, die ich sehr respektiere ...*», *findet Justin* (Die Zeit, 20.07.2010 (online)). ‘«Я просто обязан сказать, что Леди Гага – замечательный артист, которую я очень уважаю. ... », считает Джастин’.

(615) *Man muss unbedingt sagen, dass alles Seiende, in welcher Form es auch ist, von Gott ist* (Hirschberger, J.: Geschichte der Philosophie, Bd. 1: Altertum und Mittelalter. In: Mathias Bertram (Hg.): Directmedia Publ. 2000 [1948], S. 9535). ‘Обязательно надо/важно сказать, что все, что есть, в какой бы форме оно ни было, исходит от Бога.’

В русском языке имеется аналогичный набор интенсификаторов (лексемы *обязательно, непременно, просто, категорически, решительно*). При этом лексема *безусловно* относится к модусу деонтического высказывания, маркеры *обязательно, непременно, просто* к деонтическому предикату, а слова *категорически, решительно* к коммуникативному глаголу, ср. трансформации: *я просто обязан сказать* → *я говорю, потому что просто обязан* (существует абсолютная необходимость) ≠ *я просто говорю, потому что обязан*:

(616) *Обязательно должен добавить, что переплестать книги «на продажу» смысла нет ...* (Форум: Реставрация книг. Переплетное дело (2007)).

(617) *Теперь же я непременно должен сказать, что тем туристам, которые заезжают по Волге в Самару, грех не завернуть в Оренбург, до которого всего четырнадцать часов езды* (В. Л. Кигн-Дедлов. Переселенцы и новые места (1894)).

(618) *Безусловно, следует отметить, что большинство современных пакетов имитационного моделирования позволяет пользователю включать в модель собственные компоненты, [...]* (А. Ю. Савинков. Синхронизация и верификация в имитационном моделировании // Информационные технологии, 2004).

Сочетание интенсификаторов с тем или иным модальным маркером зависит от степени категоричности, заложенной в семантике деонтического предиката, ср.:

усилитель	Деонтические маркеры по степени увеличения категоричности					
	(я) должен	надо	следует	необходимо	считаю необходимым	обязан
<i>просто</i>				+	+	+
<i>совершенно</i>				+	+	
<i>безусловно</i>		+	+	+		
<i>обязательно</i>	+	+				
<i>решиительно</i>	+		+			
<i>категорически</i>	+					

Чем меньшим обязывающим характером обладает деонтический показатель, тем более сильный интенсификатор используется в конструкции. Так, например, включение в деонтическую конструкцию эмоционально-усилительной частицы *просто* ('совершенно') отмечается в конструкциях только с тремя деонтическими лексемами: с предикатом *обязан*, который характеризуется более узкой областью модальных источников (институциональные нормы: правовые, служебные и т.п., моральный долг), с интенсифицированным маркером *не могу не* и безличным *необходимо*, имеющим категоричный характер, например:

(619) *И здесь просто необходимо сказать о том, что Ново-Николаевск был городом читающим ...* (М. Щукин. «Белый фартук, белый бант...» // Сибирские огни, 2013).

(620) *И здесь я просто обязан высказать свое мнение ...* (Ч. Абдуллаев. Мистерия эпохи заката (2007)).

(621) *Нет, я просто не могу не процитировать самого себя ...* (Н. М. Амосов. Дневник (1988)).

в) Интенсификации значимости способствуют различные маркеры противительности (союзы *но/doch/aber*, *несмотря на это/trotzdem* *однако/allerdings*, *freilich*, *jedoch*, *напротив/im Gegenteil*; *тем не менее/все-таки/все же/dennoch*, *immerhin* и т.п.), которые указывают на несоответствие предшествующего высказывания/контекста достоверности или представлениям говорящего. Несмотря на то, что маркеры противительности свидетельствуют о дополняющем характере вводимой пропозиции, исследователи отмечают, что они маркируют коммуникативное соотношение между соединяемыми пропозициями, окрашивая вводимую пропозицию как коммуникативно главную [Санников 2008, с. 248]:

(622) *Я ничего против них не имею, но должен сказать, что не рвусь представиться. Мои коллеги весьма огорчились, что не успеют свести знакомства с московскими звездами и знаменитостями* (Л. Зорин. Казанские гастроли // Новый Мир, 2008).

(623) *Отнюдь не желая вдаваться во все мелочи канцелярского быта, я все-таки должен остановиться на этом моменте, так как, по сущности, это явление было и остается до сих пор типичным для советского строя ...* (Г. А. Соломон (Исецкий). Среди красных вождей (1930)).

(624) *Manchmal können Missverständnisse ja auch sehr produktiv sein. Ich muss allerdings sagen, dass ich mir inzwischen große Sorgen um den Zustand des deutschsprachigen Theaters mache* (Berliner Zeitung, 15.08.1998). 'Иногда недоразумения могут быть очень продуктивными. Все же я должен сказать, что я очень озабочен состоянием немецкоязычного театра'.

(625) *Einige sind der Meinung, dass wir aufgrund der Besorgnis über Tschetschenien eine gewisse Distanz zu Moskau haben sollten. Ich muss jedoch sagen, dass ich, obwohl ich diese Sorge teile, glaube, dass der beste Weg, diese Besorgnisse zum Ausdruck zu bringen und Ergebnisse zu erzielen, darin liegt, Russland einzubinden, und nicht darin, Russland zu isolieren* (Archiv der Gegenwart, 2001 [2000]). 'Некоторые считают, что из-за опасений по поводу Чечни мы должны сохранять дистанцию с Москвой. Однако я должен сказать, что, хотя я и разделяю эту озабоченность, я считаю, что лучший способ выразить эту обеспокоенность и добиться результатов – это вовлечь Россию, а не изолировать ее'.

д) Также сигналами исключительной коммуникативной значимости сообщения по сравнению с остальными частями текста являются такие метатекстовые маркеры, как *прежде всего, в первую очередь/zunächst, vorab, vor allem*:

(626) *Прежде всего должен сказать, что у нас существуют определенные правила приема на работу* (В. Запашный. Риск. Борьба. Любовь (1998–2004)).

(627) *Es muss vor allem darauf hingewiesen werden, dass der Entwurf es den Supermächten ermöglichen würde, sich ihres Status als Ständige Mitglieder des UN-Sicherheitsrats zur Rechtfertigung ihrer Aggressionsakte zu bedienen* (Archiv der Gegenwart, Bd. 44, 06.11.1974). 'Прежде всего необходимо указать, что проект позволит сверхдержавам использовать свой статус постоянных членов Совета Безопасности ООН для оправдания своих актов агрессии'.

е) Темпоральные маркеры *еще раз, снова, опять, вновь/noch einmal, nun wiederum* (которые в случае иных смысловых глаголов указывают на возобновляемую необходимость) также, как и ментальные иллокутивы *напомнить/erinnern* и *повторить/wiederholen*, отсылают к уже сообщенной пропозиции, что подчеркивает ее важность:

(628) *Gegenwärtig habe ich das Gefühl, dass das Verständnis für die deutschen Besonderheiten in Amerika schnell wächst. Und ich muss noch einmal sagen: Mein Vertrauen in die Person des Präsidenten, auch des Außenministers Alexander Haig, ist sehr groß* (Die Zeit, 16.04.1982, № 16). 'На данный момент у меня ощущение, что в Америке стремительно растет понимание особенностей немцев. И я еще раз должен сказать: я очень доверяю личности президента, а также министру иностранных дел Александру Хейгу'.

Таким образом, увеличение важности сообщения достигается при помощи деонтического предиката, что характерно только для русского языка, коммуникативного глагола или факультативного компонента. Важность информации усиливается благодаря семантике определенных ментальных

иллокутивов. Усилению важности сообщения способствует включение в модальный перформатив модальных слов категорической достоверности, относящихся как к модусу, так и к диктуму интенсификаторов, маркеров противительности, ранжирующих метатекстовых элементов, маркеров повтора. Дополнительная акцентуация информационной релевантности вводимого сообщения ведет к увеличению категоричности деонтического высказывания.

3.3.3.1.2. Деинтенсификация информационной значимости сообщения

1. Коммуникативный глагол

Ослабление информационной значимости фиксируется в деонтических перформативах благодаря речевым глаголам, указывающим на второстепенность информации (*упомянуть* ‘бегло, вскользь коснуться чего-л., сообщить о чем-л.’, *коснуться* /*erwähnen*):

(629) *О моих ежегодных экскурсиях в вакационное время в Ригу и Ревель я должен упомянуть, что они оставили у меня много разного рода воспоминаний* (Н. И. Пирогов. Вопросы жизни. Дневник старого врача (1879–1881)).

(630) *К тому же надо добавить, что последнее время мы наблюдаем общую инфантилизацию социума...* (коллективный форум: 12 часов в день? Не могу согласиться с М. Прохоровым (2010–2011))

Однако в таком «чистом» виде, т.е. без дополнительных распространителей, деонтические конструкции неупотребительны.

2. Факультативные компоненты

а) Ослабление информационной важности осуществляется путем расширения конструкции модальными словами низкой степени уверенности *наверное* / *vielleicht*, *wohl*, а также при помощи экспликации модуса, т.е. предикатами мнения (*думаю*/denke, *glaube*), которые участвуют в снижении категоричности:

(631) *Ich muss vielleicht erwähnen, dass deren neue CD immer noch spielt* (Der Tagesspiegel, 19.12.2000). ‘Я, наверное, должен упомянуть, что их новый CD все еще играет’.

(632) *Ich glaub’, ich muss ihnen was sagen. Ich hab weder ein Warndreieck noch einen Verbandskasten* («Weissensee» Operation Juninacht, 2010 (Filmuntertitel)). ‘Я думаю, что должен вам кое-что сказать. У меня нет ни знака аварийной остановки, ни аптечки’.

В русском языке подобная деинтенсификация отмечается только в перформативах с модальной лексемой *должен* и деонтически нейтральными безличными лексемами *надо*, *нужно*:

(633) *Оборвать эту нить я не смогу. И об этом, наверное, должен сказать ребятам* (Ю. Азаров. Подозреваемый (2002)).

(634) *Говоря о «звездном часе», наверное, надо сказать и о том, что мы и сейчас переживаем достаточно «смутные времена», но признаки выхода из него определенно есть – при том условии, что свою духовность мы не превратим в безнравственность, а сознательный выбор – в бессознательные действия* (Р. Абдулатипов. В поисках «Звездного часа» России // Звезда, 2001).

В отношении эпистемических маркеров в перформативе в русском языке, отметим, что установить однозначно, к какому из элементов конструкции они относятся, достаточно сложно, ср. трансформации: *наверное, скажу, поскольку должен и: скажу, поскольку, наверное, должен.*

б) Такие факультативные компоненты, указывающие на добавочный характер вводимой пропозиции, как *к слову, попутно, мимоходом, впрочем, между прочим/nebenbei, кстати/übrigens*, снижая значимость сообщения, говорят о том, что пропозиция не мотивирована непосредственным предтекстом, но уместна в рамках заданного ранее контекста или ситуации.

(635) *Должен, впрочем, сказать, что танцевал я плохо ...* (А. А. Татищев. Земли и люди: В гуще переселенческого движения (1906–1921)).

(636) *Говоря об освещении сцены, необходимо попутно сказать и об освещении уборных. Очень важно, чтобы свет в уборных был сильный ...* (Ю. Писаренко. Хрестоматия актера: Сборник (1930)).

(637) *Übrigens muss man einmal darauf hinweisen, dass die Länder mit der Verfassungsänderung von 1992 die Möglichkeit bekommen haben, Gesetzgebungskompetenzen zurückzuholen* (Der Tagesspiegel, 09.06.2004). ‘Между прочим, следует отметить, что конституционная поправка 1992 г. дала федеральным землям возможность восстановить законодательные полномочия’.

в) Деинтенсифицирующую функцию в составе деонтической конструкции с речевым глаголом выполняют также словосочетания, характеризующие незначительность информации: *пару слов, маленькую реплику, буквально два слова/ ein paar Worte, (mal) zwischendurch eine Kleinigkeit*, а также ограничительные частицы *только/nur*. В русском языке указанные маркеры фиксируются в корпусе только в сочетании с модальными показателями *должен и надо*:

(638) *Должен сказать два слова в защиту вгиковских рекрутов. Не всех их задержал Московский военный округ, остальные попали на фронт* (Ю. М. Нагибин. О Галиче – что помнится (1994)).

(639) *Ich muss ein paar Worte sagen zur Verteidigung der Zensoren...* (Die Zeit, 21.03.1969, № 12). ‘Я должен сказать несколько слов в защиту цензоров ...’.

(640) *Verzeihen Sie, ich muss mal zwischendurch eine Kleinigkeit sagen, weil Sie von Filmen sprachen: Es findet jetzt in der DDR ein Dokumentarfilm-Festival statt mit angeblich außerordentlich wichtigen und aufregenden Diskussionen* (Das Literarische Quartett, 30.11.1989). ‘Извините, я должен кое-

что сказать, потому что вы говорили о фильмах: сейчас в ГДР проходит фестиваль документального кино с якобы чрезвычайно важными и захватывающими дискуссиями’.

(641) *Я не буду излагать здесь ход докладов и прений, в том числе и моего доклада, я должен только сказать, что мое первое выступление у железнодорожников легло в основу всех моих дальнейших выступлений, ...* (Л. М. Каганович. Памятные записки (1991).

(642) *Also ich muss nur sagen, ein drolliges Paar* (Brief von Irene G. an Ernst G. vom 21.04.1940, Feldpost-Archive mkb-fp-270). ‘Я должен только сказать, что это смешная пара’.

г) Снижению информационной значимости способствуют различные маркеры уступительности, например:

(643) *Хотя надо сказать, что природа тогдашней Москвы была намного разнообразней, чем сейчас* (И. К. Архипова. Музыка жизни (1996)).

Таким образом, в отличие от интенсификации информационной значимости сообщения, для которой в деонтическом перформативе может использоваться любой компонент деонтической конструкции, деинтенсифицирующую роль играют только коммуникативный глагол (ментальные иллюкутивы) и определенный набор факультативных компонентов (модальные слова проблематической достоверности и эпистемические модусные предикаты, маркеры добавочного характера информации и ее незначительности, ограничительные лексемы, единицы уступительности). При этом в русском языке в конструкциях с деинтенсификаторами важности сообщения используются только нейтральные предикаты *должен, надо, нужно*.

3.3.3.1.3. Взаимодействие компонентов конструкции при маркировании важности сообщения

В модальных конструкциях наблюдается интересная картина семантического взаимодействия компонентов, которые усиливают или ослабляют информационную значимость сообщения. Здесь фиксируется как согласованное, так и рассогласованное взаимодействие, при этом подобные процессы характерны в основном для русского языка.

Разнонаправленные отношения отмечаются при включении эпистемических компонентов в конструкцию с интенсифицирующим коммуникативным глаголом, при этом поскольку сама конструкция обладает свойством артикулировать важность, то сила акцентуации не снижается, но уменьшается категоричность высказывания:

(644) *В этом смысле, я думаю, надо также обратить большое внимание на исследование генетика Эфроимсона* (В. В. Иванов. Задачи и перспективы наук о человеке (2007)).

(645) *Diese Worte wurden gewiss auch von all denen begrüßt? die mit dem Sport direkt nichts zu tun haben – aber es muss vielleicht betont werden, dass die westdeutschen Sportler nicht etwa Politik machen, sondern allein die Verbindung auf dem Gebiet des Sports pflegen wollen* (Die Zeit, 03.01.1957, № 1). ‘Неужели

все они приветствовали и эти слова? которые не имеют прямого отношения к спорту, – но, пожалуй, следует подчеркнуть, что западногерманские спортсмены не хотят заниматься политикой, а хотят только поддерживать связи в области спорта’.

Рассогласованное взаимодействие в русском языке отмечается также в конструкциях с коммуникативными глаголами, ослабляющими важность, и интенсифицирующими деонтическими маркерами:

(646) *Не могу не коснуться еще одной специфики работы в Японии – это отношения с японской коммунистической партией* (О. Трояновский. Через годы и расстояния (1997)).

Однонаправленное взаимодействие является способом дополнительного усиления важности. Им выступает комплементарное использование в рамках одной конструкции интенсивного деонтического маркера (*не могу не/нельзя не, обязан, необходимо*) и речевого глагола (*подчеркнуть, обратить внимание, заявить, констатировать/betonen, hinweisen, feststellen*) либо комбинация усиливающего речевого глагола и факультативного компонента (*обязательно, категорически, решительно, твердо, со всей ответственностью = решительно*):

(647) *Наконец, нельзя не подчеркнуть, что все утверждения об интеллектуальном преимуществе одной расы над другой ненаучны* (В. А. Мезенцев. Чудеса: Популярная энциклопедия. Т. 2. Кн. 3 (1991)).

(648) *В Указе от 6 ноября говорится не только о роспуске руководящих структур, но и прекращении деятельности самой партии. Поэтому, желая все время соглашаться с Вами, я не могу не обратить внимание на то, что все-таки прекращена деятельность и самой партии. Извините за мою настойчивость, но я ищу истину не только в логических несоответствиях, но и в существе* (А. Яковлев. Омут памяти. Т.2 (2001)).

(649) *Полностью соглашаясь с автором, необходимо подчеркнуть, что положение, выраженное в данном тезисе, было характерно для отечественной историографии конца 1990-х* (В. Цветков. «Откуда есть пошло» Белое движение // Родина, 2007).

(650) *Но прежде, чем я буду иметь честь лично представить читателю вошедшего Фому Фомича, я считаю совершенно необходимым сказать несколько слов о Фалалее и объяснить, что именно было ужасного в том, что он плясал комаринского, а Фома Фомич застал его в этом веселом занятии* (Ф. М. Достоевский. Село Степанчиково и его обитатели (1859)).

(651) *Обязательно надо подчеркнуть, что далеко не всегда в этом «виноват» мастер* (А. Сокуров. Отдельные страницы из дневников, рабочих тетрадей (1998-2007)).

(652) *Категорически должен заявить, что все эти возражения и упреки основаны на чистом недоразумении* (Н. В. Устрялов. Под знаком революции (1927)).

(653) *Должен заявить со всей ответственностью*, – твердо сказал капитан, – что мы не были в Лиде ни на каком складе (В. Богомолов. Момент истины (В августе 44-ого...) (1973)).

(654) *Со всей ответственностью я должен заявить*: эти фильмы ни в коей мере не отвечают авторскому замыслу, а в большинстве случаев искажают его (Г. Александров. Эпоха и кино (1976)).

Отметим, что в однонаправленном взаимодействии участвуют такие интенсифицирующие элементы, как маркеры противительности и повторного упоминания пропозиции, интенсификаторы настоятельности и метатекстовые единицы, ранжирующие значимость сообщения.

Таким образом, наполнение деонтического перформатива реализует следующие возможности прагмасемантического взаимодействия при актуализации информационной значимости (см. рис. 3.1):

Рис. 3.1. Взаимодействие структурно-семантических компонентов деонтической конструкции в модификации информационной значимости вводимого сообщения

Таким образом, очевидны корреляции между наполнением деонтической конструкции и ее функциональными характеристиками в плане способов маркирования информационной значимости.

В случае рассогласованного взаимодействия прагматический эффект маркирования важности сообщения не нивелируется, поскольку акцентирование информационной важности является в целом функциональной характеристикой деонтического перформатива. При согласованном взаимодействии значимость еще более усиливается, в свою очередь более сильное акцентирование пропозиции делает неоспоримой ее достоверность, что ведет к увеличению категоричности.

Перформативные деонтические структуры демонстрируют разнообразие факультативных компонентов, которые участвуют как в гармоничном, так и дисгармоничном взаимодействии при фиксации коммуникативной значимости вводимого сообщения.

Усиление и ослабление информационной значимости последующего сообщения тесно связано с увеличением категоричности высказывания.

3.3.3.2. Деонтические перформативы в реализации метатекстовой функции

Модализованные перформативы как высказывания о текущей речи, помогая адресату ориентироваться в текстовом пространстве, выполняют метатекстовую функцию [Schwitalla 1976], функцию «разнообразного комментария к выбору слова» [Норман 1994, с. 40]. Ю. Д. Апресян справедливо подчеркивает, что любой перформатив с речевым глаголом является «своего рода прагматической инструкцией по поводу того, как должно быть распределено внимание адресата при восприятии сообщаемой информации, чтобы она была усвоена оптимальным образом» [Апресян 1995, с. 151]. Управляя таким образом вниманием адресата, говорящий «экономит его мыслительные усилия в плане интерпретации, что улучшает качество восприятия дискурса» [Fischer 2000].

А. Вежбицка, описывая понятие «метатекст», отмечает, что, проясняя ««семантический узор» основного текста», метатекстовые элементы являются средством связности текста, служат для переключения внимания получателя на наиболее существенные с точки зрения автора фрагменты текста, корректируя и интерпретируя речевой поступок и активизируя анафорические и катафорические связи [Вежбицкая 1978, с. 404]. Исследователь выделяет следующие группы метатекстовых элементов, используемые:

- для введения темы высказывания;
- для установления очередности в логической последовательности;
- для указания на направление хода мысли, на связи между фрагментами высказывания;
- для установления эквивалентности или квазиэквивалентности внутри текста.

Последние демонстрируют очевидную избыточность, поскольку дублируют на метатекстовом уровне действия, которые фактически совершает говорящий самим произнесением.

Деонтические перформативы реализуют указанные роли благодаря речевому глаголу и факультативным компонентам. Отметим, что некоторые факультативные компоненты наряду с метатекстовой функцией, участвуют в маркировании информационной важности сообщения, о чем говорилось в 3.3.3.1.

1. Для тематической организации коммуникативного взаимодействия, актуализации темы, введения нового топика используются модальные комбинации с такими устойчивыми сочетаниями, как *затронуть вопрос/das Thema angehen, остановиться на чем-л.* (вопросе, возражении, замечании и т.п.):

(655) **Я должен остановиться на следующем возражении председателя Совета министров, который затронул вопрос о сверхсметных кредитах, прошедших помимо, так сказать, основного бюджета в виде дополнительных и сверхсметных кредитов...** (А. И. Шингарев. Правительство и Дума в вопросах бюджета (1912))

Следует отметить, что в немецком языке деонтических конструкций в данной функции не отмечено. В такой роли выступают волитивные конструкции, которые указывают на то, что говорящий считает правильным введение некоторого сообщения [Gloning 1997, с. 320].

2. При структурировании дискурсивного фрагмента, при переходах к последующим частям текста ведущую роль в модализованных перформативах берут на себя такие метатекстовые элементы, как *прежде всего/zunächst, vorab, vor allem, в завершение, наконец /zum Schluss, schließlich, abschließend, am Ende* и т. п., которые координируют фрагменты текста, характеризуя место последующего сообщения относительно текста в целом

(656) *Man muss aber abschließend bemerken, dass dieses Schema (wie alle anderen Schemen) nicht für alle Alkoholranke passt* (Feuerlein, W. u. Dittmar, Fr.: Wenn Alkohol zum Problem wird, Stuttgart: Thieme 1978, S. 3). 'В заключение, однако, следует отметить, что эта схема (как и все другие схемы) подходит не всем страдающим от алкогольной зависимости'.

(657) *Они могут быть враждебно настроенными. В заключение должен повторить, что мое мнение – идти на восток, в степи, и оттуда, накопив силы, грозить большевикам* (М. А. Шолохов. Тихий Дон).

При этом такие элементы, как *прежде всего/zunächst, vorab, vor allem* участвуют в актуализации, интенсификации значимости сообщения.

3. Для установления связи между текстовыми фрагментами в деонтический перформатив включаются *вместе с тем, в то же время/gleichzeitig, zugleich, dabei, к тому же/dazu, кроме этого(того)/помимо этого/außerdem/zudem, еще/noch, также/auch, дополнительно/вдобавок/im Übrigen* и т.п., которые маркируют, что вводимая пропозиция дополняет вышесказанную информацию, а также указательные наречия *здесь/hier* в значении 'на данном этапе, в этом случае, при данных обстоятельствах':

(658) *В российско-германских отношениях возникли определенные проблемы, которые, думаю, не появились бы, если бы Советский Союз продолжал существовать. Вместе с тем я должен подчеркнуть, что Германия, несмотря на изменившиеся обстоятельства, продолжала придерживаться принятых обязательств в экономической области* (М. С. Горбачев. Как это было. Объединение Германии (1999)).

(659) *К тому же надо добавить, что последнее время мы наблюдаем общую инфантилизацию социума* (Форум: 12 часов в день? Не могу согласиться с М. Прохоровым (2010-2011)).

(660) *Ich glaube, jeder, der die Möglichkeit hat, Steuern zu sparen, würde diese Möglichkeit nutzen. Außerdem muss ich sagen, dass ich schon ein paar Millionen Steuern in Deutschland gelassen habe und auch nach wie vor Steuern zahle für den Teil meines Einkommens, den ich in Deutschland erziele* (Berliner Zeitung, 06.03.1996). 'Я думаю, что любой, кто имеет возможность сэкономить на налогах, воспользуется ею. Кроме того, должен сказать, что

несколько миллионов я уже оставил в Германии на налоги, и все еще, как и прежде, продолжаю платить налоги за ту часть своего дохода, которую я зарабатываю в Германии’.

(661) *Damit das alles nicht zu traurig klingt, muss ich noch hinzufügen, dass ich nach drei Jahren zurückgekommen bin und dass meine Familie mir heute – ich bin jetzt 32 – viel bedeutet.* (Zeit Magazin, 06.10.2011, № 41) ‘Чтобы все это не звучало слишком грустно, я должен еще добавить, что я вернулся через три года, и теперь, когда мне 32 года, моя семья очень много значит для меня’.

(662) *Wenn ich über internationale Wettbewerbsfähigkeit rede, dann muss ich auch sagen: Das, was hier eingefordert wurde – die Regelung der Zuwanderung, die wir im Bundestag beschlossen haben –, müsste eigentlich eine Selbstverständlichkeit sein* (Rede von G. Schröder, Bundesregierung, 14.04.2002). ‘Если я говорю о международной конкурентоспособности, то, более того, я должен сказать, то, что здесь требовали – регулирование иммиграции, о чем мы приняли решение в Бундестаге – должно быть само собой разумеющимся’.

Связующие метатекстовые элементы употребляются в сочетании с уточнением в виде деепричастных оборотов, почему требуется дополнение:

(663) *К тому же, говоря о лжемоцях, следует упомянуть, что в Риме более полутора тысяч лет была распространена торговля не только подлинными мощами, но и, мягко говоря, сомнительными* (А. Бугаевский. О происхождении Санта-Клауса // Русский репортер, № 48 (78), 2008).

Для организации текстовой связи в деонтических конструкциях используются различные ретроспективно отсылочные показатели: в русском языке деепричастные обороты *возвращаясь к, оглядываясь назад*; в немецком языке причастия I *rückblickend, zurückblickend (betrachtet), rückschauend*, предложные словосочетания *im Nachhinein, im Rückblick, in der Rückschau, im Nachgang*, которые комбинируются только с речевым глаголом *sagen*, например:

(664) *Diese Zwangspause hatte auch etwas Gutes. Aber rückblickend muss ich sagen, dass wir sehr alleingelassen wurden. Niemand hat uns geholfen* (Zeit Magazin, 02.03.2017, № 10). ‘Этот вынужденный перерыв имел и хорошую сторону. Но, оглядываясь назад, должен сказать, что мы остались одни. Никто нам не помог’.

(665) *Ошибки, конечно же, были. Оглядываясь назад, я не могу не признать, в частности того, что, видя опасность пути, по которому шла страна, недооценивал ее глубину* (Г. Арбатов. Человек Системы (2002)).

Такую же роль выполняют различные маркеры повтора, о которых уже шла речь при описании коммуникативной значимости пропозиции (*еще раз, опять, снова wieder, immer wieder*).

4. Что касается элементов, устанавливающих эквивалентность или квазиэквивалентность внутри текста, то это относится к любому перформативу, в том числе и деонтическому. Здесь выделяется широкий набор

всевозможных комментариев: уточнения, замечания, напоминания, повторы, дополнения, добавления, упоминания, объяснения и т.п., которые реализуют определенные текстовые задачи, а именно: управление вниманием и пониманием, актуализация дополнительной информации.

О большинстве комментариев, которые осуществляются благодаря речевым глаголам, уже было сказано в 3.3.3.1 при рассмотрении вопроса их участия в оформлении коммуникативной важности пропозиции, а также при описании прагматической деонтической перформативов в 3.3.2. При этом любой из элементов, указанных в п. 1–3, употребляясь в перформативе, выполняющем различного рода комментарии, способствует реализации той или иной роли. Отдельно остановимся на некоторых нерассмотренных.

Так, деонтическая конструкция с речевыми глаголами *пояснить*, *разъяснить*, *объяснить/erklären* позволяет говорящему регулировать процесс понимания, вводя для правильной интерпретации текста информацию, разъясняющую названное положение дел:

(666) *Ich muss erklären: Mexico, Missouri, ist eine Kleinstadt östlich von Kansas City und westlich von St. Louis* (Die Zeit, 30.10.1970, № 44). ‘Я должен объяснить: Мексика, штат Миссури, это маленький городок к востоку от Канзас-Сити и к западу от Сент-Луиса’.

(667) «...тоталитаризм – это вы. [**В интересах объективности должен пояснить:** Довлатов обращается в данном случае не к советским вождям, а к владельцу «Нового русского слова».] Тоталитаризм – это цензура, [...] (Е. Рубин. Пан или пропал. Жизнеописание (1999–2000)).

Подобный деонтический перформатив содержит указательные элементы *тут*, *здесь* или такие катафорические единицы, как, например, *прежде чем (говорить)*, маркирующие как информационную важность, так и очередность в логике изложения:

(668) *Тут я должен пояснить, что незамедлительное появление дорожной полиции (не прошло и двух минут после несчастия) было следствием того, что патрульщики как раз в это время нацепляли штрафные билеты на автомобили, незаконно запаркованные в переулке, неподалеку от нас ...* (В. В. Набоков. Лолита [автоперевод с английского] (1967)).

(669) *Прежде чем говорить об этой и последующих моих работах, я должен разъяснить некоторые используемые в них представления и идеи [...]* В настоящее время общепринятой является космологическая теория расширяющейся Вселенной (А. Д. Сахаров. Воспоминания (1983–1989)).

Деонтические «префиксы» с лексемами *добавить/hinzufügen*, *упоминать/erwähnen*, *уточнить/klären* позволяют говорящему сосредоточить внимание на второстепенной информации, которая развивает и конкретизирует основную. Семантика дополнения, реализуемая данными глаголами, может поддерживаться частицами *еще/noch*, наречиями *дополнительно*, *вдобавок*, *к тому же*, выражающими взаимоотношения между предложениями:

(670) *И еще я должен добавить, что все сказанное – это моя личная позиция. Я не могу выступать от имени всей группы. Просто помните о том, что я сказал про Англию и войну в Ираке* (И. Гиллан, М. Хаген. «Ты не можешь быть классиком, пока не умер»).

Посредством конструкций, которые вводят примеры, мнения и цитаты, осуществляется управление пониманием, при этом они сопровождаются такими факультативными компонентами, как *для ясности, объективности ради, в обоснование, убедительности ради*:

(671) *Но, объективности ради, следует привести мнение одного из бывших сотрудников центра Куевды начальника отдела Тищенко Бориса Георгиевича, который перевелся в центр Баранова: – Куевда жмот, скряга, жадный* (В. И. Максимов. Дневник научного сотрудника (2005)).

Таким образом, первоначальные деонтические структуры с речевыми глаголами обладают способностью к реализации метатекстовой функции. Как средства эксплицитной организации текста деонтические перформативы показывают зависимость и взаимосвязь дискретных частей текстового целого, тем самым способствуя его пониманию. Коммуникативный глагол в деонтическом перформативе позволяет установить эквивалентность или квазиэквивалентность речевого действия внутри текста и реализовать различного рода речевые комментарии.

Благодаря факультативным компонентам деонтической конструкции дифференцируется роль перформатива в организации текста, осуществляется композиционно-логическое структурирование текста, активизируются анафорические и катафорические связи. В роли метатекстовых элементов в деонтическом перформативе участвуют маркеры: а) логической последовательности (как правило, маркеры завершения); б) содержательных переходов к последующим частям; в) противительности; г) дополнения; д) рематической актуализации (указательные лексемы текущего шага рассуждения *здесь/hier*); е) одновременности коммуникативных действий (различные деепричастные обороты: *говоря о р, надо говорить о р₁*).

ВЫВОДЫ ПО 3 ГЛАВЕ

1. Значение деонтической конструкции, ее семантика и прагматика являются результатом взаимодействия характеристик ее компонентов, которые формируют различные деонтические и иллокутивные смыслы высказывания.

Тип иллокутивной структуры деонтического высказывания демонстрирует зависимость от его языковых и внеязыковых компонентов.

Рассмотрение деонтического высказывания с учетом всех его компонентов демонстрирует, что его иллокутивная направленность гораздо шире, чем только директивность, которая обусловлена нелингвистическим компонентом модальной ситуации – деонтическим источником и благодаря ему смещается или в сторону прескриптивности, или в сторону суггестивности. Прототипическими с позиции директивности являются конструкции со второлличным деонтическим субъектом.

Деонтический маркер, представляющий семантическое ядро конструкции, и деонтический источник участвуют в модификации иллокутивных характеристик ограниченно: они лишь частично осуществляют внутрикатегориальную модификацию между *суггестивом* – *прескриптивом*. В русском языке это становится очевидным при противопоставлении структур с категоричными маркерами *обязан*, *необходимо*, реализующих только прескриптивную прагматику, всем остальным. В немецком языке лишь в определенных контекстах отмечается противопоставление прескриптивности, выраженной глаголом *müssen* (т.е. абсолютной необходимости), и более произвольного обязательства, оформленного глаголом *sollen*.

Основным модификатором иллокутивной направленности выступает деонтический субъект. Определенный тип модального субъекта в комбинации с определенным семантическим типом смыслового глагола, представленного в модальной конструкции инфинитивом, формируют высказывания различных иллокутивных типов. Прагматику директивности обуславливает включение в референциальный объем деонтического субъекта адресата, что, однако, нехарактерно для *я*-субъекта и третьеличного субъекта, не являющегося участником коммуникации.

2. Максимально вариативными с функционально-семантической точки зрения являются перволичные конструкции, своеобразие которых проявляется на уровне их иллокутивной и семантической структуры. Прагматический потенциал перволичных конструкций обусловлен в большей степени семантическим типом пропозиционального глагола. С поведенческими глаголами деонтические конструкции формируют иллокутивные конфигурации репрезентативности с элементами директивности, с ментальными глаголами – сообщение, обогащенное интеррогативными и реквестивными оттенками,

с коммуникативными глаголами – специфическую разновидность репрезентативного или экспрессивного перформативного высказывания.

Взаимодействие я-субъекта, совпадающего с субъектом речи, и различных семантических типов смыслового глагола ведет к активному переключению зон иллокуции, обуславливая как *дескриптивное* употребление конструкции, так и *перформативное*. Анализ перволичных конструкций в двух языках позволяет констатировать их функциональную универсальность.

3. Нефактивный, путативный характер деонтического высказывания и отсутствие каузируемого субъекта детерминирует дескриптивное употребление перволичных я-конструкций. Их коммуникативная цель сводится к *сообщению* о необходимости совершения говорящим некоторого действия, которое способно изменить текущее состояние вещей.

Перволичные конструкции в дескриптивном употреблении активно используются в аргументативных ходах. Аргументативные возможности деонтического высказывания обуславливают аксиологическое расширение его семантики и употребление в качестве речевого акта негативной реакции, а именно различного рода отказа. Функционируя как самостоятельно, так и в составе прагматических комбинаций с такими речевыми актами, как экспрессивы (извинение, упрек) и директивы, перволичная конструкция является или тезисом, или аргументом.

Перволичные конструкции переживают различные иллокутивные осложнения (квазисуггестивность, интеррогативность), детерминированные несколькими факторами: бенефактивностью действия для говорящего; формой речи (диалог-монолог); семантическим типом инфинитива; ролью говорящего (исполнитель действия/ каузатор действия).

Наибольшей иллокутивной вариативностью характеризуются перволичные конструкции с ментальными глаголами, которые реализуют две функции, а именно информирующую и интеррогативно-реквестивную. Во-первых, они информируют о необходимости достижения определенного ментального состояния или выполнения действия для планирования ситуации для комфортного существования говорящего; при этом сообщение осложнено псевдодирективными оттенками. Во-вторых, конструкции с ментальными глаголами *знать/wissen/kennen*, *решишь/entscheiden*, *понять/begreifen/verstehen*, *обдумать/überlegen*, *убедиться* и т.п. побуждают адресата устранить информационную лакуну говорящего.

4. Перволичные деонтические конструкции с коммуникативными глаголами составляют особый класс деонтических высказываний – деонтических перформативов, которые демонстрируют разнообразие семантических и прагматических смыслов благодаря различным коммуникативным глаголам. Многообразие коммуникативных глаголов обуславливает широкий диапазон их комбинаций с различными деонтическими предикатами

в русском языке и с личной или безличной формой модального глагола в немецком языке, предоставляя говорящему возможности моделирования и модулирования языкового выражения своего коммуникативного замысла.

Основной коммуникативной функцией деонтического перформатива является фиксация информационной значимости сообщения. Вводимая деонтическим перформативом информация выступает тезисом для принятия решений и планирования или аргументом для несогласия. Различная семантика речевых глаголов, прежде всего ментальных иллокутивов детерминирует их роль в интенсификации/деинтенсификации важности сообщения.

Коммуникативные характеристики деонтических перформативов в зависимости от входящих в их состав компонентов претерпевают различные трансформации. В усилении или ослаблении информационной важности участвуют оба обязательных компонента модальной конструкции: модальный маркер и коммуникативный глагол, а также факультативный компонент, как самостоятельно, так и во взаимодействии. В результате при фиксации информационной значимости наблюдается как однонаправленное, так и рассогласованное прагмасемантическое взаимодействие модальной единицы, коммуникативных глаголов и факультативных компонентов. Гармоничное взаимодействие ведет к дополнительному подчеркиванию важности, и увеличению категоричности и эмфатичности, дисгармоничное не ослабляет значимости, уменьшая категоричность высказывания. Такая функциональная интегральность, объединение в одной форме нескольких коммуникативно-прагматических функций, является фактором, обеспечивающим широкую семантико-прагматическую направленность деонтических конструкций с речевыми глаголами.

Языковая система ограничивает или расширяет возможности наполнения деонтического перформатива и, как следствие, возможности варьирования значимости сообщения. Возможности деонтического предиката в повышении важности сообщения, вводимого деонтическим перформативом, обусловлены системно-языковыми факторами, и реализуются только в русском языке. В результате деонтические конструкции в русском языке гораздо разнообразнее как по наполнению, так и по характеру взаимодействия обязательных компонентов, семантически взаимодополняющему, гармоничному либо контрастивному.

5. Факультативные компоненты в деонтическом перформативе представлены весьма разнообразно, в отличие от дескриптивных высказываний, в которых отмечаются только различные модусные слова, аксиологические и темпоральные маркеры. В деонтическом перформативе факультативные компоненты относятся к речевому глаголу и характеризуются определенной семантикой: деинтенсифицирующей, интенсифицирующей, ограничитель-

ной, противительной, уступительной, эмоциональной, истинностной, ранжирующей логическую последовательность, дополняющей и конкретизирующей. С одной стороны, факультативные компоненты уточняют текстовый функционал перформатива и позволяют говорящему гармонично встраивать в текстовое пространство модальные перформативные конструкции, служащие для переключения внимания адресата на наиболее существенные фрагменты текста, устанавливая связь между его элементами. С другой стороны, факультативные компоненты поддерживают реализацию коммуникативных функций деонтических конструкций, усиливая/ослабляя информационную важность вводимого сообщения, а также категоричность. В деонтическом перформативе они функционируют как самостоятельно, так и в сочетании друг с другом, помогая говорящему расширить коммуникативную специфику деонтических конструкций.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Деонтическая модальность как универсальный философский феномен выступает одной из базовых модальностей, обеспечивающих существование человека в социуме. Долженствование как неотъемлемая часть человеческого бытия позволяет субъекту упорядочить и упорядочивать реальность вокруг себя. Правила долженствования формулируются в целях стимулирования перехода от одного состояния к другому.

Деонтическая модальность как лингвистическая категория представляет собой сложный семантический феномен, органически взаимодействующий с другими базовыми онтологическими модальностями. Существование человека связано с постоянной рефлексией о положении дел, с освоением незнакомых или требующих изменения ситуаций, что предполагает оценку действий с точки зрения их вклада, их позитивного эффекта в преобразование текущего положения вещей. Подобная квалификация положений дел обуславливает активное взаимодействие деонтики с такими основными модальностями, как эпистемика (деонтическое высказывание есть мнение, социальное или говорящего, о действии по изменению положения дел), аксиология (действие оценивается позитивно, является полезным и выгодным для исполнителя) и алетика (действие осуществимо). Путативность является внутренней, ингерентной модусной характеристикой деонтического высказывания. Аксиологическое и алетическое значение составляют фундамент, или презумпции деонтического суждения. Такая естественная взаимосвязь модальностей является каркасом деонтического высказывания, демонстрирующего позитивность и выполнимость нормы.

Алетическая презумпция деонтического высказывания, воплощаясь в нем по-разному, формирует различные деонтические смыслы, которые реализуются прежде всего на поверхностном уровне при помощи отличных модальных маркеров, детерминируя существование собственно и несобственно деонтических высказываний.

Наиболее тесным образом деонтическая семантика связана с аксиологической. Несмотря на презумптивную позитивность деонтического суждения как оценочного суждения первого порядка модальные установки могут вступать в отношения противоречия, что в конкретной ситуации становится фундаментом для многочисленных прагматических приращений. Ситуативные оценки необходимого действия (этическая, волитивная, алетическая) выступают причиной возникновения несогласия с нормой, в силу этого формируется оценочное суждение второго порядка. При этом само деонтическое высказывание оказывается репрезентантом негативных смыслов только в случае несогласия, обусловленного волитивной оценкой, благодаря использованию компонентов модального высказывания (деонтического предиката, различных маркеров общей и частной оценок). Здесь отмечаются более широкие системные возможности русского языка, по сравнению с немецким.

2. Деонтическое высказывание детерминируется различного рода источниками, имеющими универсальный и ситуативный характер, границы которых дискретны. Их экспликация диктуется необходимостью четкой мотивировки осуществления действия, что определяет аргументативно-экспланаторные возможности деонтического высказывания. Также наличие в поверхностной структуре модального источника модифицирует категоричность высказывания.

Несмотря на разнообразие деонтических конструкций в русском и немецком языках, прототипической для выражения деонтического отношения к действию выступает конструкция, синтаксически представленная составным глагольным сказуемым (модально-глагольный комплекс). Деонтическая конструкция включает в себя обязательные и факультативные компоненты. В то же время обязательные компоненты могут элиминироваться в поверхностной структуре (структурный, контекстный, семантический эллипсис).

Разнообразие языковой реализации структурно-семантических компонентов деонтической конструкции (богатство деонтических маркеров в русском языке, многообразие смысловых глаголов и типов семантического субъекта, а также широкая представленность факультативных компонентов различной семантики) и их содержательная гетерогенность предоставляет обширные возможности для осуществления вариативных семантико-прагматических задач. В русском и немецком языках деонтические маркеры отличаются качественно и количественно, системные возможности немецкого языка ограничивают возможности нюансировки деонтического отношения.

Категориальные операторы отрицания и времени модифицируют семантику деонтической структуры, смещая ее в зону алетических (для отрицания) и аксиологических смыслов.

Типичная для деонтического высказывания, выраженного грамматической формой настоящего времени, семантика проективности реализуется различным образом, тесно коррелируя с семантическим типом смыслового глагола. Перенесение конструкции в темпоральный план прошлого при рассуждении о настоящем расширяет значение высказывания оценочными смыслами. То же происходит при темпоральной локализации деонтических высказываний, обусловленных универсальными, конвенциональными нормами. Употребление в деонтической конструкции темпоральных показателей, уточняющих многообразные временные аспекты, обеспечивает осуществление высказыванием текстовых и прагматических задач. Рассмотрение темпоральных характеристик деонтических конструкций в двух языках позволяет констатировать их идентичность в плане прагматических и семантических свойств.

3. Значение деонтической конструкции, ее семантика и прагматика не является формальной суммой значений ее компонентов, а представляет собой результат сложного переплетения их семантико-прагматических свойств и характеристик, что позволяет адресанту нюансировать тонкие коммуникативные оттенки деонтического значения.

Каждый из структурных компонентов деонтической конструкции вносит свой вклад в формирование прагмасемантической специфики модального высказывания. Обязательные компоненты детерминируют иллокутивное значение деонтического высказывания в разной степени (смещая ее в рамках одной иллокутивной категории или переключая в другое иллокутивное поле). Факультативные компоненты конкретизируют или поддерживают ее семантику, встраивают конструкцию в текстовую ткань.

Наибольшими возможностями в плане переключения иллокутивных характеристик высказывания выступает деонтический субъект. Максимальными потенциями обладает перволичный субъект, совпадающий с субъектом речи, который порождает иллокутивное разнообразие деонтических структур, употребляемых как дескриптивно, так и перформативно.

Дескриптивное употребление перволичных конструкций обусловлено отсутствием каузатора действия. Объединение репрезентативности и квазидирективности (свойственной высказыванию благодаря деонтическому источнику) в дескриптивных я-конструкциях позволяет говорящему выражать различные коммуникативные оттенки деонтических смыслов. Перволичные структуры активно используются в аргументативных высказываниях, а также в комбинации с иными речевыми актами (экспрессивами и директивами), обогащаясь различными прагматическими смыслами.

Перформативное употребление перволичных конструкций определяется как деонтическим я-субъектом, так и семантическим типом смыслового глагола (коммуникативные глаголы). Деонтические перформативы реализуют две основные функции: они фиксируют характер информации (главная/второстепенная) и ориентируют адресата в текстовом пространстве.

Анализ перволичных конструкций в двух языках позволяет констатировать их функциональную универсальность.

Лингвопрагматический и речеактовый ракурс исследования продемонстрировал семантическое разнообразие модальных конструкций, позволил представить механизмы прагматического смыслообразования, установить функциональную нагрузку компонентов деонтического высказывания в формировании его прагматического значения и правила его прагматической интерпретации. Методика предпринятого исследования может быть использована для установления иллокутивной специфики иных модальных конструкций.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аверина, А. В.* Модальный синтаксис немецкого языка / А. В. Аверина ; Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области, Моск. гос. обл. ун-т. – М. : МГОУ, 2019. – 141 с.
2. *Аверина, А. В.* Взаимопересечение категорий казуальности и модальности в современном немецком языке / А. В. Аверина // Глагольные и именные категории в системе функциональной грамматики. – СПб., 2013. – С. 8–13.
3. *Агации, Э.* Человек как предмет философии / Э. Агации // *Вопр. философии.* – 1989. – № 2. – С. 24–35.
4. *Адамец, П.* Очерк функционально-трансформационного синтаксиса современного русского языка (I. Однородные предложения) / П. Адамец. – Прага, 1973 (ротапринт) : Premysl Adamec. Praha Stat. Ped. Nakl-vi, 1973. – 136 с.
5. *Апресян, Ю. Д.* Перформативы в грамматике и словаре / Ю. Д. Апресян // *Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз.* – 1986. – № 3. – С. 208–223.
6. *Апресян, Ю. Д.* Проблема фактивности: *знать* и его синонимы / Ю. Д. Апресян // *Вопр. языкознания.* – 1995. – № 4. – С. 43–63.
7. *Апресян, Ю. Д.* Избр. труды : в 4-х т. / Ю. Д. Апресян – М. : Языки русской культуры, 1995. – Т. 2 : Интегральное описание языка и системная лексикография. – 766 с.
8. *Апресян, Ю. Д.* Системообразующие смыслы «знать» и «считать» в русском языке / Ю. Д. Апресян // *Русский язык в научном освещении.* – 2001. – № 1 (1). – С. 5–26.
9. *Апресян, В. Ю.* Для и ради: сходства и различия / В. Ю. Апресян // *Вопр. языкознания.* – 1995. – № 3. – С. 17–27.
10. *Апресян, В. Ю.* Уступительность: механизмы образования и взаимодействия сложных значений в языке / В. Ю. Апресян. – М. : Языки славянской культуры, 2015. – 288с.
11. *Аристотель.* Сочинения : в 4-х т. / Аристотель. – М. : Мысль, 1976. – Т.1 : *Метафизика.* – 550 с.
12. *Аристотель.* *Метафизика.* Переводы. Комментарии. Толкования / Аристотель; сост. С. И. Еремеев. – СПб. : Алетейя, Киев : Эльга, 2002. – 832 с.
13. *Арутюнова, Н. Д.* Предложение и его смысл: логико-семантические проблемы / Н. Д. Арутюнова ; АН СССР, Ин-т языкознания. – М. : Наука, 1976. – 383 с.
14. *Арутюнова, Н. Д.* Аксиология в механизмах жизни и языка / Н. Д. Арутюнова // *Проблемы структурной лингвистики.* – М. : Наука, 1984. – С. 5–23.
15. *Арутюнова, Н. Д.* Истоки, проблемы и категории прагматики / Н. Д. Арутюнова, Е. В. Падучева // *Новое в зарубежной лингвистике; Вып. 16. Лингвистическая прагматика, общ. Ред. Е. В. Падучевой.* – Прогресс, 1985. – С. 21–38.
16. *Арутюнова, Н. Д.* Аномалии и язык (К проблеме языковой «картины мира») / Н. Д. Арутюнова // *Вопр. языкознания.* 1987. – № 3. – С. 3–19.

17. Арутюнова, Н. Д. Типы языковых значений: оценка, событие, факт / Н. Д. Арутюнова; отв. ред. Г. В. Степанов ; АН СССР, Ин-т языкознания. – М. : Наука, 1988. – 338 с.
18. Арутюнова, Н. Д. «Полагать» и «видеть» (к проблеме смешанных пропозициональных установок) / Н. Д. Арутюнова // Логический анализ языка: проблемы интенциональных и прагматических контекстов : сб. ст. / АН СССР, Ин-т языкознания; отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1989. – С. 7–30.
19. Арутюнова, Н. Д. Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модальность, дейксис / Н. Д. Арутюнова, Т. В. Булыгина, А. А. Кибрик [и др.]; отв. ред. Т. В. Булыгина, Рос. акад. наук, Ин-т языкознания. – М. : Наука, 1992. – 280 с.
20. Арутюнова, Н. Д. Язык цели / Н. Д. Арутюнова // Логический анализ языка: Модели действия : сб. ст. / Рос. акад. наук, Ин-т языкознания; отв. ред. Н. Д. Арутюнова, Н. К. Рябцева. – М.: Наука, 1992. – С. 14–23.
21. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. изд. 2-е, испр. – М. : Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
22. Бабайцева, В. В. Односоставные предложения в современном русском языке / В. В. Бабайцева. – М. : Просвещение, 1968. – 160 с.
23. Баранов, А. Н. Иллокутивное вынуждение в структуре диалога / А. Н. Баранов, Г. Е. Крейдлин // Вопр. языкознания. – 1992. – № 2. – С. 84–99.
24. Баранов, А. Н. Заметки о *дескать* и *мол* / А. Н. Баранов // Вопр. языкознания. – 1994. – № 4. – С. 114–124.
25. Баранов, А. Н. Лингвистическая экспертиза текста / А. Н. Баранов. – М. : Флинта-Наука, 2007. – 592 с.
26. Бахтин, М. М. Собр. соч.: В 7 т. / М. М. Бахтин. – М.: Русские словари: Языки славянской культуры, 1997–2010. – Т. 6: «Проблемы поэтики Достоевского». Работы 1960–1970-х гг. / ред. С. Г. Бочаров, Л. А. Гоготишвили. – 2002. – 799 с.
27. Белошапкова, В. А. Глагольные безличные предложения в синтаксической системе русского языка / В. А. Белошапкова, Т. В. Шмелева // Исследования по семантике. Семантические аспекты синтаксиса. Межвузовский науч. сб. – Вып. 11. – Уфа : Изд-во Башкирского гос. ун-та, 1985. – С. 34–47.
28. Беляева, Е. И. Функционально-семантические поля модальности в английском и русском языках / Е. И. Беляева. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1985. – 180 с.
29. Беляева, Е. И. Возможность / Е. И. Беляева // Теория функциональной грамматики : Темпоральность. Модальность / А. В. Бондарко [и др.]; редкол.: А. В. Бондарко (отв. ред.) [и др.] : АН СССР. Ин-т языкознания. – Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1990. – С.126–141.

30. *Беляева, Е. И.* Соотношение значений возможности и необходимости в сематической сфере потенциальности / Е. И. Беляева, С. Н. Цейтлин // Теория функциональной грамматики : Темпоральность. Модальность // А. В. Бондарко [и др.]; редкол.: А. В. Бондарко (отв. ред.) [и др.] : АН СССР. Ин-т языкознания. – Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1990. – С.123–126.
31. *Беляева, Е. И.* Грамматика и прагматика побуждения: английский язык / Е. И. Беляева. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 1992. – 168 с.
32. *Бенвенист, Э.* Общая лингвистика / пер. с фр.; под ред., с вступ. ст. и коммент. Ю.С. Степанова. – М. : Прогресс, 1974. – 447 с.
33. *Богданов, В. В.* Речевое общение : Прагматические и семантические аспекты : учеб. пособие/ В. В. Богданов. – М-во высш. и сред. спец. Образования РСФСР; ЛГУ. – Л. : ЛГУ, 1990. – 88 с.
34. *Болдырев, Н. Н.* Роль интерпретирующей функции в формировании языковых категорий/ Н. Н. Болдырев // Вест. Тамбов. ун-та. Сер.: Гуманит.науки. – 2011. – № 1 – С. 9–6.
35. *Бондаренко, В. Н.* Виды модальных значений / В. Н. Бондаренко // Филол. науки, 1979. – № 2. – С. 54–61.
36. *Бондарко, А. В.* Грамматическое значение и смысл / А. В. Бондарко. –Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1978. – 175 с.
37. *Бондарко, А. В.* Вступительные замечания / А. В. Бондарко // Теория функциональной грамматики : Темпоральность. Модальность / А. В. Бондарко [и др.]; редкол.: А. В. Бондарко (отв. ред.) [и др.] : АН СССР. Ин-т языкознания. – Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1990. – С. 59–67.
38. *Бондарко, А. В.* Реальность/ирреальность и потенциальность / А. В. Бондарко // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность / А. В. Бондарко [и др.]; редкол.: А. В. Бондарко (отв. ред.) [и др.] : АН СССР. Ин-т языкознания. – Л.: Наука, 1990. – С. 72–80.
39. *Бондарко, А. В.* Семантика лица / А. В. Бондарко // Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость / А. В. Бондарко [и др.]; редкол.: А. В. Бондарко (отв. ред.) [и др.] : АН СССР. Ин-т лингв. исслед. – СПб. : Наука. Санкт-Петербург. отд-ние, 1991. – С. 5–40.
40. *Бондарко, А. В.* Субъектно-предикатно-объектные ситуации / А.В. Бондарко // Теория функциональной грамматики: Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказываний. Определенность/неопределенность / А. В. Бондарко [и др.]; редкол.: А. В. Бондарко (отв. ред.) [и др.] : Рос. АН, Ин-т лингв. исслед. – СПб. : Наука. Санкт-Петербург. отд-ние, 1992. – С. 29–71.
41. *Бондарко, А. В.* Введение. Основание функциональной грамматики / А.В. Бондарко // Теория функциональной грамматики : введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис / редкол.: А. В. Бондарко (отв. ред.) [и др.]. – Изд. 6-е. – М. : URSS: ЛИБРОКОМ, 2011. – С. 5–40.
42. *Борисова, И. Н.* Русский разговорный диалог: Структура и динамика / И. Н. Борисова. – Изд. 3-е. – М. : Книжный дом ЛИБРОКОМ, 2009. – 320 с.

43. Булыгина, Т. В. Грамматические и семантические категории и их связи // Аспекты семантических исследований. – М. : Наука, 1982. – 365 с.
44. Булыгина, Т. В. Семантические типы предикатов / Т. В. Булыгина [и др.]; отв. ред. О. Н. Селиверстова. – М. : Наука, 1982. – 365 с.
45. Булыгина, Т. В. Концепт долга в поле долженствования / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев // Логический анализ языка. Культурные концепты: сб. ст. / АН СССР, Ин-т языкознания ; отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1991. – С. 14–21.
46. Булыгина Т. В. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев. – М. : Языки русской культуры, 1997. – 576 с.
47. Ваулина, С. С. Коммуникативный потенциал модальности в диахронии и синхронии русского языка / С. С. Ваулина [и др.]; под ред. С. С. Ваулиной. – Калининград : Изд-во Балтийского федерального ун-та им. Им. Канта, 2018. – 205 с.
48. Ваулина, С. С. Эволюция средств выражения модальности в русском языке (XI–XVII вв.) / С. С. Ваулина. Калинингр. гос. ун-т. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1988. – 140 с.
49. Ваулина, С. С. Языковая модальность как функционально-семантическая категория (диахронический аспект) : учеб. пособие / С. С. Ваулина; Калининград. гос. ун-т. – Калининград, 1993. – 70 с.
50. Вежбицкая, А. Метатекст в тексте / А. Вежбицкая // Новое в зарубежной лингвистике; Вып. 8. Лингвистика текста; общ. ред. Т. М. Николаевой. – М. : Прогресс, 1978. – С. 402–422.
51. Вежбицкая, А. Речевые акты / А. Вежбицкая // Новое в зарубежной лингвистике; Вып. 16. Лингвистическая прагматика; общ. ред. Е. В. Падучевой. – М. : Прогресс, 1985. – С. 251–275.
52. Вежбицка, А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицка, пер. с англ., отв. ред. М. А. Кронгауз, вступ. ст. Е. В. Падучевой. – М. : Русские словари, 1996. – 416 с.
53. Вежбицкая, А. Семантические универсалии и описание языков / А. Вежбицкая, пер. с англ. А. Д. Шмелева; под ред. Т. В. Булыгиной. – М. : Языки русской культуры, 1999. – 780 с.
54. Вендлер, З. Факты в языке / З. Вендлер // Философия. Логика. Язык. – М. : Прогресс, 1987. – С. 293–317.
55. Вердербер, Р. Психология общения: тайны эффективного взаимодействия : полный курс / Р. Вердербер, К. Вердербер ; пер. И. Андреева [и др.]. – СПб. : Прайм-Еврознак, 2007. – 412 с.
56. Вольф, Е. М. Функциональная семантика оценки = *Semantica funcional da valorizacao* / Е. М. Вольф ; отв. ред. Г. В. Степанов. – М. : Наука, 1985. – 228 с.
57. Вольф, Е. М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф. – 2-е изд., доп. – М. : Едиториал УРСС, 2002. – 260 с.

58. *Вригт Г. Х. фон.* О логике норм и действий / Г. Х. фон. Вригт // Логико-философские исследования. Избр. труды. : пер. с англ.; общ. ред. Г. И. Рузавина и В. А. Смирнова; сост. и авт. предисл. В. А. Смирнов. – М. : Прогресс, 1986. – С. 245–289.
59. *Вригт, Г. Х. фон.* К русскому изданию / Г. Х. фон. Вригт // Логико-философские исследования. Избр. труды : пер. с англ.; общ. ред. Г. И. Рузавина и В. А. Смирнова; сост. и авт. предисл. В. А. Смирнов. – М. : Прогресс, 1986. – С. 27–35.
60. *Вригт, Г. Х. фон.* Нормы, истина и логика / Г.Х фон Вригт // Логико-философские исследования. Избр. труды. : пер. с англ.; общ. ред. Г. И. Рузавина и В. А. Смирнова; сост. и авт. предисл. В. А. Смирнов. – М. : Прогресс, 1986. – С. 290–411.
61. *Гак, В. Г.* Русская динамическая картина мира / В. Г. Гак // Русский язык сегодня : сб. ст. / РАН. Ин-т рус. яз. им.В. В. Виноградова. отв. ред. Л. П. Крысин. – Вып. 1. – М. : Азбуковник, 2000. – С. 36–45.
62. *Гак, В. Г.* Сравнительная типология французского и русского языков : учеб. по спец. «Иностр. яз.» / В. Г. Гак. 3-е изд., дораб. – М. : Просвещение, 1989. – 288 с.
63. *Гартман, Н.* Этика / Н. Гартман; пер. с нем. А. Б. Глаголев; под ред. Ю. С. Медведева и Д. В. Складнева. – СПб. : Фонд Университет : Владимир Даль, 2002. – 707 с.
64. *Глинчикова А. Вл.* Истоки деонтической логики в философии Лейбница [Электронный ресурс] / А. Вл. Глинчикова // Логико-философские штудии. – 2014. – Т. 11, № 2. – Режим доступа: <https://ojs.philosophy.spbu.ru/index.php/lphs/article/view/51>. – Дата доступа: 18.06.2019.
65. *Гловинская, М. Я.* Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов / М. Я. Гловинская // Русский язык в его функционировании: Коммуникативно-прагматический аспект ; ред. Е. А. Земская. – М. : Наука, 1993. – С. 158–218.
66. *Гловинская, М. Я.* Формирование оценочных значений у безоценочных слов / М. Я. Гловинская // Современный русский язык: Система – норма – узус / отв. ред. Л. П. Крысин. – М. : Языки славянских культур, 2010. – С. 140–150.
67. *Грепл, М.* О сущности модальности / М. Грепл // Языкознание в Чехословакии. 1956–1974 гг.: сб. ст. – М. : Прогресс, 1978. – С. 277–301.
68. *Григорьян, Е. Л.* Отрицание, семантическая структура глагола и актанты/ Е. Л. Григорьян // Логический анализ языка. Ассерция и негация : сб. ст. / Рос. акад. наук, Ин-т языкознания ; отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М. : Индрик, 2009. – С. 436–442.
69. *Гуссерль, Э.* Логические исследования : в 2-х т. / Э. Гуссерль. – М. : Академический проект, 2011. – Т. 1: Пролегомены к чистой логике; пер. с нем. Э. А. Берштейн; под ред. С.Л. Франка. – 253 с.

70. Демьянков, В. З. Доминирующие лингвистические теории в конце XX века / В.З. Демьянков // Язык и наука конца 20 века : сб. ст. / Рос. АН, Ин-т языкознания РАН. Рос. гос. гуманит. ун-т ; под ред. Ю. С. Степанова. – М. : Изд. центр РГГУ, 1995. – С. 239–320.
71. Дмитриовская, М. А. Знание и достоверность / М. А. Дмитриовская // Прагматика и проблемы интенциональности : сб. науч. тр. / АН СССР, Ин-т языкознания; отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М. : ИНИОН, 1988. – С. 166–187.
72. Дмитриовская, М. А. Знание и мнение: образ мира, образ человека / М. А. Дмитриовская // Логический анализ языка: Знание и мнение: сб. ст. / АН СССР, Ин-т языкознания ; отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1988. – С. 6–18.
73. Добровольский, Д. О. Высказывания от 1-го лица: семантика и прагматика / Д. О. Добровольский, Е. В. Падучева // Логический анализ языка. Моно-, диалог, полилог в разных языках и культурах : сб. ст. / Рос. акад. наук, Ин-т языкознания ; отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М. : Индрик, 2010. – С. 104–121.
74. Задворная, Е. Г. Фактивность – Путативность / Е. Г. Задворная // Постмодернизм. Энциклопедия, сост. и науч. ред. А. А. Грицанов, М. А. Можейко. – Минск : Интерпрессервис ; Книжный Дом. 2001. – С. 459.
75. Задворная, Е. Г. Субъект высказывания и дискурса: человек говорящий и человек мыслящий / Е. Г. Задворная. – Минск: Изд-во МГЛУ, 2000. – 270 с.
76. Зализняк, Анна А. Признаки «контроль» и «желание» в семантике предикатов внутреннего состояния / Анна А. Зализняк // Семантические проблемы речевой деятельности: : сб. науч. тр / АН СССР, Ин-т языкознания, Моск. гос. ин-т междунар. отношений МИД СССР ; отв. ред. Г.С. Романова. – М. , 1984. – С. 86–95
77. Зализняк, Анна А. Предикаты пропозициональной установки в модальном контексте / А. А. Зализняк, Е. В. Падучева // Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов: сб. ст. / АН СССР, Ин-т языкознания ; отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1989. – С. 92–115
78. Зализняк, Анна А. Считать и думать: два вида мнения / Анна А.Зализняк // Логический анализ языка. Культурные концепты : сб. ст. / АН СССР, Ин-т языкознания ; отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1991. – С. 187–194.
79. Зализняк, Анна А. Исследования по семантике предикатов внутреннего состояния / Анна А.Зализняк. – München :Verlag OttoSagner, 1992. – 201 S.
80. Зеленщиков, А. В. Пропозиция и модальность / А. В. Зеленщиков. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1997. – 244 с.
81. Золотова, Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка / Г. А. Золотова; АН СССР. Ин-т рус. яз. – М. : Наука, 1973. – 351 с.
82. Золотова, Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса/ Г. А. Золотова. – М. : Наука, 1982. – 368 с.

83. *Золотова, Г. А.* Коммуникативная грамматика русского языка / Г. А. Золотова, Н. К. Онипенко, М. Ю. Сидорова ; Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова, МГУ им. М. В. Ломоносова. Филол. фак. – М. : МГУ. Филол. фак., 1998. – 524 с.
84. *Золотова, Г. А.* Очерк функционального синтаксиса русского языка / Г. А. Золотова. – 2-е изд., испр. – М. : КомКнига, 2005. – 350 с.
85. *Ивин, А. А.* Определения алетических и деонтических модальных функторов в терминах материальной импликации и констант / А. А. Ивин // Неклассическая логика. – М. : Наука, 1970. – С. 113–124.
86. *Ивин, А. А.* Основания логики оценок / А. А. Ивин. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1970. – 232 с.
87. *Ивин, А. А.* Логика норм / А. А. Ивин. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1973. – 122 с.
88. *Ивин, А. А.* Логика: для юристов : учеб. пособие / А. А. Ивин. – М. : Гардарики, 2005. – 288 с.
89. *Ивин, А. А.* Оценки в процессах коммуникации / А. А. Ивин // Философия науки и техники. – М. : Институт философии РАН, 2012. – Т. 17: Эпистемологический анализ коммуникации. – С. 203–213.
90. *Ивин, А. А.* Логика оценок и норм: философские, методологические и прикладные аспекты / А. А. Ивин. – М. : Проспект, 2016. – 320 с.
91. *Ионесян, Е. Р.* Проблемы эпистемического согласования / Р. В. Ионесян // Логический анализ языка: проблемы интенциональных и прагматических контекстов: сб. ст. ; АН СССР, Ин-т языкознания ; отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1989. – С. 116–133.
92. *Ионесян, Е. Р.* Классификация ментальных предикатов по типу вводимых ими суждений / Р. В. Ионесян // Логический анализ языка. Ментальные действия : сб. ст. ; Рос. акад. наук, Ин-т языкознания ; отв. ред. Н. Д. Арутюнова, Н. К. Рябцева. – М. : Наука, 1993. – С. 89–95.
93. *Кант, И.* Критика чистого разума ; пер. с нем / И. Кант. – М. : Эксмо, 2010. – 735 с.
94. *Карасик, В. И.* Структура институционального дискурса / В. И. Карасик // Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. – Саратов : Саратов. нац. исследовательский гос. ун-т им. Н. Г. Чернышевского, 2000. – С. 25–33.
95. *Карасик, В. И.* Деонтическая оценка в поэтическом тексте / В. И. Карасик // Язык, коммуникация и социальная среда : сб. науч. ст. / Воронеж. гос. ун-т. – 2012. – Вып. 10. – С. 139–161.
96. *Кацнельсон, С. Д.* Категории языка и мышления: из научного наследия / С. Д. Кацнельсон; отв. ред. Л. Ю. Брауде. – М. : Языки славянской культуры, 2001. – 864 с.
97. *Кислов, А. Г.* Деонтическая логика: традиция Бентама и динамика действий / А. Г. Кислов // Философский век. Альманах. Вып. 9. Наука о морали: Дж. Бентам и Россия ; отв. ред. Т. В. Артемьева, М. И. Микешин. – СПб, 1999. – С. 288–289.

98. *Кобозева, И. М.* Лингвистическая семантика: учебник / И. М. Кобозева. – М. : Эдиториал УРСС, 2000. – 352 с.
99. *Кобозева, И. М.* Семантика модальных предикатов долженствования / И. М. Кобозева, Н. И. Лауфер // Логический анализ языка. Культурные концепты : сб. ст. / АН СССР, Ин-т языкознания ; отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1991. – С. 169–175.
100. *Кожина, М. Н.* Стилистика русского языка : учеб. для пед. ин-тов по спец. 2101 «Рус. яз. и лит.» / М. Н. Кожина. – 2-е изд., перераб., доп. – М. : Просвещение, 1983. – 223 с.
101. *Колшанский, Г. В.* Проблемы коммуникативной лингвистики / Г. В. Колшанский // Вопр. языкознания. – 1979. – № 6. – С. 51–62.
102. *Коницкая, Е.* Интерпретативные деонтические выражения в славянских и балтийских языках. Источники и пути развития / А. Хольфут, Е. Коницкая // Исследования по типологии славянских, балтийских и балканских языков (преимущественно в свете языковых контактов) / В. В. Иванов, П. М. Аркадьев (ред.). – СПб. : Алетейя. 2013. – С. 195–219.
103. *Корди, Е. Е.* Вторичные функции высказываний с модальными глаголами / Е. Е. Корди // Типология и грамматика: сб. ст. ; АН СССР. Ин-т языкознания ; редкол.: В. С. Храковский (отв. ред.) [и др.]. – М. : Наука, 1990. – С. 174–181.
104. *Кубрякова, Е. С.* Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) / Е. С. Кубрякова // Язык и наука конца 20 века : сб. ст. / Рос. акад. наук, Ин-т языкознания. Рос. гос. гуманитар. ун-т ; под ред. Ю. С. Степанова. – М. : Изд. центр РГГУ, 1995. – С. 144–234.
105. *Кубрякова, Е. С.* Язык и знание: на пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова ; Рос. акад. наук, Ин-т языкознания. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 555 с.
106. *Лайонз, Дж.* Лингвистическая семантика: Введение / Дж Лайонз; пер.: И.Б. Шатуновский, В.В. Морозов, Дж. Лайонз. – М. : Языки славянской культуры, 2003. – 397 с.
107. *Лауфер Н. И.* Предикативы со значением необходимости: статистика и семантика (корпусное исследование) / Н. И. Лауфер // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: тр. междунар. конф. «Диалог 2007», Бекасово, Россия, 30 мая – 3 июня 2007 г.; ред.: Л. Иомдин [и др.]. – М. : Изд-во РГГУ; 2007. – С. 353–358.
108. *Лейбниц, Г. В.* Сочинения : в 4 т. / Г. В. Лейбниц; пер. с франц. редкол.: Б. Э. Быховский [и др.]. – М. : Мысль, 1982–1989. – Т. 2 ; ред., авт. вступ. ст. и примеч. И. С. Нарского. – 1983. – 686 с.
109. *Лекант, П. А.* К вопросу о модальных разновидностях предложения / П. А. Лекант // Очерки по грамматике русского языка. – М., 2002. – С. 102–113.

110. *Лекант, П. А.* Грамматические категории слова и предложения / П. А. Лекант ; М-во образования Моск. обл., Моск. гос. обл. ун-т. – М. : Изд-во МГОУ, 2007. – 213 с.
111. *Лисанюк, Е. Н.* Эрнст Малли и его «Деонтика» / Е. Н. Лисанюк // Изв. Уральск. федерального ун-та. Сер. 3, Общественные науки. – 2012. – № 4 (109). – С. 31–44.
112. *Лисанюк, Е. Н.* Принципы деонтической логики действий А.С.Есенина-Вольпина [Электронный ресурс] / О.С. Ковалевич, Е.Н. Лисанюк // Логико-философские штудии. – 2015. – Т. 12 (4). – Режим доступа: <https://ojs.philosophy.spbu.ru/index.php/lphs/article/view/351/367>. – Дата доступа: 18.06.2019.
113. *Лобовиков В. О.* Аристотель и Г. В. Лейбниц о модальностях / В. О. Лобовиков // Науч. ежегодник Ин-та философии и права УрО РАН. – Екатеринбург, 2007. – Т. 7. – С. 35–60.
114. *Локк, Дж.* Сочинения: в 3-х т. / Дж. Локк; пер. с англ. А.Н. Савина ; ред. и примеч. И. С. Нарского и А. Л. Субботина. – М.: Мысль, 1985. – Т. 1 : Опыт о человеческом разумении. – 623 с.
115. *Ломов, А. М.* Очерки по русской аспектологии / А. М. Ломов. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1977. – 140 с.
116. *Ломтев, Т. П.* Предложение и его грамматические категории / Т. П. Ломтев, науч.-метод. центр. рус. яз. при МГУ. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1972. – 198 с.
117. *Мур, Дж.* Принципы этики / Дж. Мур; пер. с англ. Л. В. Коноваловой. – М. : Прогресс, 1984. – 327 с.
118. *Немец, Г. П.* Семантико-синтаксические средства выражения модальности в русском языке / Г. П. Немец. – Ростов на-Дону: Изд-во Ростовск. ун-та, 1989. – 144 с.
119. *Норман, Б. Ю.* Грамматика говорящего / Б. Ю. Норман. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 1994. – 228 с.
120. *Норман, Б.* Лицо и другие грамматические категории глагола / Б. Норман // *Personalität und Person* / Hrsg. von H. Jachnow [et al.]. – Wiesbaden : Harrasowitz Verl., 1999. – С. 203–232.
121. *Норман, Б. Ю.* Русское местоимение *мы*: внутренняя драматургия / Б. Ю. Норман // *Russian Linguistics*. – 2002. – Vol. 26, № 2. – С. 217–234.
122. *Падучева, Е. В.* Высказывание и его соотнесенность с действительностью: референциальные аспекты семантики местоимений / Е. В. Падучева ; отв. ред. В. А. Успенский. – Изд. 5-е, испр. – М. : URSS : Изд-во ЛКИ, 2008. – 291 с.
123. *Падучева, Е. В.* Показатели чужой речи: *мол* и *декабрь* / Е. В. Падучева // Изв. РАН. Сер. литературы и языка, 2011. – Т. 70, № 3. – С. 13–19.
124. *Падучева, Е. В.* Русское отрицательное предложение / Е. В. Падучева. – М. : Языки славянской культуры, 2013. – 304 с.

125. *Падучева, Е. В.* Снятая утвердительность и неверидиктальность (на примере русских местоимений отрицательной полярности) / Е. В. Падучева // *Russian Linguistics*. – 2015. – Vol. 39, № 2. – P. 129–162.
126. *Падучева, Е. В.* Модальность / Е. В. Падучева // *Материалы к Корпусной грамматике русского языка : сб. ст. / Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова; редкол.: В. А. Плунгян (отв. ред.) [и др.]. Ч. 1 : Глагол*. – 2016. – С. 19–95.
127. *Падучева, Е. В.* Эгоцентрические единицы языка / Е. В. Падучева. – 2-е изд. – М : Издательский Дом ЯСК, 2019. – 440 с.
128. *Панфилов, В. З.* Категория модальности и ее роль в конституировании структуры предложения и суждения / В. З. Панфилов // *Вопр. языкознания*, 1977. – № 4. – С. 36–48.
129. *Панфилов, В. З.* Философские проблемы языкознания : Гносеологические аспекты / В. З. Панфилов ; АН СССР, Ин-т языкознания. – М. : Наука, 1977. – 287 с.
130. *Паўлоўская, Н. Ю.* Катэгорыя мадальнасці ў сучаснай беларускай мове / Н. Ю. Паўлоўская. – Мінск: МДЛУ, 2001. – 205 с.
131. *Плунгян, В. А.* Общая морфология: Введение в проблематику / В. А. Плунгян. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 384 с.
132. *Пфютце, М.* Грамматика и лингвистика текста / М. Пфютце // *Новое в зарубежной лингвистике; Вып. 8. Лингвистика текста; общ. ред. Т. М. Николаевой*. – М. : Прогресс, 1978. – С. 218–243.
133. *Романов, А. А.* Системный анализ регулятивных средств диалогического общения : пособие по теорет. курсам / А. А. Романов / АН СССР, Ин-т языкознания, каф. иностр. яз. Калинин. СХИ. – М. : 1988. – 181 с.
134. *Руднев, В. П.* Философия языка и семиотика безумия: избр. работы / В. П. Руднев. – М. : Территория будущего, 2007. – 528 с.
135. *Рябцева, Н. К.* Ментальные перформативы в научном дискурсе / Н. К. Рябцева // *Вопр. языкознания*. – 1992. – № 4. – С. 12–28.
136. *Сабанеева, М. К.* О сущности наклонения / М. К. Сабанеева // *Вопр. языкознания*. – 1994. – № 5. – С. 46–55.
137. *Сабанеева, М. К.* Поле долженствования в латинском языке / М. К. Сабанеева // *Проблемы функциональной грамматики. Полевые структуры / Я. Э. Ахапкина [и др.]; редкол.: А. В. Бондарко (отв. ред.) [и др.]*, Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед. – СПб. : Наука, 2005. – С. 252–276.
138. *Садовский, В. Н.* Я. Хинтика и развитие логико-эпистемологических исследований во второй половине XX века. Вступит. статья / В. Н. Садовский, В. А. Смирнов // *Хинтика Я. Логико-эпистемологические исследования*. – М., 1980. – С. 5–32.
139. *Санников, В. З.* Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве / В. З. Санников. – М. : Языки славянских культур, 2008. – 624 с.

140. Санников, В. З. Русские сочинительные конструкции : Семантика. Прагматика. Синтаксис / В. З. Санников, отв. ред. А.П. Ершов ; АН СССР. – М. : Наука, 1989. – 266 с.
141. Серль, Дж. Классификация речевых актов / Дж. Серль // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. – М. : Прогресс, 1986. – С. 170–194.
142. Смирнов, И. Н. Ситуации временной нелокализованности действия и семантика интервала (на материале русского языка) / И. Н. Смирнов // Проблемы функциональной грамматики: категории морфологии и синтаксиса в высказывании / Е. В. Андреева, [и др.]; редкол.: А.В. Бондарко (отв. ред.), С.А. Шубик (отв. ред.) [и др.]; Рос. акад. наук, Ин-т лингв. исслед. – СПб. : Наука, 2000. – С. 352–374.
143. Степанов, Ю. С. Имена. Предикаты. Предложения. Семиологическая грамматика / Ю. С. Степанов. – М. : Наука, 1981. – 360 с.
144. Стивенсон, Ч. Некоторые прагматические аспекты значения / Ч. Стивенсон // Новое в зарубежной лингвистике; Вып. 16. Лингвистическая прагматика; общ. ред. Е. В. Падучевой. – М. : Прогресс, 1985. – С. 129–154.
145. Тимошенкова, Т. М. Предложения с прагматической направленностью побудительности в современном английском языке / Т. М. Тимошенкова, О. А. Папкова. – Харьков : Харьков, гос. ун-т, 1989. – 7 с. – Деп. в ИНИОН Рос. акад. наук 20.01.1989, № 38372.
146. Труфанова, И. В. Предикаты *должен, надо, нужно* как индикаторы речевых актов / И. В. Труфанова // Исследования по семантике и прагматике языковых единиц : межвуз. сб. науч. тр. – Уфа : Изд-во Башкир. гос. ун-та, 2001. – С. 64–78.
147. Туровская, С. Н. О семантической зоне модальности необходимости в русском языке / С. Н. Туровская // Ученые записки Тартуского гос. ун-та. – Вып. 896. Функциональные и семантические проблемы описания русского языка. – Тарту, 1990. – С. 4–21.
148. Фишер, К. История новой философии: Готфрид Вильгельм Лейбниц: его жизнь и учение / К. Фишер. – М. : АСТ : Транзит-книга, 2005. – 734 с.
149. Формановская, Н. И. Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика / Н. И. Формановская. – Москва : ИКАР, 2007. – 478 с.
150. Формановская, Н. И. Русский речевой этикет: нормативный и социокультурный контекст / Н. И. Формановская. – М. : Рус. яз., 2002. – 160 с.
151. Хинтиikka, Я. Логико-эпистемологические исследования / Я. Хинтиikka. – М. : Прогресс, 1980. – 448 с.
152. Хинтиikka, Я. Проблема истины в современной философии / Я. Хинтиikka // Вопр. философии. – 1996. – № 9. – С. 46–58.
153. Храковский, В. С. Семантика и типология императива. Русский императив/ В. С. Храковский, А. П. Володин ; Отв. ред. В. Б. Касевич. – 2-е изд., стер. – М. : УРСС, 2001. – 270 с.

154. *Цейтлин, С. Н.* Необходимость / С. Н. Цейтлин // Теория функциональной грамматики : Темпоральность. Модальность / А. В. Бондарко [и др.]; редкол.: А. В. Бондарко (отв. ред.) [и др.] : АН СССР. Ин-т языкознания. – Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1990. – С. 142–156.
155. *Шатуновский, И. Б.* Эпистемические глаголы: коммуникативная перспектива, презумпции, прагматика / И. Б. Шатуновский // Логический анализ языка: Знание и мнение: сб. ст. / АН СССР, Ин-т языкознания ; отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1988. – С. 18–22.
156. *Шатуновский, И. Б.* Пропозициональные установки: воля и желание / И. Б. Шатуновский // Логический анализ языка: проблемы интенциональных и прагматических контекстов : сб. ст. / АН СССР, Ин-т языкознания ; отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – С. 155–186.
157. *Шатуновский, И. Б.* Аномалия и отрицание (к проблеме перенесения отрицания) / И. Б. Шатуновский // Логический анализ языка : Противоречивость и аномальность текста : сб. ст. / АН СССР. Ин-т языкознания ; отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1990. – С. 71–83.
158. *Шатуновский, И. Б.* Семантика предложения и нереферентные слова: значение, коммуникативная перспектива, прагматика / И. Б. Шатуновский. – М. : Языки русской культуры, 1996. – 399 с.
159. *Шатуновский, И. Б.* Речевые акты разрешения и запрещения в русском языке / И. Б. Шатуновский // Логический анализ языка: Языки этики : сб. ст. / Рос. акад. наук, Ин-т языкознания ; отв. ред.: Н. Д. Арутюнова, Т. Е. Янко, Н. К. Рябцева. – М. : Языки русской культуры, 2000. – С. 319–324.
160. *Шатуновский, И. Б.* Речевые действия и действия мысли в русском языке / И. Б. Шатуновский ; Ун-т «Дубна». – М. : Издательский Дом ЯСК, 2016. – 477 с.
161. *Шведова, Н. Ю.* О долженствовательном наклонении / Н. Ю. Шведова // Синтаксис и норма : сб. науч. ст. – М.: Наука, 1974. – С. 107–122.
162. *Шелякин, М. А.* Модально-аспектуальные связи / М. А. Шелякин // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность / А. В. Бондарко [и др.]; редкол.: А. В. Бондарко (отв. ред.) [и др.] : АН СССР. Ин-т языкознания. – Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1990. – С. 110–123.
163. *Шелякин, М. А.* Функциональная грамматика русского языка / М. А. Шелякин. – М. : Рус. яз., 2001. – 287 с.
164. *Шмелева, Т. В.* Смысловая организация предложения и проблема модальности / Т. В. Шмелева // Актуальные проблемы русского синтаксиса : сб. науч.тр. / лаб. «Рус. яз. и рус. лит. в соврем. мире», филол. фак. МГУ ; под ред. К. В. Горшковой и Е. В. Клобукова. – М., 1984. – С. 78–100.
165. *Шмелева, Т. В.* Модус и средства его выражения в высказывании / Т. В. Шмелева // Идеографические аспекты русской грамматики : сб. науч. тр. ; под ред. В.А. Белошапковой, И.Г. Милославского. – М. : Изд-во МГУ, 1988. – С. 168–203.

166. *Эпштейн, М. Н.* Философия возможного / М. Эпштейн : междунар. каф. ЮНЕСКО по философии и этике СПб. Науч. центр РАН. – СПб. : Алетейя, 2001. – 334 с.
167. *Юм Д.* Сочинения в 2-х т. / Д. Юм, пер. с англ. ; ред., авт. вступ. ст. и примеч. И. С. Нарского. – М. : Мысль, 1966. – Т. 1 : Трактат о человеческой природе. – 847 с.
168. *Яковлева, Е. С.* Фрагменты русской языковой картины мира : модели пространства, времени и восприятия / Е. С. Яковлева. – М. : Гнозис, 1994. – 343 с.
169. *Abraham, W.* Die Urmasse von Modalität und ihre Ausgliederung. Modalität anhand von Modalverben, Modalpartikeln und Modus: was ist das Gemeinsame, was das Trennende, und was steckt dahinter? / W. Abraham // *Modalität : Epistemik und Evidentialität bei Modalverb, Adverb, Modalpartikel und Modus* / W. Abraham, E. Leiss (Hrsg.). – Tübingen, 2009. – P. 251–302.
170. *Auwers, J. van der.* Modality and mood in Standard Average European / J. van der Auwers, D. van Olmen // *The Oxford Handbook of Modality and Mood* / ed.: J. Nuyts, J. v. d. Auwers. – Oxford : Oxford Univ. Press, 2016. – P. 364–382.
171. *Auwers, J. van der.* Modality's semantic map / J. van der Auwers, V. A. Plungian // *Linguistic Typology*, 1998. – №2. – P. 79–124.
172. *Black, M.* The gap between 'is' and 'should' / M. Black. // *The Philosophical Review*. – 1964. – Vol. 73, № 12. – P. 99–113.
173. *Buscha, J.* Grammatik in Feldern. Ein Lehr- und Übungsbuch für Fortgeschrittene / J. Buscha, R. Freudenberg-Findeisen, E. Forstreuter, H. Koch, L. Kuntzsch, 1. Aufl. – Ismaning : Verl. für Deutsch, 1998. – 336 S.
174. *Bybee, J. L.* The Evolution of Grammar: Tense, Aspect, and Modality in Languages of the World / J. L. Bybee, R. Perkins, W. Pagliuca. – Chicago : The University of Chicago Press. Croft, W., 1994. – 420 p.
175. *Centrone, S.* Notes on Mally's deontic logic and the collapse of Notes on Mally's deontic logic and the collapse of of Seinsollen and Sein / S. Centrone // *Synthese*. – 2013. – Vol. 190, № 18. – P. 4095–4116.
176. *Coates, J.* The semantics of modal auxiliaries / J. Coates. – London : CroomHelm, 1983. – 259 p.
177. *Depraetere, I.* Source of modality: A reassessment / I. Depraetere, A. Verhulst // *English Language and Linguistics*. – 2008. – Vol. 12, № 1. – P. 1–25.
178. *Dietrich, R.* Modalität im Deutschen: Zur Theorie der relativen Modalität / R. Dietrich – Springer Fachmedien Wiesbaden : VS Verlag für Sozialwissenschaften, 1992. – 224 S.
179. *Diewald, G.* Die Modalverben im Deutschen. Grammatikalisierung und Polyfunktionalität / G. Diewald. – Tübingen : Max Niemeyer, 1999. – 464 S.
180. *Duden, Die Grammatik : unentbehrlich für richtiges Deutsch* / hrsg. von der Dudenredaktion [Red. Bearb.: K.Kunkel-Razum ; Fr. Münzberg. Autoren: Peter Eisenberg ...] // *Der Duden in 12 Bänden. Bd. 4. – 8., überarb. Aufl.* – Mannheim ; Wien ; Zürich : Dudenverl., 2009. – 1343 S.

181. *Fischer, K.* From cognitive semantics to lexical pragmatics: The functional polysemy of discourse particles / K. Fischer. – Berlin; New York : de Gruyter, 2000. – 374 p.
182. *Fraser, B.* Hedged performatives / B. Fraser // Syntax and Semantics. Vol. 3. Speech acts / ed. by P. Cole, J. L. Morgan. – New York : Academic Press, 1975. – P. 187–210.
183. *Fraser, B.* Pragmatic competence: The case of hedging / B. Fraser // New Approaches to Hedging / ed : G. Kaltenböck, W. Mihatsch, S. Schneider. – Bingley : Emerald, 2010. – P. 15–34.
184. *Gévaudan, von P.* Sprachliche Modalität zwischen Illokution und Polyphonie / P. von Gévaudan // Romanistisches Jahrbuch, 2011. – S. 32–66.
185. *Gloning, Th.* Modalisierte Sprechakte mit Modalverben. Semantische, pragmatische und sprachgeschichtliche Untersuchungen / Th. Gloning // Untersuchungen zur semantischen Entwicklungsgeschichte der Modalverben im Deutschen / ed.: G. Fritz, Th. Gloning. –Tübingen : de Gruyter, 1997. – S. 307–437.
186. *Goldberg, A. E.* Constructions: A construction grammar approach to argument structure / A. E. Goldberg. – Chicago: University of Chicago Press, 1995. – 271 p.
187. *Halliday, M. A. K.* Modality and Modulation in English / M.A.K. Halliday // System and Function in Language Selected Papers / ed.: G.R. Kress, M. A. K. Halliday. – London : Oxford Univ. Press, 1976. – P. 189–213.
188. *Halliday, M. A. K.* An Introduction to Functional Grammar / M.A.K. Halliday, C. Matthiessen, 3rd ed. – London : Edward Hodder Arnold, 2004. – 700 p.
189. *Halliday, M. A. K.* Functional Diversity in language as seen from a consideration of modality and mood in English / M.A.K. Halliday // Foundations of language. – 1970. – Vol. 6. – P. 322–361.
190. *Hare, R. M.* Die Sprache der Moral / R. M. Hare. – Frankfurt a.M. & Suhrkamp, 1972. – 242 S.
191. *Helbig, G.* Deutsche Grammatik: ein Handbuch für den Ausländerunterricht / G. Helbig, J. Buscha. – Berlin ; München ; Wien ; Zürich [u.a.] : Langenscheidt; 2011. – 654 S.
192. *Horn, L. R.* Remarks on neg-raising / L. R. Horn // Syntax and semantics. N.Y., 1978. – Vol. 9: Pragmatics. – P. 129–220.
193. *Jakobson, R.* Shifters, Verbal Categories and the Russian Verb / R. Jakobson // Rudy, Stephen (ed.), Selected Writings II: Word and Language. 2nd edition. – The Hague; Paris: Mouton, 1957. – P. 130–147.
194. *Kiefer, F.* On Defining Modality / F. Kiefer // Folia Linguistica, 1987. – Bd. 21 (1). – S. 64–97.
195. *Kiefer, F.* Presidential address – modality and pragmatics / F. Kiefer // Folia Linguistica, 1997 – Bd. 31 (3–4). – P. 241–253.
196. *Knapp, V.* Einige Probleme der deontischen Modalität «erlaubt» / V. Knapp // Archiv für Rechts- und Sozialphilosophie Wiesbaden. – 1981. – Vol. 77, № 3. – P. 397–406.

197. *Kotin, M. L.* Zu den Affinitäten zwischen Modalität und Aspekt: Eine germanisch-slawische Fallstudie / M. L. Kotin // *Die Welt der Slawen*. – 2008. – Bd. 53. – S. 116–140.
198. *Kratzer, A.* The notional category of modality / A. Kratzer // *Words, worlds, and contexts: New approaches in word semantics/* ed.: H. J. Eikmeyer, H. Rieser. – Berlin: W. de Gruyter, 1981. – P. 38–74.
199. *Leech, G. N.* Principles of pragmatics / Geoffrey N. Leech. – London ; New York: Longman, 1983. – 250 p.
200. *Leiss E.* The silent and aspect-driven patterns of deonticity and epistemicity: A chapter in diachronic typology / E. Leiss // *Modality–Aspect Interfaces: Implications and typological solutions*. – Amsterdam [u.a.] : Benjamins 2008. – P. 15– 41.
201. *Lyons, J.* Semantics : in 2 vol. / J. Lyons. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1977. – Vol. 2. – 897 p.
202. *Mally, E.* Grundgesetze des Sollens: Elemente der Logik des Willens, reprinted in Ernst Mally 1927 // *Logische Schriften: Großes Logikfragment, Grundgesetze des Sollens,* / ed.: K. Wolf, P. Weingartner. – Dordrecht : D. Reidel, 1971. – P. 227– 324.
203. *Morris, Ch.* Signs, language, and behavior / Ch. Morris // *Writings on the General Theory of Signs*. – The Hague: Mouton, 1971. – 486 p.
204. *Narrog, H.* Modality, mood and change of modal meanings: A new perspective / H. Narrog // *Cognitive Linguistics*. – 2005. – Vol. 16, №. 4. – P. 677–731.
205. *Nuyts, J.* The modal confusion: On terminology and the concepts behind it / J. Nuyts // *Modality: Studies in form and function* / ed.: A. Klinge, H. Müller. – London : Equinox, 2005. – P. 5–38.
206. *Nuyts, J.* Qualificational meanings, illocutionary signals, and the cognitive planning of language use it / J. Nuyts // *Annual Review of Cognitive Linguistics*. – 2008. – № 6. – P. 185–207.
207. *Nuyts, J.* On deontic modality, directivity, and mood: The case of Dutch *mogen* and *moeten*/ J. Nuyts, P. Byloo and J. Diepeveen // *Journal of Pragmatics*. – 2010. – Vol. 42. – P. 16–34.
208. *Nuyts, J.* Competing modals: Beyond (inter)subjectification / J. Nuyts, P. Byloo // *Diachronica*. – 2015. – Vol. 32, № 1. – P. 34–68.
209. *Palmer, F. R.* Modality and the English modals / F. R. Palmer. – London & NY: Longmans, 1979. – 196 p.
210. *Palmer, F. R.* Mood and Modality / F. R. Palmer. – Cambridge, 1984. – 243 p.
211. *Palmer, F. R.* Modality and the English Modals / F. R. Palmer. 2nd ed. – London : Longman, 1990. – 220 p.
212. *Palmer, F. R.* Mood and Modality / F. R. Palmer, 2-nd ed. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2001. – 236 p.
213. *Perkins M. R.* Modal expressions in English / M. R. Perkins. – Norwood, New Jersey : Ablex, 1983. – 200 p.

214. *Portner, P.* Modality / P. Portner. – Oxford : Oxford Univ. Press, 2009. – 288 p.
215. *Portner, P.* The semantics of imperatives within a theory of clause types / P. Portner // Proceedings of Semantics and Linguistic Theory 14. Cornell Univ. Linguistics Department : CLC Publications / ed.: K. Watanabe, R. B. Young, 2004. – P. 235–252.
216. *Schwitalla, J.* Dialogsteuerung: Vorschläge zur Untersuchung / J. Schwitalla // F. J. Berens [et al.] : Projekt Dialogstrukturen. Ein Arbeitsbericht. – München, 1976. – S. 73–104.
217. *Searle, John R.* Speech acts : An essay in the philosophy of language / John R. Searle. – [Reprint.]. – Cambridge : Univ. press, 1970. – 203 p.
218. *Searle, John R.* How to derive 'ought' from 'is' / John R. Searle // The Philosophical Review. – 1964. – Vol. 73, № 12. – P. 120–134.
219. *Stubbs, M.* A Matter of Prolonged Field Work': Notes Towards a Modal Grammar of English / M. Stubbs // Applied Linguistics. – 1986. – Vol. 7, № 1. – P. 1–25.
220. *Vendler, Z.* Linguistics in Philosophy / Z. Vendler. – Ithaca, NY : Cornell Univ. Press, 1967. – 224 p.
221. *Vendler, Z.* Res cogitans: an essay in rational psychology / Z. Vendler. – Ithaca ; London: Cornell univ. press, cop. 1972. – 225 p.
222. *Verstraete, J.-C.* Subjective and objective modality: Interpersonal and ideational functions in the English modal auxiliary system / J.-C. Verstraete // Journal of Pragmatics. – 2001. – Vol. 33. – P. 1505–1528.
223. *Wagner, Kl. R.* Pragmatik der deutschen Sprache / Kl. R. Wagner. – Frankfurt am Main ; Berlin ; Bern ; Wien [u.a.] : Lang, 2001 – 495 S.
224. *Weidner A.* Die russischen Übersetzungsäquivalente der deutschen Modalverben. Versuch einer logisch-semantischen Charakterisierung / A. Weidner. – München : Sagner, 1986. – 336 S.
225. *Wierzbicka, A.* Semantic primitives / A. Wierzbicka // Linguistische Forschungen. Bd.22. – Frankfurt am Main : Athenäum-Verlag, 1972. – 235 S.
226. *Wierzbicka, A.* English speech act verbs: A semantic dictionary / A. Wierzbicka. – Sydney: Academic Press. 1987. – 397 p.
227. *Wright, G.H. von.* The varieties of goodness / G.H. von. Wright. – N.Y.; L., Routledge & K. Paul; Humanities Press, London, New York 1963. – 222 p.
228. *Wunderlich, D.* Modalisierte Sprechakte / D. Wunderlich // Studien zur Verwendung der Modalverben, Hrsg.: G. Brünner, A. Redder. Tübingen : Narr 1983. – S. 226–245.
229. *Ziegeler, D.* On the generic origins of modality in English / D. Ziegeler // English Modality in Context. Diachronic Perspectives. Frankfurt : Peter Lang, 2003. – P. 33–69.

Словари, энциклопедии, корпуса

1. *Ивин, А. А.* Словарь по логике / А. А. Ивин, А. Л. Никифоров. – М. : ВЛАДОС, 1997. – 384 с.
2. *ЭС – Кант И.* [Электронный ресурс] / И. Кант // Энциклопедический словарь : [в 86 т.] / изд.: Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон ; под ред. К. К. Арсентьева, О. О. Петрушевского. – СПб, 1895. – Т. XIV – С. 325. – Режим доступа <http://www.vehi.net/brokgauz/>. – Дата доступа: 12.03.2022.
3. *Левин, Г. Д.* Норма [Электронный ресурс] / Г. Д. Левин // Новая философская энциклопедия: в 4 т.; под ред. В. С. Степина. – М. : Мысль 2001. – Режим доступа: <http://philosophy.niv.ru/doc/encyclopedia/new-philosophical/index.htm>. – Дата доступа: 12.03.2022.
4. *Ляшевская, О. Н.* Частотный словарь современного русского языка : на материалах Национального корпуса русского языка / О. Н. Ляшевская, С. А. Шаров, изд. 2-е, испр. и доп. – М. : Словари.ру, 2015. – 1087 с.
5. *Ляшевская, О. Н.* Частотный словарь современного русского языка на материалах национального корпуса русского языка / О. Н. Ляшевская, С. А. Шаров ; Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. – М. : Азбуковник, 2009. – 1087 с.
6. *НКРЯ – Национальный корпус русского языка* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru>. – Дата доступа: 12.03.2022.
7. *Апресян 2004* – Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / В. Ю. Апресян [и др.] ; ред. Ю. Д. Апресян; Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова ; 2-е изд., испр. и доп. – М.–Вена : Языки славянской культуры, 2004. – 1488 с.
8. *Ожегов, С. И.* Толковый словарь русского языка : около 100000 слов, терминов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов ; под ред. Л. И. Скворцова. – 27-е изд., испр. – М. : АСТ Мир и образование, 2015. – 1357 с.
9. *РГ1 – Русская грамматика* : в 2 т. / редкол.: Н. Ю. Шведова (гл. ред.) [и др.] ; АН СССР, Ин-т рус. яз. – 1980. – Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонации. Словообразование. Морфология / Н.С. Авилова [и др.]. – 783 с.
10. *РГ2 – Русская грамматика* : в 2 т. / редкол.: Н. Ю. Шведова (гл. ред.) [и др.] ; АН СССР, Ин-т рус. яз. – 1980. – Т. 2: Синтаксис / Е.А. [и др.]. – 1980. – 709 с.
11. *Ушаков, Д. Н.* Большой толковый словарь русского языка : современная редакция / Д. Н. Ушаков. – М. : Хит-книга, 2017. – 959 с.
12. *ФЭС – Философский энциклопедический словарь* / гл. ред. Л. Ф. Ильичев [и др.]. – М. : Сов. энциклопедия, 1983. – 839 с.
13. *Штейнфельдт, Э. А.* Частотный словарь современного русского литературного языка: 2500 наиболее употребительных слов: пособие для преподавателей рус. яз. / Э. А. Штейнфельдт ; Науч.-исслед. ин-т педагогики Эст. ССР. – Таллин, 1963. – 316 с.

14. *Штейнфельдт, Э. А.* Частотный словарь современного русского литературного языка : Справочник для преподавателей рус. яз. / Э. А. Штейнфельдт. – М. : Прогресс, 1973. – 228 с.
15. *ЭНИ* – Словарь русского языка: В 4-х т. [Электронный ресурс] / РАН, Ин-т лингвистич. исследований ; под ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М., 1999 (электронное научное издание). – Режим доступа: <http://febweb.ru/feb/mas/>. – Дата доступа: 12.03.2022.
16. *DWDS* – Das Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache des 20. Jahrhunderts [Electronic resources]. – Режим доступа: <http://www.dwds.de>. – Дата доступа: 12.03.2022.
17. *Duden* – Duden Onlinewörterbuch [Electronic resources]. – Режим доступа: <https://www.duden.de>. – Дата доступа: 12.03.2022.
18. *Leipzig* – German news corpus based on material from 2021 [Electronic resources]. – Режим доступа: <https://corpora.uni-leipzig.de>. – Дата доступа: 12.03.2022.
19. *Sharoff, S.* A Frequency Dictionary of Russian: core vocabulary for learners / S. Sharoff, E. Umanskaya, J. Wilson. (1st ed.). – London : Routledge, 2013. – 400 p.
20. *Wahrig-Burfeind, R.* Brockhaus, Wahrig, Wörterbuch der deutschen Sprache / R. Wahrig-Burfeind. – 5. Aufl. – Gütersloh ; München: Wissenmedia in der Inmedia-ONE-GmbH, 2012. – 1151 S.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ДЕОНТИЧЕСКОЕ МОДАЛЬНОСТЬ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН	8
1.1. Лигико-философская интерпретация деонтической модальности	8
1.2. Рассмотрение деонтической модальности в лингвистике	11
1.3. Взаимоотношение деонтики с разными типами модальности	15
1.3.1. Деонтическая модальность и аксиологические смыслы	15
1.3.1.1. Соотношение аксиологического и деонтического суждений	17
1.3.1.2. Негативно-оценочные смыслы, формируемые деонтическим высказыванием	19
1.3.2. Деонтическая vs. алетическая семантика	27
1.3.2.1. Собственно деонтическое высказывание	30
1.3.2.2. Несобственно деонтические высказывания	32
1.3.3. Деонтика и волитивность	37
1.3.3.1. Деонтика и волеизъявление, деонтика и директивность	40
1.3.3.2. Деонтическая семантика и прагматические значения разрешения\запрета	44
1.3.4. Деонтическое высказывание и эпистемическая модальность	47
1.3.4.1. Экспликация эпистемической оценки в деонтическом высказывании	50
1.3.4.2. Сдвиг деонтического высказывания по эпистемической шкале ..	54
1.4. Синтаксическая манифестация взаимоотношений деонтики с другими видами модальности	59
ВЫВОДЫ ПО 1-Й ГЛАВЕ	68
ГЛАВА 2. СТРУКТУРА И СЕМАНТИКА ДЕОНТИЧЕСКОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ	73
2.1. Модальные источники как онтологическая основа деонтического высказывания	75
2.2. Структурные типы деонтических конструкций	87
2.3. Компоненты деонтической конструкции	95
2.3.1. Деонтические маркеры в русском и немецком языках: качественные и количественные характеристики	97
2.3.2. Семантические типы деонтического субъекта	105
2.3.3. Типы смысловых глаголов в деонтических конструкциях	113
2.4. Деонтические конструкции с отрицанием	124
2.5. Темпоральные характеристики деонтических конструкций	129
2.5.1. Виды деонтичексих конструкций по темпоральной локализаций	132
2.5.2. Семантические модификации при отнесенности деонтической конструкции к прошлому	143
ВЫВОДЫ 2-Й ГЛАВЕ	150
ГЛАВА 3. ИЛЛОКУТИВНАЯ СПЕЦИФИКА ДЕОНТИЧЕСКИХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ	155

3.1. Факторы формирования иллокутивного значения деонтической конструкции	155
3.2. Иллокутивные характеристики дескриптивных деонтических высказываний	170
3.3. Перформативное употребление деонтических высказываний.....	182
3.3.1. К понятию деонтический перформатив.....	182
3.3.2. Прагмасемантические характеристики деонтических перформативов.....	189
3.3.3. Функциональные характеристики деонтических перформативов.....	201
3.3.3.1. Деонтические перформативы в фиксации информационной релевантности сообщения	202
3.3.3.1.1. Интенсификация информационной значимости сообщения	205
3.3.3.1.2. Деинтенсификация информационной значимости сообщения	211
3.3.3.1.3 Взаимодействие компонентов конструкции при маркировании важности сообщения.....	213
3.3.3.2. Деонтические перформативы в реализации метатекстовой функции	216
ВЫВОДЫ ПО 3 ГЛАВЕ	221
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	225
ЛИТЕРАТУРА	228

Научное издание

**ДЕОНТИЧЕСКОЕ ВЫСКАЗЫВАНИЕ:
СЕМАНТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ
И ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ
(на материале русского и немецкого языков)**

Монография

Ответственный за выпуск *А. В. Сытько*

Подписано в печать 23.08.2023. Формат 60×84 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Ризография, цифровая печать. Усл. печ. л. 14,42. Уч.-изд. л. 16,02. Тираж 50 экз. Заказ 30.

Издатель и полиграфическое исполнение: учреждение образования «Минский государственный лингвистический университет». Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий от 02.06.2014 г. № 1/337. ЛП № 38200000064344 от 10.07.2020 г.

Адрес: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск.